

АРХАНГЕЛЬСКОЕ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫПУСК 5

РУССКАЯ УСАДЬБА:
ИСТОРИЯ, МУЗЕЕФИКАЦИЯ
И ИЗУЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
КОЛЛЕКЦИЙ

АРХАНГЕЛЬСКОЕ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫПУСК 5

РУССКАЯ УСАДЬБА:
ИСТОРИЯ, МУЗЕЕФИКАЦИЯ
И ИЗУЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
КОЛЛЕКЦИЙ

УДК 7
ББК 85.1
А87

Печатается по решению
Научно-методического совета
Музея-усадьбы «Архангельское»

Под общей редакцией
начальника отдела научно-исследовательской
и просветительной работы
канд. ист. наук К. Г. Боленко

А87 **Архангельское.** Материалы и исследования. Вып. 5:
Русская усадьба: история, музеефикация и изучение
художественных коллекций / под общ. ред. К. Г. Боленко. –
М.: Музей-усадьба «Архангельское», 2022. – 345 с., 45 л. ил.

В сборник вошли материалы конференции, проходившей в Музее-усадьбе «Архангельское» 28–29 мая 2021 г. В статьях и сообщениях ее участников – сотрудников музеев, реставрационных организаций, преподавателей вузов – рассматриваются актуальные проблемы истории и жизнедеятельности крупнейших государственных музеев, музеев-усадоб и музеев-заповедников – Царицыно, Тарханы, Абрамцево, Остафьево, имени А. В. Щусева и др. В статьях сотрудников Музея-усадьбы «Архангельское» представлены материалы к биографиям лиц, исторически связанных с хозяевами усадьбы, рассказано о коллекциях, хранящихся в музейных фондах, архитектурных памятниках, об исследовательской работе реставраторов.

Опубликованные материалы будут интересны и полезны не только специалистам-исследователям, но и широкому кругу читателей, интересующихся историческим прошлым России и его культурным наследием.

ISBN 978-5-905968-28-0
ББК 85.1

© Музей-усадьба «Архангельское», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям.	5
РУССКАЯ УСАДЬБА: ИЗУЧЕНИЕ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ	
<i>Голуб В. Д.</i> Останкинский театр-дворец. Система трансформации зала и сцены. Результаты новых исследований	6
<i>Егерева Т. А.</i> Повседневная жизнь усадьбы Остафьево в 1925–1926 годах в переписке заведующего музеем П. С. Шереметева с Главнаукой Наркомпроса.	24
<i>Зубанова Н. А.</i> «Подмосковная» Шереметевых в литературе и на страницах путеводителей конца XIX – начала XX века. К историографии усадьбы Кусково.	40
<i>Калинина С. Г.</i> Литературные очерки о Царицыне XIX – начала XX века. Опыт целостного изучения	54
<i>Кольцова В. В.</i> Границы усадьбы Лопасня-Зачатьевское в XVII–XXI веках	68
<i>Левина Е. Н.</i> Автографы С. Т. Аксакова из собрания Музея-заповедника «Абрамцево»: проблемы издания и комментирования.	78
<i>Лысякова Г. Е.</i> Знаменитый гость усадьбы Никольское-Обольяниново. Роль Толстого в проекте возрождения усадьбы.	92
<i>Трифонова Т. П.</i> Измайловский остров: от царской усадьбы до музея-заповедника	106
<i>Ульянова В. П.</i> Музеефикация барской усадьбы в Тарханах.	124
КОЛЛЕКЦИИ И ВЛАДЕЛЬЦЫ	
<i>Дозорова Н. И.</i> Загадки сборника комедий Х. Ф. Геллерта из библиотеки князей Голицыных	138
<i>Дудина Т. А.</i> Башни Архангельского (по материалам каталога архитектурной графики усадьбы Архангельское)	152
РЕСТАВРАЦИЯ И АТРИБУЦИЯ	
<i>Меркулова И. Ю.</i> Уточнение атрибуции вальтрапа из коллекции князей Юсуповых	170
<i>Николашкина А. Б.</i> Принцип аутентичности в современной музейной реставрации на примере реставрации картины Дирка ван Бергена «Стадо» из собрания Музея-усадьбы «Архангельское».	196

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЯМ

Постников А. В. Юсуповский управляющий в Москве М. И. Перов . . . 206

ЭКОНОМИКА УСАДЬБЫ

Юдин Е. Е. Князя Юсуповы и новые представления
о комфорте в усадебных резиденциях в 1890–1914 гг.:
финансовая составляющая и технические решения 226

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ

(комментарий *К. Г. Боленко*)

Фролова О. М. История музея-усадьбы «Архангельское». 1917–1940 . . . 242

К ЧИТАТЕЛЯМ

Прошел год с момента публикации четвертого выпуска издаваемого музеем научного сборника «Архангельское. Материалы и исследования». Нам приятно сознавать, что его выход не стал случайным эпизодом, и мы уже не сомневаемся, что за ним последует шестой. Руководство музея поддерживает идею ежегодного проведения научных конференций, тексты докладов, а также написанных на их основе статей всегда будут составлять заметную часть корпуса публикуемых материалов. Кроме того, в сборник входили и будут входить ранее не публиковавшиеся научные труды сотрудников музея.

Большую часть настоящего сборника составили статьи, написанные на основе докладов, прочитанных на заседаниях усадебной секции научно-практической конференции с международным участием «Русская усадьба в искусстве, литературе и художественных коллекциях XVIII – начала XXI века», организованной совместно с Институтом мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук и проходившей в музее 28–29 мая 2021 г. Наши конференции становятся одной из площадок для встреч коллег, объединенных многогранной усадебной темой. Надеемся на продолжение сотрудничества и в дальнейшем.

Особенно приятно сознавать, что в выпуске 2022 г., всего лишь через два года после передачи Музею-усадьбе «Архангельское» московского дворца князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке и через полтора года после начала его активного изучения, публикуется первая статья по истории этого владения. Актуальность скорейшего изучения архитектурной, реставрационной, историко-культурной, бытовой, а для советского периода и институциональной истории московского дворца настолько велика, что решено в сентябре 2022 г. провести научно-практическую конференцию, посвященную исключительно московской городской усадьбе Юсуповых.

Обращаем особое внимание на возобновление нами рубрики «Из научного наследия музея-усадьбы», в которой публикуются исследования и документы, отложившиеся в научном архиве музея. Выход в свет небольшой, но ценной монографии О.М. Фроловой – важный шаг в процессе изучения музейной истории Архангельского. Архивная часть издательского портфеля настолько велика и разнообразна, что этот раздел сборника может стать постоянным на долгие годы, так как кроме научного значения научные труды, хранящиеся в архиве музея, имеют мемориальную ценность. Публикуя их, мы отдаем дань тем сотрудникам, вклад которых в изучение и реставрацию усадьбы и музейных коллекций до сих пор оставался недооцененным и в самом музее, и тем более за его пределами.

К.Г. Боленко

РУССКАЯ УСАДЬБА: ИЗУЧЕНИЕ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ

ОСТАНКИНСКИЙ ТЕАТР-ДВОРЕЦ. СИСТЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАЛА И СЦЕНЫ. РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Виктор Демидович Голуб,
АО «Ренессанс Реставрация», Москва

Аннотация. Статья посвящена одной из самых интересных особенностей театра-дворца, построенного графом Н. П. Шереметевым в 1790-е гг. в Останкино, – возможности быстрого превращения его театрального зала и сцены в большой зал для балов и банкетов. Все исследователи, писавшие в XX в. об Останкинском театре, отмечали это его удивительное свойство и давали свои версии механизма трансформации. Новое изучение архивных документов и их сопоставление с данными тщательных натурных исследований позволили автору статьи уточнить некоторые высказывавшиеся ранее предположения и предложить свою реконструкцию процесса трансформации.

Ключевые слова. Н. П. Шереметев. Останкинский театр. Театральная машинерия. Барочный театр. Ф. И. Пряхин. Трансформация театрального зала.

OSTANKINO THEATER-PALACE.
TRANSFORMATION SYSTEM of the HALL AND STAGE.
NEW RESEARCH RESULTS

Viktor Demidovich Golub,
Renaissance Restoration JSC, Moscow

Annotation. The paper is devoted to one of the most interesting features of the Theater-Palace built by Count N. P. Sheremetev in 1790 in Ostankino – the possibility of quickly transforming its theater house and stage into a large room for balls and banquets. All researchers who wrote about the Ostankino Theater in the 20th century noted this amazing feature and offered their own versions of the transformation mechanism. A new study of archival documents and their comparison with the data of thorough field observation have allowed the author of this paper to propose his own reconstruction of the transformation process, which significantly supplements and clarifies the previously adopted versions.

Keywords. N. P. Sheremetev. Ostankino Theater. Theatrical machinery. Baroque theater. F. I. Pryakhin. Theater house transformation.

По замыслу создателя Останкинского театра, графа Н. П. Шереметева, в нем должны были воплотиться все самые передовые идеи устройства театров его времени. Поэтому в ходе строительных работ, занявших целых шесть лет (1792–1798 гг.), очень большое внимание уделялось среди прочих и вопросам технического обеспечения театральных представлений, а именно созданию сложной системы механизмов, при помощи которых можно было осуществлять многочисленные сценические эффекты. Кроме того, Н. П. Шереметев реализовал здесь давно задуманную им идею создания такого пространства театра, которое могло бы быстро трансформироваться и быть использовано как «воксал», то есть помещение для балов и банкетов. Неожиданное появление большого и богато оформленного бального зала там, где его только что не было, являлось своеобразным продолжением волшебного и иллюзорного мира театрального представления.

В европейских театрах прием объединения зала и сцены был широко распространен¹, но для России конца XVIII в. Останкинский театр, в котором объединение пространств сопровождалось созданием единого богато оформленного интерьера, был, по-видимому, уникальным. Объединение с целью проведения банкетов театра и сцены в Эрмитажном театре в Санкт-Петербурге (архитектор Дж. Кваренги, 1789), скорее всего, имело единственной целью увеличение площади пола, но не сопровождалось преобразованием архитектурного пространства. По крайней мере, ни в одном из многочисленных авторских проектных чертежей эта идея не выражена. Идея выравнивания и объединения полов была осуществлена значительно позднее в другом столичном театре, Каменноостровском (архитектор С. Л. Шустов, 1827)².

Театр в Останкине, помимо зрительного зала со сценой и большого количества залов, использовавшихся как театральные фойе,

¹ Например, объединяемые пространства зала и сцены существовали в Резиденц-театре в Мюнхене (Residenztheater München, 1753), в оперном театре в Болонье (Teatro Comunale di Bologna, 1763), в Королевской опере Версаля (Opera Royal de Versailles) (1770 г.) и др.

² См.: Возрождение. Каменноостровский театр. Синтез достижений реставрации и геотехники / В. А. Дементьева, В. С. Рахманов, А. Г. Шашкин, В. Л. Бурыгин. СПб., 2014. С. 29.

включал также несколько технических пространств – нижний трюм и два уровня верхней машинерии. Трансформация интерьера театра осуществлялась четко продуманным порядком при помощи специальных механизмов и приспособлений, размещавшихся в технических зонах, где находилась и основная машинерия, обслуживавшая собственно спектакль. Данная статья посвящена именно этой теме – способу и средствам, при помощи которых производилось преобразование двух разных интерьеров зала и сцены в единый зал для балов и банкетов.

Истории строительства, перестроек и бытования Останкинского театра посвящена обширная литература. В ряде работ рассказывается о технической стороне устройства театра: авторы описывают сохранившиеся конструкции и приспособления и делают предположения о том, как осуществлялась трансформация театра в «воксал».

Результаты первых подробных исследований и попытки реконструкции механизма трансформации были изложены в статье В. Г. Сахновского 1925 г.¹ Предположения, высказанные в этой работе, были основаны, по-видимому, только на визуальном осмотре объекта, без детального обследования и проверки графическими построениями и поэтому имеют весьма условный и приблизительный характер. Не имея возможности в рамках данной статьи подробно анализировать изыскания авторов последующих работ, укажем только, что в них в основном развивались те же предположения, которые были изложены в работе В. Г. Сахновского.

Проведенные в 2015–2021 гг. новые комплексные научные исследования театра² показали ошибочность некоторых ранее высказывавшихся предположений и позволили дополнить и откорректировать общее понимание процесса трансформации, лучше понять и более детально проработать механику отдельных действий. Нами были вновь изучены архивные документы и материалы проводившихся ранее

¹ Сахновский В. Г. Кусково. Останкино // Подмосковные музеи. Путеводитель. Вып. 1. М., 1925. С. 79–89.

² Исследования проводились автором статьи совместно с архитектором-реставратором Ю. Е. Океановой в рамках разработки проекта реставрации театра-дворца в составе сначала АО «БалтСтрой», затем – АО «Ренессанс Реставрация».

изысканий, собран материал о других, в основном европейских, театрах XVIII в., сохранивших свою историческую театральную машинерию. В ходе натурных исследований была выполнена фототрагметрическая съемка и построена цифровая фиксационная объемная модель театра, которая стала основой для всех дальнейших графических построений. Кроме того, были тщательно обследованы исторические конструкции и зафиксированы все типы сохранившихся механизмов и элементов, составлены их спецификации. На этой основе были разработаны графические реконструкции последовательности процесса трансформации.

Ввиду ограничения объема статьи изложим результаты данных исследований без погружения в подробности проведенных исследований.

I. Трансформация театрального зала включала несколько действий.

1. Самым важным в способе трансформации зала является устройство его пола на одном уровне с планшетом сцены: для этого требовалось опустить скамьи амфитеатра¹. Механизм мобильного амфитеатра очень хорошо показан на исторических фиксационных чертежах времени строительства² и в общих чертах убедительно описан во всех работах по истории театра. На основании проведенных нами обследований и обмеров попытаемся предложить более конкретную реконструкцию.

Амфитеатр состоял из двух симметричных групп по четыре ряда изогнутых в плане лавок-скамей с проходами для зрителей между ними. Стационарной конструкцией, несущей вес амфитеатра и людей, являлись попарно положенные (с просветом 8–10 см) балки сечением 12×24 см, одним концом врубленные и зафиксированные металлическими клиньями в стойки вдоль стенок Полукруглого коридора (стойки с гнездами и клиньями сохранились

¹ Система подъемно-опускного амфитеатра в Останкине принципиально отличалась от подобной системы в европейских театрах, в которых объединение полов сцены и зала выполнялось путем демонтажа скамей амфитеатра и подъема его пола при помощи больших рычагов, располагавшихся под зрительскими местами.

² *Бизяев П.* Генеральная профиль продольная. ММУО. Ч-149; *Курзин Б.* Генеральная профиль продольная. ММУО. Ч-150.

до сегодняшнего дня), а другим концом опирающиеся на стойки, стоявшие параллельно контуру нижней стенки амфитеатра (утрачены). Количество, расположение и габариты сечений балок могут быть четко определены по гнездам на сохранившихся стойках. Положенные таким образом балки образовывали трапециевидные в плане сегменты, соответствующие конфигурации отдельных сегментов подъемно-опускных скамей.

В узких промежутках между балками по специальным пазам, как по направляющим, вверх и вниз перемещались очень длинные ножки скамей (для всех восьми рядов – около 2,1 м). Такая длина была задумана для того, чтобы при опускании скамей ножки опирались на пол трюма. При этом верхи скамей, как показали графические построения, оказывались над несущей балкой, но примерно на 40–45 см ниже уровня пола сцены (о значении этого факта – см. далее в п. 4).

Количество отдельных мобильных изделий, составлявших сплошные ряды скамей и проходов, задано шагом несущих балок: с каждой стороны от центрального входа в партер было по 28 отдельных скамей и 28 проходов, причем все они по длине и конфигурации в плане были различны. При одинаковой ширине всех рядов – около 40 см (нижний проход – 46 см, что видно и на исторических разрезах), их длины колебались от 0,60 до 1,90 метра. Спинок на скамьях, по-видимому, не было¹.

Конкретные способы фиксации скамей амфитеатра на нужной высоте, а также механизм их спуска и подъема, к сожалению, не известны и могут только предполагаться на основании косвенных данных. В любом случае спуски и подъемы не могли осуществляться перемещением основных балок², на которых крепились скамьи, так как эти балки фиксировались стационарно.

¹ На обоих исторических чертежах Ч-149 и Ч-150 спинки не показаны. Упомянутые в описях в числе предметов, хранящихся в театральном сарае, «выгибные спинки» могли относиться к скамьям бельэтажа, в котором на раннем этапе имелось два ряда скамей. В качестве аналога скамей амфитеатра можно назвать скамьи Эрмитажного театра в Санкт-Петербурге (на всех чертежах Дж. Кваренги спинки отсутствуют) и в Гриспхольмском замке в Швеции (1781).

² См.: Кондакова М. Д. Трюм и машинное отделение театра // ООО Стройкомплект. Историческая справка. Дворец-театр. СПб., 2013. С. 65.

Проработанные нами варианты движения скамей при помощи воротов или рычагов также показали их малую вероятность: во-первых, в трюме слишком тесно для установки каких-либо механизмов, а во-вторых, они не упомянуты ни в одной из описей, в отличие от валов и барабанов в трюме под сценой. На наш взгляд, наиболее вероятным и простым был способ перемещения вручную. При снятии мягких сидений открывался каркас скамьи, и рабочие могли, стоя сверху, за какую-то ручку или петлю поочередно поднимать или опускать относительно легкие изделия (по ориентировочным подсчетам, вес скамей был от 15 до 30 кг). Фиксация на нужной высоте могла осуществляться установкой какого-то простого стопора. Если учесть незатейливость всех сохранившихся в театре механических приспособлений, этот вариант нам представляется вполне вероятным.

Одновременно с амфитеатром опускалась верхняя скамья партера, таким же образом закрепленная на основных балках, и разбирались секции ограждения между ним и амфитеатром. Утверждение, высказывавшееся всеми исследователями о том, что наклонный пол партера вместе со скамьями также разбирался, нам представляется необоснованным, так как простое графическое построение показывает, что высотное положение этих скамей никак не мешало настилу пола «воксала».

2. После опускания амфитеатра разбирались (полностью или частично) конструкции стенок, оформлявших центральный лестничный проход в партер снизу из Полукруглого коридора. Эти стенки состояли из дощатых клееных щитов, фрагментарно сохранившихся до нашего времени (боковые и верхний откосы нынешнего центрального прохода в трюм, оклеенные бумагой с декоративным рисунком под дерево).

На историческом чертеже показано, что стационарный участок лестницы, ведущей в Картинную галерею, на время театрального действия накрывался съемным полом вровень с полом бельэтажа и со стороны зала закрывался криволинейным в плане щитом, продолжавшим стенку бельэтажа. На этот настил устанавливалось съемное звено балюстрады. При переходе в режим «воксала» эти элементы демонтировались.

3. На авансцене расписными щитами закрывались шесть проемов лож, которые были открыты во время театра, а в зале над карнизом устанавливались съемные щиты, закрывавшие 15 арочных проемов Парадиза. Но не исключено, что часть проемов оставались открытыми для того, чтобы Парадиз использовался как хоры оркестра. Такое предположение высказывал В. Г. Сахновский, и нам оно также представляется вполне возможным.

4. В трюме, на сохранившихся несущих стойках, выше ряда уже упоминавшихся гнезд для крепления балок амфитеатра хорошо сохранился еще один ряд таких же гнезд (почему-то оставшихся без внимания в предшествующих исследовательских работах). Отметка их верха на 20–25 см ниже уровня сцены. Интересно, что на них, в отличие от нижних гнезд, отсутствуют железные клинья – фиксаторы балок. Наиболее вероятно, что это гнезда от съемных балок, на которые после монтажа дополнительных лаг настилались съемные щиты пола «воксала» (по этой причине скамьи амфитеатра опускались на указанный выше уровень).

5. Завершением трансформации зала была установка большой разборной «приставной лестницы» (сохранилась в разобранном виде) для прохода в Картинную галерею и двух небольших лестничек для подъема из Полукруглого коридора (также сохранились, хотя и с поздними дополнительными ступенями).

В завершение рассказа о трансформации зала укажем, что во время театрального действия все съемные конструкции пола «воксала»¹ могли храниться тут же, вдоль стен в карманах сцены или под полом партера, где имелось невысокое (около 1,4 м), но обширное пространство.

II. Трансформация сцены для «воксала», включавшая несколько операций, имела целью спрятать от участников бала все сценические

¹ После того как в театре перестали давать представления, конструкции были перенесены в театральный сарай. В описи 1810 г. среди находившихся там вещей упоминаются: «...от разборного ж театрального полу штук сосновых шестнадцать... От разборнаго ж полу подставок деревянных девять...» (Опись селу Останкову učinённая в 1809 и 1810 году... Л. 176). Согласно Описи 1837 г. пол «воксала» собран в зале: «...пол полуовальной... разборной над оркестром и портером...» (Опись Останьковскому Главному дому и находящимся в нем вещам и прочему // НА ММУО. Инв. ПИ 2999. Л. 151).

приспособления и создать так называемую разборную галерею – пространство, решенное в едином с залом архитектурном и декоративном ключе. Опишем эти операции так, как они представляются нам на основании проведенных исследований.

1. Наиболее спорный вопрос в реконструкции способа превращения сцены – вопрос о том, были ли эти колонны стационарными или, как это предполагалось всеми исследователями, во время спектакля колонны стояли у боковых стен и только перед «воксалом» выдвигались вперед, создавая колоннаду, поддерживавшую карниз плафона. Проведенные исследования заставили нас усомниться в этом.

Какие доводы? Во-первых, во всем обширном комплексе исторических документов нет ни одного, хотя бы косвенного упоминания о мобильности этих колонн. Притом что сама галерея и плафон театра всегда назывались «разборными», боковые завесы – «спускными», лестницы в театре и на арьерсцене – «приставными», колонны сцены, упоминавшиеся в переписке и описях неоднократно, всегда именуются просто «колоннами» или «бумажными колоннами», без какого-либо указания на их мобильность.

Некоторые исследователи писали о том, что уже их бутафорность (облегченная конструкция – деревянный каркас, обтянутый картоном, капители из папье-маше) якобы указывает на их мобильность. На самом деле это не аргумент, так как и другие, явно стационарные 14 колонн сцены, также имели облегченную конструкцию.

Предположение, высказывавшееся во всех работах, о том, что эти колонны во время театрального действия могли быть использованы в качестве декораций в спектаклях, по нашему мнению, также не выдерживает критики из-за разности масштабов рабочего сценического пространства и колонн – монументальных, рассчитанных на оформление большого зала с высоким потолком (верхние декорации закрывали ли бы значительную часть верха колонн).

Дальше. Натурные исследования нижнего яруса верхней машинерии убедительно показали, что способ гипотетических подвижек колонн, принятый во всех работах после В. Г. Сахновского, не мог быть осуществлен на практике. Поясним. Предполагалось,

что движение колонн осуществлялось посредством горизонтального перемещения их внутренних металлических осей, подвешенных к специальным «шпульткам» (два бруска), которые передвигались по поперечным мосткам, как по направляющим полозьям. Но при обследовании нами колонн выяснилось, что они не имеют необходимого сквозного внутреннего стержня, а стержни, имеющиеся в верхней части колонн, появились в 1877 г. и устроены только для поддержания тяжелых гипсовых капителей.

Более того, внимательное изучение мостков и «шпульт» показало следующее. Бруски «шпульт» использованы здесь явно случайно и первоначально применялись в каких-то других конструкциях, на что указывают их грубо обломанные концы. Но самое главное: перемещение стержней осей колонн в щели между полозьями мостков было бы в принципе невозможно из-за того, что эти полозья скреплены между собой брусками, препятствующими любому перемещению.

Остается задаться вопросом, откуда вообще возникла версия о мобильных колоннах и была ли в их перемещении необходимость. По-видимому, единственное историческое свидетельство о перемещении колонн содержится в дневнике польского короля С. Понятовского, выдержка из которого процитирована вначале Н. А. Елизаровой, а затем и другими исследователями: «По окончании спектакля... глазам зрителя представилась теперь огромная бальная зала... Та часть зала, в которой шло представление, была обставлена с двух сторон ионической колоннадой; последняя на время спектакля была придвинута к стенам... когда гости были наверху, эту колоннаду... передвинули с двух сторон и разместили вдоль зала...»¹

Но можно ли доверять его свидетельству? На наш взгляд, это не очевидно, если вспомнить, как ревностно Н. П. Шереметев оберегал тайны своего театра. Король мог увидеть только то, что ему хотел показать хозяин.

И наконец, а была ли вообще необходимость в отодвигании колонн к стенам во время спектаклей? Графическая проверка на пла-

¹ Елизарова Н. А. Театры Шереметевых. Издание Останкинского дворца-музея. М., 1944. С. 102.

не театра показывает, что колонны закрывались от зрителей выдвигаемыми кулисами, а при расстоянии между кулисами 1,6 м и диаметре колонн 0,62 м оставалось достаточно места для прохода актеров. Таким образом, вполне вероятно, что колонны никуда и не перемещались, а все время оставались на своих местах. Во всяком случае, в этом вопросе пока много неясностей, и он требует дальнейшего изучения.

2. Теперь о разборном расписном плафоне, закрывавшем вид на колосники и являвшемся потолком разборной галереи в то время, когда театр трансформировался в «воксал». Сегодня плафон состоит из 53 отдельных, обтянутых снизу холстом подрамников разных размеров, которые формируют архитектуру потолка: центральной горизонтальной части, наклонных падуг, «суфитов» (узких горизонтальных участков над колоннами) и участков плафона над боковыми карманами и аррьерсценой. В одном из повелений графа в мае 1793 г. встречается важное упоминание о задуманной мобильности плафона, поэтому приведем его здесь полностью: «...При сём посылается модель блафону, который должен быть в театре у разборной галереи и разниматься должны по частям разборной как тут назначено на модели карандашом на рамах деревянных и обтянуть холстом и чтобы поднимался кверху, а расписывать же внутри оставить до моего приезде»¹.

Общая идея плафона ясна из этого повеления: он должен быть разборным и состоять из отдельных рам, обтянутых холстом. Остается вопрос: какие части существующих сегодня плафонов и как конкретно должны были трансформироваться из положения «воксал» (то есть полностью собранного, как мы сейчас его и видим) в положение «театр», при котором части плафона не мешали спуску верхних декораций? Видимо, именно словами из повеления «...разборной... чтобы поднимался кверху...» объясняется тот факт, что всеми исследователями этого вопроса без критического осмысления принималась версия подъема отдельных частей плафона наверх, к колосникам, что якобы во время театрального

¹ Указы и повеления Н.П. Шереметева П. Александрову и А. Агапову // НА ММУО. Инв. 466. Повеление № 42 мая 12-го 1793 г. Л. 43.

действия освобождало пространство для подвешивания верхних падул и декораций.

Наши исследования показали, что трансформация плафона происходила по-другому. Во-первых, если слова графа читать в увязке не с предшествующими словами, а с последующими, то смысл фразы получается другим: «...чтобы поднимался кверху, а расписывать же внутри оставить до моего приезде...», то есть граф велел поднять его в проектное положение, но пока не расписывать.

Во-вторых, наше знакомство с европейскими историческими театрами, сохранившими свою машинерию и декорации, показывает, насколько тесно заполняется пространство под колосниками при поднятых заранее для спектакля верхних падугах, облаках и других декорациях. Если учесть, что в Останкинском театре под колосниками были еще и переходные мостки, то становится очевидным, что размещать здесь еще и поднятые рамы плафона просто нереально.

Как же разобрался плафон? Ответ опять дало тщательное натурное изучение всех элементов. 1) Обследование всех металлических подвесов подрамников по способу их изготовления показало явную закономерность: группа подрамников центральной части и участка над арьерсценой, а также все части карниза и фриза подвешены при помощи стержней, выполненных способомковки, а группа больших рам плафона над боковыми карманами – на стержнях заводского сортамента. Кроме того, все сохранившиеся петли (соединяющие между собой рамы и позволяющие им складываться подобно створкам дверей) также выполнены в ковке и сосредоточены лишь на центральной группе подрамников. Напрашивается предположение, что только эти части плафона – первоначальные (48 штук), а над карманами сцены изначально вообще не было плафонов.

Подтверждением этому могут служить все описи дворца, зафиксировавшие состояние сцены в положении «воксал»: «...В потолке блафон расписан живописью, а также карниз и фриз. По сторонам завесы из холста расписаны тож живописью... Под суфитами... колонны бумажные...»¹ Как видим, два больших плафона (состоящие

¹ Опись селу Останкову učinённая в 1809 и 1810 году... // НА ММУО. Инв. ПИ 2998. Л. 104 об.

из восьми подрамников), находящиеся сегодня над карманами, здесь не упоминаются.

Когда же они появились? Как известно из смет ремонта 1877 г., подрядчик перетягивал и писал заново «по старому проекту» какие-то два участка потолков. Значит, к этому времени сами потолки уже существовали. Появиться они могли, по-видимому, в 1856 г., когда шли большие работы по приспособлению дворца к приезду императора Александра II.

Каким же образом разбирался плафон центральной части на время сценических представлений? Изучение холстов плафона показало, что подрамники центральной горизонтальной части (12 шт.) и падуг (26 шт.) обтянуты снизу едиными полотнищами попарно. Очевидно, что щели между рамами, не закрытые холстом, и есть границы, по которым «разнимался» на части плафон. А тот факт, что холст натянут снизу решеток, свидетельствует, что соединенные им пары подрамников не могли поворачиваться наверх по отношению друг к другу (холст бы порвался).

Разгадка нашлась, когда в 2016 г. при удалении художника-реставраторами скопившегося на плафоне мусора обнаружили металлические петли, расположенные снизу каркаса рам и соединяющие между собой подрамники каждой пары. Всего было обнаружено 22 такие петли, по две на каждую пару подрамников (часть рам пока не обследована из-за затруднений с доступом). Конструкция и расположение петель однозначно указывают на то, что они, в отличие от всех других петель, были предназначены для поворота рам вниз, а не вверх. Совмещение на одном точном чертеже всех имеющих жесткие стержневые подвесы подрамников, вновь обнаруженных петель, поперечных мостков и элементов машинерии (воротов и блоков, закрепленных снизу под колосниками) дало четкую и ясную картину. Последовательность перехода плафона из состояния «воксал» в режим «театр» была следующей:

а. Подрамники суфитов над рядами боковых колонн и фризы складывались и отодвигались примерно на метр на цепях, подвешенных к специальным рельсам (сохранились до нашего времени);

б. наклонные падуги выравнивались в единый с центральной частью плафона горизонт; в. подвижные рамы плафона и падуг поворачивались на петлях вниз, в то время как парные им стационарные рамы оставались на месте; в образовавшиеся просветы опускались декорации. Чертежи показали, что эти просветы в плане точно совпадали с закрепленными снизу колосников маленькими блоками, по которым ходили веревки подвесов декораций (другая часть веревок опускалась с верхнего уровня машинерии). Переходные мостки расположены над стационарными участками плафона и поэтому никак не мешали движению декораций.

Интересно, что прямоугольные подрамники при одинаковой длине 5,285 м имели различную ширину, плавно увеличивавшуюся вглубь сцены от 0,94 м около занавеса до 1,93 м на аррьерсцене. Объяснение этой закономерности дало графическое построение углов зрения со зрительских мест, которое показало, что изменение габаритов опущенных вниз подрамников пропорционально расстоянию до зрителей, что помогало спрятать их за верхними декорациями.

Сборка плафона для режима «воксал» выполнялась повторением в обратном порядке этих несложных действий.

3. Следующие операции подготовки сцены для «воксала» заключались в том, чтобы закрыть от участников бала служебные зоны сцены – боковые карманы и изолировать кабинеты аррьерсцены от соседних помещений. Для этого после того, как кулисные декорации снимались со станков (находившихся в трюме) и приставлялись к стенам боковых карманов сцены, а кулисные просветы в полу закрывались специальными брусками, сверху опускали завесы из холстов с живописной имитацией богато оформленных стен. Две большие завесы (12×6 м) опускались за колоннадой. Они упомянуты в одном из повелений графа Ф. И. Пряхину, руководившему устройством всех театральных приспособлений, подумать о том, чтобы разместить завесы на расстоянии трех аршин за колонами (2,1 м)¹.

¹ Указы и повеления Н. П. Шереметева П. Александрову и А. Агапову // НА ММУО. Инв. 466. Повеление № 10 генваря 30-го 1794 г. № 352. Л. 76.

К сожалению, занавесы не показаны ни на одном из исторических планов, и о том, в каком месте в действительности они спускались, можно предполагать только по косвенным признакам. На наш взгляд, они опускались сразу за колоннами по внешней линии верхних суфитов. Об этом говорит то, как во всех описях упомянуты занавесы: «...на сцене же для разборной галереи подвешен... потолок и расписан блафоном... также фриз, карниз и суфиты и по бокам вместо стен спускные из холстины две занавесы...» – то есть занавесы перечисляются вместе с элементами плафона и колоннады.

Управление занавесами, вероятно, осуществлялось с двух продольных галерей посредством двух воротов и блоков, часть из которых были стационарно закреплены на ограждениях галерей (сохранились по 11 блоков на каждой галерее), а другие были подвешены на колосниках (утрачены). Позже, в 1856 г., на месте этих боковых занавес были установлены бутафорские перегородки с арочными проемами.

Две другие занавесы опускались перед большими венецианскими окнами в кабинетах арьерсцены. Они также были расписными: «... опускные две холстинные занавесы и расписаны так же, как на сцене...»¹ Эти занавесы спускались в щели между сводчатыми потолками кабинетов и окнами при помощи располагавшихся над сводами небольших воротов и ряда блоков (сохранились до нашего времени).

Н. А. Елизарова высказывала явно ошибочное мнение, что эти ворота приводилась в действие «машина славы», поднимавшая над сценой одного или сразу нескольких артистов. На самом деле относительно небольшие габариты воротов, которые не могли обеспечить требовавшееся для подъема людей мощное усилие, а также их расположение не оставляет сомнения в том, что при помощи этих групп приспособлений всего лишь поднимались и опускались занавесы на стенах кабинетов. Еще два явно ошибочных утверждения без какой-либо ссылки или обоснования высказаны этим же автором по поводу:

¹ Описание Останьковскому Главному дому и находящимся в нем вещам и прочему // НА ММУО. Инв. ПИ 2999. Л. 150 об.

1. якобы мобильности четырех порталов, находящихся в кабинетах арьерсцены: «В кабинетах, располагавшихся по обеим сторонам арьерсцены, были сделаны легкие переносные ложные двери с красивыми порталами»¹. На самом деле эти порталы с ложными дверями представляют собою весьма монументальные и тяжелые, явно неразборные конструкции, которые, конечно, переносить никуда бы нельзя;

2. о том, что якобы на портале сцены по проекту П. Споля был выполнен арлекин как постоянная декорация, украшавшая портал и во время театрального действия, и в то время, когда помещение становилось «воксалом». Хотя проект оформления portalной стены авторства П. Споля действительно имеется в архиве музея, он существенно отличается от принятого архитектурного решения, и нет никаких сведений о его реализации. Кроме того, сомнительно, что арлекин мог быть закреплен здесь постоянно. Во-первых, с композиционной точки зрения здесь просто нет для него места (воссозданный арлекин закреплен нелепо, на совершенно случайном месте и загроживает часть капителей колонн портала), а во-вторых, арлекин явно делит общее пространство зала и сцены «воксала», что противоречит идее создания большого единого архитектурного объема для балов.

Заключительным действием по преобразению пространства сцены являлся монтаж трех люстр под плафоном. На верхнем уровне машинного отделения и сегодня есть предназначавшиеся для этого три специальных блока, а также большой вертикальный ворот с ручьятками, вращение которого приводило в движение веревки подвесов люстр. Оси люстр точно совпадают с живописными розетками на стационарных рамах плафона.

Проверка на чертеже вопроса, могли ли люстры во время спектаклей просто подниматься вверх, показала, что в таком случае из-за своих довольно крупных размеров они мешали бы работе верхних декораций. Поэтому наиболее вероятно, что люстры были съемными: по окончании театрального представления сверху

¹ См.: *Елизарова Н. А.* Указ. соч. С. 80, 102.

спускались веревки с крюком, к которым подвешивали и затем поднимали люстры (внутри блока над арьерсценой сохранился фрагмент веревки со следами голубой краски, возможно, от первоначального подвеса люстры).

Изложенная нами реконструкция механизма трансформации не является окончательной и должна быть проверена и уточнена на основании данных, полученных в результате новых исследований при реставрации памятника.

В заключение скажем о том, что данное исследование является лишь частью изысканий в театре-дворце, проводившихся совместно группой специалистов АО «Ренессанс Реставрация» и сотрудников Останкинского музея. В связи с этим с особенной благодарностью хочется назвать Андрея Евгеньевича Михайленко, руководившего всеми работами по памятнику вплоть до своей безвременной кончины. Без его заинтересованного и деятельного участия данное исследование не могло бы состояться.

Литература

- Вдовин Г. В., Лепская Л. А. Театр // Вдовин Г. В., Лепская Л. А., Червяков А. Ф. Останкино. Театр-дворец. М., 1994. С. 163–198.
- Возрождение. Каменноостровский театр. Синтез достижений реставрации и геотехники / В. А. Дементьева, В. С. Рахманов, А. Г. Шашкин, В. Л. Бурыгин. СПб., 2014.
- Елизарова Н. А. Театры Шереметевых. Издание Останкинского дворца-музея. М., 1944.
- Отрывки из дневных записок последнего польского короля, Станислава Августа Понятовского (писанных во время пребывания в России, с 2 марта 1797 по 12 февраля 1798 года) // Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / пер. В. А. Жуковского. Т. 10. Проза 1807–1811 гг. Кн. 1. М., 2014.
- Кондакова М. Д. Трюм и машинное отделение театра // ООО Стройкомплект. Историческая справка. Дворец-театр. СПб., 2013.
- Лепская Л. А. Останкинский театр. Предыстория. Замысел. Воплощение // Новые материалы по истории русской культуры. Сб. трудов Останкинского дворца-музея. М., 1987.

Ройс К.-Д. Очарование сцены: Байройт как европейский центр театральной культуры, европейская сценическая техника эпохи барокко / Клаус-Дитер Ройс, Маркус Лернер; пер. с нем. И. Дубинин; Моск. музей-усадьба «Останкино». М., 2004. С. 44.

Сахновский В. Г. Кусково. Останкино // Подмосковные музеи. Путеводитель. Вып. 1. М., 1925.

Привалов А. И. Трансформация сценического пространства Останкинского театра. Попытка исторической реконструкции // Материалы науч. конференции. Уникальный памятник архитектуры конца XVIII века дворец-театр в Останкине в контексте международного опыта реставрации и сохранения дворцовых комплексов: новый взгляд на старые проблемы. Москва, 15–17.09.2014. М., 2015. С. 73–76.

Gousset J.-P., Masson R. Versailles L'Opera royal. Editions Artlys. 2010. С. 68–70, 161–175.

Архивные материалы

Бизяев П. Генеральная профиль продольная // НА ММУО. Ч-149.

Курзин Б. Генеральная профиль продольная // НА ММУО. Ч-150.

Останкинский дворец-музей. Фотоальбом 1860-х гг. // НВФ-№1835/1–35

Указы и повеления Н. П. Шереметева П. Александрову и А. Агапову // НА ММУО. Инв. 466.

Опись селу Останкову учинённая в 1809 и 1810 году Опекуном Действительным Статским Советником и кавалером Духовническим из прежних, какие в том селе оказались, и по смерти управителя Агапова найдены, описей, из коих две за подписанием его Агапова, 1-я на двухстах семидесяти девяти. 2-ая на тридцати четырех. 3-я на шести, 4-я на двух и 5-я на двенадцати листах для проверки прилагаются при сем. Здесь же внизу под № 7-м помещены особо и сверх описи оказавшиеся на лицо вещи // НА ММУО. Инв. ПИ 2998.

Опись Останьковскому Главному дому и находящимся в нем вещам и прочему // НА ММУО. Инв. ПИ 2999.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
УСАДЬБЫ ОСТАФЬЕВО
В 1925–1926 ГОДАХ В ПЕРЕПИСКЕ
ЗАВЕДУЮЩЕГО МУЗЕЕМ П. С. ШЕРЕМЕТЕВА
С ГЛАВНАУКОЙ НАРКОМПРОСА

Егерова Татьяна Александровна,
Государственный музей-усадьба «Остафьево» – «Русский Парнас»,
Москва

Аннотация. Статья посвящена повседневной жизни музея Остафьево, организованного в национализированной усадьбе Вяземских-Шереметевых. На основе архивных документов из фондов № 195 (бывший Остафьевский архив) в РГАЛИ и № 54 (материалы Музейного отдела) ОПИ ГИМ рассматриваются различные вопросы, которые приходилось решать заведующему музеем П. С. Шереметеву. Особое внимание уделено стремлению П. С. Шереметева сохранить усадебную коллекцию как единое целое и воспрепятствовать ее дроблению между иными музеями и организациями.

Ключевые слова. Усадьба Остафьево. П. С. Шереметев. Усадебные коллекции. Дачники. Научная деятельность.

EVERYDAY LIFE OF THE OSTAFYEVO ESTATE
IN THE CORRESPONDENCE OF THE MANAGER
OF THE MUSEUM P.S. SHEREMETEV WITH GLAVNAUKA
(MAIN DIRECTORATE OF SCIENTIFIC INSTITUTIONS,
SCIENTIFIC AND ARTS INSTITUTIONS AND MUSEUM
INSTITUTIONS) AT NARKOMPROS (THE PEOPLE'S
COMMISSARIAT FOR EDUCATION) IN 1925–1926

T. A. Egereva,
The State Museum-Estate «Ostafyevo» – «Russian Parnassus»,
Moscow

Abstract. The report deals with everyday life of the Ostafyevo museum, established in the nationalised estate of the Vyazemsky-Sheremetevs. Based on archival documents from fund No. 195 (formerly the Ostafyevo archive) in the Russian State Archive of Literature and Art and fund No. 54 (materials of the Museum Department) of Department of Written Sources of the State Historical Museum, various issues are considered, which the manager of the museum, P. S. Sheremetev, had to resolve. Special attention is paid to P. S. Sheremetev's efforts aimed at preserving the estate's collection as a whole and prevent it from being distributed among other museums and organisations.

Keywords. Ostafyevo estate. P. S. Sheremetev. Estate collections. Cottage house residents. Scientific activities.

Знаменитая в истории отечественной культуры усадьба Вяземских-Шереметевых Остафьево по завещанию ее последнего дореволюционного владельца графа С. Д. Шереметева должна была достаться его второму сыну, Павлу Сергеевичу Шереметеву (1871–1943 гг.), которому граф наказал быть «оберегателем и хранителем наших семейных письменных свидетельств былой жизни минувших поколений»¹. Поэтому на долю Павла Сергеевича, исполнившего отцовский завет, выпало спасти Остафьево в годы революционного лихолетья.

В 1918 г. он получил охранную грамоту на Остафьево и был назначен сначала хранителем художественно-исторических ценностей усадьбы, а в 1921 г. – заведующим музеем². В данной статье речь пойдет о деятельности П. С. Шереметева в Остафьево и развитии музея под его руководством в конце нэпа – в 1925–1926 гг.

В указанный период музей в Остафьево оставался на госбюджете, находясь в непосредственном ведении Отдела музеев Главнауки Наркомпроса³, то есть, говоря современным языком, был «федеральным музеем» из-за исключительной ценности хранящихся в нем усадебных коллекций. На август 1925 г. бюджет музея составлял 3763 руб. 70 копеек⁴.

При этом собственные доходы музея были весьма невелики – за время с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. музей смог заработать всего 226 руб., из них 150 руб. – за входную плату и 76 руб. – за продажу яблок⁵. В следующий отчетный год, с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г., доходы музея увеличились, но совсем немно-

¹ Квятковская Н. К. Остафьево. М., 1990. С. 236.

² Свалова О. М. П. С. Шереметев в Остафьево // Остафьево: Страницы истории усадьбы и ее владельцев. Юбилейный сб. М.; Остафьево, 1999. С. 82; Володина Т. Д. «Оберегатель и хранитель» (П. С. Шереметев – хранитель и заведующий музеем-усадьбой «Остафьево») // Московские Шереметевские чтения. Материалы науч. конференции. М., 1993. С. 79.

³ Анкеты Музея-усадьбы «Остафьево», сведения о посещаемости Музея и докладная записка контролера музеев и усадеб о нуждах Музея «Остафьево» // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево» // ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 643. Л. 58.

го: основной их статьей по-прежнему оставалось взимание входной платы с посетителей (311,99 руб.), 25 руб. музей получил от сдачи в аренду покоса, 10,5 руб. от продажи сирени и 20 руб. от дачницы Лакишевой за пользование усадебным прудом и парком¹. Всего – 367,49 руб.

Расходы государства на содержание музея, зарплату сотрудникам, проведение необходимых ремонтных работ в разы превышали доходы от музейной деятельности. Так, в 1924–1925 гг. из госбюджета музеем было получено 300 руб. на изгородь, 750 руб. на ремонт левого флигеля и 226 руб. на местные хозяйственные нужды².

В штат сотрудников музея входили заведующий с зарплатой 47,23 руб., завхоз с зарплатой 29,61 руб., три сторожа и уборщица с зарплатами по 19,74 руб. Внештатными служащими являлись научная сотрудница В. П. Федорова, которая занималась описью усадебной библиотеки и получала содержание из спецсредств хозяйственно-эксплуатационного управления (Хозэксу) Главнауки НКП, а также пчеловод и рабочий при пасеке³. Пасека и «пчеловодный музей» были организованы в усадьбе по предложению Хозэксу в 1924 г. с целью изыскания дополнительных «доходных статей»⁴.

Музей-усадьба «Остафьево» работал по вторникам, пятницам, воскресеньям и в праздничные дни, плата за вход в 1926 г. была установлена в размере 25 коп. для одиночных посетителей. Экскурсия оплачивалась дополнительно и стоила 12 коп. с каждого экскурсанта. При этом пятница была днем бесплатного посещения для льготников – школьных экскурсий и красноармейских групп⁵.

С 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. посещаемость музея составила 4353 человека, из них 1887 человек были платными

¹ Документы музеев Московской губернии // ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 830. Л. 83.

² Анкеты Музея-усадьбы «Остафьево», сведения о посещаемости Музея... Л. 1.

³ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево»... Л. 57.

⁴ Подробнее об этом см.: Карнишина Л. М. Из послереволюционной истории музея-усадьбы «Остафьево»: «пчеловодный музей» и другие хозяйственные начинания // Остафьевский сборник. Вып. 11–12. М., 2009. С. 204–214.

⁵ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево»... Л. 148.

посетителями, 2466 – бесплатными¹. Примерно такой она оставалась и на следующий год: с 1 октября 1925 г. по 1 августа 1926 г. музей посетили 4028 человек, из них бесплатных посетителей было 1870. Наибольший приток туристов давали летние месяцы (по 1727 человек в июне и 1213 – в июле), в то время как в декабре – январе музей принимал по 10–15 человек, а в апреле не было вообще ни одного посетителя².

Музей во многом держался на энтузиазме и беззаветной любви к Остафьеву Павла Сергеевича Шереметева. Несмотря на то что он был из «бывших», к тому же сын последнего владельца усадьбы, до 1927 г. его терпели на посту заведующего, возможно, из-за покровительства А. В. Луначарского.

Как известно, у советских партийных деятелей декларируемая ненависть к помещичье-крепостническому быту совмещалась с желанием пожить в бывших помещичьих усадьбах. К примеру, заведующая Музейным отделом Наркомпроса Н. И. Троцкая с супругом Л. Д. Троцким занимала квартиру на втором этаже дворца в Архангельском с обстановкой из шести гарнитуров музейной мебели³.

Такая же ситуация была и в Остафьеве: нарком просвещения жил здесь летом с семьей с 1923 по 1927 г., занимая 11 комнат на втором этаже главного дома. С одной стороны, его пребывание в усадьбе и дружеское отношение к П. С. Шереметеву служило определенной гарантией, что музей не ликвидируют. По отзыву Павла Сергеевича, А. В. Луначарский был вежлив и тактичен⁴. С другой стороны, наличие жилых комнат во дворце крайне пагубно отражалось на состоянии и перспективах развития Остафьева, укореняло привычку со стороны вышестоящих органов воспринимать

¹ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево»... Л. 43

² Там же.

³ Фролова О. М. Музей в Архангельском. Первые послевоенные десятилетия // Архангельское: Материалы и исследования. М., 2009. [Сб. 1] / Общ. ред. и предисл. Л. Н. Кирушиной; отв. ред. Б. Н. Щедринский. С. 23.

⁴ Орешников А. В. Дневник. 1915–1933: в 2 кн. / отв. ред. П. Г. Гайдуков. Кн. 2. М., 2011. С. 56.

его не как состоявшийся музей, а как хорошее место для отдыха, что в дальнейшем и привело к созданию здесь санатория.

«Павел Сергеевич! Тов. Попов – инспектор НКПроса желает с К^о отдохнуть один день в Остафьево. Окажите содействие в отношении помещения и проч. С тов. приветом, ваш А. Луначарский»¹. С наступлением теплого времени года таких распоряжений, равно как и товарищей, желающих отдохнуть в Остафьево, становилось все больше. 25 мая 1925 г. А. В. Луначарский прислал короткую записку: «Т. Кочетков хочет получить комнату в “Остафьево”, где я жил на лето. Не возражаю». 3 июня 1925 г. аналогичное распоряжение вышло относительно тов. Прусаковой: «...предоставить т. Прусаковой комнату в среднем этаже, занимаемую в прошлом году т. Григорьевым, т. к. китайская комната, сданная т. Прусаковой на лето 1925 г., предназначена тов. Луначарскому»². Среди статей доходов музея упоминаний о получении средств от летних дачников не обнаружено, так что вполне возможно, что все эти товарищи от Наркомпроса, как и сам А. В. Луначарский, проживали в усадьбе бесплатно.

Павел Сергеевич не побоялся прямо написать о пагубности летнего проживания дачников в музейных стенах в ответ на вопрос Наркомпроса, что следует сделать для усовершенствования музея и приведения его в состояние, отвечающее всем научным требованиям. По мнению заведующего, летняя «обитаемость» комнат второго этажа не позволяла продемонстрировать посетителям музея жилую обстановку главного дома, всегда вызывающую особый интерес, и не давала возможности довести до конца устройство музейных экспозиций, поскольку «в верхнем этаже открыты для обозрения только две комнаты: “Карамзинская” с литературными воспоминаниями писателей первой половины XIX века и “иконная” с собранием икон и русской старины»³. Кроме того,

¹ Материалы о сдаче в аренду жилых комнат в Музее-усадьбе «Остафьево» // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 9.

² Там же. Л. 16.

³ Шереметев П. С. Ответы на «Схему научного исследования музеев-усадьб» по музею «Остафьево» // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 2. Ед. хр. 28. Л. 2 об.

сдача на лето комнат во дворце представляла серьезную опасность из-за возможности пожара, а также порчи дачниками музейных предметов. Павлу Сергеевичу приходилось каждый год прятать в ящики экспонаты, в первую очередь «мелочи, особенно придающие интимный бытовой характер».

Условия повседневной жизни сотрудников в Остафьево, как и в других музеях, были непростыми. 1926 г. начался с холода из-за нехватки дров для семьи заведующего, жившего с женой (урожденной княжной П. В. Оболенской), маленьким сыном Василиком и престарелой матерью в правом флигеле усадебного дома. Он вынужден был «доставать гнилушки из-под моста, не имея ни полена»¹.

Сам факт проживания Шереметевых в принадлежавшей им до революции усадьбе вызывал подозрения у музейного начальства, которое сомневалось, не пользуются ли они усадебным имуществом, ставшим музейным. В октябре 1925 г. назначенный в усадьбу завхозом А. Н. Бодашков, принимая по описи у своего предшественника движимое имущество, специально отметил в протоколе, что «вся мебель, которой пользуются сотрудники, как это видно из прилагаемой описи, суть мебель исключительно хозяйственного значения и в пользование сотрудников выдана под расписки. Мебели же музейного характера в настоящее время в пользовании сотрудников нет <...> Предметов роскоши среди мебели хозяйственного значения нет»².

Павел Сергеевич не только не пользовался музейной мебелью, но, наоборот, передавал музею свои вещи:

«1) в Карамзинскую комнату экземпляры журнала «Вестник Европы», издаваемого с 1802 года Николаем Карамзиным в 24 томах в кожаных переплетах.

2) Сундук для прихожей, где складываются туфли.

¹ Верзилова В. Е. П. С. Шереметев по материалам Отдела письменных источников Государственного исторического музея // Дворец. Усадьба. Заповедник: материалы науч. конференции, посвященной 80-летию организации Московского музея-усадьбы «Останкино». М., 2010. С. 32.

² Материалы о передаче хозяйственного имущества и денежных сумм Музея-усадьбы «Остафьево» И. К. Зиновьевым новому управляющему А. Н. Бодашкову // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 3.

3) Несколько штук мягкой мебели.

4) Несколько мелочей»¹.

Не в скромной квартире заведующего, а у служащих совхоза «Остафьево», образованного в 1918 г. и присоединенного к музею-усадьбе в 1925 г., обнаружилась мебель музейного значения. Так, в конторе совхоза находились три стула красного дерева 1830-х гг., письменный стол красного дерева, ломберный стол с зеленым сукном, этажерка с точеными балясинами 1840-х гг., у конторщика В. Н. Денисова – стул и диван красного дерева, черный ломберный стол и комод, в кладовой, наряду с креслом и комодом крепостной работы, нашлись чугунные садовые скамейки и карета двухместная с гербами². Согласно резолюции управления музеями-усадьбами и монастырями, выявленную мебель следовало изъять из хозяйственного инвентаря и передать в распоряжение музея.

Намного сложнее обстояла ситуация с возвращением музейных предметов, вывезенных из Остафьева в другие музеи. В 1924 г. из усадьбы было вывезено 43 экспоната – «почти исключительно картины разных художников и очень немного деревянной скульптуры» в Государственный музей изящных искусств (ныне ГМИИ им. А. С. Пушкина)³. Павел Сергеевич добивался их возвращения в родные стены, и в документе от 30 июля 1926 г. управление музеями-усадьбами и монастырями сообщало Шереметеву, что «Музейный отдел Главнауки разрешил возвратить в Музей-усадьбу “Остафьево” из Музея Изыщных искусств картины, вывезенные из “Остафьева” и перечисленные в представленном Вами списке. Примите меры к их перевозу в ус. Остафьево»⁴.

Однако попытки вывезти особо ценные и интересные предметы из Остафьева продолжались. Летом 1926 г. Музей революции СССР просил получить в собственность хранящийся в усадьбе портрет

¹ Шереметев П. С. Ответы на «Схему научного исследования музеев-усадоб»... Л. 1.

² Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево»... Л. 1, 2.

³ Шереметев П. С. Ответы на «Схему научного исследования музеев-усадоб»... Л. 1.

⁴ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево»... Л. 83.

Е. Пугачева. Павел Сергеевич энергично отстаивал портрет, указывая, что он связан с историей дома – «Князь Ив. Андр. Вяземский был одним из восьми сенаторов, которые судили Пугачева и осудили его к смертной казни», к тому же портрет Пугачева издавна висел рядом с портретом Екатерины II. По предположению Н. Н. Петруниной, именно с Остафьевского портрета Пугачева была изготовлена по заказу А. С. Пушкина гравюра для «Истории Пугачевского бунта»². В результате Музейным отделом решено было передать портрет Музею революции только временно, для экспонирования его на выставке «Революция в изобразительных искусствах»³.

Как писал Шереметев, «принципиально не желательно разразнивать Остафьевского собрания. Разбирая по частям, можно свести на нет весь музей, собранный в течение ста лет несколькими поколениями одного и того же рода. За последние годы были поползновения взять: вещи Пушкина; библиотеку; геммы; физический кабинет; часть картин взята в музей изящ. искусств (43, возвр. 13). Архив уже вывезен»⁴.

К сожалению, впоследствии произошло именно то, чего так опасался Павел Сергеевич, – после закрытия музея в 1930 г. его коллекции были раздроблены и разошлись по более чем 20 учреждениям. Но в 1926 г. Шереметев еще был на посту заведующего и строил планы по восстановлению и дальнейшему развитию Остафьева.

Особое беспокойство у него вызывало состояние усадебного парка, который без надлежащего ухода зарос (должность садовника была введена только 16 марта 1926 г.⁵), клумбы и цветники одичали, скамейки обветшали. В производственном плане на 1926 г. Павел Сергеевич отметил необходимость «возобновить хотя бы в скромных размерах парковое садоводство»: вскопать клумбы и засадить их цветущими растениями, продолжить подсадку хвойных дере-

¹ Верзилова В. Е. Указ. соч. С. 29.

² Петрунина Н. Н. Портрет, приложенный А. С. Пушкиным к «Истории Пугачева» // Временник Пушкинской комиссии, 1964. Л., 1967. С. 52.

³ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево»... Л. 19, 20.

⁴ Там же. Л. 99.

⁵ Там же. Л. 183.

вьев, поставить три новые скамейки, поскольку «прежние пришли в полную ветхость»¹. Он хотел произвести научную реставрацию парка по сохранившимся историческим планам, но учитывая при этом важность сохранения уже имеющихся насаждений².

Еще одной насущной проблемой, стоявшей перед музеем, было состояние главного усадебного дома и соединяющих его с флигелями открытых галерей, которым требовался текущий и капитальный ремонт. В 1923 г. был проведен ремонт полов в библиотеке: исправили черные накаты, т. к. под тяжестью книжных шкафов, хранивших знаменитое фамильное собрание – остафьевскую библиотеку князей Вяземских, – полы провисли и шкафы угрожали падением. В 1925 г. был проведен ремонт полов в спальне и покрашена крыша³. Ремонты осуществлялись за счет средств Музейного отдела Главнауки Наркомпроса при посредстве архитектора А. А. Никитина⁴. Работа по исправлению полов в музее требовала продолжения: «черные накаты не окончены в некоторых других комнатах, но это необходимо сделать, т. к. все сгнило, например, под столовой и в других местах»⁵. Также нуждались в ремонте крыши флигелей, которые оставались неокрашенными в течение 14 лет⁶.

Осенью 1926 г. Павел Сергеевич указывал в годовом отчете, что помимо завершения починки крыши и полов необходимо «ремонтировать обваливающиеся каменные галереи» и плафон в Овальном зале, у которого отваливались куски холста, о чем он возбудил ходатайство через Реставрационный отдел⁷.

¹ Производственный план Музея-усадьбы «Остафьево» на 1926 год и отношения управляющего хозяйством в Главнауку о нуждах музея // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 2. Ед. хр. 34. Л. 1.

² *Шереметев П. С.* Ответы на «Схему научного исследования музеев-усадоб»... Л. 2 об.

³ Анкеты Музея-усадьбы «Остафьево»... Л. 1; *Шереметев П. С.* Ответы на «Схему научного исследования музеев-усадоб»... Л. 1 об.

⁴ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево»... Л. 57 об.

⁵ *Шереметев П. С.* Ответы на «Схему научного исследования музеев-усадоб»... Л. 1 об.

⁶ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево»... Л. 57 об.

⁷ Там же. Л. 57 об., 59 об.

Серьезной проблемой музея был кадровый дефицит: начальство последовательно ликвидировало ставки научных сотрудников, столь необходимых для проведения научно-фондовой работы по описи усадебных коллекций. Как отмечалось выше, в 1925 г. музей располагал только одной внештатной ставкой научного сотрудника, которую занимала В. П. Федорова, окончившая Казанские Высшие женские курсы по филологическому отделению и составлявшая опись усадебной библиотеки¹. Когда в первой половине 1926 г. В. П. Федорову направили разбирать архив в Донском монастыре, вести научную и экскурсионную работу в Остафьеве стало некому (за исключением заведующего музеем), так что консультации посетителям давали сторожа, о чем завхоз музея докладывал в управление музеев-усадб и монастырей Главнауки Наркомпроса².

Очевидно, в управлении «руководительство» экскурсиями со стороны сторожей сочли неприемлемым, и 22 мая Шереметев получил предписание: «Дача объяснений по экспонатам музея возлагается на Заведующего музеем или научную сотрудницу тов. Федорову, но ни под каким видом не разрешается давать объяснения музейным служителям или другим лицам»³. После окончания летнего сезона, 15 сентября 1926 г., В. П. Федорова была окончательно уволена из музея по распоряжению управления музеями-усадьбами и монастырями с выдачей выходного пособия за две недели, а ее ставка ликвидирована⁴.

Несмотря на это, силами заведующего научная работа в музее продолжалась. Именно в научном изучении остафьевских коллекций и последующем наглядном рассказе о них посетителям Павел Сергеевич видел основную задачу музея⁵. В плане на 1925/26 г. он предполагал «продолжение работ по более подробному описанию Музея и определению его собраний. Продол-

¹ Анкеты Музея-усадьбы «Остафьево»... Л. 1, 5.

² Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево»... Л. 132.

³ Там же. Л. 148.

⁴ Там же. Л. 61.

⁵ Там же. Л. 57 об.

жение монографии «Остафьево». Опись библиотеки. Корректур-а «Путеводителя»»¹.

Написанный Шереметевым путеводитель по музею был издан в 1927 г. без указания имени автора. Помимо него, Павел Сергеевич подготовил материалы для шестого тома «Остафьевского архива», большое исследование под названием «Русский Парнас в Остафьеве (Литературные друзья П. А. Вяземского)»², ряд научных статей о своем прадеде – «Вяземский и Батюшков», «Ранние годы поэта П. А. Вяземского», «Письма патера Чижана А. И. Вяземскому о воспитании сына в Иезуитском пансионе»³.

Его научную работу серьезно осложняло то, что главный источник информации об усадьбе – ценный Остафьевский архив – был вывезен из усадьбы Михайловское, где он хранился при последнем владельце, в Центрархив. Павлу Сергеевичу отказывали в работе с документами, мотивируя это отсутствием оборудованного помещения⁴. Кроме того, изучение русской дворянской культуры XVIII–XIX вв. на примере владельцев Остафьева князей Вяземских и их друзей не соответствовало идеологическим задачам музейного дела при советской власти.

В середине 1920-х гг. произошло усиление партийной идеологизации музейной работы: музеям надлежало занять свое место в системе государственной пропаганды, уделяя первостепенное внимание экономическим вопросам, хозяйственной жизни и быту крепостных. В сентябре 1926 г. Шереметеву пришлось распоряжение представить в месячный срок «план переустройства Музея для придания ему историко-бытового характера. При этом необходимо указать способы выявить на местном материале /беря всю усадьбу в целом/ быт дворовых и крепостных»⁵.

¹ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево»... Л. 59 об.

² Свалова О. М. Указ. соч. С. 85; Володина Т. Д. Указ. соч. С. 82.

³ Документы музеев Московской губернии // ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 830. Л. 83.

⁴ П. С. Шереметев. Ответы на «Схему научного исследования музеев-усадоб»... Л. 1 об.

⁵ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево»... Л. 44.

Что касается изучения крепостного быта, Павел Сергеевич написал большой очерк «Крепостная суконная фабрика в Остафьеве» и 12 января 1927 г. прочитал его в качестве доклада на заседании культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии (опубликован в 1928 г.)¹.

В основу доклада были положены приходно-расходные книги усадьбы, а также редкая находка – письма управляющего Диомида Муромцева князю П. А. Вяземскому, которые были у торговца на Литейном проспекте в Ленинграде и по счастливой случайности попали на глаза Павлу Сергеевичу. Интересно, что в Остафьеве в 20-е гг. XX в. еще сохранялись остатки орудий и производств суконной фабрики: жернова, каменные цилиндрические валы для сукновальни, деревянная прялка, в соседнем Резанове – чугунное колесо и железные веретена, в Троицком – старые деревянные ткацкие станки. Все эти предметы Павел Сергеевич тщательно собирал, намереваясь устроить «небольшой музей крепостной суконной фабрики для наглядного обозрения образцов прежнего производства»².

Конец 1926 г. ознаменовался в Остафьеве чрезвычайным происшествием: в ночь с 29 на 30 ноября 1926 г. в музее была совершена кража. Вырезав в двух местах алмазом стекло и открыв раму, что не представляло большого труда (оконные рамы на первом этаже музея были дубовыми, но очень старыми, к тому же десять стекол были разбиты по краям, зимой в них забивался снег и даже залетали птицы³), злоумышленник оказался в залах парадной анфилады и похитил из столовой десять фарфоровых чашечек для турецкого кофе с филигранными подставками, из большой гостиной – две беломраморные вазы с бронзовой отделкой в стиле Людовика XVI и две бронзовые урны с ручками золоченой бронзы, из соседней малой гостиной – четыре бронзовых подсвечника в виде крыла-

¹ Шереметев П. С. Крепостная суконная фабрика в селе Остафьеве 1768–1861 // Московский край в его прошлом. Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков. М., 1928.

² Там же. С. 102.

³ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево»... Л. 10 об.

тых коньков. Добравшись до парадной опочивальни, вор вскрыл запертый на ключ киот с иконами, «вынул первый сверху слева образ Воскресения Христова с тремя другими праздниками в квадратах и ободрал верхнюю полосу серебряного гладкого оклада нач. XVIII века, отогнув ее более половины. Образ оказался лежащим на двуспальной кровати рядом»¹.

Кража была обнаружена на следующий день в полдень, тотчас была вызвана милиция и понятые для осмотра дворца. Остафьеву еще повезло, если эти слова могут быть уместны по отношению к произошедшему: вор не был профессионалом и явно не понимал художественной и исторической ценности хранившихся в музее экспонатов. Его привлек внешний блеск: золоченая бронза, серебряный оклад... Общий ущерб, понесенный музеем, был невелик – 144 рубля.

Ночная кража высветила те проблемы музея, которые копились годами и о которых Павел Сергеевич не раз докладывал начальству: необходимость срочного ремонта старых рам и реконструкции усадебного парка («нужно поставить 4 фонаря со всех сторон, особенно со стороны сада») и острая нехватка рабочих рук в музее, в результате чего сторожа выполняли не положенную им работу экскурсоводов. Кроме того, дежурство сторожей было организовано по сменам, между которыми были перерывы в несколько часов, во время которых музей оставался фактически без охраны. К примеру, ночная смена длилась с 22 часов вечера до 5 часов утра, а следующая дневная начиналась только в 10 часов утра². Наконец, требовалась четкая письменная инструкция с указанием должностных обязанностей завхоза и заведующего музеем. Управление усадеб и монастырей, ознакомившись с докладной запиской Павла Сергеевича, предписало реализовать все его предложения за исключением увеличения штата сотрудников музея³.

¹ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево»... Л. 12.

² Там же. Л. 10 об.

³ Там же. Л. 9.

Таким образом, в 1925–1926 гг. в Остафьеве, с одной стороны, удалось отчасти преодолеть хозяйственную разруху предшествовавших лет, провести ремонтные работы, сохранялись надежды наладить музейную жизнь в полном объеме – восстановить парк, открыть экспозицию в комнатах второго этажа главного дома. С другой стороны, все чаще стали появляться тревожные сигналы, свидетельствовавшие о начале «советизации музеев» со свойственной ей жесткой идеологической повесткой, требованием придать усадьбе «историко-бытовой» профиль с упором на жизнь крепостных, кадровой чисткой музейных работников. Уже в следующем, 1927 г. П. С. Шереметев был снят с должности заведующего, а в 1930 г. музей в Остафьеве ликвидирован.

Литература

- Верзилова В. Е.* П. С. Шереметев по материалам Отдела письменных источников Государственного исторического музея // Дворец. Усадьба. Заповедник: материалы науч. конференции, посвященной 80-летию организации Московского музея-усадьбы «Останкино». М., 2010. С. 21–34.
- Володина Т. Д.* «Оберегатель и хранитель» (П. С. Шереметев – хранитель и заведующий Музеем-усадьбой «Остафьево») // Московские Шереметевские чтения. Материалы науч. конференции. М., 1993. С. 77–85.
- Карнишина Л. М.* Из послереволюционной истории музея-усадьбы «Остафьево»: «пчеловодный музей» и другие хозяйственные начинания // Остафьевский сб. Вып. 11–12. М., 2009. С. 204–214.
- Квятковская Н. К.* Остафьево. М., 1990.
- Орешиников А. В.* Дневник. 1915–1933: в 2 кн. / отв. ред. П. Г. Гайдуков. Кн. 2. М., 2011.
- Петрунина Н. Н.* Портрет, приложенный А. С. Пушкиным к «Истории Пугачева» // Временник Пушкинской комиссии, 1964. Л., 1967. С. 48–53.
- Свалова О. М.* П. С. Шереметев в Остафьеве // Остафьево. Страницы истории усадьбы и ее владельцев. Юбилейный сб. М.; Остафьево, 1999. С. 79–95.
- Фролова О. М.* Музей в Архангельском. Первые послевоенные десятилетия // Архангельское: Материалы и исследования. 90 лет Государ-

ственному музею-усадьбе «Архангельское» / под общ. ред. Л. Н. Кирюшиной. М., 2009. С. 19–32.

Шереметев П. С. Крепостная суконная фабрика в селе Остафьево 1768–1861 // Московский край в его прошлом. Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков / под ред. проф. С. В. Бахрушина. М., 1928. С. 97–104.

Архивные материалы

Анкеты Музея-усадьбы «Остафьево», сведения о посещаемости Музея и докладная записка контролера музеев и усадеб о нуждах Музея «Остафьево» // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 2. Д. 23.

Документы музеев Московской губернии // ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 830.

Материалы о передаче хозяйственного имущества и денежных сумм Музея-усадьбы «Остафьево» И. К. Зиновьевым новому управляющему А. Н. Бодашкову // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 2. Д. 30.

Материалы о сдаче в аренду жилых комнат в Музее-усадьбе «Остафьево» // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 2. Д. 4.

Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево» // ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 643.

Производственный план Музея-усадьбы «Остафьево» на 1926 год и отношения управляющего хозяйством в Главнауку о нуждах музея // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 2. Д. 34.

Шереметев П. С. Ответы на «Схему научного исследования музеев-усадьб» по музею «Остафьево» // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 2. Д. 28.

«ПОДМОСКОВНАЯ» ШЕРЕМЕТЕВЫХ В ЛИТЕРАТУРЕ
И НА СТРАНИЦАХ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
(К ИСТОРИОГРАФИИ УСАДЬБЫ КУСКОВО)

Зубанова Надежда Андреевна,
Музей-усадьба «Кусково», Москва

Аннотация. Усадьба Кусково обращала на себя внимание исследователей довольно часто, но до недавнего времени в объективе их интереса был период создания и расцвета Кускова: середина – вторая половина XVIII в. В данной статье уделяется внимание главным образом событиям XIX – начала XX в. Впервые в качестве источников по истории усадьбы были привлечены путеводители по Подмосковию, обращение к которым позволяет заключить, что популяризация усадьбы способствовала возрождению интереса к ней.

Ключевые слова. Кусково. Усадьба. Шереметевы. Путеводители. История. Подмосковные усадьбы.

«PODMOSKOVNAYA» BY THE SHEREMETEVs IN LITERATURE
AND ON THE PAGES OF GUIDEBOOKS OF THE LATE XIX –
EARLY XX CENTURIES. TO THE HISTORIOGRAPHY
OF THE KUSKOVO ESTATE

Zubanova Nadezhda Andreevna,
Museum-Estate «Kuskovo», Moscow

Abstract. Kuskovo Estate attracted the attention of researchers quite often, but until recently, the period of creation and the dawn of the estate was in the lens of their interest: the middle-second half of the 18 century. In recent years in the historiography of Kuskovo have appeared works related to the period of the 19th century. For the first time, guidebooks for the Moscow region were used as sources for the history of the estate. Referring to these sources allows us to conclude that the popularization of the estate contributed to its gaining new popularity.

Key words. Kuskovo. Estate. The Sheremetevs. Guidebooks. History. Moscow region estates

Кусково, создававшееся стараниями графа Петра Борисовича Шереметева, достаточно быстро приобрело известность и популярность благодаря празднествам и гуляньям, которые устраивал хозяин усадьбы. Уже в XVIII столетии реалии усадебной жизни нашли отражение на страницах литературы.

Драматург Василий Колычев¹ написал либретто к «пастушьей опере» «Тщетная ревность, или Перевозчик Кусковской», которая была представлена на усадебной сцене «воздушного театра» в 1781 г. Действие оперы разворачивалось непосредственно в усадьбе и ее окрестностях, что прописывалось в самом тексте: «...луг и берег пруда; с одной стороны роща, с другой за редкими деревьями деревня. На другом берегу пруда видно село Кусково»².

Помимо основной сюжетной линии – «пасторальной любовной истории», герои по ходу пьесы сообщают о жизни в усадьбе в праздничные дни, отмечая многочисленность гуляющей публики, а также радушие и гостеприимство хозяина:

*«Там дворянство
И мещанство
Для гулянья собралися;
Все там вольны и довольны;
Всяк кто хочет веселися.
Там богатство
И изрядство
И всех премножество утех»*³.

В тексте нашли отражение существовавшие в это время в Кускове театр, лабиринт («Возле того саду насажена роща закоулками-баря (sic!) называют ее Лабиринтом, а старики наши Вавилоном»)⁴, пейзажный парк, который ошибочно назван «Гага» вместо «Гай». В качестве чичероне, рассказывающего о центральной части усадьбы, выступает кусковский садовник.

¹ Колычев Василий Петрович (1736–1794).

² Тщетная ревность, или Перевозчик Кусковской. М., 1781. С. 9.

³ Там же. С. 20–21.

⁴ Там же. С. 42.

Он отмечает такие реалии кусковского быта, как свободный доступ в барский парк в определенные дни:

*«Всякому гулять в нем вольно,
в нем прекрасного довольно».*
*«Когда по саду пойдем;
Хоть Хозяина найдем,
Не робейте,
Гулять смейте.
Он тем лишь и доволен, что гулять всякий волен»¹.*

Во время прогулки с главными героями садовник показывает все усадебные павильоны, расположенные во французском регулярном парке: Грот, Оранжерею, Эрмитаж, Менажереи, Голландский и Итальянский домики.

*«Покажу вам Грот прекрасной!
Его нутрь изъ раковин выитых;
И всю мою Оранжерею,
Где зимой весна бывает.
Эрмитаж и дом Голланской,
Покажу Италианской домъ,
Всъ Беседки и Птишник с Прудом»².*

В 1785 г. на кусковской сцене была представлена комическая опера «Разлука, или Отъезд псовой охоты из Кускова», в которой действие происходит в Запрудной части усадьбы, где располагался Зверинец и Псарный двор. Возможно, пьеса была написана по случаю дарования графу П. Б. Шереметеву право охотиться вблизи Москвы. На эту мысль нас наводят следующие слова из либретто:

«Добровида к Усердину.

– Но мне мудрено, что едут за охотой около Москвы, а ближе пятнадцати верст от Москвы не велено. Я давно слышала, наши старики врать не станут, и не бывало никогда, чтобы наш боярин около Москвы охотились.

¹ Тщетная ревность, или Перевозчик Кусковской. С. 57.

² Там же.

Усердин.

– Он уважал запрещение по долгу своему. Но ныне боярину нашему давно дозволено ездить на охоту там, где он хочет.

Миловида.

– И другие также по тому указу поедут на охоту?

Беспечин.

– Кто дал его право другим?

Усердин.

– Такое дозволение получить не столь легко, как ты думаешь. Боярин наш получил оное по своей чести и заслугам¹.

Этой милостью, возможно, были отмечены заслуги графа Шереметева на поприще предводителя московского губернского дворянства. В год, когда была поставлена опера, Екатерина II подарила графу обелиск с надписью, которую, согласно преданию, сочинила сама: «Екатерина II пожаловала графу Петру Борисовичу Шереметеву в 1785 году во время бытности его губернским предводителем Московского дворянства». Обелиск был установлен на берегу регулярного парка.

В 1787 г. увидел в свет и «первый путеводитель» по усадьбе – «Краткое описание села Спасского, Кусково тож, принадлежащего Его Сиятельству графу Петру Борисовичу Шереметеву», написанный крепостным литератором Василием Григорьевичем Воробьевским. В «Кратком описании...» впервые зафиксированы сведения об усадьбе, которые впоследствии в той или иной степени появлялись в литературе, посвященной Кускову. Так, «Краткое описание...» свидетельствует, что дворец был построен по плану архитектора Шарля де Валли, а Парадную спальню украшал плафон «Валериановой работы».

Некоторая информация практически дублирует усадебные описи того времени. В частности, это касается описания библиотеки: «Маленькая библиотека, в ней модель, убранная перламутром Иерусалимского Храма и Вифлиема, с объяснением всех мест, там находящихся под номерами; также и другие

¹ Разлука, или Отъезд псовой охоты из Кускова. М., 1785. С. VII.

разные вещи, как-то: точные изображения, из воску сделанные с великим искусством и точностью: г. Волтера, г. Руссо, г. Франклина и графа д'Эстения»¹.

Ценным является упоминание о существовании на антресолях дворца «рикс-камеры», или оружейной: «рикс-камера, в которой многое собрание разных азиатских, европейских, греческих, китайских и гишпанских старинных редких ружей лучших мастеров, и конских уборов; между которыми прибор седла короля шведского Карла XII, взятой с лошадей при Полтавской баталии. Тут же хранятся древние сабли с камнями и золотою насечкою»². Эта коллекция хранилась в Кускове до 1788 г., затем была перевезена в Останкино, с 1856 по 1873 г. находилась в Москве, в Воздвиженском доме, и, наконец, была отправлена в Санкт-Петербург, в Фонтанный дом, где «наблюдение» за ней было поручено Эдуарду Эдуардовичу фон Ленцу, старшему хранителю Отделения Средних веков и эпохи Возрождения Императорского Эрмитажа. В 1895 г. Ленц сделал научное описание этой коллекции, опубликовав результаты своего труда в издании «Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметева».

Отзывы современников о Кускове времен графа П. Б. Шереметева, которые можно встретить в эпистолярном наследии братьев Куракиных, в записках путешественников, например историка Г. Миллера («Описание городов Московской провинции», 1770–1780), камер-фурьерских журналах, сообщавших о посещении усадьбы императорскими особами (императрицей Елизаветой Петровной и Екатериной II), носили ярко выраженный комплиментарный характер, отмечая радушие хозяина усадьбы, а также богатство и разнообразие усадебных затей.

После того как внимание графа Н. П. Шереметева переключилось на строительство дворца-театра в Останкине, усадьба Кусково поддерживалась в прежнем состоянии, хотя уже в скором времени здесь появились первые признаки запустения. Первым новое состояние

¹ Краткое описание села Спасского... / соч. А. Воейкова. СПб., 1829. С. 5.

² Там же. С. 6.

усадьбы засвидетельствовал в своем «Путешествии вокруг Москвы» Н. М. Карамзин: «Кусковские сады, где глаза мои видели некогда столько людей, представили мне довольно печальных мыслей! Там, в главной аллее, выставлялись прежде все померанцевые деревья из оранжерей: она казалась уголком Гишпании. Теперь все уныло и пусто»¹.

В 1825 г. в альманахе «Северные цветы» было опубликовано сочинение Александра Воейкова «Прогулка в селе Кускове», которое в части описания усадьбы практически слово в слово повторяет данные из «Краткого описания села Спасского...», что дало повод современникам обвинить Воейкова в плагиате. Чтобы ответить обвинителям, в 1829 г. Воейков инициировал издание двух сочинений в одной книге, чтобы у читателей была возможность сравнить тексты. Отметим, что изложенные в них факты идентичны.

В поэтическом сборнике «Бытие сердца моего» поэта И. М. Долгурова, родственника Шереметевых, помещено элегическое стихотворение «Прогулка в Кусково», которое довольно хорошо известно и часто цитируется в изданиях, посвященных усадьбе. В нем автор, вспоминая былое великолепие Кускова, отмечает запущенное состояние подмосковного «вертограда»:

*«Завяли мягкие равнины,
Цветами воздух не курят,
Лужайки, тропочки, долины
Мальчишки всячинкой сорят,
Валятся стены зал огромных,
И в них не слышно звуков стройных.
О, время, лютый враг всего!
Щадить не любит ничего»².*

Помимо литературных сочинений сведения о жизни усадьбы в XIX – начале XX в. содержатся в путеводителях и справочни-

¹ URL: <https://litvek.com/br/318844?p=1> (дата обращения 20.03.2021 г.).

² Сочинения Долгурова (Князя Ивана Михайловича). Т. 1. СПб., 1849. С. 149.

ках по Подмосковию. Отметим, что применительно к Кускову эти издания не рассматривались исследователями в качестве источников истории имени.

Дачное освоение окрестностей Москвы способствовало появлению более широкого интереса к истории ближнего Подмосковья. Первоначально знакомство с историческими достопримечательностями было опосредованно и не являлось основной целью путешественника, так как первые маршруты пролегали по направлению к святым местам, прежде всего к Троице-Сергиевой лавре. Постепенно ареол маршрутов расширился. Подмосковье представляло большой интерес в историческом и художественном отношении, несмотря на то что в конце XIX в. уже многие подмосковные усадьбы находились в «грустном запущении».

Запущенное состояние Кускова отметил неизвестный автор путеводителя «Кусково и его окрестности», изданного в Москве в 1850 г. Эта книга примечательна тем, что в ней не только упоминается то, что заслуживает внимания, но и отмечается состояние некоторых построек, что, в свою очередь, позволяет уточнить время их исчезновения с культурного ландшафта усадьбы. Так, автор отмечает, что из построек английского парка сохранилась только «беседка тишины», а от «Дома уединения» остался лишь фундамент.

Краткость существования многих строений английского парка стали причиной появления неправдоподобных сведений о них. Например, увеселительная беседка, которую, согласно информации усадебных описей, первоначально населяла «веселая компания», состоящая из шести восковых фигур (пяти мужчин, одетых в европейские платья, и одной женщины), на страницах издания превратилась в собрание мужиков, пьющих водку.

К середине XIX в. были утрачены ограда и постройки в Зверинце. От некогда изящной беседки, запечатленной на гравюре Лорана, остались лишь руины. В удручающем состоянии пребывал и знаменитый кусковский театр: люстры, обломки сценических машин, обрывки занавеса – все было покрыто пылью и паутиной.

Среди примечательных строений автор путеводителя упоминает Голландский домик, в котором в это время находилось множество

акварельных и масляных пейзажей Кускова, а также грот, где в качестве особо примечательных объектов выделяются «мамонтвый клык» и фигура сирены, декорированная перламутром и раковинами.

В путеводителе отмечается достаточно хорошее состояние павильона Эрмитаж, в нем сохранился подъемный стол и убранство второго этажа: «зал... обставленный зеркалами и отделанный сплошь дубом с таким вкусом, что, простояв около столетия, он будет казаться прекрасным еще столько же времени»¹.

Архитектор Шарль де Валли представлен создателем не только Главного усадебного дома, но и Эрмитажа. Особо подчеркивается аутентичное состояние интерьеров в господском доме: «...дом подерживается в том же виде, в каком был при графах»².

Некоторые предметы интерьера, по мнению автора путеводителя, заслуживают того, чтобы посетитель обратил на них особенное внимание. Среди них бюст шведского короля Карла XII в Зеркальном зале дворца, скульптурные портреты графа Петра Борисовича и его супруги Варвары Алексеевны Шереметевых работы Ф.И. Шубина, бюст Флоры, который был размещен в Парадных сенях взамен утраченной в 1812 г., во время нашествия французов, одной из декоративных ваз.

Среди семейных портретов Шереметевых упоминается незаконченный пастельный портрет графа П. Б. Шереметева, написанный его дочерью Анной. Некоторые картины несли на себе память о пребывании в усадьбе в 1812 г. французских войск: это два портрета Петра Борисовича, один из которых работы Георга Гроота был прострелен, а портрет Варвары Алексеевны – порезан. В таком состоянии картины находились не одно десятилетие.

В комнатах парадной анфилады были размещены и портреты из кусковской портретной галереи, для которой в 1785 г. было выстроено здание в английском парке, разобранное «за ветхостью» в 1814 г. Эту коллекцию автор называет главной «замечательностью» усадьбы.

¹ Кусково и его окрестности. М., 1850. С. 32.

² Там же. С. 43.

Еще одно собрание – редких старинных лавровых и померанцевых деревьев – размещалось в Большой каменной оранжерее: «Таких лавров и померанцев трудно найти даже и на юге, разве только в лучших королевских садах Неаполя и Сицилии»¹.

В большинстве путеводителей по Подмоскovie второй половины XIX – начала XX в.² информация о достопримечательностях Кускова повторялась. В качестве основных объектов осмотра упоминался Главный дом, в котором по-прежнему размещалась портретная галерея; французский регулярный парк с мраморными статуями из «итальянского мрамора». Особо – как подарки императрицы Екатерины II – упоминались обелиск и колонна. Кроме этого, по мнению авторов, достойна упоминания и усадебная церковь, в которой сохранилась «старинная дорогая утварь, богатая риза и воздухи, шитые золотом и жемчугом, собственноручной работы императрицы Елизаветы Петровны»³.

В путеводителе И. Левитова 1881 г. дается подробное перечисление не только сохранившихся усадебных построек, но и их наполнения. Левитов, оценивая убранство Главного дома, определяет художественный уровень украшавших его картин как «посредственный». Это наблюдение идет вразрез со сведениями, помещенными «В кратком описании села Спасского...», где среди кусковских картин перечисляются работы Вандейка, Рубенса, Рембрандта, Паоло Веронезе и других не менее известных живописцев. Между тем Левитов выделяет как достойный внимания плафон в Танцевальном зале, «оцененный... в 50 000 рублей», портрет «жены внука фельдмаршала» П. И. Ковалевской (sic!)⁴, портрет схимонахини Нектарии (княгини Н. Б. Долгорукой, сестры владельца Кускова

¹ Кусково и его окрестности. С. 33.

² В рамках подготовки данной статьи автором были изучены 16 путеводителей, изданных с 1867 по 1918 г.

³ Захаров М. П. Путеводитель по окрестностям Москвы и указатель их достопримечательностей. М., 1867. С. 197.

⁴ Мы не знаем, какой портрет имелся в виду. В собрании музея есть два парадных портрета Прасковьи Ивановны: на одном она «в красной шали», на втором графиня Шереметева изображена на последних месяцах беременности.

графа П. Б. Шереметева). Из интерьеров наиболее интересными автор считает столовую с мраморным бюстом Александра Македонского, Зеркальный зал и Шпалерную гостиную, в которой в то время стоял уникальный инкрустированный в технике маркетри столик мастера Никифора Васильева.

Среди парковых сооружений на страницах путеводителя упоминаются Голландский домик, Эрмитаж с работающим механизмом подъемного стола, а также отреставрированный в 1870 г. Итальянский домик, в котором в качестве достойных внимания названы росписи на потолке и живопись «лучшей работы нежели во всех зданиях»¹.

После 1886 г. в Кускове появилась еще одна достопримечательность, которая нашла отражение в путеводителях, – мемориальные дубы, посаженные членами семьи императора Александра III во время визита в усадьбу 15 мая 1886 г. За посаженными деревьями ухаживали особым образом: «Каждый из этих дубков посредством особых стеклянных резервуаров наливается искусственным образом, причем вода достигает до их корней, нагревая до известной температуры. Нет никакого сомнения, что через 2–3 года эти деревца будут иметь такой рост, какой при обыкновенном уходе достигается деревьями в продолжении целого десятка лет»².

Можно констатировать, что в путеводителях по Подмосковию второй половины XIX – начала XX в. усадьба представляется как место, заслуживающее внимания прежде всего своим мемориальным характером: в XVIII – XIX вв. ее много раз посещали венценосные особы, что неоднократно подчеркивается. Кусково было привлекательно также с точки зрения своей сохранности и доступности.

В этом большая заслуга принадлежит ее последнему владельцу графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву, который много делал для сохранения и популяризации своей родовой вотчины.

¹ Левитов И. Путеводитель. М., 1881. С. 26.

² Московский листок. 1887. № 132. С. 2.

Граф Шереметев также старался привлечь внимание к Кускову как месту, значимому с историко-мемориальной точки зрения. В 1898 г. вышел его очерк «Кусково», в котором описывается проезд в усадьбу императора Александра III с семьей в 1886 г. Любопытно отметить, что в этой работе С. Д. Шереметев перечисляет усадебные раритеты, «осколки XVIII в.», которые дошли в составе музейной коллекции и до наших дней: гравюры Лорана с видами Кускова, вывеску с изображением льва и надписью «Тверна золотого льва», мраморные доски с надписями «пещера огнедышешего дракона» и «не свирепствует, но непреодолим» (девиз княгини В. А. Черкасской, в замужестве Шереметевой) и некоторые другие.

В 1899 г. граф Шереметев издал очерк «Кусково до 1812 г.», в котором впервые на основании усадебных документов было дано описание построек, когда-то находившихся в «Английской части» парка и от которых во второй половине XIX в. не осталось и следа. Эту работу можно считать первой историографической работой, посвященной изучению кусковского пейзажного парка и его построек.

В 1912 г. вышла знаменитая работа Ю. Шамурина «Подмосковные», где среди прочих усадеб, составляющих «ожерелье Москвы», было отмечено и Кусково. Автор на страницах своего труда зафиксировал состояние усадьбы на начало XX в. К этому времени регулярный парк утратил свое первоначальное устройство: «Регулярный сад не сохранил всей своей первоначальной изощренности, зарос, огрубел, модернизирован в цветочных клумбах, в современных фонтанах... от всего волшебного мира, которым представлялось Кусково в эпоху своего расцвета, остались только жалкие обрывки»¹. Отметим, что Шамурин называет архитектора Валли не только автором Господского дома, но и Эрмитажа, театра, грота и даже усадебной церкви. При этом лучшими архитектурными сооружениями усадьбы, по его мнению, являются Эрмитаж и Итальянский

¹ Шамурин Ю. Культурные сокровища России. Подмосковные. Вып. 3. 1912. С. 24.

домик. Труд Шамурина стал последним дореволюционным изданием, посвященным Кусково.

Подытоживая вышесказанное можно отметить, что такие факторы, как превращение Кускова в популярное дачное место, инициативность хозяина имения, популяризация Кускова в путеводителях по Подмоскovie, стали основополагающими в судьбе усадьбы и способствовали возобновлению интереса к ней любителей истории.

Литература

Захаров М. П. Путеводитель по окрестностям Москвы и указатель их достопримечательностей. М., 1867.

Колычев В. П. Тщетная ревность, или Перевозчик Кусковской: Пастушья опера в двух действиях: Музыка собрана из разных французских комических опер: Представлена на большом Кусковском театре сделанном из зелени, составляющем часть сада, собственными е. с. графа Петра Борисовича Шереметева певицами и певчими. М., 1781.

Краткое описание села Спасского, Кусково тож, принадлежащего его сиятельству графу Петру Борисовичу Шереметеву / соч. неизвестного: Напеч. в 1787 г. и Прогулка в селе Кускове / соч. А. Воейкова. СПб., 1829. Кусково и его окрестности. М., 1850.

Московский листок. 1887. № 132.

Николай Михайлович Карамзин. Путешествіе вокругъ Москвы (Письмо первое изъ Коломны отъ 14 Сентября) // URL: ЛитВек <https://litvek.com/br/318844?p=1> (дата обращения 20.03.2021 г.).

Разлука, или Отъезд псовой охоты из Кускова. Комическая опера в двух действиях с ея последованием в одном действии Сочиненная*** ****
В первый раз представлена в селе Кускове в саду на открытом театре собственными его сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева певицами и певчими июня 29 дня 1785. М., 1785.

Сочинения Долгорукаго (Князя Ивана Михайловича). Т. 1. СПб., 1849.

Шамурин Ю. Культурные сокровища России. Подмосковные. Вып. 3. М., 1912.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ О ЦАРИЦЫНЕ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.
ОПЫТ ЦЕЛОСТНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Калинина Светлана Геннадьевна,
ГМЗ «Царицыно», Москва

Аннотация. В статье представлена попытка комплексного анализа опубликованных и не опубликованных литературных очерков о Царицыне XIX–XX вв. Заброшенная к началу столетия бывшая императорская резиденция усилиями управляющего ЭКС П. С. Валуева к 1810-м гг. стала популярным местом отдыха и прогулок москвичей и обязательным для посещения путешественников, журналистов и литераторов. Их публикации отражали уровень знания о Царицыне за рассматриваемый период, а также дают нам представление о состоянии архитектурных памятников, парка и его павильонов.

Ключевые слова. Царицыно. Екатерина II. Литературные очерки. XIX век. Подмосковье.

LITERARY ESSAYS ABOUT TSARITSYN
OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES.
THE EXPERIENCE OF HOLISTIC STUDY

Kalinina Svetlana Gennadievna,
GMZ "Tsaritsyno", Moscow

Annotation. The article presents an attempt at a comprehensive analysis of published and unpublished literary essays about Tsaritsyn of the XIX-XX century. Abandoned by the beginning of the century, the former imperial residence by the efforts of the EX-manager P. S. Valuev by the 1810s became a popular place of recreation and walks for Muscovites and a must-visit for travelers, journalists and writers. Their publications reflected the level of knowledge about Tsaritsyn during the period under review, and also give us an idea of the state of architectural monuments, the park and its pavilions.

Keywords. Tsaritsyno. Catherine II. Literary essays. XIX century. Moscow region.

Начало XIX в. – время становления Царицына как места отдыха москвичей, а позднее – одной из самых известных дачных местностей Подмоскovie. Огромную роль в популяризации бывшей императорской резиденции сыграла деятельность главноначальствующего Экспедиции Креmlевского строения (ЭКС) П. С. Валуева, который в начале XIX в. фактически возродил Царицыно к новой жизни.

Заброшенная к началу столетия местность Царицына, и прежде всего Царицынский пейзажный парк, уже к середине 1810-х гг. благодаря усилиям Валуева стал приобретать привлекательный вид. В парке появилось множество беседок и павильонов, от которых открывались великолепные виды прудов, мостиков, гротов, затейливых и ухоженных дорожек.

Деятельность Петра Степановича в Царицыне была столь значительна, что эти годы вошли в историю Царицына как «Валуевский период», а многие авторы литературных очерков, о которых речь пойдет ниже, не смогли на страницах своих очерков обойти вниманием его персону, а также вклад в преобразование заброшенного екатерининского имения. Уже в самой ранней публикации о Царицыне, принадлежащей перу П. И. Шаликова (1804), автор пишет о Валуеве как о человеке, которого Царицыно, «можно сказать, требовало, которого вкус и знания придают с каждым днем новый блеск сему приятному месту»¹.

Столь обширные преобразования пейзажного парка в сочетании с возведением зданий в стиле «нежной готики», которые в большинстве своем остались недостроенными и к описываемому времени превращались в загадочные романтические руины, привлекали большое внимание путешественников, литераторов, журналистов и просто любопытствующих.

Появившиеся литературные очерки и заметки также способствовали популяризации Царицына как приятного места отдыха. За публикацией 1804 г. последовали работы А. Раевского «Впечатление от поездки в Царицыно, Коломенское, Петровское, Кунцево» (1815), П. П. Свинына «Странствия в окрестностях Москвы. Куско-

¹ Шаликов П. И. Царицыно // Вестник Европы. 1804. № 11. С. 219.

во. Коломенское. Царицыно» (1822), А. Ф. Воейкова «Царицыно» (1825), несколько анонимных эссе «Царицыно» (того же 1825 г.), Я. И. Санглена «Фантастическое путешествие. В село Царицыно и обратное в Москву» (1844), С. М. Любецкого «Царицыно» (1870), Н. М. Девель «Царицыно» (1910) и многие другие, всего 14 очерков без учета различных путеводителей и справочных изданий, обзор которых не входит в задачи данного сообщения.

Все эти работы давно хорошо известны исследователям Царицына, они являются ценным источником истории архитектурного ансамбля, Царицынского парка, его многочисленных павильонов и всей этой местности в XIX – начале XX в. Однако до сих пор литературные очерки не были предметом специального комплексного исследования. Настоящая статья призвана отчасти восполнить этот пробел в историографии Царицына.

подавляющее большинство известных нам очерков были опубликованы сразу после написания и отражают актуальную информацию о состоянии архитектурных памятников и парка. Некоторые из них, как, например, публикации П. П. Свиньина, Н. И. Девель, И. Бондаренко, содержат в себе довольно большое количество иллюстраций и даже планов царицынского ансамбля соответствующей эпохи. Но что не менее важно, они отражают актуальную информацию о представлениях их авторов об истории строительства и архитектуре Царицына, а также о том времени, когда оно еще называлось Черной Грязью и принадлежало князьям Кантемирам.

Общей характерной чертой большинства этих очерков является слабая осведомленность авторов об истории и архитектуре царицынского ансамбля, повторение определенной, часто не являющейся достоверной, информации. Большинство авторов первой половины XIX в. отмечают, что известный нам Большой дворец в свое время был перестроен, однако имен архитекторов они не называют. Так, П. И. Шаликов упоминает о том, что в строительстве архитектурного ансамбля принимал участие не один зодчий, он пишет, «что первый Дворец, который был, сказывают, хорош чрезвычайно... Его сломали до основания и построили нынешний – чудную смесь

первых веков зодчества с новым. Остальные здания делают с ним разительный контраст – в свою пользу»¹. Однако имен архитекторов автор не называет.

Впервые фамилия В. И. Баженова встречается в публикации П. П. Свинына 1822 г.: «Купив от Кантемира в 1774 году Царицыно, она (императрица. – С. К.) приказала Баженову представить план для готического дворца. Желая сделать его совершенно по своему вкусу, императрица поправила его, убавила величину окон и ширину лестниц... Но дворец был вскорости перестроен другим архитектором, который, отступив от истинного Мавританского вкуса, сделал нечто смешное, неопределенное»².

Автор следующего – анонимного – очерка «Царицыно» (1823) также отмечает, что Большой дворец, в отличие от других зданий ансамбля, был построен другим архитектором: «Дворец и другие здания, к нему принадлежащие, были почти окончены, но план переменяли, и дворец перестроен каким-то другим архитектором так странно, что остался неоконченным. Вкус Баженова, отличного художника своего века, виден в других строениях и мостах, которые в разительнейшей противоположности с главным корпусом»³. С. М. Любецкий называет автора Большого дворца «каким-то неизвестным, подставным архитектором, преемником Баженова»⁴.

Впервые М. Ф. Казаков как архитектор известного нам Большого дворца появляется на страницах очерка А. Касаткина «Село Царицыно» (предположительно 1850–1860-е гг.). Однако поскольку эта работа до недавнего времени оставалась не опубликованной, то, конечно, не могла быть известной для последующих авторов. Речь о ней

¹ Шаликов П. И. Указ. соч. С. 222–223.

² Свинын П. П. Странствия в окрестностях Москвы. Кусково. Коломенское. Царицыно // Отечественные записки. 1822. Ч. 12. № 30. С. 28; Вторая публикация с некоторыми изменениями: Свинын П. П. Царицыно // Картины России и быт разноплеменных ее народов. СПб., 1839. Ч. 1. С. 81–84.

³ Царицыно // Отечественные достопамятности, или Изображение русских исторических памятников и необыкновенных произведений природы, наук и художеств, находящихся в России. Ч. 3. 1823. С. 180.

⁴ Любецкий С. М. Царицыно // Нива. 1870. № 2. С. 22.

более подробно пойдет ниже. Сейчас же отметим сам факт появления, хоть и не публичного, имени М. Ф. Казакова.

Довольно распространенной ошибкой, содержащейся в большинстве публикаций, является датировка создания одной из самых замечательных парковых построек – павильона Миловида. Многие авторы (П. П. Свиньин, А. Ф. Воейков, Н. М. Девель и др.), описывая Царицынский парк и его постройки, утверждают, что столь прекрасное место для Миловиды было выбрано самой Екатериной II, в то время как первое документальное упоминание об этой постройке относится к 1811 г.

Кроме того в текстах постоянно нарушается хронология событий, встречается множество фактических ошибок: неправильные даты пожалования Петром I Черной Грязи князю Д. К. Кантемиру или же покупки Екатериной II этого села у его потомков и т. д.

Еще одна весьма характерная черта литературных очерков о Царицыне – восприятие дворцовых построек их авторами как романтического, загадочного, но не очень приветливого и даже жутковатого места: «Чем ближе подъезжали мы к Царицыну, тем казалось оно суровее... Мрачный вид готических чертогов рисовал в воображении моем замок Черномора»¹, «Черные башни дворца, повелевающего окрестностью, и выпуклая длинная кровля его, издали подобны отшельникам, держащим гроб какого-нибудь великана»².

Напротив, природа Царицынского парка производила на всех без исключения его посетителей совершенно противоположное впечатление, вызывая самые приятные чувства и настраивая на неспешное созерцание прекрасных видов аллей, прудов, оврагов: «Расположение сада, чудесные, разнообразные в нем виды, скромные и великолепные, на холмах возвышенных и в чащах непроходимых, на берегу озер и на цветущих островах разбросанные храмы и беседки, древние развалины и хижины, гроты и статуи, зеркальная поверхность чистой воды, волнуемая резвящимися веслами плователей, прелестные рощи и величественные аллеи; луга,

¹ Свиньин П. П. Странствия в окрестностях Москвы... С. 27.

² Воейков А. Ф. Царицыно // Новости литературы. 1825. Кн. 2. Январь. С. 4.

ароматными цветами усеянные, и леса непроходимые – одним словом, все, что природа изящного, что искусство прекрасного имеет, – все найдете вы в Царицыне!»¹ Или в другой публикации: «Огромный сад его (Царицына. – С. К.) превосходит без исключения все сады в окрестных дачах Москвы и расположен с разборчивым вкусом, не оскорбляющим взыскательности любителей природы»².

Особый интерес представляет очерк А. В. Дмитриевского «Царицынские пруды»³. Само появление столь красочного и подробного очерка на тему Царицынских прудов и рыболовства на них свидетельствует о том, что к этому времени (1880-е гг.) Царицыно стало одним из самых популярных мест загородного отдыха москвичей.

Автор очерка – член Московского общества любителей рыболовства, которое с 1880-х гг. и до 1917 г. арендовало у Удельного ведомства Царицынские пруды. Со свойственным увлеченным людям вниманием и любовью к своему предмету А. В. Дмитриевский описывает все Царицынские пруды и рассказывает о рыбалке на каждом из них – Верхнем, Среднем и Нижнем: в какое время года и времени суток какую рыбу можно поймать и что именно для этого необходимо предпринять, насколько Царицынские пруды отличаются от других подобных водоемов Подмосковья и прочее. Собственно, статья А. В. Дмитриевского – единственное на тот момент практически документальное описание Царицынских прудов и его «жителей», как называет их автор.

Другой, весьма объемный и содержательный очерк принадлежит перу педагога и литератора Н. М. Девель⁴. Ее очерк – одна из первых опубликованных работ, в которой автор попыталась подойти

¹ Раевский А. Окрестности Москвы // *Сын Отечества*. 1815. № 40. С. 59.

² Царицыно // *Телескоп*. 1832. № 9. С. 142.

³ Дмитриевский А. В. Царицынские пруды // *Природа и охота*. 1889. Март. С. 66–76.

⁴ Подробнее о Н. М. Девель и ее работах см.: *Офицерова Е. В.* Литературные источники по истории Царицына конца XIX – начала XX в. *Н. М. Девель «Царицыно»*. Художественный вымысел и исторические реалии // *Русская усадьба*. Вып. 22 (38). СПб., 2017. С. 136–152.

к обзору истории Царицына более «научно», если можно так сказать¹. Прежде всего, Девель пытается проанализировать все имевшие в тому времени публикации и справочные издания, а также опубликованные исторические источники – бумаги Петра I и переписку Екатерины II с Ф. М. Гриммом.

Несомненным достоинством очерка является также попытка Н. М. Девель описать окружающую Царицыно историческую местность – село Коломенское, Цареворисово (Борисово), Николо-Перервенский и Свято-Екатерининский монастыри. Однако и Н. М. Девель не смогла избежать повторения ошибок, допущенных в предыдущих публикациях, и к тому же добавила к ним новые. Так, например, она, как и некоторые ее предшественники, перепутала село Царицыно и город Царицын, находившийся на юге России. Приводя цитаты из письма Екатерины II Гримму («В этом году я не поеду в Царицыно, разве если ухудшится состояние моей руки». И дальше: «Я испытываю теперь большое горе из-за тяжелого состояния здоровья князя Орлова; он отправился на воды Царицына, только что начал их принимать, как обезрассудил и вернулся в Москву»), Девель утверждает, что речь идет о «целительности вод его (царицынских. – С. К.) зеркальных прудов»². Однако, конечно, речь в письме императрицы идет о широко известном во второй половине XVIII в. источнике минеральных вод в местечке Сарепта рядом с Царицыным (ныне – в городской черте Волгограда), который до открытия кавказских курортов был очень популярен в России.

Публикация Н. М. Девель представляет огромный интерес еще и в силу того, что в ней помещено несколько изображений царицынских архитектурных памятников и Царицынского парка, которые дают нам представление о том, как они выглядели на начало XX века.

Особое значение для исследователей представляют два других текста, созданных в начале и в середине XIX в. и, в отличие от всех им предшествовавших публикаций, напечатанных не сразу. Первый

¹ Девель Н. М. Царицыно // Исторический вестник. 1910. Т. 119. С. 664–699.

² Там же. С. 682.

текст был написан в 1810 г. и принадлежал весьма интересному человеку – Семену Николаевичу Корсакову (1787–1853). Изобретатель механических машин (некоторые справочники называют его «пионером русской кибернетики»), гомеопат, участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии, Семен Николаевич был хорошо известен современникам.

Кроме всего прочего, Корсаков был заядлым путешественником. В его архиве (находится в ОР РГБ) сохранились дневники и описания путешествий по окрестностям Москвы и Петербурга, поездок в Волоколамск, Звенигород, Дмитров, Ярославль, Ростов, Кронштадт, Нарву, Ладогу, Лодейное Поле и многие другие места.

27 июня 1810 г. он вместе со своим братом Николаем отправился в поездку в ближайшее Подмосковье – Коломенское, Царицыно, а также Симонов и Донской монастыри¹. Братьев Корсаковых также весьма впечатлила природа Царицына и его архитектура: «Дворец огромен с башнями необыкновенной архитектуры, но не отделан. При нем несколько других строений и все в готическом вкусе. Сад велик и разнообразен. В нем много беседок, большею частью в виде развалин. Местоположение гористо, от чего виды прекрасные, особливо около прудов, которые довольно велики. На оных несколько островков с развалинами и беседками. Дорожки чисты и гладки. Для въезду в сад находится несколько красивых железных ворот со львами и проч[ее]. Над оврагами устроены мостики в виде развалин. Когда из саду подходишь ко дворцу, то можно подумать, что приближаешься к какому-нибудь древнему необитаемому или волшебному замку»².

Интересно упоминание Корсаковым некоего водопада в Царицынском парке: «Сверх сего в саду еще есть водопад, но не было воды при нас. Вода должна литься через статую, находящуюся в гроте, украшенном раковинами»³. В очерке А. Касаткина, о котором

¹ Корсаков Семен Николаевич. Поездка в Царицыно и Коломенское, а потом в Симонов и Донской монастыри // ОР РГБ. Ф.137. Карт. 13. Д. 11. Л. 9–14 об.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 10 об.

речь пойдет ниже, при описании Царицынского парка отмечает-ся, что «над гротом на горе близ Хижины были резервуары с запас-ной водой для каскадов»¹. Можно предположить, что в данном слу-чае речь идет о резервуарах для упоминаемого Корсаковым водо-пада в гроте. И поскольку постоянного притока воды в резервуары быть не могло, скорее всего, эти водопады действовали в опреде-ленное время, например в дни праздников, устраиваемых П. С. Ва-луевым. Однако больше ни в каких документальных или литера-турных источниках этот водопад не упоминается.

Второй текст, о котором упоминалось выше, несколько лет на-зад был выявлен в РГАЛИ в фонде П. И. Бартенева² и не так давно, в 2012 г., опубликован Е. Д. Кокоревой³. Рукопись подписана неким А. Касаткиным, дата в ней отсутствует. Установить, кто скрывает-ся под этим именем, довольно сложно. Е. Д. Кокорева в своей пу-бликации высказывает предположение, что А. Касаткин был гра-вером и отцом художника Н. А. Касаткина (1859–1930). Однако, скорее всего, это не так. Прежде всего, опубликованные ею же об-разцы почерка А. Касаткина из РГАЛИ и письма отца художника заставляют усомниться в том, что эти документы написаны одним и тем же человеком.

Содержание самой рукописи, ее местонахождение в фонде из-вестного историка подсказывают, что автор был близок к науч-ным историческим и архивным кругам того времени. Прежде все-го, обращают на себя внимание огромное количество ссылок на архивные и уже опубликованные к тому времени источники – писцовые и переписные книги, хранившиеся в то время в Архи-ве Министерства юстиции, документы Московской Дворцовой конторы, «Дневник» Ф. В. Берггольца и другие документы. Сам текст написан достаточно грамотно: автор, в отличие от практиче-ски всех его предшественников, повторявших мифы, изучил боль-шое количество архивного материала и использовал его в своем

¹ Касаткин А. Село Царицыно // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 179. Л. 15 об.

² Там же. Л. 1–29 об.

³ Московский Журнал. 2012. № 8 (260). С. 28–42.

исследовании, что позволило ему избежать существенных ошибок и неточностей.

Между тем все попытки обнаружить имя А. Касаткина среди сотрудников МАМЮ (Московский архив Министерства юстиции, где в то время хранились использованные им документы) или исследователей, имевших в то время доступ к архиву, а также консультации с современными историками-архивистами, специализирующимися на изучении истории архивного дела в Российской империи, к сожалению, не увенчались успехом. Возможно, это псевдоним, и мы вряд ли когда-нибудь установим имя автора.

Е. Д. Кокорева при публикации рукописи датировала ее достаточно широко – XIX веком. Думается, что по некоторым сведениям, приводимыми А. Корсаковым, можно сузить эту хронологию. Поскольку в тексте упоминается как действующая Лечебница в здании Хлебного дома, которая функционировала в 1853–1859 гг. («кухонный корпус, в котором помещается больница с богадельнею»), нижнюю границу датировки можно отнести к 1853 г. Последняя страница, содержащая краткие сведения о том, что в 1860 г. Царицыно было передано из Дворцового ведомства в Удельное, в 1864 г. открыто движение по Московско-Курской железной дороге, а имя московского мещанина А. Я. Щеглова, в 1860-х гг. арендовавшего Валуевский дом под гостиницу и ресторан, вписано карандашом, позволяет предположить, что основной текст был дописан после 1859 г., но не позднее середины 1860-х гг.

В своем исследовании автор затрагивает такие неизвестные до того времени темы, как история Черной Грязи до кантемировского периода, начиная со времени, когда в конце XVII в., 21 ноября 1683 г., цари Иван и Петр пожаловали Черногрязскую вотчину боярину И. Ф. Стрешневу. Кроме того, автор текста коротко описывает сложные перипетии наследования имения потомками князя Д. К. Кантемира после его смерти в 1723 г. Выше уже отмечалось, что в тексте А. Касаткина впервые названо имя архитектора Большого дворца – М. Ф. Казакова – и приведен текст письма Екатерины II возглавлявшему в то время ЭКС М. М. Измайлову от 6 июня 1785 г., в котором императрица повелела обоим архитекторам

«порознь» (то есть независимо друг от друга) исправить недостатки зданий Главного корпуса, увиденные ею во время визита в Царицыно, и сделать проекты нового Большого дворца. Касаткин упоминает также распоряжение М. М. Измайлова от 18 марта 1786 г., согласно которому построенные В. И. Баженовым здания Главного корпуса Екатерины II и наследника Павла Петровича следует разобрать до основания, а на их месте «на кабинетную сумму» построить новый Большой дворец «по плану, сочиненному архитектором Казаковым»¹.

Особый интерес вызывает пересказ разговора автора с местным жителем, «стариком, которому было лет за сто», который в бытность императрицы Екатерины II в Царицыне 16-летним парнем служил ей матросом. Несмотря на давность событий, сообщенные стариком сведения довольно достоверны и подтверждаются позднейшими исследованиями. Так, в своем рассказе он упоминает Летний дворец Екатерины II – временное деревянное здание, построенное в Царицыне архитектором П. Я. Плюсковым для императрицы летом 1775 г.: «Там была березовая роща. Пред ней передним фасом к пруду было деревянное одноэтажное строение с балконом, и служило матушке нашей царице временным летним дворцом. Это здание построено было наскоро – не более как в две недели, и стояло оно до 1813 года»² (что соответствует действительности: по словам самой Екатерины, дом был построен за две недели, а разобран по распоряжению П. С. Валуева в 1813 г.).

Поэтому интересной и заслуживающей внимания информацией служит рассказ старика о катаниях императрицы на шлюпке по прудам: «У ней была шлюпка, которая спереди изображала драконову голову, а задняя часть оканчивалась свитым в три кольца хвостом, потому и называлась драконом. Видите, направо в пруде близ берега зеленый кружок. Этот кольцеобразный островок служил для дракона гаванью, а на этом месте, где сидим, была пристань... Бывало, матушка с своего балкона смотрит-смотрит,

¹ Касаткин А. Указ. соч. Л. 16.

² Там же. Л. 7 об.

любуется-любуется на детей своих, как они веселятся, и велит подать себе дракона. Песенники в своих полукафтанных с красными кушаками, матросы в бланжевых куртках, в пестрых шароварах, под черными набекрень шляпами, в минуту готовы к делу. Матушка с своими фрейлинами разместится под бархатным балдахином, украшенным золотым галуном и кистями. Матросы – за весла и дружно взмахнут веслами. Брызги при вечернем солнце сыплются в них как алмазы»¹.

Не менее интересными являются описания А. Касаткиным Царицынского парка и – особенно – различных его павильонов и построек, часть которых к концу XIX в. была уже утрачена. Речь идет о таких деревянных или каменных сооружениях, как Хижина, Езопка, Птичник на острове или статуя Нептуна, находившаяся также на острове рядом с Аркой-руиной (в то время она называлась Русалкины ворота. Единственное документальное свидетельство о Нептуне содержится в Рапорте титулярного советника Егорова, в котором сообщается, что по приказу главы ЭКС Н. Б. Юсупова весь остров, «на котором стояла статуя Нептуна, деревни Шадровой крестьянином Михайлою Ильиным за подряженную цену сто рублей свезен»²).

Подводя итоги обзора литературных очерков о Царицыне, необходимо отметить, что, с одной стороны, в свое время они были основным источником информации для интересующихся историей местности Царицыно, а с другой, способствовали ее популяризации среди путешественников и москвичей. Несмотря на то что, как уже говорилось выше, огромное количество ошибок, мифов и преданий, бытовавших в работах начала XIX в., благополучно прожили столетие и перекочевали в тексты начала XX столетия, в них явно ощущается стремление авторов дополнить свои тексты новой, не известной ранее информацией.

¹ Касаткин А. Указ. соч. Л. 7.

² РГАДА. Ф 1239. Оп. 3. Д. 29594. Л. 1. Впервые на этот документ указала в своей работе К. И. Минеева: *Минеева К. И.* Царицыно. Дворцово-парковый ансамбль. М., 1988. С. 66.

В немалой степени этому способствовало начавшееся в середине XIX в. активное научное освоение исторических документов екатерининского времени. Многочисленные публикации в Сборниках Русского исторического общества, Русском архиве, Историческом вестнике, а также отдельные издания писем, указов, рескриптов Екатерины II и ее окружения позволили более широко осветить время ее правления и историю создания царицынского архитектурного ансамбля.

Литература

Девель Н. М. Царицыно. СПб., 1910.

Любецкий С. М. Царицыно // *Нива*. 1870. № 2. С. 21–23.

Минеева К. И. Царицыно. Дворцово-парковый ансамбль. М., 1988.

Офицорова Е. В. Литературные источники по истории Царицына конца XIX – начала XX в.: Н. М. Девель «Царицыно». Художественный вымысел и исторические реалии // *Русская усадьба*. Вып. 22 (38). СПб., 2017.

Свиньин П. П. Странствия в окрестностях Москвы. Кусково. Коломенское. Царицыно // *Отечественные записки*. 1822. Ч. 12. № 30.

Село Царицыно // *Московский Журнал*. 2012. № 8 (260)

Шаликов П. И. Царицыно // *Вестник Европы*. 1804. № 11.

Царицыно // *Отечественные достопамятности, или Изображение русских исторических памятников и необыкновенных произведений природы, наук и художеств, находящихся в России*. Ч. 3. 1823.

Архивные материалы

Касаткин А. Село Царицыно // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 179. Л. 1–29 об.

Корсаков Семен Николаевич. Поездка в Царицыно и Коломенское, а потом в Симонов и Донской монастыри // ОР РГБ. Ф. 137.

Карт. 13. Д. 11.

ГРАНИЦЫ УСАДЬБЫ ЛОПАСНЯ-ЗАЧАТЬЕВСКОЕ В XVII–XXI ВЕКАХ

Кольцова Вера Вячеславовна,
Музей «Усадьба «Лопасня-Зачатьевское»,
филиал Музея-заповедника А. П. Чехова «Мелихово»,
Московская область, г. Чехов

Аннотация. В 1770 г. был составлен «Геометрический специальный план Серпуховского уезда Козлобородского стана селу Зачатьевскому...» землемером И. Гнешевым. Генерал-майор Н. И. Васильчиков, участник войн 1812–1814 гг., владел имением с 1821 по 1855 г. Скончавшись, он оставил состояние супруге и детям. Вдова получила седьмую часть, в том числе подмосковное село Зачатьевское площадью около 1074 га. С 1905 по 1917 г. лопасненскими землями владели сестры Гончаровы, племянницы Н. Н. Пушкиной-Ланской, родственники Васильчиковых. В настоящее время Музей «Усадьба «Лопасня-Зачатьевское» имеет площадь 5000 кв. метров.

BOUNDARIES OF THE ESTATE OF LOPASNIA- ZACHATIEVSKOE IN THE XVII–XXI CENTURIES

Koltsova Vera Vyacheslavovna,
The museum «Manor «Lopasnya-Zachatievskoe»,
a branch of the Chekhov Museum-Reserve «Melikhovo»,
Moscow region, Chekhov city district, Chekhov

Annotation. In 1770, a “Geometric special plan of the Serpukhov district of the Kozloborodsky camp to the village of Zachatievsky...” was drawn up by the surveyor I. Gneshev. Major General N.I. Vasilchikov, a participant in the wars of 1812-1814, owned the estate from 1821 to 1855. When he died, he left a fortune to his wife and children. The widow received the seventh part, including the village of Zachatievskoye near Moscow, with an area of about 1074 hectares. From 1905 to 1917, the Goncharov sisters, nieces of N.N. Pushkina-Lanskaya, relatives of the Vasilchikovs owned the Lopasnensky lands. Currently, the Museum “Manor “Lopasnya-Zachatievskoe” has an area of 5,000 sq. meters.

Впервые «село Зачатейское, что на Лопасне» упоминается в платежной книге по Малоярославцу за 1620–1621 гг.¹ Часть села принадлежала представителю старинного боярского рода Васильчиковых – стряпчему Тимофею Никитичу Васильчикову, а другая часть – постельничему Константину Ивановичу Михалкову. Через 10 лет большей частью села владела дочь Тимофея Васильчикова Авдотья, выданная замуж за соседа. Четверть села числилась за Лукьяном Григорьевичем Васильчиковым.

В 1628–1630 гг. была составлена межевая книга Боровского уезда, где встречается подробное изложение особенностей местоположения села, окружавшего его ландшафта, границ с соседними поселениями. В книге есть описание межи, которое знакомит с внутренней планировкой села: «Межа меж Константиновой земли Михалкова и меж Тимофеевой земли Васильчикова села Зачатейского: от реки от Лопасны прямо в село; а у реки столб, а на нем грань; от того столба прямо в село Зачатейское, проехав церковь Зачатия Пресвятыя Богородицы, у Тимофеева крестьянина Васильчикова у Юшкина двора Лаврентьева столб, а на нем грань, а от того столба к сельскому полю на столб же, а на нем грань. Направе усадные дворы крестьянские Тимофея Васильчикова, а налеве земля усадные дворы крестьянские Константина Михалкова»².

19 сентября 1765 г. правительством Екатерины II был издан манифест о Генеральном межевании, на основании которого впоследствии были проведены полевые съемочные работы по всем губерниям страны, в результате которых землемером капитаном Иваном Гнешевым в 1770 г. был составлен «Геометрический специальный план Серпуховского уезда Козлобородского стана селу Зачатьевскому, Лопасня тож, с пустошами». В камеральных и экономических примечаниях к описанию к генеральному плану Серпухова и Серпуховского уезда напротив «села Зачатейского» есть запись о его владельцах: «Оное селцо Зачатейское, Лопасня тож, владение капитана Николая Григорьевича сына Васильчикова, вдовы Семена Григорье-

¹ Долгова С. Р. Вотчина Васильчиковых село Зачатьевское-Лопасня в XVII–XVIII веках (по документам РГАДА) // Усадьба реальная – усадьба литературная. Сб. ст. Мелихово, 2008. С. 9.

² Там же. С. 10.

вича, поручицы Марьи Богдановой дочери Васильчикова (урожд. Жадовская)»¹. Всего за селом Зачатейским числилось «пашенной 539 десятин 748 кв. саж. лесу дровяного 345 десятин, 190 кв. саж... Под поселением, огородами, гуменниками и конопляниками 22 десятины 966 кв. саж. под церковью и кладбищем 40 кв. саж. под большой дорогою, которая идет из города Серпухова в город Москву, 13 десятин 1350 кв. саж. под проселочными дорогами... под половинами старого и нового течения реки Лопасни, под прудами и оврагами и водороинами, 11 десятин 381 кв. саж.»².

По границе села Зачатьевского землями владели надворный советник Иван Иванович Дурново, граф Гаврила Иванович Головкин, лейб-гвардии поручик Николай Васильевич Еропкин, статский советник Иван Никифорович Тютчев, полковник Иван Анорианович Позняков, Свято-Троицкая лавра и Высокопетровский монастырь и крестьяне деревни Нащёкиной³.

О точности составленных планов мы можем судить из письма Анны Николаевны Васильчиковой⁴, проживавшей в Зачатьевском имении в конце XIX в.: «А план был, я его видела; ты ошибаешься, думая, что старые планы хуже новых; какие старые: в 1770 году было сделано по приказанию Императрицы Екатерины Генеральное межевание, и на этих планах, у кого они есть, основываются все тяжбы. Они неоспоримы»⁵.

Отец А. Н. Васильчиковой – Николай Иванович Васильчиков генерал-майор, участник антинаполеоновских войн 1812–1814 гг. – владел Лопасненским имением с 1821 по 1855 г. Скончавшись, он оставил все свое состояние⁶ супруге Марии Петровне⁷ и детям. Раздел

¹ РГАДА. Ф.1274. Оп. 1. П ч. Д. 1102. Л. 88.

² Долгова С. Р. Указ. соч. С. 12.

³ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. П ч. Д. 1102. Л. 88.

⁴ Анна Николаевна Васильчикова (12.02.1824 – 09.03.1904) – дочь генерал-майора Н. И. Васильчикова (28.03.1792 – 27.01.1855).

⁵ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 2667. Л. 38.

⁶ ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 5. Д. 2411. Л. 18–19.

⁷ Мария Петровна Васильчикова (? – 04.01.1879), урожденная Ланская, родная сестра П. П. Ланского – второго супруга Н. Н. Пушкиной.

имущества произошел среди всех сонаследников при единодушном их согласии. Вдова Мария Петровна Васильчикова получила из всего имения свою седьмую часть, в том числе в Московской губернии в Серпуховском уезде «село Зачатьевское, Лопасня тож», площадью 985 десятин 61 кв. сажень (около 1074 га)¹.

Позднее для утверждения в правах на наследование имения своей умершей матери Марии Петровны Васильчиковой ее сын Николай Николаевич Васильчиков 13 мая 1880 г. представил в Московский окружной суд приложение к № 45 С.-Петербургских Сенатских объявлений, из которого видно, что третья публикация о вызове наследников имения вдовы генерал-майора Марьи Петровны Васильчиковой была напечатана, и в шестимесячный срок после ее публикации никто не явился. Позднее Н. Н. Васильчиков предоставил в суд следующие документы: метрическое свидетельство Московской духовной консистории о смерти Марии Петровны Васильчиковой, справки главного священника армии и флота за № 2348 о рождении от Николая и Марьи Васильчиковых сына Николая, раздельный акт, совершенный в Московской палате гражданского суда от 4 августа 1861 г. и удостоверение старшего нотариуса в том, что на имение Марии Васильчиковой запрещений не оказалось.

Судя по «Книге окладных сборов за 1895 год»², штабс-ротмистр Н. Н. Васильчиков имел при селе Лопасне ровную пустошь и земли при селе Коровине в количестве земли, облагаемой сборами, общей площадью 786 десятин и 361 сажень (около 857 га).

В 1905 г. Н. Н. Васильчиков скончался. В «Книге записи поземельного государственного налога с земель частных владельцев» за 1911 г.³ мы находим имена новых владельцев разных пустошей при селе Лопасня и Коровине – Екатерину, Наталью и Надежду Гончаровых, племянниц Н. Н. Васильчикова. За ними числилось 746 десятин 491 сажень. Вплоть до октябрьских событий

¹ ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 5. Д. 2411. Л. 19 об. – 20.

² ЦИАМ. Ф. 194. Оп. 2. Д. 38. Л. 11 об.

³ Книга записи поземельного государственного налога с земель частных владельцев // ЦИАМ. Ф. 194. Оп. 2. Д. 220. Л. 24 об. 1911 год.

1917 г. Гончаровы успешно владели лопасненскими землями, пока новый режим не отменил частную собственность на землю без всякого выкупа.

Уже 2 декабря 1917 г. была проведена опись имущества бывшего владения Гончаровых при селе Зачатье, в которой указывалось, что за бывшими владельцами числилось имение Лопасня в Московской губернии Серпуховского уезда в количестве земли $746\frac{1}{4}$ десятины¹.

Таким образом, с 1917 г. берет свое начало история кардинальных изменений прежних границ подмосковной усадьбы Лопасня-Зачатьевское.

В 1918 г. имение Гончаровых передали Московскому земельному отделу². В бывшем имении Гончаровых был организован совхоз «Лопасня», границы земель которого практически повторяли границы бывшей дворянской усадьбы.

Совхоз «Лопасня» просуществовал до 1924 г., а затем его земли и постройки были переданы нескольким организациям, в том числе и Серпуховскому отделу народного образования³. Из совхоза было передано в пользование Серпуховскому отделу народного образования для лопасненской школы II ступени земельный участок общей площадью 14,71 десятины, в том числе под сад – 2,84; усадьбу – 8,56; под воду и дорогу – 3,35⁴.

В 1958 г. в связи с вводом в эксплуатацию средней общеобразовательной политехнической трудовой школы № 4 в Чехове лопасненская школа № 1 была реорганизована. В 1960-е гг. здесь уже работала средняя школа рабочей молодежи № 1. Из бывшего главного усадебного дома школа была выведена в 1987 г.

В 1996 г. комиссия в составе директора Государственного историко-литературного музея-заповедника «Мелихово» Ю. А. Бычкова в присутствии представителей Комитета по культуре и туризму

¹ Опись имущества бывшего владения Гончаровых при с. Зачатье // ЦГАМО. Ф. 4505. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

² Усадьба Лопасня-Зачатьевское. История реставрации. М., 2005. С. 8.

³ Дело о развёрстании земли совхоза «Лопасня» Лопасненской волости (бывшего владения Гончаровых) // ЦГАМО. Ф. 4505. Оп. 1. Д. 949. Л. 2.

⁴ Документы по передаче имущества бывшего помещика Гончарова при с. Лопасня, Лопасненского района // Архивный отдел Чеховского городского округа. Ф. 37. Оп. 2. Д. 2. Л. 2 об.

Московской области – заместителя начальника Управления по охране и использованию памятников С. А. Анохиной и заведующего сектором музеев Управления музеев и региональных программ В. Л. Рапопорта произвела осмотр принимаемого в эксплуатацию памятника архитектуры главного дома усадьбы Лопасня (Зачатьевское) в Чехове и приняла решение о передаче главного усадебного дома на баланс Государственного историко-литературного музея-заповедника «Мелихово», на базе которого был создан его филиал, Музей-усадьба «Лопасня-Зачатьевское».

В настоящее время площадь земельного участка под размещение Музея «Усадьба “Лопасня-Зачатьевское”» составляет 5000 м², то есть 1/2 га, что составляет 1/2153 части от данных по межеванию 1770 г.

В своей книге историк-картограф Владимир Святославович Кузов приводит карту, составленную на основе карт межевания XVIII в. Под № 148 и 148А в ней представлены данные, касающиеся села Зачатьевское и церкви Зачатия Св. Анны: «148. Зачатьевское, Лопасня тож, село Серпуховского уезда, Козлобродского стана, прежде в Боровском уезде, владение капитана Николая Григорьевича и вдовы Марьи Богдановны Васильчиковых, межевал 3 июня 1770 г. Гневышев. Пашня 539 д. 748 с., лес 345 д. 190 с., сенной покос 50 д. 500 с., селение 22 д. 966 с., церковь и кладбище 400 с., бол. Дорога 13 д. 1350 с., дороги 7 д. 17 с., реч. 11 д. 381 с., всего 988 д. 2152 с., душ 165.

148А. Земли церкви Зачатия св. Анны села Зачатейского, Лопасня тож, межевал 5 июля 1770 г. Елчанинов. Пашня 18 д. 1600 с., сенной покос 2 д. 1410 с., селение 1992 с., дороги 75 с., всего 22 д. 277 с.»¹.

Красной чертой на карте показана современная граница городского поселения Чехов.

В 2016 г. по заказу Главного управления архитектуры и градостроительства Московской области ГУП МО «Научно-исследовательский и проектный институт градостроительства» разработал «Проект внесения изменений в Генеральный план городского поселения Чехов Чеховского муниципального района Московской

¹ Кузов В. С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описание землевладений. Т. II. М., 2004.

области», в котором учтена уникальность данной природно-исторической территории. Был поставлен вопрос о сохранении, реабилитации, реставрации и восстановлении природно-исторической территории под названием «Окрестности р. Лопасни». По проекту эта территория должна была объединить историческую часть Чехова, зоны застройки объекта культурного наследия Зачатьевская церковь, зону охраняемого природного ландшафта вдоль реки Лопасни, территории застройки XIX и начала XX в. общей площадью 844,5 га.

Особенностью проекта стал комплексный подход к исторической территории города. В нем нашла отражение исторически сложившаяся структура городского ядра с расходящимися веером от Зачатьевского храма улицами, рекой Теребинкой и оврагами. В проекте отражена взаимосвязь двух главных объектов, имеющих важное градостроительное значение – Зачатьевского и Предтеченского в Садках храмов. В генеральном плане они показаны как историко-культурные комплексы.

В проекте представлены предложения по установлению границ «Усадьбы “Лопасня-Зачатьевское”» XVII–XVIII вв. – территории объекта культурного наследия федерального значения, разработанные на основе результатов историко-архивного, архитектурно-ландшафтного, пространственно-композиционного исследования и анализа сложившейся градостроительной ситуации. В нее вошли церковь Зачатия Анны, парк с прудами, главный дом и служебный корпус (конюшня), который является единственной сохранившейся постройкой хозяйственного двора усадьбы.

Все эти территории нашли отражение в проекте зон охраны в качестве территорий памятников, охранных зон, зон регулирования застройки, объединенных зон охраняемого ландшафта. Проект зон охраны частично включил в числе прочего и территории, которые необходимо реконструировать для сохранения наиболее привлекательного для горожан и туристов исторического облика центра города.

Проект по утверждению зон охраны объектов культурного наследия и границ территорий исторических поселений до настоящего времени не принят.

Литература

- Долгова С. Р.* Вотчина Васильчиковых село Зачатьевское-Лопасня в XVII–XVIII веках (по документам РГАДА) // Усадьба реальная – усадьба литературная. Сб. статей. Мелихово, 2008.
- Кусов В. С.* Земли Московской губернии в VIII веке. Карты уездов. Описание землевладений. Т. II. М., 2004.
- Усадьба Лопасня-Зачатьевское. История реставрации. М., 2005.

Архивные документы

РГАДА. Ф.1274. Оп. 1. II ч. Д. 1102. Л. 88.

РГАДА. Ф.1265. Оп. 3. Д. 2667. Л. 38.

ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 5. Д. 2411. Л.18–19.

ЦИАМ. Ф.194. Оп. 2. Д. 38. Л.11 об.; Д. 220. Л. 24 об. 1911 год.

ЦГАМО. Ф. 4505. Оп. 1. Д. 47. Л.1; Д. 949. Л. 2.

Архивный отдел управления документооборота и организационной
работы Администрации городского округа Чехов // Ф. 37. Оп. 2. Д. 2.
Л. 2 об.

АВТОГРАФЫ С. Т. АКСАКОВА ИЗ СОБРАНИЯ
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «АБРАМЦЕВО»:
ПРОБЛЕМЫ ИЗДАНИЯ И КОММЕНТИРОВАНИЯ

Левина Елена Николаевна,
Государственный историко-культурный и художественный
музей-заповедник «Абрамцево»,
Московская область, Сергиево-Посадский городской округ,
городское поселение Хотьково, село Абрамцево

Аннотация. К 230-летию со дня рождения С. Т. Аксакова подготовлено комментированное издание, содержащее информацию об автографах писателя, хранящихся в фондах Государственного историко-художественного и литературного музея-заповедника «Абрамцево». В книгу вошли фрагменты рукописей С. Т. Аксакова, его письма к разным лицам, письма, адресованные С. Т. Аксакову (в том числе семь писем Н. В. Гоголя), инскрипты писателя, документы. Публикуемые материалы снабжены историко-литературным комментарием и позволяют расширить представление о биографии и творческом наследии С. Т. Аксакова.

Ключевые слова. Аксаков. Автографы. Музей-заповедник «Абрамцево». Издание.

AUTOGRAPHS OF S.T. AKSAKOV FROM THE COLLECTION
OF THE MUSEUM-RESERVE "ABRAMTSEVO":
PROBLEMS OF PUBLICATION AND COMMENTING

Levina Elena Nikolaevna,
State Historical, Cultural and
Art Museum-Reserve «Abramtsevo»

Annotation. For the 230th anniversary of the birth of S. T. Aksakov, a commented edition has been prepared containing information about the writer's autographs stored in the funds of the State Historical, Artistic and Literary Museum-Reserve "Abramtsevo". The book includes fragments of manuscripts by S. T. Aksakov, his letters to various persons, letters addressed to S. T. Aksakov (including 7 letters from N. V. Gogol), writer's inscriptions, documents. The published materials are provided with historical and literary commentary and allow expanding the understanding of the biography and creative heritage of S. T. Aksakov.

Keywords. Aksakov. Autographs. Abramtsevo Museum-Reserve. Edition.

Самобытное творчество Сергея Тимофеевича Аксакова – поэта, прозаика, переводчика, публициста, литературного и театрального критика, одного из первых русских писателей-натуралистов, наделенного необыкновенно тонким чувством природы, превосходного стилиста, виртуозно владевшего родным языком, одаренного мемуариста и одного из основоположников русской автобиографической прозы, чьи сочинения – «сама жизнь, рассказывающая про себя»¹, – одно из крупнейших явлений русской литературы 1-й половины XIX в. В мемуарах С. Т. Аксакова И. С. Тургенев увидел «настоящий тон и стиль», «зачатки будущего русского романа»². «Замечательной литературной вещью» назвал «Детские годы Багрова-внука» Л. Н. Толстой, ставивший Аксакова-художника в один ряд с Гоголем и Тургеневым³; его «Воспоминания» высоко оценил Ф. М. Достоевский.

Государственный историко-культурный и художественный музей-заповедник «Абрамцево» сегодня является одним из главных хранилищ памяти не только о замечательном писателе, но и о семье Аксаковых, многие представители которой оставили заметный след в истории русской культуры. Аксаковский фонд музея включает материалы, связанные с жизнью и творчеством С. Т. Аксакова и членов его семьи, документы эпохи, произведения современников писателя, сочинения авторов, входивших в круг чтения Аксаковых. Значительную часть фонда составляют материалы, относящиеся к деятельности Ивана и Константина Аксаковых.

К 230-летию С. Т. Аксакова в музее-заповеднике «Абрамцево» подготовлено комментированное издание автографов С. Т. Аксакова из собрания музея. Помимо отрывков рукописей С. Т. Аксакова, в издание включены его письма к разным лицам (О. С. Заплатиной, П. А. Кулишу, А. И. Панаеву); письма современников к С. Т. Аксакову (в том числе семь писем Н. В. Гоголя); учтены в издании

¹ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений : в 8 т. М., 1896–1900. Т. 3. С. 369–375.

² Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М., 1987. Письма. III. С. 79.

³ Пузин Н. П. К вопросу о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и С. Т. Аксакова // Известия Академии наук СССР. Отд-ние литературы и языка. М., 1956. Т. XV. Вып. 2. С. 165.

инскрипты писателя и документы, подписанные С. Т. Аксаковым, а также духовное завещание матери писателя М. Н. Аксаковой (1830).

Особый интерес, безусловно, представляют два семейных альбома – альбом, подаренный С. Т. Аксаковым О. С. Заплатиной (1816), и альбом С. А. Аксаковой (1848), тексты которых впервые воспроизводятся в новом издании полностью, от первой до последней страницы. Небольшого формата альбом писем С. Т. Аксакова к О. С. Заплатиной (12×20 см) имеет зеленый сафьяновый переплет с золоченой бронзовой плакеткой и застежкой; на его форзаце – надпись карандашом неизвестной рукой: «Письма Сергея Тимофеевича Аксакова к Ольге Семеновне Аксаковой». Из 86 листов альбома заполнены лишь 20.

Альбом был приобретен книготорговцем А. А. Карцевым вместе с правом на издание сочинений С. Т. Аксакова. Позже он попал к коллекционеру А. Г. Миронову, у которого в 1950 г. был куплен музеем «Абрамцево». Впервые отрывки из писем С. Т. Аксакова к О. С. Заплатиной были опубликованы в статье В. И. Шенрока¹; материалы альбома использованы также в работе А. Г. Кузнецовой².

Знакомство Сергея Аксакова с Ольгой Заплатиной состоялось в конце 1815 г. в доме ее отца Семена Григорьевича Заплатина. Ольга Семеновна (1793–1878) – дочь генерал-майора Заплатина (?–1821) и турчанки Игель-Сюм (в крещении – Мария; около 1776–1814), плененной при взятии Очакова в 1788 г. Сведений об отце Ольги Семеновны почти не сохранилось. Известно лишь, что под началом А. В. Суворова он участвовал в турецкой и польской военных кампаниях, был награжден Георгиевским крестом, во время Отечественной войны 1812 г. командовал ополчением. Имеется весьма любопытное свидетельство об Игель-Сюм: «Мать Ольги Семеновны Аксаковой была турчанкой Ильмисюм <Игель-Сюм>, дочь Очаковского аги. Она была знатного рода,

¹ С. Т. Аксаков и его семья // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. № 10. С. 382–385.

² Любовь в жизни и произведениях С. Т. Аксакова // Абрамцево. Материалы и исследования. 1999. Вып. 8. С. 45–50.

который вел свое происхождение от Магометовой семьи. Сама она и все ее родные носили зеленые чалмы. В плен она попала 11-ти лет при взятии Очакова, где погибли или пропали без вести ее отчим, брат и другие родственники. Судьба занесла ее в Полтавскую губернию, к Воиновым, у которых она сделалась христианкою, после чего уже не могла возвратиться на родину. Она вышла замуж за генерал-майора и шефа полка своего имени Григория Семеновича Заплатаина. Сохранились ее тетради: Русские слова с турецкими объяснениями. Ее звали Марью Петровной. Она скончалась в Курске в 1814 году (слышано от самой О. С. Аксаковой)¹. Ольга воспитывалась в пансионе, а после смерти матери и выхода отца в отставку жила с ним в имении в Обоянском уезде Курской губернии.

С. Т. Аксаков с осени 1815 г. жил вместе с родителями неподалеку, в доме № 2 на Малой Молчановке (спустя 13 лет, в 1828 г., С. Т. Аксаков вновь возвратился в этот дом и жил здесь с семьей в течение года, а сразу после Аксаковых, с августа 1829 по июль 1832 г., в доме на Малой Молчановке поселился со своей бабушкой, Е. А. Арсеньевой, М. Ю. Лермонтов).

На титульном листе альбома надпись: «Моей возлюбленной невесте 1816-го года апреля 24-го дня. Москва». Первое письмо датировано: «25-го апреля, 12-ый час ночи». Приведем его текст полностью: «Несколько часов, милая Оллина, как я расстался с тобою; чрез несколько часов увижу тебя, а какое-то тайное беспокойство смущает мою душу? – Голова моя стеснена... и сердце замирает... Неужели это предчувствие горести?.. Здорова ли ты?.. Не огорчена ли чем?.. Нет, это необходимость быть с тобою вместе, беспрестанно тебя видеть, слышать, чувствовать твое присутствие!..

Ты хотела завтра поутру к нам приехать, но теперь идет сильный снег и дождь! Погода очень скверна и нездорова... Я желаю, чтоб ты не приезжала!.. Пусть я увижу тебя несколькими часами позднее, пусть эти часы будут для меня ничтожны, несчастны... Я охотно жертвую своим спокойствием из опасения, чтоб дурное время

¹ Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1892. № 10. С. 239–240.

не повредило твоему здоровью!.. Ты и так расстроена. Ты мало подкрепляешься пищею и сном. Ах, милая, утишай свою чувствительность, береги себя. Я не перенесу твоей болезни – сочту себя тому причиной.

Уже 1-ый час, слава богу, я могу сказать, что я увижу тебя сегодня, а не завтра. Эта мысль меня оживляет. — Приди, спасительный и животворящий сон, успокой меня, займи мое воображение мечтами об Олдине...»¹

В альбоме девять прозаических и два стихотворных послания — «Спор с Амуром» и «Акростих»; последнее письмо датировано 11 (23) мая, менее месяца спустя, 2 (14) июня 1816 г., С. Т. и О. С. Аксаковы венчались в церкви Симеона Столпника на Поварской улице в Москве.

Впервые публикуется полностью и текст альбома С. А. Аксаковой. Альбом готовился семьей Аксаковых как свадебный подарок невесте второго сына Аксаковых Григория (1820–1891) Софье Александровне Шишковой. С. А. Шишкова – дочь Марии Алексеевны Шишковой (урожд. Булгаковой; 1799–1882) и самарского помещика Александра Федоровича Шишкова (1788–1838, по другим сведениям – около 1845), двоюродного брата известного писателя и государственного деятеля вице-адмирала А. С. Шишкова (1754–1841), идеями которого в студенческие годы был увлечен С. Т. Аксаков. А. С. Шишков – основатель литературного общества «Беседы любителей русского слова», поборник «русского направления» в литературе и противник всяких иностранных заимствований. Свои взгляды Шишков изложил в книге «Рассуждения о старом и новом слоге Российского языка»².

Альбом С. А. Аксаковой (33×23 см) – в бархатном переплете гранатового цвета, с никелированной рамкой и замком, с форзацами из бумаги под муар розового цвета – содержит 74 листа бумаги разных цветов с золотым обрезом, из которых на 24 – записи, на 5 – рисунки, а остальные – чистые.

¹ МА КП 33/1. Рук. 39.

² Шишков А. С. Рассуждения о старом и новом слоге Российского языка. М., 1813.

Первая запись в альбом сделана Сергеем Тимофеевичем в день свадьбы Г. С. и С. А. Аксаковых – 27 декабря 1847 г. (8 января 1848 г.)¹, последняя – 3 (15) октября 1848 г. (стихотворение С. Т. Аксакова «Софье»)². Рукою С. Т. Аксакова в альбом вписаны «Отрывок из “Семейной хроники”», «Стансы», эпизод биографии, связанный с его отстранением от цензорской деятельности в 1832 г., и начало отрывка «Добрый день моего дедушки» (вторая часть этого текста написана другим почерком – со второй половины 1840-х гг. у Аксакова начались проблемы со зрением). В альбоме имеются несколько рисунков, выполненных дочерьми писателя, стихотворения Ивана и Константина Аксаковых, а также один из ранних вариантов статьи К. С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика – народ».

«Отрывок из "Семейной хроники"» обнаружил в 1925 г. литературовед С. Н. Дурылин. К 80-летию со дня смерти С. Т. Аксакова, в 1939 г., он опубликовал отрывок в журнале «Огонек», предварив вступительной статьей, в которой рассказывал о творчестве писателя, судьбе его сына Г. С. Аксакова и об истории альбома³.

В целом текст отрывка, напечатанный С. Н. Дурылиным, практически не содержит неточностей, кроме одного момента. Рассказывая о том, как он поддразнивал маленького сына Гришу, Аксаков пишет: «...коверкая лицо и язык на немецкий лад, в чем я был большой искусник, я прикидывался немцем и весьма серьезно и долго уверял, что я колонист из Сарепты, когда мы жили еще в деревне, или булочник *Дромер* (курсив мой. – Е. Л.), когда мы уже переехали на житье в Москву. Ребенок, озадаченный таким превращением, обыкновенно начинал смехом и словами: “Нет, вы не немец, вы отесинька”»⁴. В данном случае первым публикатором была неверно прочитана

¹ Венчание Г. С. Аксакова и С. А. Шишковой состоялось 8 января 1848 г. в Симбирском Спасо-Вознесенском соборе.

² Впервые опубликовано: Абрамцево. Материалы и исследования. Вып. I. Абрамцево, 1988. С. 110–112.

³ Аксаков С. Т. Отрывок из «Семейной хроники» (Неизданный текст) / ред. и предисл. С. Н. Дурылина // Огонек. 1939. № 18. С. 10–11.

⁴ Там же.

фамилия московского булочника (хлебника) Дрешера, булочная которого находилась в Москве «на Мясницкой в доме Мельникова»¹.

Второй отрывок из «Семейной хроники», записанный в альбом С. А. Аксаковой – «Добрый день моего дедушки», – полностью (с незначительными исправлениями) вошел в печатный вариант «Доброго дня Степана Михайловича»². Но если в печатном варианте «Хроники» писатель именует одну из своих тетушек Танюшей, то в рукописном отрывке он приводит семейное имя Евгении Степановны Угличиной (урожд. Аксакова; 1773 – не ранее 1834) – Еввеша. Некоторые другие ранее опубликованные тексты также имеют значительные расхождения с автографами, хранящимися в фондах Музея-заповедника «Абрамцево».

Стихотворение И. С. Аксакова «В альбом невесте брата» было впервые напечатано в «Сборнике стихотворений И. С. Аксакова»³. В примечаниях к стихотворению указано: «Доставлено Григорием Сергеевичем Аксаковым; относится к 1848 г.». Нет сомнения, что имеется в виду именно список стихотворения в альбоме С. А. Аксаковой, который тем не менее отличается от печатного варианта. Далее приведем несколько строк стихотворения в первоначальной редакции, а в скобках, курсивом – текст публикации в сборнике 1886 г.

Душою светлой и прекрасной,
(Душою чистой и прекрасной),
 Глубокой, чистой и живой,
(Глубокой светлой и живой),
 Вступаешь ты в союз согласный
 С другою светлою душой!..
(С другою чистою душой!..)
 И верно, с женственной и нежной
(С тоскою женственной и нежной)
 И с робкой смелостью мечты,

¹ Альманах на 1826 для приезжающих в Москву и для самих жителей сей столицы, или Новейший указатель Москвы... М., 1825. С. 126.

² Аксаков С. Т. Степан Михайлович Багров // Москвитянин. 1854. Т. II. № 5. Кн. I. С. 7–48.

³ Сборник стихотворений И. С. Аксакова. М., 1886. С. 33–34.

Ждала ты встречи неизбежной,
Опоры твердой и надежной,
Мужского сердца красоты!..

Стихотворение «Опять дожди, опять туманы» под названием «17 октября» и посвящением Аполлону Майкову было опубликовано в феврале 1858 г. в «Журнале охоты». Два списка этого стихотворения, существенно между собой отличающиеся, хранятся в фондах ИРЛИ – рукописная копия, правленная рукой С. Т. Аксакова и им подписанная¹, и список в альбоме «Семейные стихотворения»².

К выполненному рукой И. С. Аксакова списку стихотворения, хранящемуся в музее, было сделано примечание: «Это стихотворение было также написано перед переездом из Абрамцева в Москву на зиму, но С[ергей] Тим[офеевич] более уже не вернулся в Абрамцево. Захворав осенью еще в деревне, он проболел всю зиму, летом 1858 г. вынужден был жить в Петровском парке, чтоб быть поближе к доктору, а 30 апреля 1859 г. он скончался. Таким образом, эти стихи – его последнее прощание с любимым Абрамцевым, исполнение грустных предчувствий»³.

В некоторых случаях нами были уточнены датировки ранее опубликованных материалов. Так, например, в фондах музея хранится записка Н. В. Гоголя к С. Т. Аксакову следующего содержания: «Составилось намерение: для того, чтобы не останавливаться на дороге за обедом, позавтракать здесь, т. е. у Вас и потому мы с Погодиным в 1^{1/2} часа к Вам, недурно, если бы и Щепкин был. Итак, если это не затруднит Вас, то увидимся. Позавтракать можно даже в 2 часа, ибо Погодин теперь сказал, что ему даже нельзя выйти из университета раньше двух часов.

Весь ваш Гоголь»⁴.

¹ ИРЛИ, 16. 469/с IV б. 19; стихотворение озаглавлено: «Октября 16-го 1857 г. (Посвящается А. Н. Майкову)».

² ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 11. № 2. Л. 42.

³ МА КП 3/16. Рук. 8.

⁴ Записка была приобретена у Н. В. Власова в 1950 г. и впервые опубликована в «Известиях Академии наук СССР» (Отделение литературы и языка. 1959. Т. XVIII. Вып. 6. С. 520).

Записка не датирована, однако, руководствуясь воспоминаниями С. Т. Аксакова, ее можно отнести к 16 или 17 (28 или 29) мая 1840 г. Описывая отъезд Н. В. Гоголя из Москвы в 1840 г., С. Т. Аксаков указывал, что писатель выехал 18 (30) мая из его дома и среди провожающих были Погодин и Щепкин¹.

В фондах музея имеются книги с автографами С. Т. Аксакова. Владельческие надписи сохранились, в частности, на томах второго издания сочинений Н. М. Карамзина² и издании Карамзинских переводов повестей Жана Франсуа Мармонтеля³.

Сочинения Н. М. Карамзина были приобретены Аксаковым в 1816 г. у известного книготорговца О. Л. Свешникова (1785–1847), книжные лавки которого находились в Китай-городе. После смерти Аксакова книги перешли к его сыну И. С. Аксакову, затем попали в библиотеку студентов Московской духовной академии, впоследствии поступили в собрание Государственного литературного музея, откуда в 1952 г. были переданы в музей «Абрамцево».

Отношение С. Т. Аксакова к творчеству Карамзина было неоднозначным. Сам писатель так характеризует свои юношеские взгляды: «Я не любил Карамзина и с дерзостью самонадеянного мальчика смеялся над слогом и содержанием его мелких прозаических сочинений! Это так неестественно, что и теперь осталось для меня загадкой. Я не мог понимать сознательно недостатков Карамзина, но, вероятно, я угадывал их по какому-то инстинкту и, разумеется, впадал в крайность. Понятия мои путались, и я, браня прозу Карамзина, был в восторге от его плохих стихов, от “Прощания Гектора с Андромахой” и от “Опытной Соломоновой мудрости”»⁴.

Будучи сторонником идей А. С. Шишкова, Аксаков считал «карамзинское» направление неестественным, напыщенным и, что самое главное, «нерусским». Тем не менее Аксаков интересовался историческими работами Карамзина, считал прекрасными его

¹ Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год / Сочинение С. Т. Аксакова. М., 1890. С. 36.

² Сочинения Карамзина. Изд. 2-е, испр. и умнож. М., 1814.

³ Новые Мармонтелевы повести, изданные Н. Карамзиным. Пер. с фр. М., 1815. Ч. I. Т. 10.

⁴ Аксаков С. Т. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2. М., 1966. С. 266.

переводы, с уважением и симпатией относился к писателю, часто бывал у него в гостях. Влияние Карамзина сказалось и на эпистолярном стиле, и на раннем поэтическом творчестве Аксакова; в частности, в характерном для Карамзина идиллическо-сентиментальном духе выдержаны послания к О. С. Заплатиной.

Интерес к творчеству Ж. Ф. Мармонтеля появился у Аксакова еще в студенческие годы; позднее он вспоминал, как вместе с А. И. Панаевым и студентом Д. Перевошиковым они переводили повести Мармонтеля, не переведенные Карамзиным, сочиняли стихами и прозой и читали друг другу свои переводы и сочинения.

Дарственные надписи Аксакова сохранились на двух экземплярах «Записок об уженье»¹; одна из книг была подарена автором фольклористу, одному из идеологов славянофильства П. В. Киреевскому, вторая – историку, профессору Московского университета С. М. Соловьеву; автографы С. Т. Аксакова имеются на первом и втором изданиях «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии», издания «Разных сочинений»² (М., 1858); первом и втором изданиях завершающей охотничью трилогию книги «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах»³ (М., 1855; 1856); двух экземплярах издания «Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники»⁴ (М., 1858; одна из книг была подарена Аксаковым издателю М. Н. Каткову).

На оттиске «Биографии М. Н. Загоскина»⁵ имеется дарственная надпись Аксакова: «Дорогому соседу Николаю Васильевичу Путяте на память от сочинителя. 1853, июля 19. Абрамцево». Николай Васильевич Путята (1802–1877) – литератор, владелец (с 1850 г.) имения Мураново – был женат на Софье Львовне Энгельгардт (1811–1874), младшей дочери бывшего владельца Муранова полковника Л. Н. Энгельгардта (1766–1836). С Н. В. Путятой Аксаковых познакомил Гоголь, и Сергей Тимофеевич часто навещал соседей в Муранове.

¹ Аксаков С. Т. Записки об уженье. М., 1847.

² Аксаков С. Т. Разные сочинения. М., 1858.

³ Аксаков С. Т. Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах. М., 1855; 1856.

⁴ Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники. М., 1858.

⁵ Аксаков С. Т. Биография М. Н. Загоскина // Москвитянин. 1853. № 1. С. 1–5.

Опубликовав в июле 1852 г. в «Московских ведомостях» «Воспоминание о Михаиле Николаевиче Загоскине»¹, несколько месяцев спустя Аксаков завершил работу над большой биографией. «Биография М. Н. Загоскина» была опубликована с многочисленными цензурными пропусками, в основном касавшимися рассуждений Аксакова о славянофильстве. Писатель с возмущением сообщал И. С. Тургеневу, что его произведение «обезображено пропусками и опечатками, не только уничтожившими личные убеждения автора, но давшими противоположный смысл его словам»². В оттиск, подаренный Н. В. Путяте, Аксаков карандашом внес поправки и дополнения, восстановившие первоначальный текст статьи.

Книга примечательна еще и тем, что на обороте верхней сторони переплета имеется наклейка с экслибрисом и надписью «Из книг Тютчевых» – в 1869 г. Ольга Николаевна Путята (1840–1920) вышла замуж за Ивана Федоровича Тютчева (1846–1909), младшего сына поэта.

Один из экземпляров первого издания «Семейной хроники»³ писатель подарил своему младшему брату Аркадию. На обороте верхней сторони обложки имеется дарственная надпись: «Милому другу и брату Аркадию Тимофеевичу Аксакову от сочинителя. 1856 года, января 8 дня. Москва». А. Т. Аксаков (1803–1862) служил в Лейб-гвардии Измайловском полку, в 1822 г. вышел в отставку по болезни в звании гвардии прапорщика; симбирский и оренбургский помещик, в 1835–1838 гг. – бугурусланский уездный предводитель дворянства. С 1836 г. он был женат на Анне Степановне Кротковой (1819–1888); их дети – Сергей (1837–?), Николай (1838–1886), Надежда (1839–1907, замужем за А. П. Безобразовым)⁴.

Аркадию посвящены стихотворения Аксакова «Послание к брату» (1823) («Предвестник осени туманной, / Седой зимы суровый

¹ Аксаков С. Т. Воспоминание о Михаиле Николаевиче Загоскине // Московские ведомости. 1852. № 87. 19 июля. С. 898.

² Русское обозрение. 1894. Сент. С. 12.

³ Аксаков С. Т. Семейная хроника и Воспоминания. М., 1856.

⁴ См.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник дворянских фамилий. Т. I. СПб., 1886. С. 29.

сын, / Печальный гость, никем нежданный, / Губитель красоты долин!»); «Осень» (1824) («Любя свободу и покой, / мы были истинно с тобой / единокровные друзья...») и «Послание в деревню» (1830) («Весна, весна! Ты прелесть года, / Но не в столичной тесноте! Весна на Дёме, где природа / В первообразной чистоте...»)¹. Первая книга Аксакова, «Записки об уженье», вышла с посвящением: «Моим братьям и друзьям Н.Т. и А.Т. А-м».

Работа Аксакова над «Семейной хроникой» проходила в основном в Абрамцеве: «Сидя с удочкой на берегу Вори, – писал он своей сестре Надежде, – я предавался сну, сотканному из воспоминаний. Передо мной вставали картины далекого детства и милые сердцу образы»².

Еще один экземпляр «Семейной хроники» был подарен автором соседям по имению; на книге стоит дарственная надпись С. Т. Аксакова: «Многоуважаемой Марье Александровне Пальчиковой с ее любезными сыновьями от искренне преданного сочинителя. 1856, январь 10. Москва».

Владельцы соседнего с Абрамцевом имения Артёмово, Василий Николаевич и Мария Александровна Пальчиковы, были дружны с Аксаковыми, часто бывали у них в доме, присутствовали на чтениях отрывков «Семейной хроники». И. С. Аксаков писал отцу о своем ровеснике Николае Васильевиче Пальчикове (1823 или 1824 – 1910): «Он очень хороший малый... даром, что помещик, а всею душою тянет к освобождению крестьян»³.

Помимо уже перечисленных материалов, в издании приведены тексты ведений, подписанных Аксаковым его крепостным крестьянам, желающим вступить в брак (ведение, в числе других документов, требовалось для составления брачного обыска – письменного акта, содержащего определенные сведения о людях, собирающихся венчаться в церкви), а также текст завещания М. Н. Аксаковой, представляющий собой характерный образчик делопроизводства первой трети XIX в.

¹ Аксаков С. Т. Собр. соч. Т. 4. С. 120, 123.

² ИРЛИ. 1068/XVI. С. 42. Л. 31–32.

³ И. С. Аксаков в его письмах. М., 2003. Т. I. С. 487; эту характеристику, правда, с некоторыми оговорками, подтверждает и Вера Аксакова (Аксакова В. С. Дневник. М., 2004. С. 39).

Публикуемые материалы снабжены подробным историко-литературным комментарием и позволяют расширить представление о биографии и творческом наследии С. Т. Аксакова.

Литература

- Аксаков С. Т.* Собрание сочинений: в 5 т. М., 1966.
- Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М., 1978–2018.
- Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений : в 8 т. М., 1896–1900.
- Пузин Н. П.* К вопросу о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и С. Т. Аксакова // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М., 1956. Т. XV. Вып. 2.
- С. Т. Аксаков и его семья // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. № 10.
- Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1892. № 10.
- Сборник стихотворений И. С. Аксакова. М., 1886.
- Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник дворянских фамилий. Т. I. СПб., 1886.
- Шишков А. С.* Рассуждения о старом и новом слоге Российского языка. М., 1813.
- Абрамцево. Материалы и исследования. Вып. 1. Абрамцево, 1988.
- Абрамцево. Материалы и исследования. Вып. 8. Абрамцево, 1999.
- Альманах на 1826 для приезжающих в Москву и для самих жителей сей столицы, или Новейший указатель Москвы, в котором с точностью означены все лучшие предметы, служащие к потребностям городской жизни ; С присовокуплением исторической картины Москвы и описания всех присутственных мест, военных, гражданских, учебных и прочих заведений, и т. д. М., 1825.

Архивные материалы

- МА КП 33/1. Рук. 39.
- МА КП 3/16. Рук. 8.
- МА КП 2/128. Рук. 1.

ЗНАМЕНИТЫЙ ГОСТЬ
УСАДЬБЫ НИКОЛЬСКОЕ-ОБОЛЬЯНИНОВО.
РОЛЬ ТОЛСТОГО В ПРОЕКТЕ
ВОЗРОЖДЕНИЯ УСАДЬБЫ

Лысякова Галина Евгеньевна,
Государственный музей Л. Н. Толстого, Москва

Аннотация. В усадебном наследии сплелись народные и дворянские нравы и обычаи, русская и западная культуры; литературные, музыкальные вечера, домашние театры были неотъемлемой частью усадебной жизни. Зачастую усадебное наследие доходит до нас в руинированном состоянии. Памятники областного, федерального значения не реставрируются и приходят в упадок, люди забывают историю места. Привлечение через реализацию проекта «Толстовские усадьбы» внимания населения и властей к ценным историческим объектам, в числе которых усадьба Никольское-Оболяниново, воспитывает в молодом поколении чувство гордости за свою малую родину, помогает установить свою историческую и национальную идентичность.

Ключевые слова. Лев Толстой. Музей. Усадьба. Волонтеры. Актуализация. Восстановление.

FAMOUS GUEST OF THE ESTATE
NIKOLSKOE-OBOLYANINOVO.
THE ROLE OF LEO TOLSTOY
IN THE REVIVAL PROJECT OF THE ESTATE

Lysyakova Galina,
State Museum of L. N. Tolstoy, Moscow

Abstract. The manor heritage is the cradle of Russian culture, in which folk and noble manners and customs, Russian and Western cultures are intertwined. The aesthetics of literary, musical evenings, home theaters were all an integral part of the estate life. Often, the estate heritage reaches us in a ruined state. Monuments of regional and federal significance are not restored and are falling into decay, people forget the history of the place and gradually the old manor house no longer means anything to those around it, except for beautiful ruins and an overgrown park. Now, in our country, domestic tourism is developing and the rise of interest in the history of the place, to its inhabitants, attracting the attention of the population to valuable historical sites, attracts streams of visitors, makes the authorities pay attention to a valuable historical and cultural object, instills in the local population a sense of pride in their small homeland, determines the historical national identity.

Key words. Leo Tolstoy. Estate. Museum. Volunteers. Restoration.

Придать новый жизненный импульс, поднять интерес к культурному объекту можно, вспомнив его историю, знаменитых людей, которые там жили или гостили. Усадьбы, связанные с именем Льва Толстого, имеют особый статус. Интерес к этому великому человеку и его творчеству не угасает. Места, которые посещал Лев Толстой, люди, с которыми он общался, представляют большой интерес. Проект «Толстовские усадьбы» задуман для привлечения внимания к усадебному наследию через личность великого русского писателя.

Так, Государственный музей Л. Н. Толстого обратил свое внимание на усадьбу Никольское-Обольяниново, расположенную в 50 километрах к северу от Москвы в селе Подъячево Дмитровского района. Толстой посещал гостеприимное Никольское на протяжении 13 лет, работал там над рядом произведений, в том числе над последним из трех своих великих романов – «Воскресением».

Свидетельств работы Льва Николаевича в Никольском-Обольянинове над «Воскресением» множество. Прежде всего, это дневниковые записи и письма, в которых Толстой рассказывает о ходе своей работы: «Сегодня 26 Мая. Никольское. 95. В тот же вечер писал. Потом захворал лихорадкой. День не писал, и потом еще вечер писал и довольно много, так что больше половины набросано. Странно складывается; нужно, чтобы Нехлюдов был последователь Генри Джорджа и вводил это, чтобы он ослабевал, примериваясь к дочери лежащей утонченной дамы – (Мэри Ур[усовой])»¹.

В усадьбе Никольское-Обольяниново уже более четырех лет ведется активная волонтерская работа. Именно этот факт и дал возможность музею Л. Н. Толстого воплотить в жизнь задуманный проект.

Волонтерское движение состоит из активных местных жителей. В руководящее звено инициативной группы по спасению усадьбы Никольское-Обольяниново входят организатор создания группы Николай Константинович Серкуртан, директор школы села Подъячево

¹ Лев Толстой. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 53. «Дневники и Записные книжки 1895–1899». М., 1953. С. 33.

Дмитровского района Михаил Петрович Баранов и руководитель досугового центра, который расположен в одной из уцелевших хозяйственных построек усадьбы, Ольга Анатольевна Корчагина.

Силами волонтеров для спасения усадьбы делается очень многое: они регулярно расчищают внутренний двор усадьбы от мелкой поросли, убирают мусор на территории усадебного парка, устраняют протечки крыши. В волонтерской работе участвует большое количество местных школьников. С юных лет они учатся беречь культурное наследие страны, интересуются и гордятся историей родного села.

Реализация проекта «Толстовские усадьбы» началась с работы над выставкой, организованной на территории Никольского-Обольянинова. Материалом для ее создания послужили не только дневниковые записи и письма Толстого из Никольского, но и воспоминания местных жителей, учителей школ из соседних деревень, которые были частыми гостями в доме Олсуфьевых. Научная концепция выставки была написана при активном участии волонтеров. К работе подключился и музей-заповедник «Дмитровский кремль».

В Дмитровском музее-заповеднике находится большая часть библиотеки хозяев усадьбы, Олсуфьевых, в которой, гостя в Никольском, работал Лев Толстой: «Семейство одно дома; как всегда, все приятны и добродушны. Я нашел много книг в библиотеке, из которой собираю то, что годится для издания»¹.

Толстой переводил и адаптировал произведения из библиотеки Олсуфьевых для последующей публикации в издательстве «Посредник», которое было основано в 1884 г. В «Посреднике» издавались небольшие и недорогие книжки. Издательство ставило перед собой задачу сделать качественную нравоучительную литературу доступной для массового читателя.

Благодаря Толстому книги издательства приобрели большую популярность. К тому же нередко оформляли обложки и создавали

¹ Письмо Л. Н. Толстого к С. А. Толстой от 24 декабря 1885 г. // Лев Толстой. ПСС. Т. 83. М., 1938. С. 555.

иллюстрации для этих книг такие художники, как И. Е. Репин, который проиллюстрировал для «Посредника» ряд произведений самого Толстого – «Чем люди живы», «Вражье лепко, а божье крепко», «Два брата и золото» и «Первый винокур».

Над двумя рассказами – «Ходите в свете, пока есть свет» и «Суратская кофейня», – опубликованными в «Посреднике», Толстой работал в Никольском-Оболянинове. О работе над одним из рассказов Толстой пишет из Никольского своему другу и соратнику В. Г. Черткову: «Живу я [у] Олсуфьевых 5 дней и все время был нездоров – слаб, в упадке сил. Нынче опять ожил. В Москве еще начал вписывать середину повести об Юлии¹ (знаете). <...> Немножко и здесь писал и нынче надеюсь»². Работа над повестью шла хорошо, и в этот приезд Толстой закончил работу над ней, о чем сообщает в одном из писем своей жене С. А. Толстой: «Я дописал на черно свою повесть. Бумаги измарал много, но очень пока еще нехорошо; но непременно поправлю и кончу, коли буду жив»³.

Из дневниковых записей и писем Л. Н. Толстого из Никольского можно судить о характерах и занятиях обитателей усадьбы. Хозяйка усадьбы Анна Михайловна Олсуфьева учредила и до самой своей смерти являлась попечительницей больницы, в работе которой принимала самое активное участие. В декабре 1885 г. Лев Толстой писал жене из Никольского-Оболянинова: «Здесь в больнице мужик, у которого было защемление грыжи. Накануне нашего приезда ему сделали трудную операцию, от которой, как говорят, редко выживают. Теперь он между жизнью и смертью, и меня очень интересуется его положение — хожу к нему. Для Анн[ы] Мих[айловны] же это главный интерес жизни теперь»⁴.

¹ Повесть Л. Н. Толстого «Ходите в свете, пока есть свет».

² Письмо Л. Н. Толстого к В. Г. Черткову от 7 января 1887 г. // Лев Толстой. ПСС. Т. 86. М., 1937. С. 126.

³ Письмо Л. Н. Толстого к С. А. Толстой от 13 января 1887 г. // Там же. ПСС. Т. 84. М.; Л., 1949. С. 373.

⁴ Письмо Л. Н. Толстого к С. А. Толстой от 23 декабря 1885 г. // Лев Толстой. ПСС. Т. 83. С. 554.

Дети Льва Толстого Татьяна Львовна и Сергей Львович дружили с детьми Олсуфьевых, а Татьяна Львовна была влюблена в одного из сыновей Адама Васильевича и сопровождала отца почти во всех поездках в Никольское. Толстые и Олсуфьевы хотели породниться, но из писем Льва Николаевича жене можно сделать вывод, что, кроме дружбы, никаких ответных чувств у Михаила Адамовича к Татьяне Львовне не возникло. Толстой пишет из Никольского в январе 1887 г.: «Анна Михайловна ужасно сватает, говорит, что она не сватает, но содействует, чтобы молодые люди узнали друг друга, и расхваливает свой товар, я отмалчиваюсь особенно потому, что не имею никакого мнения о том, чего нет. Когда будет вопрос, тогда и понадобится ответ»¹.

Толстой много гулял в окрестностях Никольского, заходил в избы к крестьянам, общался с ними и даже находил среди них героев своих произведений. «Нынче много ходил гулять, и в караулке, в лесу нашел солдата Митрича² – живого»³.

Олсуфьевы очень заботились о Льве Николаевиче, старались создать ему комфортные условия для работы и отдыха. Современник пишет, что Лев Толстой ездил в Никольское-Обольяниново отдохнуть от домашних забот. Своей жене Толстой сообщал из Обольянинова: «Теперь 12-й час, они еще сидят, а я ушел наверх, куда меня перевели. То я был внизу, и там было холодно. Готовят нам точно так же, как дома, и овсянка есть»⁴.

В доме Олсуфьевых всегда было много гостей. Адам Васильевич старался не приглашать большое количество человек во время пребывания в усадьбе Толстого, но на новогодние праздники, как писал в одном из писем жене Лев Николаевич, дом был «битком набит».

¹ Письмо Л. Н. Толстого к С. А. Толстой от 13 января 1887 г. // Там же. Т. 84. С. 373.

² Действующее лицо из «Власти тьмы». «Живой Митрич» – отставной николаевский солдат, служил лесным сторожем.

³ Письмо Л. Н. Толстого к С. А. Толстой от 13 января 1887 г. // Лев Толстой. ПСС. Т. 84. С. 18.

⁴ Письмо Л. Н. Толстого к С. А. Толстой от 2 января 1895 г. // Там же. С. 233.

В один из приездов Л. Н. Толстого в усадьбу с ним одновременно гостила Татьяна Николаевна Поливанова (1874–1936). Т. Н. Поливанова работала школьной учительницей в селе Надеждино. Дочь хозяев имения Елизавета Адамовна Олсуфьева помогла Татьяне Николаевне в школьных делах, и та часто приезжала в Никольское по ее приглашению. По воспоминаниям, оставленным Поливановой, мы можем судить об атмосфере, царившей в усадьбе, о хозяевах и гостях, узнать о событиях, происходивших в те дни в усадьбе.

Свои встречи с Толстым современники описывают подробно, стараясь не упустить малейших деталей. Благодаря тому, что жизнь Толстого и, в частности, пребывание в Никольском-Обольянинове тщательно задокументирована, у исследователей есть возможность окунуться в атмосферу усадебной жизни и до мельчайших деталей узнать, каким был уклад жизни в Никольском.

Т. Н. Поливанова в своих воспоминаниях не ограничилась рассказом о своей встрече с Толстым, произошедшей зимой 1897 г., в них использованы рассказы друзей и знакомых автора – О. Д. Милутиной, М. А. Олсуфьева, Н. М. Юшковой.

Когда Поливанова приехала в усадьбу, в доме уже было много гостей. Кроме хозяйки, Льва Николаевича и его дочери Татьяны в гостиной сидели домашняя учительница в семье Олсуфьевых Н. М. Юшкова¹, два брата Олсуфьевы, их сестра Елизавета Адамовна, доктор И. Н. Богуславский с женой – соседи хозяев по имению.

Елизавета Адамовна предложила устроить театральное представление. Надо отметить, что помимо работы в крестьянской школе и больнице, учредителями и попечителями которой были Олсуфьевы, Лиза занималась устройством любительского театра, и описанный Поливановой вечер с устройством Лизой театрального представления, дает возможность в деталях узнать

¹ Надежда Михайловна Юшкова впоследствии преподавала в Дмитровской женской гимназии, а затем в средней школе № 1. Краеведы записали рассказ Юшковой о посещении Львом Толстым ее урока в школе Никольского-Обольянинова.

про подготовку к домашнему спектаклю. В воспоминаниях говорится о произведении, которое тогда ставили, о костюмах, об интерьере гостиной. Подробно описывается игра актеров: «И вот мы в комнате Елизаветы Адамовны, окруженные картонками со шляпами, широченными шелковыми платьями, которые носили в 40-х годах, с кринолинами, мантильями с бахромой <...> Мы решили прочесть в костюмах сцену Гоголя из “Мертвых душ”: “Дама просто приятная и дама приятная во всех отношениях” <...> Пока мы примеряли костюмы, Елизавета Адамовна читает, размечая реплики»¹.

В праздники в доме Олсуфьевых обедали поздно, в 6 часов вечера. По воспоминаниям Поливановой, стол был накрыт белоснежной скатертью, по краям стола стояла пара высоких бронзовых канделябр со свечами, а под расписным потолком горела большая лампа. Лев Николаевич и хозяйка дома сидели в конце стола, на другом конце сидела Татьяна Львовна с остальной молодежью, они оживленно беседовали.

После обеда столовая преобразилась. Из оранжерей принесли огромные лавровые и померанцевые деревья в кадках, которые обрамляли импровизированную сцену и маскировали лампы, стоящие на полу.

По бокам импровизированной сцены за лавровыми деревьями находились две тумбы, на которых стояли канделябры со свечами, сзади висели ковры, сбоку стояли ширмы, пол также был устлан коврами, а вокруг стояла мебель из красного дерева. Поливанова так описывает их с Татьяной Львовной представление: «Я сижу на диванчике с буклями на ушах, входит Татьяна Львовна в лиловом шелковом платье, в изумительной бархатной мантилье и такой же шляпе с цветами и громадным бантом под подбородком <...> Ролей не знаем, но за диваном примостилась на корточках Н. М. Юшкова и старательно суфлирует. В публике темно, нам виден первый ряд, хозяева в креслах, гости, тут же фигура Льва Николаевича,

¹ Поливанов А. М., Хохлов Р. Ф. Л. Н. Толстой у Олсуфьевых. Воспоминания Т. Н. Поливановой // Записки отдела рукописей. Вып. 46. М., 1987. С. 212.

а сзади все николевские жители, служащие: Садовников латыш с женой, вон внушительный красавец кучер Алешин с седой бородой, вон старый дворецкий, вон семьи других служащих, впереди их дети. <...> роли мы немного перепутали, но все же не потерялись и кончили под общих смех и аплодисменты. Лев Николаевич похвалил тоже нашу игру»¹.

Поливанова вспоминает также, в какие игры играли в семье Олсуфьевых. Она пишет, как столовую освободили от громоздкой мебели, и молодежь затеяла игру в волан. Лев Николаевич принял в этой игре самое живое участие, быстро и метко играл маленькой ракеткой и подбадривал зазевавшуюся молодежь.

Поливанова описывает пешую прогулку Льва Толстого в соседнее имение Ольгово, владельцами которого были Виктор Владимирович и Александра Михайловна Апраксины. Убеждения и взгляды Апраксиных на общественную жизнь были диаметрально противоположными взглядам Олсуфьевых, и визиты их в Никольское были полны светских условностей. Как-то раз Апраксины приехали с визитом во время пребывания в Никольском Льва Толстого. Они пригласили его к себе в Ольгово, и в один морозный день, надев валенки, тулуп и подпоясавшись кушаком, Толстой дошел до барского дома Апраксиных и попросил дворецкого проводить его к хозяину. На свою просьбу он получил отказ, ссылаясь на то, что барин в это время не принимает, дворецкий согласился только принять записку для своего хозяина.

Толстой пошел обратно, но устав, зашел в ближайшую крестьянскую избу и за 1 рубль нанял дровни, в которых его довели в Никольское.

Когда Виктор Владимирович Апраксин узнал, что самого Толстого не пустили в дом, он очень разозлился на прислугу, велел закладывать пару и мчаться за графом. Но посланные сначала проехали мимо дровен, в которых ехал Толстой, а когда они вернулись и передали приглашение Апраксина, Лев Николаевич ответил отказом.

¹ Поливанов А. М., Хохлов Р. Ф. Указ. соч. С. 212.

В своих воспоминаниях Татьяна Николаевна не раз возвращается к теме домашнего театра. Она описывает еще один вечер, когда семья и гости устроили домашний спектакль. Это описание интересно не столько подробностями постановки, сколько событиями с ней связанными. Они происходили во время масленичных каникул, и хозяева с гостями решили тщательно подготовиться к постановке домашнего спектакля.

Главными исполнителями были Татьяна Львовна Толстая и сын хозяев Михаил Адамович Олсуфьев. Ставили Чехова «Женская чепуха». Михаил Адамович был хороший актер и большой знаток сцены, Татьяна Львовна покорила всех своим самодельным бальным платьем и живостью игры.

Н. М. Юшкова к этому спектаклю заказала себе платье у портнихи, жившей в Языкове. Наступившие в то время сильные холода и метели не позволили это платье забрать. Юшкова волновалась, что останется без обновы, а остальные над ней подшучивали. Лев Николаевич предложил Надежде Михайловне поехать за платьем. Юшкова подумала, что это была шутка, но Толстой, получив в свое распоряжение сани и лошадь, незаметно для остальных поехал в Языково.

Поскольку лошадь подали не к парадному входу, и это было обычное время прогулок для Толстого, то никто не обратил внимания на его отсутствие. Но после отъезда Льва Николаевича началась сильная метель, стало темнеть и замело дорогу. В 6 часов вечера за обеденным столом заметили отсутствие Толстого, поднялась суматоха. Все интересовались, кто и когда видел Льва Николаевича. Юшкова молчала, помня свой уговор с Толстым никому не говорить, что он едет в Языково за ее платьем.

Когда волнение в доме по поводу исчезновения в такую погоду графа достигло предела, Лев Толстой появился на пороге весь в снегу, борода и усы – в льдинках. Он был очень оживлен и доволен собой, когда вручил коробку с обновкой смущенной Надежде Михайловне.

Хозяйка дома и все остальные набросились на Юшкову, которая в такую метель отправила Толстого за своим платьем, но Лев

Николаевич заступился за нее и поблагодарил за то, что она дала ему возможность пережить такое необыкновенное приключение. Толстой записал в дневнике свое впечатление о случившемся: «Нынче, должно быть, 22, суббота. Ник[ольское]. Вчера не работал. Перечел первую редакцию об искусстве – не дурно. Поехал за платьем Юшков[ой]. Хорошо проехался. Вечер говорил об искусстве, потом слушал приехавших Конюсов братьев»¹.

Все эти интересные факты и события легли в основу выставки в Никольском-Обольянинове. Из незначительных ситуаций, частных историй сложилась общая картина жизни усадьбы в те годы. Посетитель мог узнать Льва Толстого не только как создателя великих произведений, но и как гостя усадьбы, друга семьи Олсуфьевых.

С каждым приездом Толстого в Никольское-Обольяниново связана работа над тем или иным произведением. С определенной точностью можно сказать, над какими страницами романа «Воскресение» работал Лев Николаевич, находясь в усадьбе: «Нынче 29 Мая 95. Никольское. Еще 3-го дня мне стало лучше. Нынче тоже не было лихорадки и если бы не нога, к[оторая] все еще не совсем подсохла, я бы считал себя совсем здоровым. Нынче писал немного и нехорошо – без энергии. Но зато уяснил себе Нехл[юдова] во время совершения преступления. Он должен был желать жениться и опроститься. Боюсь только que cela n'empîète sur le drame (чтобы это не было в ущерб драме). Решу, когда буду в более сильном состоянии. Ездил сейчас верхом и на велосип[еде]. Читаю все Полторацкого»². Вся эта информация также отражена в материалах выставки, и посетителю предоставляется возможность с помощью QR-кода скачать произведения Льва Толстого, над которыми он работал в Никольском-Обольянинове.

О работе Толстого над рассказом «Хозяин и работник» вспоминает в своих мемуарах баронесса Мария Федоровна Мейендорф.

¹ Из дневника Л. Н. Толстого от 22 февраля 1895 г. // Лев Толстой. ППС. Т. 53. С. 138.

² Там же. С. 34.

Она рассказывает о помощи Татьяны Львовны своему отцу в работе над рукописями. Татьяна часто отсутствовала вечерами и переписывала черновики отца.

Мария Мейендорф и Елизавета Олсуфьева вызвались помочь ей. Баронесса оставила интересное описание процесса работы с рукописями рассказа Толстого «Хозяин и работник»: «Переписывать его работу было не так легко <...> всякие значки и линии, указывающие, куда надо вставить то, что написано им на полях. Переписывала она его повесть на одну половину обыкновенной ученической тетради; другая половина оставалась для его заметок. Переписывалась его работа не для печати, а для того, чтобы он мог легко и свободно прочесть все те добавки, которые он сделал накануне, и опять испещрять тетрадь новыми переделками»¹.

Сестры Мейендорф гостили в имении своего дяди Михаила Адамовича Олсуфьева зимой 1895 г. Об их приезде Лев Толстой писал жене: «Здесь две Майендорф – девицы, одна, кот[орая] нравилась тебе, Лева, слабая, малокровная, и другая, старшая, добродушная и простая»².

Также на выставке представлена история возникновения усадьбы, рассказывается о работе волонтеров и перспективах развития проекта «Толстовские усадьбы» на территории Никольского-Обольянинова.

Усадьба Никольское-Обольяниново основана в последней четверти XVII в. Тогда ей владели Ладыгины (с 1627 по 1733 г.), в 1711–1714 гг. построившие в Никольском новую церковь. Последний владелец усадьбы из семьи Ладыгиных в 1733 г. продал село Никольское жене асессора Петра Васильевича Ермолова Марье Ивановне. В 1744 г. село перешло во владение жены бригадира Ивана Акимовича Синявина Анне Дмитриевне. А уже через два года она продала его отставному секретарю лейб-гвардии

¹ Мейендорф М. Ф., баронесса. Воспоминания / сост., предисл. Е. Муравьевой. М., 2017. С. 81.

² Письмо Л. Н. Толстого к С. А. Толстой от 8 или 9 января 1895 г. // Лев Толстой. ПСС. Т. 84. С. 234.

Преображенского полка Ивану Михайловичу Булгакову, который в октябре 1769 г. продал Никольское лейб-гвардии капитану Петру Михайловичу Власову.

При Власовых уже существовали «дом господский об одном этаже и при нем сад регулярный с плодовитыми деревьями». Власовы владели селом до 1802 г. Затем брат Власова Сергей Михайлович продал усадьбу Петру Хрисанфовичу Оболянинову, при котором был построен главный дом.

Поскольку своих детей у Петра Хрисанфовича не было, он завещал село и усадьбу своему племяннику, инвалиду войны 1812 года Михаилу Михайловичу Оболянинову. У Оболянинова в 1835 г. родилась дочь Анна, наследница Никольского-Оболянинова.

Анна Михайловна Оболянинова вышла замуж за генерал-майора императорской свиты графа Адама Васильевича Олсуфьева. При Олсуфьевых усадьба претерпела значительные изменения: были построены более десяти хозяйственных построек, Анна Михайловна основала школу и больницу для крестьян. Ее дочь Елизавета Адамовна наравне с матерью занималась устройством больницы и школы.

Дочери хозяев усадьбы Елизавете Адамовне Олсуфьевой посвящен отдельный раздел выставки. Она занимала особое место в жизни Никольского-Оболянинова: «Лиза это такое милое, – простое, доброе, умное существо, что с ней хорошо быть Тане»¹.

Государственный музей Л. Н. Толстого планирует проведение на территории усадьбы Никольское-Оболяниново не только выставочного проекта. При активной поддержке местного населения и клуба в Никольском-Оболянинове разрабатывается идея проведения регулярного музыкального фестиваля, ведется обсуждение проекта по воссозданию народного театра, по примеру того, которым руководила Елизавета Адамовна Олсуфьева.

¹ Письмо Л. Н. Толстого к С. А. Толстой от 23 декабря 1885 г. // Лев Толстой. ПСС. Т. 83. С. 554.

Литература

- Веселовский С., Снегирев В., Земенков Б.* Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX вв. М., 1962.
- Лев Толстой и его современники / под ред. Н. И. Бурнашёвой. М., 2010.
- Мейендорф М. Ф.*, баронесса. Воспоминания / сост., предисл. Е. Муравьевой. М., 2017.
- Опульский А.* «Страницы жизни Льва Толстого» / под ред. Н. Н. Гусева. М., 1964.
- Поливанов А. И., Хохлов Р. Ф.* Л. Н. Толстой у Олсуфьевых. Воспоминания Т. Н. Поливановой // Записки отдела рукописей. Вып. 46. М., 1987.
- Лев Толстой.* Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 53. М., 1953; Т. 83. М., 1938; Т. 84. М.; Л., 1949; Т. 86. М., 1937.

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ОСТРОВ: ОТ ЦАРСКОЙ УСАДЬБЫ ДО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Трифонова Татьяна Петровна,
Московский государственный объединенный музей-заповедник, Москва

Аннотация. В Измайлове царь Алексей Михайлович воплотил в жизнь идею образцового хозяйства и обустроил загородную резиденцию в виде рукотворного острова с дворцом, храмами, мостами и проездной башней. Романовы посещали Измайловский остров до середины XVIII в. В 1850–1919 гг. на острове работала Николаевская Измайловская военная богадельня. Здесь были построены здания богадельни и отреставрированы памятники архитектуры XVII в. С середины 1920-х гг. до начала 1970-х гг. на острове был рабочий поселок с коммунальными квартирами. С 2007 г. Измайловский остров входит в состав МГОМЗ.

Ключевые слова. Измайловский остров. Царская усадьба. Романовы. Военная богадельня. Музей-заповедник.

IZMAILOVSKY ISLAND:
FROM THE TSAR'S ESTATE TO THE MUSEUM-RESERVE

Trifonova Tatyana Petrovna,
Moscow State United Museum-Reserve, Moscow

Abstract. In Izmailovo, Tsar Alexei Mikhailovich brought to life the idea of an exemplary economy and equipped a country residence in the form of a man-made island with a palace, temples, bridges and a travel tower. The Romanovs visited Izmailovsky Island until the middle of the 18th century. In 1850–1919 the Nikolaevskaya Izmailovskaya military almshouse worked on the island. The buildings of the almshouse were built here and the monuments of architecture of the 17th century were restored. Since the mid-1920s. until the early 1970s. there was a workers' village with communal apartments on the island. Since 2007 Izmailovsky Island has been a part of MGOMZ.

Key words. Izmailovsky Island, Tsar's estate, Romanovs, military almshouse, museum-reserve

Расположенное к востоку от Москвы дворцовое село Измайлово царь Иван Грозный пожаловал боярину Никите Романовичу Захарину-Юрьеву, брату царицы Анастасии¹. Его сын Иван Никитич построил в Измайлове деревянную церковь Покрова Пресвятой Богородицы, хоромы и хозяйственные постройки, а внук – Никита Иванович Романов – наладил охотничье хозяйство и смог увлечь охотой своего племянника – будущего царя Алексея Михайловича, которому после смерти дяди в 1654 г. и досталась усадьба.

В 1660-е гг. на измайловской земле Алексей Михайлович воплотил в жизнь свою идею образцового хозяйства, в котором совершенствовались агротехнику и проводили опыты по акклиматизации растений, куда привозили лучшие растения из других регионов России и других стран. Поблизости заработали льняная мануфактура, кирпичный и стекольный заводы. Славилось Измайлово и своими уникальными садами, созданными под руководством голландских и германских садовников.

В те же годы царь занялся обустройством своей новой необычной загородной резиденции. Реку Рубку (современное название – Серебрянка) разделили на два рукава и с помощью плотин создали два пруда, которые, окружив кусок суши, образовали остров.

На нем под руководством подмастерья каменных дел Ивана Кузнечика артель каменщиков Г. и Ф. Медведевых начала строительные работы. Для парадного въезда в южной части острова построили многопролетный арочный каменный мост и проездную Мостовую башню. В ее архитектуре была использована ярусная композиция, состоявшая из двух четвериков, восьмерика и шатра. В нижнем ярусе башни создали стрельчатые палаты, в среднем – палату для заседаний Боярской думы и Сената, а на самом верху повесили колокола.

Рядом с башней был построен величественный храм Покрова Пресвятой Богородицы, иконостас которого оформили лучшие живописцы и резчики. Собор был освящен 30 сентября 1679 года.

¹ Топычканов А. В. История Москвы. Коломенское и Измайлово – заповедные уголки. М., 2008. С. 7.

Собор, башня и парапет моста были украшены многоцветными изразцами, изготовленными лучшими керамистами своего времени Степаном Ивановым Полубесом и Игнатом Максимовым¹. На Покровском соборе они заполнили изразцами всю закомарную часть четверика: центральные тимпаны украсили плитками с узором «павлинье око», а боковые – со стилизованными цветами и розетками, насчитывающими 11 видов рисунков. На Мостовой башне разместили изразцы с изображением павлинов, голубей и куликов, окруженных листьями и плодами. Сюжеты измайловских изразцов символизировали райский сад и придавали всему архитектурному ансамблю исключительную нарядность и выразительность².

Весь ансамбль острова был завершен при царе Федоре Алексеевиче. В центре построили Государев двор с деревянным царским дворцом, служебными и хозяйственными палатами. Изображения дворца не сохранились, но, судя по описям 1687 г., он состоял из отдельных клеток³. Закрытым переходом дворец соединялся с домовою церковью Св. Иоасафа царевича Индийского с приделом Всех Святых. Эта церковь, а также Передние и Задние ворота Государева двора были построены под руководством подмастерья каменных дел Терентия Макарова.

Позднее, по желанию царевны Софьи Алексеевны, храм был перестроен. Перестроенный храм был симметричным и трехчастным в плане и получил новое декоративное убранство. По мнению исследователей, он представлял собой один из наиболее ранних памятников нарышкинского барокко⁴.

Когда строительные работы были завершены, остров стал одним из любимейших мест отдыха и развлечений царской семьи.

¹ Датицева Н. С. Покровский собор в Измайлове // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985. С. 89.

² Датицева Н. С. Мостовая башня в Измайлове и каменные мосты средневековой Москвы // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 12. М., 2009. С. 53.

³ Топычканов А. В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века. М., 2004. С. 9.

⁴ Датицева Н. С. Архитектурный ансамбль Измайловского острова в конце XVII в. // Коломенское. Материалы и исследования. 2008. Вып. 11. С. 49; Чиняков А. Архитектурные памятники Измайлова // Архитектурное наследство. 1952. Т. 2. С. 219.

Сюда приезжали цари Петр и Иван, царицы Наталья Кирилловна, Евдокия Федоровна, царевны – сестры и дочери Алексея Михайловича, император Петр II. Здесь они гуляли в садах, катались на лодках, охотились и рыбачили. Бывавшие в Измайлове иностранные послы восхищались новой царской резиденцией и сравнивали ее с итальянскими и французскими аналогами.

В 1688 г. в окрестностях острова царь Петр I случайно обнаружил старый ботик, который был подарен английскими купцами боярину Н. И. Романову. Царь велел починить парусник, а потом научился им управлять. Позднее Петр I назвал его «дедушкой русского флота», т. к. его увлечение мореплаванием привело к созданию российского флота. В память об этом событии в 1998 г., в честь 300-летия российского флота, на острове был поставлен памятник Петру I работы скульптора Л. Е. Кербеля.

В начале XVIII в. на острове построили новый деревянный дворец, в котором поселилась семья царя Ивана V: вдова царица Прасковья Федоровна и царевны Екатерина, Анна и Прасковья. Позднее Екатерина организовывала на острове театральные постановки. Анна, став императрицей, основала рядом с островом крупнейший в России зверинец, в здешних лесах она была из ружья зайцев, оленей, тетеревов, которых из него выпускали.

Наведывалась в Измайлово и Елизавета Петровна, также любившая охоту. В 1767 г. посетила остров императрица Екатерина II, по желанию которой были разобраны обветшавший мост и деревянные этажи дворца.

На этом золотой век измайловской усадьбы закончился. Остров пришел в запустение, строения Государева двора обветшали. В 1785 г. проводилась реставрация Покровского собора¹, но проведенных работ (ремонт кровли, оконных рам, перестилка и покрапка полов) было недостаточно².

¹ Успенский А. И. Церкви села Измайлова // Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии, издаваемые под ред. Председателя комиссии А. И. Успенского. 1904. Т. 1. С. 6.

² Датищева Н. С. Покровский собор в Измайлове. С. 86.

В церкви Иоасафа царевича Индийского протекала крыша, от удара молнии были повреждены крест, часть кровли и иконостас. Церковь закрыли и составили смету на ее ремонт, но чиновники решили, что возобновлять в храме службу нецелесообразно, поэтому деньги так и не были выделены¹.

Осенью 1812 г. на острове побывали солдаты наполеоновской армии, которые разграбили измайловские храмы: так, из Покровского собора исчезли венцы с четырех икон и серебряное кадило². Из-за аварийного состояния служба в нем была прекращена. Как выглядел храм в те годы, описал историк И. М. Снегирев: «...Оконницы из слюды местами пробиты насквозь, летают птицы, свод в алтаре надтреснут, кровля худа, каплет и стена позеленела...»³

Спустя десятилетие после войны царская усадьба по-прежнему имела «плачевный вид запустения». Издатель «Отечественных записок» П. Свињин, приехав на остров, поднялся на 2-й ярус церкви Иоасафа царевича Индийского и прошел, как он писал, «по дрожащим камням и сквозь чащу леса, на нем выросшего»⁴.

В 1832 г. на остров предполагалось переместить Алексеевский стародевичий монастырь, на месте которого планировалось построить храм Христа Спасителя⁵. Но монастырь был переведен в Красное село.

6 августа 1837 г. остров посетил великий князь Александр Николаевич. В письме отцу, императору Николаю I, он писал, что «любовался великолепными развалинами бывшего дворца с двумя окрестными церквями... Слава Богу, что теперь приказано беречь сии руины, столь, для нас в особенности, примечательные, ибо это было древнее поместье фамилии Романовых»⁶.

¹ Труды комиссии... С. 16.

² ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 752. Д.1017. Л. 2.

³ *Датиева Н.* Подмосковное село Измайлово и Николаевская военная богадельня // МЭРА. 1995. № 2 (8). С. 93.

⁴ Отечественные записки, издаваемые Павлом Свињиним. 1822. Ч. 9. № 23. Март. С. 3–13.

⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1086. Л. 14 об.

⁶ *Трифонова Т.П.* «Чудный остров навещу...». История царской усадьбы и императорской богадельни на Измайловском острове для взрослых и детей. М., 2017. С. 13.

Беречь русскую старину стало характерной особенностью политики императора Николая I, в первый же год правления которого был издан циркуляр Министерства внутренних дел гражданским губернаторам «О доставлении сведений об остатках древних зданий и воспрещении разрушать оные».

Осенью того же года Измайловская усадьба стала объектом пристального внимания Николая I. Император принял решение возродить ее в новом качестве: создать военную богадельню для отставных солдат и офицеров с возможностью пожизненного бесплатного проживания, питания и лечения. Здесь предполагалось построить корпуса для инвалидов со всеми удобствами, благоустроить территорию и создать комплекс служебных построек. Одновременно планировалось отреставрировать памятники старины.

Стремясь сохранить в родовой вотчине своих предков как можно больше старинных сооружений, Николай I лично курировал строительство и благоустройство богадельни, которая впоследствии получила наименование «Николаевской». Архитектором большинства зданий был К. А. Тон, строительными и реставрационными работами занимался департамент военных поселений. Финансировали строительство и обустройство богадельни Александровский комитет о раненых, а также частные лица и московские купцы. Преобразования на острове, проведенные в XIX в., позволили сохранить как сам остров, так и его архитектуру, до наших дней.

Строительство корпусов началось с изменений в архитектуре Покровского собора, который должен был стать домовым храмом богадельни. Для укрепления храма, имевшего серьезные деформации кладки, а также фундамент неглубокого залегания, уровень земной поверхности был повышен почти на 1,5 метра, что привело к изменению пропорций сооружения¹. Разобрали северное и южное крыльца собора и вплотную к стенам четверика с севера и юга пристроили два солдатских корпуса; алтарь обстроили закрытой обходной галереей, соединяющей собор

¹ Датиева Н. С. Покровский собор в Измайлове. С. 86.

с офицерским корпусом. Одновременно собор был отреставрирован, созданы новые купола, кровля, кресты, приобретена новая церковная утварь. Иконостас собора реставрировал живописец Императорской академии художеств А. С. Ястребилов. 12 апреля 1849 г. храм был освящен в присутствии Николая I и членов императорской семьи.

Реставрировались и другие памятники архитектуры. Был возобновлен первоначальный вид Передних и Задних ворот Государева двора: сложены стрельчатые своды, выполнен парапет второго яруса, на вершине ворот появились двуглавые орлы; на Передних воротах часы отбивали время перезвонами.

Николай I считал, что старую деревянную стену Государева двора следует сохранить и отреставрировать. Но, когда выяснилось, что затраты на реставрацию из-за плохого состояния стены слишком велики, ее снесли, а новые здания для нужд богадельни разместили в ее границах. В этих зданиях были квартиры чиновников богадельни, мастерские, ледники, каретный сарай, конюшня, баня, прачечная, сушильня, катальня, казармы служительской команды. В архитектуре этих построек К. А. Тон использовал стиль зданий XIX в. с простыми элементами декоративного убранства, характерного для XVII в.

На Государевом дворе сохранили и отреставрировали лишь находившийся в северо-западном углу острова большой каменный сарай, где под навесом некоторое время находился ботик Петра I¹. Здесь для нужд богадельни была создана кузница.

В 1902 г., в связи с учреждением в Москве исторической комиссии для празднования юбилея Петра I, директор богадельни генерал от кавалерии граф А. В. Олсуфьев обратился в Александровский комитет с предложением перенести кузницу в другое место, само здание отремонтировать, украсить мраморной доской и обнести чугунной решеткой. Директор предлагал также изготовить в Адмиралтейских мастерских точную копию ботика и поместить ее на острове².

¹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 1257. Л. 113.

² РГВИА. Ф. 16070. Оп. 1. Д. 662. Л. 11–12.

По воспоминаниям местных жителей, памятное место здесь было устроено¹.

Изменился и внешний облик проездной Мостовой башни: по мнению К. А. Тона, на укрепление сводов над ее воротами требовались значительные расходы. Но моста и, соответственно, парадного въезда через него на остров здесь уже не было, поэтому башню сделали закрытым помещением с дверями². Также укрепили фундамент башни, починили кирпичную кладку, в нижнем ярусе сложили изразцовые печи³, переложили парапет над первым ярусом, изготовили и вмонтировали 98 новых изразцов. На шатре появилась новая кровля и двуглавый позолоченный орел. Колокольню в верхнем ярусе башни возобновили, сделали новые колокола, а два старых разбитых колокола перелили, повторив вес, размер и надписи на них с указанием времени первой отливки⁴.

Церковь Иоасафа царевича Индийского также основательно реставрировалась. В нижнем этаже храма был устроен придел в честь небесной покровительницы императрицы Александры Федоровны – Святой царицы Александры, а также парадные меблированные комнаты на случай приезда в богадельню государя и членов императорской семьи. Внутренние своды храма были оштукатурены, выстланы полы; у церкви появился новый иконостас, иконы, крест, Евангелие, церковная утварь⁵. Эта церковь реставрировалась и впоследствии. Инициаторами реставрации, необходимость в которой возникала из-за неблагоприятных климатических условий, были директора богадельни: генерал от инфантерии Г. П. Самсонов (1896) и генерал от кавалерии граф А. В. Олсуфьев (1904)⁶.

¹ Кузнецов А. А. Измайловский остров. М., 2007. С. 144.

² РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 1254. Л. 7.

³ Там же. Д. 1259. Л. 322.

⁴ Там же. Д. 1257. Л. 227 об.

⁵ Там же. Д. 1254. Л. 3–5.

⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1275. Л. 5–6.

Торжественное открытие богадельни, приуроченное к очередной годовщине вступления русских войск в Париж, состоялось 19 марта 1850 г.

Полностью весь комплекс зданий богадельни сложился к началу 1860-х гг.: в это время появились еще два здания – Семейный дом на месте бывшего царского дворца (архитектор М. Д. Быковский) и отдельный офицерский корпус (архитектор В. Ф. Небольсин), – а также деревянные постройки и оранжереи.

В годы работы богадельни территория острова благоустраивалась, пруды неоднократно чистили. Были исполнены распоряжения императора: разбить на Государевом дворе огороды¹ и небольшой сад с клумбами и фонтаном перед Покровским собором. Также на острове были высажены липовые аллеи, сохранившиеся до наших дней.

Около 70 лет работало на острове это благотворительное заведение. Осенью 1918 г. была упразднена его вышестоящая организация – Александровский комитет о раненых, и вскоре Инвалидный дом Николая I (так называлась богадельня в те годы) был закрыт.

А на острове разместились красноармейцы 5-го саперного батальона инженерных частей им. Н. Э. Баумана МВО РККА, для которых построили бараки. Заняли военные и все помещения бывшей богадельни, в которых разместились амбулатория, госпиталь, различные кружки, клуб, библиотека, ясли и начальная школа. Чтобы прокормиться в это тяжелое время, красноармейцы возделывали огороды и выращивали овощи.

Однако памятники старины военные использовали исключительно для своих нужд. В церкви Св. Иоасафа обустроили красный уголок. Писатель И. А. Бунин, посетивший в ту пору Измайлово, так описал свои впечатления: «В жаркий майский день ходил в село Измайлово, вотчину царя Алексея Михайловича. Выйдя за город, не знал, какой дорогой идти. Встречный мужик сказал:

¹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 1257. Л. 119–120.

“Это должно быть туда, где церква с синим кумполом”. Шел долго, устал. Но весна, тепло – было очень хорошо. Увидал, наконец, древний собор с зелеными главами, которые мужик назвал синими, весенний сквозной лес, а в лесу стены, древнюю башню, ворота и храм Иоасафа, нежно сиявший в небе среди голых деревьев позолотой, – в небе, которое было особенно прекрасно от кое-где стоявших в нем синих и лазурных облаков... Теперь тут казармы имени Баумана. Идут какие-то перестройки, что-то ломают внутри теремов, из которых вырываются порой клубы известковой пыли. В храме тоже ломают. Окна пусты, рамы в них выдраны, пол завален и мусором, и этими рамами, и битым стеклом. Золотой иконостас кое-где зияет дырами – вынуты некоторые иконы. Когда я вошел, воробьи ливнем взвились с полу, с мусора, с иконостаса в дырах, с выступов риз над ликами святых. А как знаменита была когда-то эта вотчина!»¹

В первые послереволюционные годы Измайлово неоднократно посещали члены ученой комиссии «Старая Москва», возглавлявшейся художником А. М. Васнецовым. В протоколе осмотра села Измайлова от 25 июня 1922 г. указывалось, что в Покровском соборе начинает портиться иконостас и в большинстве своем расхищены старинные изразцы. В церкви Иоасафа царевича Индийского «часть паперти разрушается, и груды кирпичей лежат на земле... В нижней церкви алтарь отведен для хранения овса, и потому заперт; в трапезной находится склад колес для телег, а также здесь сложен разобранный иконостас верхней церкви... В церкви очень сыро, в подвале вода...»² В протоколе от 3 июня 1926 г. отмечалось, что «в худшем положении, чем собор, находятся Мостовая башня и церковь Иоасафа. Это известно и Отделу по делам Музеев и Губмузею. Возможно, что удастся что-либо сделать для ремонта Измайловских построек...»³ На разрушающиеся памятники обратил вни-

¹ Бунин И. А. Под серпом и молотом. Из записок неизвестного. М., 2018.

² ГПИБ, фонд редкой и рукописной книги, № 137827-2000 г. Л. 9–10.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 5. Л. 70.

мание командующий МВО К. Е. Ворошилов, и вскоре здешние казармы были упразднены.

Представитель Главного управления научными, музейными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса РСФСР архитектор С. К. Родионов предложил устроить в Мостовой башне музей истории Измайлова. Расходы на музей – это были времена нэпа – предполагалось оплачивать из скудного после Гражданской войны регионального бюджета. И музей, как и другие музеи в те годы, так и не был создан; произошедшие же с островом перемены не способствовали сохранению его уникальной истории.

В связи со значительным притоком в Москву населения из соседних областей в ближнем Подмосковье создавались рабочие поселки, и остров ожидала такая же судьба. В 1924–1926 гг., по решению Президиума Бауманского райсовета и при поддержке Моссовета, выделившего средства, здесь был создан Городок им. Баумана, просуществовавший долгие полвека.

На острове проложили новые водопроводные магистрали, укрепили берега Серебряно-Виноградного пруда, привели в порядок скверы и устроили новые дорожки. Помещения богадельни приспособили под коммунальные квартиры: всего здесь было устроено 200 квартир¹. В бывших солдатских, офицерском и Семейном корпусах на верхних этажах были установлены новые потолочные перекрытия, и в результате из одного этажа получилось два.

В коммунальные квартиры вселились семьи рабочих заводов «Серп и Молот», авиационного завода № 24 им. М. В. Фрунзе, Измайловской прядильно-ткацкой фабрики, Московского электролампового завода, фабрики «Освобожденный труд» и некоторых других. В 1935 г. Городок вошел в состав Сталинского района г. Москвы.

Население острова по сравнению с XIX в. значительно возросло: в разные годы здесь проживали от 2,5 до 5 тысяч человек. Для них на острове работали магазин, пекарня, булочная, керосиновая

¹ Рабочая Москва. 1924. № 8.

лавка, почта, библиотека, начальная школа, детский сад, кино-театры, клубы, спортивные и детские площадки. Со времен богадельни сохранились баня и аптека. Жители Городка построили погреб, сараи, разбили огороды, держали домашнюю птицу и рогатый скот.

Однако храмы, старинные ворота, Мостовая башня ежедневно напоминали жителям Городка о прошлом острова. Выросший на острове писатель А. А. Кузнецов в своей книге «Измайловский остров» отмечал: «Я убежден в громадном воздействии на людей, особенно молодых, той обстановки, в которой они растут и живут. Если у человека перед окном всегда перед глазами старинное русское архитектурное сооружение, которое не успели сломать, уничтожить, он не сможет уже не задумываться над историей своей страны, не может быть к ней равнодушен»¹.

Какова же судьба старинных измайловских памятников архитектуры? В 1936 г. церковь Иоасафа и колокольню разобрали. Передние и Задние ворота Государева двора приспособили для проживания. В Мостовой башне разместили кузницу, склад и столярную мастерскую, а в ее восьмерике в течение пяти лет жили члены производственно-бытовой коммуны из 18 рабочих авиазавода № 24 им. Фрунзе. Коммунары сняли колокола, застелили полы, вставили рамы, сложили печь. Однако, несмотря на ремонт, в башне было очень много вредной для здоровья плесени², поэтому коммуне предоставили другое помещение в Москве³.

В нижнем четверике башни оборудовали магазин, для которого позднее построили рядом деревянное здание, а в башне организовали склад. Несколько лет в ней размещалось домоуправление Городка, а с 1951 г. – Институт «Информэлектро». В 1946–1950 гг. и в 1960-е гг. башню реставрировали.

В первые годы советской власти Покровский собор был закрыт, но иконы, церковная утварь, старые книги и одежда священно-

¹ Кузнецов А. А. Указ. соч. С. 110.

² Авиамотор. 1 мая 1931 г.

³ Кузнецов А. А. Указ. соч. С. 131–132.

служителей сохранялись. В 1927 г. он был передан в аренду Московскому обществу потребителей, и вскоре был уничтожен иконостас. Лишь главная святыня храма – чудотворная икона Иерусалимской Божьей Матери – была передана в храм Рождества Христова в Измайлове. По воспоминаниям жителей Городка, его комендант Панин продавал церковную утварь в торгсине, за что был осужден¹. В 1932 г. оставшаяся в храме богатая церковная утварь и убранство были вывезены сотрудниками НКВД.

В последующие годы в соборе размещались архив НКВД, склад редких строительных материалов и красок, овощной склад. В качестве полок эти организации приспособили расколотые иконы. В 1960-е гг. и в 1980–1984 гг. Покровский собор реставрировали; часть уцелевших икон передали Музею древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. В 1994 г. здание было возвращено церкви, а в 1997 г. отслужили первый молебен; из Музея имени Андрея Рублева в храм вернули несколько образов старого иконостаса.

С 1970 г. на острове работали Всероссийская специальная научно-реставрационная производственная мастерская Министерства культуры РСФСР и проектный институт «Спецпроектреставрация». В 1974–1986 гг. под руководством специалистов этой организации началась частичная реконструкция царской усадьбы. Были восстановлены постройки Государева двора XVII и XIX вв., а в его пустовавшем юго-западном углу возведены строения в древнерусском стиле; на месте березовой рощи XVII в. были высажены молодые березы².

А. А. Кузнецов писал: «...Государев двор очистили от мелких застроек и мусора, а растущие внутри деревья проредили. Появился простор...»³ Все эти перемены к лучшему в судьбе острова были связаны с подготовкой к московской Олимпиаде. Для ее гостей

¹ Кузнецов А. А. Указ. соч. С. 54–55.

² Датицева Н. С. Измайлово. Памятники архитектуры XVII–XIX вв. М., 1989. С. 13.

³ Кузнецов А. А. Указ. соч. С. 156.

неподалеку был выстроен большой гостиничный комплекс «Измайлово», рассчитанный на 10 тысяч туристов, и остров, таким образом, впервые должен был стать объектом экскурсионного показа.

Следующим этапом в изменении статуса острова, переставшего быть рабочим поселком, стало открытие в 1987 г. выставки «Измайлово и правители России», созданной в Мостовой башне сотрудниками Государственного исторического музея. В больших корпусах богадельни разместили некоторые фондовые коллекции этого крупнейшего музея. Прибавил популярности Измайловскому острову и знаменитый «вернисаж», где на продажу выставлялись винтажные и антикварные вещи, книги, а затем и предметы декоративно-прикладного искусства и народных русских промыслов.

Через 20 лет по распоряжению правительства Москвы от 19 июня 2007 г. «О мерах по сохранению и развитию усадьбы Измайлово» территория острова, часть помещений бывшей богадельни и Мостовая башня были переданы Московскому Государственному объединенному художественному историко-архитектурному и природно-ландшафтному музею-заповеднику (МГОМЗ). «Концепция дальнейшего развития и функционального использования усадьбы “Измайлово” и прилегающих территорий»¹ предусматривала создание выставок (в 2007 г. открылась первая – «Московский изразец»), проведение различных образовательных и просветительских программ, музыкальных мероприятий и праздников. Планировалось открытие «Музея изразца»², детского музейного центра, музейно-реставрационного комплекса, а также благоустройство территории, реставрация и воссоздание памятников истории и архитектуры, комплекс археологических и палеоландшафтных исследований, воссоздание исторического ландшафта. В планах музея были выявление, сохранение, восстановление и поддержание эле-

¹ Концепция дальнейшего развития и функционального использования усадьбы «Измайлово» и прилегающих территорий // Научный архив МГОМЗ. 2008. Д. 1.

² Предложения по созданию в Измайлове «Музея изразца» // Научный архив МГОМЗ. 2008. Д. 6. Л. 2.

ментов природной среды, создание дорожно-тропиночной сети, организация общественного питания, размещение общественных туалетов, организация парковки для машин. К сожалению, не все намеченное удалось воплотить в жизнь.

Сейчас на острове вниманию посетителей предлагаются выставка «Измайлово – царская вотчина XVII века», интерьер «Старая московская квартира», посвященный истории Городка им. Баумана, и другие исторические и художественные выставки. Около каждого памятника архитектуры размещены информационные баннеры. Для посетителей всех возрастов проводятся костюмированные экскурсии и экскурсионно-художественные программы, интерактивные лекции, музейные занятия и мастер-классы, инвалидные концерты, концерты старинной, классической и джазовой музыки.

Столичный Департамент культурного наследия проводит на острове реставрацию Мостовой башни, фонтана и въездной арки XIX в. Ждут реставрации здания богадельни, а также ворота Государева двора.

А Измайловский остров по-прежнему любим москвичами и гостями столицы: несмотря на насыщенную культурную жизнь, это очень уютное место. Здесь можно отдохнуть от городской суеты: прогуляться по старинным липовым аллеям и березовой роще, послушать пение птиц, покормить белок, порыбачить, полюбоваться зеркальной гладью воды и сверкающими на солнце изразцами. И прикоснуться к истории...

Литература

- Бунин И. А. Под серпом и молотом. Из записок неизвестного. М., 2018.
- Датиева Н. С. Покровский собор в Измайлове // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985.
- Датиева Н. С. Измайлово // Памятники архитектуры XVII–XIX вв. М., 1989.
- Датиева Н. С. Подмосковное село Измайлово и Николаевская военная богадельня // МЭРА. 1995. № 2 (8).
- Датиева Н. С. Архитектурный ансамбль Измайловского острова в конце XVII в. // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 11. М., 2008.
- Датиева Н. С. Мостовая башня в Измайлове и каменные мосты средневековой Москвы // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 12. М., 2009.
- Заозерский А. И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917.
- Кузнецов А. А. Измайловский остров. М., 2007.
- Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиныным. 1822. Ч. 9. № 23. Март.
- Помогите жить и работать // Авиамотор. 1 мая 1931 г.
- Рабочая Москва. 1924. № 8.
- Топычканов А. В. История Москвы. Коломенское и Измайлово – заповедные уголки. М., 2008.
- Топычканов А. В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века. М., 2004.
- Трифонова Т. П. Николаевская Измайловская военная богадельня. Традиции благотворительности и милосердия. М., 2010.
- Трифонова Т. П. «Чудный остров навещу...». История царской усадьбы и императорской богадельни на Измайловском острове для взрослых и детей. М., 2017.
- Успенский А. И. Церкви села Измайлова // Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии / под ред. А. И. Успенского. 1904. Т. 1.
- Чиняков А. Архитектурные памятники Измайлова // Архитектурное наследство. Т. 2. М., 1952.

Архивные источники

ГПИБ, фонд редкой и рукописной книги, № 137827-2000 г.

Концепция дальнейшего развития и функционального использования усадьбы «Измайлово» и прилегающих территорий // Научный архив МГОМЗ. 2008. Д. 1.

Предложения по созданию в Измайлове «Музея изразца» // Научный архив МГОМЗ. 2008. Д. 6.

ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 5.

РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 1253, 1254, 1257, 1259; Ф. 16070. Оп. 1. Д. 662.

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1086; Ф. 806. Оп. 4. Д. 1275.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 752. Д. 1017.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ БАРСКОЙ УСАДЬБЫ В ТАРХАНАХ

Ульянова Вера Павловна,
Государственный лермонтовский музей-заповедник «Тарханы»,
село Лермонтово Пензенской области

Аннотация. Статья посвящена истории возникновения села Тарханы в процессе заселения и окультуривания окраинных земель Российской империи. В ней рассказывается о приобретении поместья дедом и бабушкой М. Ю. Лермонтова М. В. и Е. А. Арсеньевыми, строительстве барской усадьбы, ее судьбе после гибели поэта и смерти Е. А. Арсеньевой. Особое внимание уделено началу музеефикации барской усадьбы и часовни над могилой поэта, созданию дома-музея М. Ю. Лермонтова в селе Лермонтово в 1939 г.

Ключевые слова. Лермонтов. Тарханы. Музеефикация. История. Поэт. Экспозиция. Хроника. Музей.

MUSEUMIFICATION OF THE MANOR HOUSE IN TARKHANY

Ulyanova Vera Pavlovna,
State Lermontov Museum-Reserve «Tarkhany»,
Lermontovo village, Penza region

Annotation. The article is devoted to the history of the village of Tarkhany in the process of settlement and cultivation of the outlying lands of the Russian Empire. It tells about the acquisition of the estate by M.V. and E. A. Arsenyev and the construction of the manor house, its fate after the death of M. Y. Lermontov and the death of E. A. Arsenyeva. Special attention is paid to the beginning of the museumification of the manor house and the chapel over the poet's grave, the creation of the house-museum of M. Y. Lermontov in the village of Lermontovo in 1939.

Keywords. Lermontov. Tarkhans. Museumification. History. Poet. Exposition. Chronicle. Museum.

В Тарханах Пензенской области Чембарского уезда прошли детские и отроческие годы Михаила Юрьевича Лермонтова, половина его короткой 27-летней жизни. Вновь и вновь Лермонтов мысленно обращался к родным местам, вспоминая «и отца, и дом родной, и высокие качели, и пруд, обсаженный ветлами»¹.

Тарханскую хронику открывает челобитная помещиков Чембарского уезда пензенской губернии царю Петру I от 13 сентября 1701 г. 26 служилых людей просят государя выделить им во владение местные незаселенные земли. По царскому указу специальная комиссия обследовала и измерила пустующие плодородные чембарские земли и доложила государю, что «та земля в вышеописанных урочищах лежит порозжая, в поместье, в вотчину и на оброк никому не отдана и не татарских, и не мордовских, и не заповедных ли земель, и к новопостроенным ни к какому городу не приписаны»².

Следует отметить, что до второй половины XVI в. просторы нынешней Пензенской области и окружающих ее областей оставались дикими, необжитыми, а с этого времени началась интенсивная колонизация Пензенского края – как правительственная, так и помещичья, дворянская³. Петр I, продолжая практику царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича по укреплению и развитию провинции, удовлетворил чаяния 26 претендентов на пустующие земли будущего Чембарского уезда. Все они получили в среднем от 150 до 350 четвертей (от 75 до 175 десятин) «в поле... с сенными покосы, и со всеми угоды, и рыбными ловли»⁴. Среди получивших от государя землю были Михаил Аргамаков (175 десятин земли), Василий Шадрин (125 десятин) и Степан Путятин (150).

История заселения будущих тарханских земель и возникновения села развивалась в общем контексте исторического развития Пензен-

¹ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. М.; Л., 1962. Т. IV. С. 28.

² Лермонтовский заповедник «Тарханы». Документы и материалы / сост. П. А. Фролов. Пенза, 2001. С. 5.

³ Подробно рассмотрено в статье А. Е. Ульянова «К вопросу об истории заселения села Тарханы (в общем контексте освоения земель Пензенского края в первой половине XVIII в.)» (Тарханский вестник. 2001. Вып. 13. С. 97–98).

⁴ Лермонтовский заповедник «Тарханы». С. 6.

ского края, России, в контексте освоения окраин Российского государства. Более того, она ярко иллюстрирует этот процесс.

Окраинные Пензенские земли, в особенности южные и юго-западные, подвергались набегам кочевников вплоть до 20-х годов XVIII столетия. В 1701 г. засечные сторожа Сердобинской слободы сообщали, что «приходы де к ним от воинских людей бывают частые, и они с теми воинскими людьми бьются смертными боями». Сам город Пенза в 1680 г. подвергся нападению «воинских людей» крымского хана Салтана Давлеткоромы, которые «триста пятьдесят дворов со всеми животы и хлебом со всяким сожгли». Последний набег на Пензу был совершен кубанцами в 1717 г., он вошел в историю под названием «большой кубанский погром». Город ногайцам взять не удалось, несмотря на четырехдневную осаду, но деревни в Пензенском уезде они «разорили и выжгли, и людей в полон побрали, а других порубили».

Для чембарских земель, которые находились южнее всех сооруженных к началу XVIII в. засечных черт, угроза нападения была наиболее реальной. Только после сооружения в 1717–1720 гг. мощных волго-донских земляных укреплений вторжения «воинских людей» в понизовые города прекратились и «где было не только прежнее жилье, но и в новых пустых местах селитьба» стала «умножаться». Таким образом, возникновение будущих Тархан в начале 1830-х гг. прекрасно вписывается в общий контекст «умножения» числа вновь создаваемых сел в ранее слабо обжитом регионе¹.

Испросив и получив землю, ни М. Аргамаков, ни В. Шадрин, ни С. Путятин ее не освоили. Эти земли еще долгое время, целых три десятилетия, оставались незаселенными. Будучи объектом купли-продажи, владения эти только переходили из рук в руки, по-прежнему оставаясь не вовлеченными в хозяйственный оборот края. Такие «переходы» продолжались вплоть до 1730 г., когда будущие тарханские земли сосредоточились в руках Я. П. Долгорукова².

Князь Яков Петрович Долгоруков, поручик Преображенского полка в отставке, в 1729 г. женился на дочери Михаила Аргамакова (он значится в списке челобитчиков первым) Анне Михайловне.

¹ Об истории заселения земель Пензенского края см.: *Ульянов А. Е.* Указ. соч. Т. IV. С. 100.

² Там же. С. 101.

В 1730 и 1734 гг. у С. Путятина и В. Шадрина молодожены Долгоруковы купили полученные от Петра I земельные участки. Это были те самые земли, которые позднее составили основное ядро владений бабушки М. Ю. Лермонтова Е. А. Арсеньевой.

Яков Долгоруков стал основателем села и первым его владельцем. Будущее село, а пока деревню, называли Долгоруково. Основную часть крепостных во вновь образованное село Долгоруков переселил из своего костромского поместья. После постройки сельской церкви во имя наиболее популярного на Руси святого Николая Чудотворца – она была небольшая, деревянная, однокупольная, однопрестольная – деревня превратилась в село под названием Никольское Яковлевское тож.

Сохранилась до наших дней церковная книга – «Четьи-Минеи» на сентябрь месяц 1754 г., – подаренная А. М. Долгоруковой сельской церкви. Об этом свидетельствуют надписи, сделанные на листах книги, – от ее титульного листа до середины, 204-й страницы. «Четьи-Минеи» – один из самых старых и интересных документальных памятников той эпохи.

В 1762 г. Анна Михайловна Долгорукова, к тому времени овдовевшая, продала Никольское Настасье Александровне Нарышкиной. С 1794 г. его владельцами стали Михаил Васильевич и Елизавета Алексеевна Арсеньевы, будущие дед и бабушка М. Ю. Лермонтова. Имение было записано на имя Е. А. Арсеньевой в следующем, 1795 г.

В это время и в обиходе, и в документах село все чаще именовалось Тарханами. Новое название возникло в связи с тем, что местные крестьяне, бывшие знаменитые костромские коробейники, на новом месте не оставили своего привычного занятия и сверх хлебопашества скупали ходовые товары (мед, воск, сало, деготь, овчины) и продавали их по торгам и на «ярмонках», то есть «тарханили». Таких торговцев называли «тарханами».

Самое раннее упоминание Тархан содержится в метрической книге Никольской церкви в 1806 г. Так свое родное село называл и М. Ю. Лермонтов. Зимой 1836 г. поэт сообщил С. А. Раевскому: «Я теперь живу в Тарханах, в Чембарском уезде (вот тебе адрес на случай, что ты его не знаешь), у бабушки...»¹

¹ Лермонтов М. Ю. Указ. соч. Т. IV. С. 586.

Приобретенные Арсеньевыми земли в сентябре 1782 г. были обмежеваны в соответствии с «Манифестом о генеральном размежевании границ всей империи» от 19 сентября 1765 г. Генеральное межевание было всеимперским и обязательным для землевладельцев. Манифест этот, по словам Андрея Тимофеевича Болотова¹, «произвел во всем государстве столь великое потрясение умов и всех владельцев деревенских заставил так много мыслить, хлопотать и заботиться о всех своих земляных дачах и владениях»², как никогда о том не хлопотал русский дворянин. В 1800 г. План межевания села Никольское-Яковлевское был утвержден «попечением и милостью императора Павла I». В экономических примечаниях к плану межевания описаны приобретенные Е. А. Арсеньевой владения – земли, леса, строения и пр.

Молодым супругам Арсеньевым пришлось отстраивать барскую усадьбу заново, потому что, во-первых, усадьба Нарышкиных к тому времени полностью сгорела, а во-вторых, она располагалась в центре села, в низинке, в непосредственной близости к крестьянским избам, что было приметой своего времени. В конце XVIII столетия нравы совершенно переменились, а указ «О вольности дворянства», от которого средний помещик, по образному выражению Болотова, «вспрыгнул от радости», вызвал бурный рост и расцвет усадебного строительства по всей стране. Здесь следует заметить, что дед поэта М. В. Арсеньев в числе других юношей из дворянских семей воспитывался и обучался в доме Болотова, а потому науку усадебного строительства знал.

Арсеньевы, помещики екатерининской закалки, строили тарханскую усадьбу в полном соответствии с требованиями времени и своим положением в обществе. На значительном отдалении от села, за восточной его окраиной, на крутом берегу построили большой барский особняк в 30 с лишним комнат, разбили сады. Спланированные по всем правилам архитектуры и усадебного строительства пруды, хозяйственные постройки, парк с неизменной беседкой, ажурные мостики, сирень и акация, террасы, липовая аллея,

¹ Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) – русский писатель, мемуарист, философ-моралист, ученый, ботаник и лесовод.

² Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Мемуары 1738–1793. В 3 т. М.; Л., 1931. Т. II. С. 324.

розарий и летний выход из гостиной в парк – все это включает в себя понятие «русская усадьба» и с детства запомнилось поэту («уютный сад, обсаженный рябиной», «беседка тайная» «на склоне гор близ вод» и «куст прелестных роз, взлелеянных весной»).

На месте своего первого дома после преждевременной смерти единственной дочери Марии Арсеньева возвела церковь во имя Святой Марии Египетской, покровительницы Марии Михайловны. Новый дом, гораздо меньших размеров (всего десять барских комнат), но с обязательным набором парадных и жилых покоев, верандой и балконами, с которых «видны были дымящиеся села луговой стороны, синеющие степи и желтые нивы»¹, она построила в нескольких саженях от прежнего. Этот дом Лермонтов описывал так: «Барский дом был похож на все барские дома: деревянный, с мезонином, выкрашенный желтой краской»².

Вместо старой сельской Никольской церкви Е. А. Арсеньева выстроила новую. Она строилась 14 лет и была освящена во имя святого покровителя поэта Архистратига Божия Михаила всего за один год до гибели Михаила Юрьевича.

Обстоятельства жизни сложились так, что М. Ю. Лермонтов не стал хозяином тарханского имения, хотя бабушка завещанием 1817 г. определила его внуку. М. Ю. Лермонтов погиб в 1841 г., Е. А. Арсеньева умерла четыре года спустя, в 1845 г. Тарханы в наследство получил младший брат Елизаветы Алексеевны Афанасий Стольпин, которого Лермонтов «особенно любил» и называл «дядюшкой». Позже Тарханы перешли к сыну А. А. Стольпина Алексею и далее – к его внучке Марии Владимировне Катковой, последней владелице Тархан.

Все наследники Е. А. Арсеньевой вотчиной управляли умело, по-хозяйски, наследие М. Ю. Лермонтова хранили, о крестьянах заботились. На протяжении всего XIX в. Тарханы оставались крепким хозяйством. Дмитрий Аркадьевич Стольпин, опекун Алексея Стольпина, ввел в Тарханах сложный и самый совершенный на тот момент способ ведения хозяйства, предложенный программой реформ Петра

¹ Лермонтов М. Ю. Указ. соч. Т. IV. С. 261.

² Там же.

Аркадьевича Столыпина, – сдачу земель в долгосрочную аренду. В результате крепкое хозяйство в Тарханах в условиях отмены крепостного права не только не подверглось разорению, как это случилось со многими помещичьими имениями в России, в том числе и в Пензенской губернии, но оказалось устойчивым и прогрессировало¹.

Таковым оно оставалось и в XX столетии. В Памятной книжке Пензенской губернии по состоянию на 1911 г. одним из четырех «выдающихся сельскохозяйственных угодий в Чембарском уезде» названо имение Тарханы «дворянки Катковой» и отмечено, что в нем имеется даже конный завод².

Следует сказать, что М. Ю. Лермонтов очень любил лошадей и был замечательным наездником. Его конь Парадер считался лучшим в полку. «Я на днях купил лошадь у генерала... лошадь славная»³, – писал Лермонтов бабушке. Лошади и в Тарханах были хороши настолько, что офицер лейб-гвардии гусарского полка Лермонтов брал их на выезд в столицу. Елизавета Алексеевна писала внуку из Тархан в Петербург: «...домашних лошадей шесть, выбирай любых, пара темно-гнедых, пара светло-гнедых и пара серых...»⁴

Паломничество поклонников Лермонтова в Тарханы началось сразу же после его гибели. Об этом говорят дошедшие до нас сведения.

В 1853 г. журнал «Пантеон» сообщал: «Село Тарханы в последние годы приобрело известность, и часто бывает украшена свежими цветами гробница поэта. Грустно на его безвременной могиле, но отраднo внимание, которое оказывают его памяти и высокому дарованию»⁵. Барский дом и другие памятные места в Тарханах показывали приезжающим сначала Андрей Иванович Соколов, дядька Лермонтова, потом – управляющий имением Петр Николаевич Журавлев, об этом сохранились публикации.

¹ Ульянов А. Е. Арендные отношения в Тарханах последней трети XIX века // Тарханский вестник. Вып. 24. 2011. С. 82–91.

² Архангельская В. Последние владельцы лермонтовских Тархан. М., 2019. С. 51.

³ Лермонтов М. Ю. Указ. соч. Т. IV. С. 589.

⁴ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 10 т. М., 2001. Т. VII. С. 86.

⁵ Герштейн Э. А. Судьба Лермонтова. М., 1964. С. 131.

В 1859 г. Тарханы навестил И. Н. Захарьин (Якунин)¹. Он свидетельствует, что в господском доме «никто в то время не жил, но порядок и чистота в доме были образцовые» и что «те именно комнаты, в которых всегда жил, находясь в Тарханах, Лермонтов... сохранились в том виде и порядке, которые были во времена гениального жильца этих комнат»².

Пензенский врач и журналист Н. В. Прозин рассказал читателям «Пензенских губернских ведомостей» о своей поездке в Тарханы в 1867 г. Он подробно описал местоположение села, усадьбу, часовню и памятник над могилой поэта. О барском доме, который он имел возможность видеть целиком «благодаря любезности и просвещенному вниманию» управляющего П. Н. Журавлева, автор очерка сообщает интересную подробность: «Одноэтажный деревянный дом был прежде с мезонином, но мезонин очень недавно снят и стоит еще не разобранным тут же, на барском дворе. Его сняли потому, что он стал сильно давить крышу на давнишнем уже строении»³.

В год 50-летия со дня гибели М. Ю. Лермонтова «Пензенские губернские ведомости» официально сообщали читателям о том, что 15 июля, в день «кончины великого поэта М. Ю. Лермонтова, прах которого покоится в селе Тарханы... в тарханском приходском храме совершена была заупокойная литургия... и затем торжественная панихида... Помолиться об упокоении души безвременно погибшего поэта собралось весьма много народа из разных слоев общества... По окончании богослужения управляющий тарханским имением, принадлежащем г. Столыпину, предложил гостям завтрак в том самом доме, где провел свои юные годы М. Ю. Лермонтов»⁴. К памятнику над могилой поэта были возложены венки.

О значении проведенных в Тарханах мероприятий сказал Н. В. Прозин в очерке «С могилы М. Ю. Лермонтова»: «Тарханы

¹ Иван Николаевич Захарьин (1839–1906) – русский писатель, драматург, очеркист, поэт, прозаик.

² Захарьин (Якунин) И. Н. Встречи и воспоминания. Спб., 1903. С. 12 – 15.

³ Прозин Н. В. Выдержки из моего дорожного портфеля. Село Тарханы // Пензенские губернские ведомости. 1867. № 50. С. 3.

⁴ Прозин Н. В. Памяти великого поэта // Пензенские губернские ведомости. 1891. № 141. С. 3.

никогда не пользовались бы тою известностью, которой пользуются теперь, если бы в них, под сводами небольшой часовни, находящейся в церковной ограде возле церкви, под небольшим мраморным памятником, не покоилось праха величайшего русского поэта, не было бы той дорогой для русских людей могилы, которая, посещаясь почитателями таланта почившего поэта, послужила и доселе служит главным образом к распространению известности Тархан.

Но никогда, думается мне, на этой могиле... не было еще такого значительного стечения народа, не было такого разнообразия среди собравшихся лиц, как это было 15 июля.

Здесь были и старики и учащаяся молодежь, здесь были и представители высшего общества и крестьяне, здесь было, наконец, немало лиц духовного звания»¹.

Таким образом, уже в XIX в. в Тарханах стихийно образовывался музей поэта. В 1914 г. в часовне над могилой М. Ю. Лермонтова была заведена книга отзывов.

Первое изображение тарханской усадьбы относится к 1842 г. – это литография Рудкевича; гравюра М. Рашевского по рисунку художника И. Панова 1867 г. помещена на обложке популярного журнала «Нива» № 5 за 1881 г. В разных изданиях были опубликованы изображения часовни над могилой М. Ю. Лермонтова: литография М. А. Виноградова (1879), гравюра неизвестного автора (1891), рисунок Б. Подбельского (1893).

В 1880 и 1881 гг. Тарханы с целью сбора научного материала для биографии Лермонтова посетил профессор Дерптского университета П. А. Висковатов. Он сделал достоверные, тщательно проработанные рисунки восточного и западного фасадов дома, составил план нижнего этажа с указанием расположения всех комнат, окон и дверей. Эти рисунки (а точнее – чертежи и планы) относятся к самым ценным материалам о барском доме в Тарханах, так как в них достаточно точно запечатлена конструкция здания лермонтовского времени.

¹ *Прозин Н. В.* С могилы М. Ю. Лермонтова // Пензенские губернские ведомости. 1891. № 158. С. 3.

Сохранились фотографии и литографии 1880-х гг. – начала XIX в., с видами барской усадьбы, часовни и сельской церкви, сделанные разными авторами. Эта стихийная, разнообразная и разнородная фиксация усадебных построек в домوزه́йный период стала исключительно ценным, незаменимым научным материалом при создании в 1936–1939 гг. музея М. Ю. Лермонтова и не теряет своего значения до настоящего времени.

Идея создания в Тарханах музея великого поэта появилась в начале XX в., причем не только в публикациях частных лиц, но и в официальных документах. В них отмечено хорошее состояние тарханских памятников. Это важный факт предыстории музея. В преддверии 100-летней годовщины со дня рождения М. Ю. Лермонтова хозяйка имения М. В. Каткова капитально отремонтировала часовню и обе церкви – Михаила Божия Архистратига и Марии Египетской.

Тарханы избежали бессмысленного уничтожения дворянских усадеб в 1917–1918 гг. Г. Д. Смагин в мае 1918 г. свидетельствовал: «Как только начались поджоги и грабежи по помещичьим экономиям, то очередь дошла и до тарханской Лермонтовской экономии. Но тут взяло верх благоразумие. Собравшись на общем сходе, крестьяне села Тарханы постановили: дом, сад и экономические постройки оставить нетронутыми из чувства глубокой любви к родному поэту М. Ю. Лермонтову, имя которого далеко гремит не только по Руси Матушке, но и за границей»¹. Тогда же на сельском сходе было принято решение переименовать Тарханы в Лермонтово.

В конце 1918 г. барская усадьба была объявлена достоянием советского государства. Музейная комиссия при Пензенском губернском политпросвете прилагала большие усилия для ее музеефикации. Однако переписка на разных уровнях о передаче усадьбы и часовни в ведение губернской музейной комиссии затянулась на долгие годы.

Только в 1935 г. вышло постановление Совнаркома СССР о создании музея Лермонтова (одновременно с музеем Белинского в Чембаре) с выделением на эти цели бюджетных средств в 1936 г.

¹ Смагин Г. Д. Тарханы (1918 г.) // Тарханский вестник. 2007. Вып. 20. С. 225.

К этому времени усадебный дом пришел в аварийное состояние, практически все хозяйственные постройки были снесены.

Всеми работами по созданию музея на месте руководил замечательный энтузиаст Александр Иванович Храмов, назначенный директором музеев М. Ю. Лермонтова и В. Г. Белинского (они создавались и до 1944 г. функционировали как одно учреждение). Работать приходилось в очень сложных условиях, при нехватке даже самого необходимого: знаний и опыта музейной работы, в том числе реставрационной; штатов – их предстояло создать; материалов для реставрации зданий, а также со скудным бюджетом, при удаленности музеев от культурных центров (до Пензы от Тархан – 100 км, до Москвы – 600) и отсутствии дорог.

Барский дом находился в таком ужасном состоянии, что инженеры даже предлагали построить его заново. Этого, к счастью, не произошло. О том, что и как делалось, полное представление дают недавно обнаруженные и приобретенные в фонды музея документы 1936 г.: сметы на ремонт «дома Лермонтова» и часовни, а также Акт обследования дома Лермонтова, часовни и других тарханских объектов, в том числе территории.

В документах зафиксировано состояние важнейших тарханских объектов на 1924 и 1936 гг. Сравнение двух документальных источников показывает, что объем ремонтно-восстановительных работ, проведенных к открытию музея М. Ю. Лермонтова (от фундамента до крыши барского дома, от замены несущих конструкций до покраски, устройства забора и очистки двора от мусора), был весьма внушительным. В смете указывается на необходимость сохранения старых элементов конструкций, что весьма ценно. Имеется также указание на то, что следует использовать старую штукатурку часовни, перетерев ее и приготовив из нее раствор с добавлением воды и алебаstra.

Восстановление барского дома в Тарханах завершилось в конце 1937 г. И тогда встал не менее сложный вопрос – о создании экспозиции.

Первую экспозицию в музее М. Ю. Лермонтова в Тарханах сделали сотрудники головного литературного музея страны – Гослитмузея (ГЛИМ). В бригаду по практическому созданию первой

экспозиции вошли заведующая экспозиционным отделом ГЛМ К. М. Виноградова, научные сотрудники Н. А. Любович, Т. А. Иванова. Неоценимую помощь в определении направления разработки экспозиции оказали Н. П. Пахомов, И. Л. Андроников, М. Д. Беляев, хотя официально на них было возложено главным образом комплектование музейных фондов. Уже в 1938 г. был подготовлен тематико-экспозиционный план и собрано 518 экспонатов. Одновременно шло художественное оформление (художник У. К. Рылова) экспозиции. Помогли авторам экспозиции рассказы старожилів села.

Темпы работ были ударными, достижения – выдающимися. К февралю 1939 г. основные работы по созданию первой экспозиции музея М. Ю. Лермонтова были завершены, собрано и приобретено около 1500 экспонатов – рукописи, книги, портреты, мебель, предметы быта (подробно об этом рассказано в публикации В. П. Арзамасцева)¹. «Благодаря подбору подлинного материала эпохи Лермонтовский музей, помимо историко-литературного значения, является и бытовым памятником, так как наглядно знакомит посетителей с предметами материальной культуры конца XVIII и первой половины XIX века»², – так характеризовал созданную экспозицию с позиции музейоведа М. Д. Беляев.

Дом-музей М. Ю. Лермонтова в селе Лермонтово был торжественно открыт 31 июля 1939 г. при большом стечении людей – до 5 тысяч человек. В день открытия музея М. Д. Беляев писал: «Организованный музей М. Ю. Лермонтова, безусловно, стоит на высоте современных литературоведческих требований и уже теперь можно сказать, что из местных литературно-мемориальных музеев в ряд с ним может идти только музей А. С. Пушкина в Михайловском»³.

В 1944 г. музей М. Ю. Лермонтова был преобразован в музей-усадьбу, в 1969 г. получил статус Государственного музея-заповедника, в 1997 г. указом президента РФ «Тарханы» включены в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов

¹ Арзамасцев В. П. «Тарханы получили... готовый музей» (к истории создания первой экспозиции в музее М. Ю. Лермонтова) // Тарханский вестник. 2000. Вып. 12. С. 14–20.

² Беляев М. Д. В селе Лермонтово // Советский музей. 1939. № 11. С. 40.

³ Беляев М. Д. Насущные задачи музея // Чембарский колхозник. 1939. № 29. С. 3.

Российской Федерации. В настоящее время «Тарханы» являются усадебным ансамблем с тремя комплексами архитектурных и ландшафтных объектов. Это разноплановые экспозиции, пруды, сады, парк с террасированным склоном, ажурные мостики, мельница, паша. И конечно, это фондовое собрание, включающее в себя немало уникальных по художественным достоинствам и редкости экспонатов, не имеющих аналогов в известных частных и государственных собраниях.

Литература

- Арзамасцев В. П.* «Тарханы получили... готовый музей» (к истории создания первой экспозиции в музее М. Ю. Лермонтова) // Тарханский вестник. 2000. Вып. 12. С. 14–20.
- Архангельская Н. В.* Последние владельцы лермонтовских Тархан. М., 2019.
- Беляев М. Д.* В селе Лермонтово // Советский музей. 1939. № 11. С. 38.
- Беляев М. Д.* Насущные задачи музея // Чембарский колхозник. 1939. № 29. С. 3.
- Герштейн Э. А.* Судьба Лермонтова. М., 1964.
- Захарьин (Якунин) И. Н.* Встречи и воспоминания. СПб., 1903.
- Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений : в 4 т. М.; Л., 1961–1962.
- Лермонтовский заповедник «Тарханы». Документы и материалы 1701–1924 / сост., подготовка текста и ком. П. А. Фролова. Пенза, 2001.
- Прозин Н. В.* Памяти великого поэта // Пензенские губернские ведомости. 1891. № 141. С. 3.
- Прозин Н. В.* Выдержки из моего дорожного портфеля // Пензенские губернские ведомости. 1867. № 50. С. 3–4.
- Смагин Г. Д.* Тарханы (1918 г.) / публ. Е. Е. Жариновой // Тарханский вестник. 2007. Вып. 20. С. 219–234.
- Ульянов А. Е.* К вопросу об истории заселения села Тарханы (в общем контексте освоения земель Пензенского края в первой половине XVIII в.) // Тарханский вестник. 2001. Вып. 13. С. 97–117.
- Ульянов А. Е.* Арендные отношения в Тарханах последней трети XIX века // Тарханский вестник. 2011. Вып. 24. С. 82–92.

КОЛЛЕКЦИИ И ВЛАДЕЛЬЦЫ

ЗАГАДКИ СБОРНИКА КОМЕДИЙ Х. Ф. ГЕЛЛЕРТА ИЗ БИБЛИОТЕКИ КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ

Дозорова Надежда Ивановна,
Музей-усадьба «Архангельское»,
поселок Архангельское, г.о. Красногорск, Московская область

Аннотация. В статье представлена история бытования одного издания из библиотеки князей Голицыных, поступившего в Музей-усадьбу «Архангельское» при ликвидации Музея дворянского быта в Никольском-Урюпине. В ходе работы, помимо изучения содержания «слезных» комедий Х. Ф. Геллерта и отношения к ним в XVIII в. русской публики, удалось проследить долгий путь «до музейной» судьбы книги. Сохранившиеся экслибрисы и автографы раскрывают имена бывших владельцев, а оставленные пометы и рисунки дают подсказки о причинах их появления.

Ключевые слова. Князья Голицыны. Х. Ф. Геллерт. Библиотека. Экслибрис. Архангельское. Никольское-Урюпино. Кузьминки. Голицынский музей.

SECRETES OF THE COLLECTION
OF COMEDIES BY H.F. GELLERT FROM THE LIBRARY
OF THE PRINCES GOLITSYNS

Dozorova Nadezhda Ivanovna,
Arkhangelskoe Estate Museum,
Arkhangelskoe settlement, Krasnogorsk, Moscow region

Annotation. The article presents the history of the existence of one publication from the library of the Princes Golitsyns, which entered the Arkhangelskoe estate Museum during the liquidation of the Museum of Noble Life in Nikolskoye-Uryupino. In the course of the work, in addition to studying the content of H. F. Gellert's «tear» comedies and the attitude of the Russian public to them in the XVIII century, it was possible to trace a long way «to the museum» fate of the book. Preserved ex-libris and autographs reveal the names of the former owners, and the left marks and drawings give clues about the reasons for their appearance.

Keywords. Princes Golitsyn. H. F. Gellert. Library. Ex Libris. Arkhangelskoe. Nikolskoye-Uryupino. Kuzminki. Golitsyn Museum.

Не в тысячу ли крат драгоценнее нравоучение,
подобное Геллертову,
нежели целые книгохранительницы,
наполненные романами

Г. В. Берши «Путешествия добродетели». 1778

В 40–50-е гг. XVIII в. Христиан Фюрхтеготт Геллерт (Christian Furchtegott Gellert, 1715–1769) создал новую для немецкой литературы «трогательную», или «слезную», комедию. Немногим ранее этот жанр возник во Франции благодаря литературным дарованиям Филиппа Детуша (Philippe Néricault Destouches, 1680–1754) и Пьера Нивеля де ла Шоссе (Pierre-Claude Nivelles de La Chaussée, 1692–1754). По мнению Х. Ф. Геллерта, такая комедия ставит задачу растрогать зрителя, отодвигая осмеяние на второй план, стремится вызвать в нем сентиментальные и нежные чувства.

В настоящее время в фонде редких книг Государственного музея-усадьбы «Архангельское» хранится сборник Х. Ф. Геллерта «Комедии» (C. F. Gellert. «Lustspiele»), вышедший в Лейпциге в 1763 г.¹ В нем содержится шесть пьес: «Нежные сестры» («Die zärtlichen Schwerstern»), «Оракул» («Das Orakel»), «Богомолка» («Die Betschwester»), «Лотерейный билет» («Das Loos in der Lotterie»), «Сильвия» («Silvia») и «Больная жена» («Die kranke Frau»).

Первая комедийная пьеса Х. Ф. Геллерта «Богомолка» появилась в 1745 г., а в следующем были созданы «Лотерейный билет» и «Больная жена», комедию «Нежные сестры» он сочинил в 1747 г., в 1748 г. писатель представил публике тексты двух оперетт – «Сильвия» и «Оракул».

Наиболее законченным образцом «трогательной» комедии является пьеса «Нежные сестры». В ней нет резко очерченных пороков. Почти все персонажи добродетельны. Но это добродетель, способная на слабость, а порок – не столько порок, сколько неустойчивость характера. Герои пьесы совершают неблагоприятные поступки под давлением внешних обстоятельств. Так, Зигмунд не может понять, кого же из двух сестер он любит – Лоттхен или Юльхен,

¹ Gellert C. F. Luftspiele. Leipzig, Johann Wendler, 1763 // ГМУА, РК инв. № 15071.

потому что к его чувствам примешивается такая «слабость», как корыстолюбие, порожденное бедностью. Он мечется между Лоттхен и Юльхен, поскольку сначала Юльхен неожиданно оказывается богатой наследницей, а затем выясняется, что ею все-таки является Лоттхен. По ходу пьесы автор показывает, что корыстолюбие Зигмунда – не изначально присущий ему порок, а неустойчивость моральных качеств, которая выявляется под влиянием складывающихся обстоятельств. Возможно, не будь неожиданного наследства, никто, в том числе и сам Зигмунд, и не обнаружил бы его способности к вероломству и корыстолюбию.

В 1772 г. Екатерина II при помощи своего талантливого секретаря Григория Васильевича Козицкого (1724–1775) в свободной форме изложила содержание пьесы «Богомолка» Х. Ф. Геллерта на русском языке, назвав ее «О время!». Вероятно, имя немецкого сочинителя было знакомо русской императрице еще с юных лет – в 1750-х гг. писатель состоял в переписке с ее матерью и даже встречался с ней¹.

С 1747 по 1756 г. Г. В. Козицкий находился за границей, в 1749 г. он начал обучение в Лейпцигском университете, где в то время Х. Ф. Геллерт читал лекции о поэзии, словесности и морали и в 1751 г. получил звание профессора философии. Следовательно, секретарю императрицы имя немецкого писателя было не просто знакомо: он мог встречаться с ним в университетской аудитории.

На титульном листе книги «О время!» после названия указано, что это комедия в трех действиях, сочиненная в Ярославле во время чумы 1772 г. и напечатанная в Санкт-Петербурге. Дата выпуска отсутствует, но, судя по шрифтам, пьеса вышла в первой половине 1770-х гг.

В 1774 г. в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук опубликовали перевод комедии «Богомолка», выполненный Михаилом Матинским. В 1775 г. «Нежные сестры» и «Больная жена» Х. Ф. Геллерта были переведены Степаном Поручкиным. Комедии назывались «Горячая любовь двух сестер» и «Женская хворость», обе

¹ Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы / пер. И. Карташева и М. Лавринович. М., 2015. С. 183.

были напечатаны в Санкт-Петербурге в типографии при Императорской Академии наук.

На русский язык также переводили и другие произведения Х. Ф. Геллерта – «Утешительные рассуждения против немощной и болезненной жизни» (М., 1773), «Нравouchение» (М., 1775–1777), «Песни духовные» (М., 1778, 1782), «Духовные оды и песни» (СПб., 1782, 1785), «Чадолюбец» (СПб., 1787), роман «Жизнь графини шведской Г***» (Тамбов, 1792).

В 1789 г. в России вышла книга «Образ добродетели и благонравия, или Жизнь и свойства Геллерта, славного немецкого писателя, описанные И. А. Крамером, с присовокуплением наставления от отца сыну, отъезжающему в университет» (СПб., 1789), повествующая о самом писателе. Таким образом, даже простое перечисление всех трудов немецкого сочинителя, изданных в России, свидетельствует о большой популярности Х. Ф. Геллерта здесь.

Не меньшее любопытство вызывают и «Комедии», поступившие в Музей-усадьбу «Архангельское» в 1929 г. при ликвидации Музея дворянского быта в Никольском-Урюпине. Сделанные чернилами на форзаце книги рисунки изображают рядом мужское и женское лица в профиль и на отдалении – еще одно женское лицо анфас, а также голову чертика с рожками и ушами-крылышками.

В этой связи интересен небольшой отрывок из пьесы «Богомолка» (пер. Михаила Матинского). Из разговора госпожи Рихардши с женихом дочери: «...Намедни дала она ей читать книгу, я не знаю, как она называлась, Пемала или Памела, только то заподлинно знаю, что она любовная книга, и на листочке напечатан там дьявол, который стоит позади одной женщины и хочет ее соблазнить, но я, по счастью, тогда пришла, и вырвала у ней из рук. Эдакие дьявольские книги!»¹ Возможно, героев именно этой комедии попытался представить с помощью чернил читатель «Богомолки».

¹ Матинский М. Богомолка. Комедия в 3 действиях / соч. г. Геллерта; пер. Михайло Матинский. СПб., 1774. С. 49.

Помимо рисунков и изображений нотных станов на форзаце сборника выполнены подсчеты столбиком каких-то сумм или вы плат либо количества билетов и мест в зале:

$$\begin{array}{r} 20+20=40+400=440 \end{array}$$

$$129+15=144+189=333$$

$$440-333=107.$$

Над рисунками в верхней части форзаца имеется надпись коричневыми чернилами на русском языке: «билеты начинаются с сего 23-го октября 1773 году». На оборотной стороне форзаца написана фраза на немецком языке с упоминанием фамилии, похожей на «Galitzin» и неразборчивая фраза на русском языке с указанием даты: «съ д. а пр... 1774».

На нахзаце снова сделана помета на русском языке, она перечеркнута. Но можно разобрать следующее: «съ и д. октябрю – апрелю 1774». На другой половине нахзаца начерчено пять нотных станов, на одном из которых проставлены скрипичный ключ и ноты, а на обороте нарисованы многочисленные кружочки, один ряд замазан и сверху приписано: «Ети не надобны», далее имеются трудно разбираемые иностранные слова, предположительно на латыни. Небольшая часть бумаги внизу и вовсе оторвана.

Почему владелец книги оставил столько «знаков», что его к этому подтолкнуло? Записи на русском, немецком и французском языках, а также рисунки и математические упражнения, судя по яркости чернил и почерку, сделаны одним и тем же человеком в определенном временном промежутке – примерно в 1773–1774 гг.

У нас возникло несколько версий использования книги и появления записей на издании Х. Ф. Геллерта, обозначим их как образовательную, театральную, развлекательную и подписную. Согласно первой версии, которую мы назвали «образовательной», хозяин библиотеки просто хотел ознакомиться с комедиями, потому что они были популярны среди русской образованной публики. Читая сборник комедий Х. Ф. Геллерта, он мог заниматься совершенствованием своих навыков в немецком языке. При этом владелец книги прекрасно владел французским языком, поскольку с легкостью сделал запись на титульном листе о принадлежности ему данной книги.

Небольшая книга пьес Х. Ф. Геллерта могла повсюду следовать за своим хозяином и служить ему не только в качестве записной книжки, но и в нужный момент стать подручным материалом для записки. Ради чего, к примеру, решили оторвать кусочек белой бумаги от нижнего форзаца? Данный сборник также мог использоваться для цитирования различных особо понравившихся отрывков во время бесед в дружеских компаниях.

Вторая версия, «театральная», на наш взгляд, очень привлекательна. Не исключено, что одну из комедий или отдельные сцены собирались разыграть для узкого круга родных и знакомых, а нарисованные ряды кружочков, соединенных линиями, представляяют собой схему расстановки кресел для зрителей.

Вполне допустимо и то, что записи о билетах на форзацах книги имеют отношение к планируемым или уже совершенным посещениям театров. Указание на то, что «билеты начинаются съ сего 23-го октября 1773 году» на форзаце и добавление на нахзаце – «октябрь – апрелю 1774», подтолкнуло нас к попытке выяснить, ставились ли в Москве в этот период – после эпидемии чумы и пугачевского бунта – спектакли, и если да, то на какой сцене.

В Москве при Воспитательном доме в 1772 г. открылись классы «изящных искусств», а к концу 1773 г. начал функционировать домашний театр, созданный из числа проживавших в доме воспитанников. К 1778 г. в репертуаре домашнего театра Воспитательного дома насчитывалось 12 комедий, 2 оперы и несколько балетов. Сценическое искусство исполнителям преподавали известные актеры – И. И. Калиграф, В. П. Померанцев, И. Ф. Лапин¹.

Историком театра Л. М. Стариковой обнаружен документ, датированный 23 декабря 1773 г. Это челобитная от Исаии Петрова с просьбой о разрешении в доме купца Дмитрия Аленина на Моховой улице проводить «игры» для увеселения публики по предварительной договоренности с опекунским советом Воспитательного дома².

¹ Старикова Л. М. Театр Воспитательного дома // Москва. Энциклопедический справочник. М., 1992. URL: <https://rus-moscow-enc.slovaronline.com> (дата обращения: 12.11.2021).

² Старикова Л. М. Театрально-зрелищная жизнь Москвы в середине XVIII века // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1986. Л., 1987. С. 175–176.

Л. М. Стариковой опубликованы сведения о театральной жизни в России в период с 40-х по 70-е гг. XVIII в., а также о деятельности разных «вольных» иностранных трупп: Немецкой комедии, оперного дома Джованни Баттисты Локателли, театра итальянцев Бельмонти и Чинти. Представления русской труппы давали в доме графа Р. И. Воронцова (1717–1783) на Знаменке. В 1773 г. права на антрепризу имели провиантмейстер Матвей Герасимович Акулов (около 1735–около 1819) и губернский прокурор князь Петр Васильевич Урусов (1733–1813). В июне 1774 г. совместно с П. В. Урусовым содержанием Московского театра значился «итальянец Иван Иванов сын Гроте»¹.

К сожалению, данных о репертуарах театров этих лет не сохранилось. Однако вход в них был возможен лишь по билетам. Соответственно, основания предположить, что владелец сборника «Комедий» Х. Ф. Геллерта мог сделать записи о посещении постановок, имеются.

Третья наша версия обращения хозяина к рассматриваемому сборнику обозначена как «развлекательная». Среди документов за ноябрь 1773 г. имя содержателя Санкт-Петербургских и Московских маскарадов итальянца Гроти встречается неоднократно². На городские маскарады и балы публика попадала также только по билетам. Следовательно, причиной появления записей о билетах на форзаце книги могли служить подобные торжества или другие балы и маскарады, а не только театральные представления.

Просмотр «Московских ведомостей» за интересующий нас период подтвердил, что подобные мероприятия проходили. Например, после бракосочетания в Санкт-Петербурге 29 сентября 1773 г. наследника престола великого князя Павла Петровича и принцессы Вильгельмины Гессен-Дармштадской, в православии Натальи Алексеевны (первой супруги Павла Петровича), последовал целый ряд праздников, организованных для придворных, дворянства, купечества и простого народа. При получении известия о бракосочетании наследника престола 13 октября 1773 г. в Москве в соборной

¹ Старикова Л. М. Москва. Театр и зрелища российских столиц в XVIII веке. Историко-документированные очерки. М., 2018. С. 342–344.

² Старикова Л. М. Театр в России XVIII века. Опыт документального исследования. М., 1997. С. 135.

церкви Успения Пресвятой Богородицы совершилось торжественное молебствие, после которого была произведена пушечная стрельба на Красной площади. Все знатные персоны были приглашены на обед в Кремлевский дворец. На следующий день состоялся бал у московского главнокомандующего князя Михаила Никитича Волконского (1713–1788) с ужином на 200 персон, где гостей рассаживали по билетам. 17 октября князь М. Н. Волконский устроил в Кремлевском дворце маскарад для дворянства, на который пришло 1465 персон с билетами¹.

Кроме того, особо запомнившегося героя одной из комедий сборника можно было еще и представить на маскараде с помощью соответствующего костюма и макияжа.

Последняя версия, объясняющая появление на книге владельческих записей, «подписная». Она обозначилась при изучении «Московских ведомостей» и является, пожалуй, самой достоверной. Отечественные газеты отражали многие процессы, происходившие в обществе. Во второй половине XVIII в. резко выросло число печатных книг, издававшихся в России на русском и иностранных языках. Благодаря рекламному разделу «Известия о новых книгах» в «Московских ведомостях» читатели регулярно узнавали о книжных новинках, причем не только вышедших из печати, но и готовившихся к публикации, об их стоимости, форме реализации и месте продажи.

По данным исследователя книги А. Ю. Самарина, первые подписные издания появились в стране в 1762 г. К концу XVIII в. подписные издания распространялись по 400 населенным пунктам России².

Николай Иванович Новиков (1744–1818), издававший в 1769–1774 гг. сатирические журналы «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек», ориентировался на вкусы избранных читателей, прежде всего дворян. В 1773 г. он выпустил «Древнюю российскую гидрографию» и приступил к работе над «Древней российской вивлиофикой» (1773–1775). Н. И. Новиков не только понимал важ-

¹ Прибавление к № 88 Московских ведомостей в пятницу ноября 1 дня 1773 г. // Московские ведомости. 1773. № 1–105.

² Самарин А. Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (По спискам подписчиков). М., 2000. С. 18–19, 23, 201.

ность государственной финансовой поддержки подобных проектов, но и был одержим идеей широкого распространения книг по подписке. На «Древнюю российскую гидрографию» нашлось всего 50 подписчиков, заплативших за 74 экземпляра. Для подготовки второго труда – «Древней российской вивлиофики» – издатель получил от кабинета императрицы 1000 рублей и 200 голландских червонцев. Но этих средств оказалось недостаточно. Тогда он объявил предварительную подписку на издание. Среди подписчиков оказались многие известные фамилии, пример подала сама императрица Екатерина II. Подписка оформлялась по билетам и, как правило, начиналась в конце осени¹.

Запись с форзаца – «билеты начинаются съ сего 23-го октября 1773 году» – могла быть заметкой на память о том, когда откроется подписка на готовившееся печатное издание. Последняя наша версия могла стать единственной при наличии фамилии владельца книги, князя Голицына, в списке подписчиков или указания на форзаце нашей книги, на какое именно издание планировалась подписка. Однако этого нет. Поэтому все четыре версии о причинах обращения к сборнику имеют право на существование.

На переплете и титульном листе издания «Комедии» Х. Ф. Геллерта сохранились книжные знаки – тисненый золотом суперэкслибрис, автограф, а также штамп (синяя печать). Остановимся подробнее на каждом из них. На суперэкслибрисах верхней и нижней крышек переплета золотом вытиснены герб рода князей Голицыных (в центре) с княжеской короной (вверху) и орденской звездой (внизу). Щит герба разделен на две равные части. В верхней половине изображен литовский герб, на нем помещен скачущий на лошади воин с поднятым вверх мечом. В нижней части, разрезанной перпендикулярною чертой, в правом поле – новгородский герб, в левом поле – крест, имеющий в середине двуглавого орла².

¹ Карпова И. Л. Газета «Московские ведомости» как источник по истории книжного дела второй половины XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 84.

² Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Часть 1 // URL: <https://gerbovnik.ru/arms/2html> (gerbroda.ru/arms/2html) (дата обращения 11.12.2021).

Точно такие же суперэклибрисы можно увидеть еще на одном издании среди имеющихся в Архангельском 858 книг князей Голицыных из Никольского-Урюпина. Это «Современная география» аббата Николя де Лакруа (1704–1760)¹.

Помимо суперэклибрисов на форзацы обоих томов «Современной географии» приклеены гербовые бумажные эклибрисы с изображением мантии с княжеской короной на постаменте. На мантии – орденская звезда, в центре которой герб (он полностью совпадает с тиснением герба на суперэклибрисе), окруженный девизом ордена Белого Орла «Pro fide rege et lige» («За веру, царя и закон») и тремя орденскими крестами. Слева мантию поддерживает медведь, справа изображены знамена, шпага и стволы пушек, на подоле мантии сделана надпись: «Lieutenant General P. De Galitzin»².

Владельца гербового бумажного эклибриса установил исследователь и коллекционер книжных знаков С. И. Богомолов (1917–2010). Им был князь Михаил Михайлович Голицын (1731–1804/1806), представитель младшей ветви рода Голицыных («Михайловичей»), генерал-поручик, камергер, тарусский уездный предводитель дворянства (1781) и калужский губернский предводитель дворянства (с 1782 г.), русский горнозаводчик. Таким образом, и тисненный золотом суперэклибрис принадлежал именно ему³.

На титульном листе «Комедий» Х. Ф. Геллерта имеется надпись на французском языке: «Эта книга принадлежит князю Дмитрию Голицыну» («Ce livre appartient à monsieur le prince Dimitri de Galitzin»). Похожие надписи встречаются и на чистых белых верхних приплетенных листах «Современной географии» Н. де Лакруа: «Князь Дмитрий Голицын» («Prince Dimitri Galitzin»). Вероятнее всего, надписи на обоих изданиях были сделаны старшим сыном М. М. Голицына – Дмитрием Михайловичем (1758–1782).

¹ *La Croix de, N. Geographie moderne, precede d'un petit traité de la Sphère et du Globe...* Т. 1–2. Paris, 1764 // ГМУА, РК инв. № 15180–15181.

² Богомолов С. И. Российский книжный знак 1700–1918. М., 2004. С. 216. № 3899 ЭЛ.

³ Дозорова Н. И. Свидетели и судьбы (о книжных знаках одного издания из библиотеки князей Голицыных) // Всероссийская научно-практическая конференция «Книжный знак как предмет научного исследования в области библиофильства». М., 2017. С. 32–39.

Сведений о Дмитрие почти не сохранилось, судить о нем можно по портрету Ф. С. Рокотова (1735? –1808), на котором представлен обаятельный добродушный подросток. Портрет написан в том же, особенно важном для нас, 1773 г. и в настоящее время хранится в Приморской государственной картинной галерее (Владивосток). Д. М. Голицын служил капралом лейб-гвардии Конного полка, позднее капитаном и погиб в молодом возрасте.

Не вызывает особых сомнений, что библиотекой отца сын интересовался и иногда делал пометы на понравившихся ему книгах, тем более если это были комедии или пособия по географии. В 1773–1774 гг. юный князь, возможно, находился дома, в Москве, занимался изучением иностранных языков, читал комедии и «изображал в лицах» особенно понравившихся персонажей, и было бы вполне естественно, если бы он планировал посещение или побывал на каких-то театральных представлениях, которые показывали в это время. Кроме того, вместе со своими родителями Дмитрий Голицын мог оказаться в числе приглашенных гостей на маскараде в Кремлевском дворце или стал участником другого развлекательного мероприятия.

На оборотных сторонах титульного листа «Комедий» Х. Ф. Геллерта, а также первого тома «Современной географии» Н. де Лакруа проставлена синяя круглая печать (штамп) диаметром 3,1 см, представляющая собой линейную рамку в форме круга и заключающая внутри себя мантию с княжеской короной. Вокруг мантии имеется надпись «Bibliothèque Golitzin»¹. Этот штамповый экслибрис на книгах свидетельствует, что в определенный период оба издания принадлежали Михаилу Александровичу Голицыну (1804–1860). Данный знак был изготовлен в период создания Голицынского музея и стал посмертным экслибрисом князя².

Служивший в свое время во Флоренции и Риме известный дипломат М. А. Голицын – камергер, тайный советник,

¹ Богомолов С. И. Указ. соч. С. 216. № 3898 шт.

² Дозорова Н. И. Встречи со «Счастливой», или Древняя Ольвия в коллекциях И. П. Бларамберга и М. А. Голицына // Труды всероссийской научно-практической конференции «История Крыма в научных исследованиях и музейных собраниях». Феодосия, 2017. С. 125.

посол в Испании (с 1856) и попечитель Московской Голицынской больницы (1859–1860), был владельцем имения Кузьминки и собирателем художественных коллекций, библиофилом. За год до смерти он получил в наследство состояние своего дяди Сергея Михайловича Голицына (1774–1859), младшего сына и брата уже упоминавшихся князей Михаила Михайловича и Дмитрия Михайловича Голицыных. В фонде редких книг Музея-усадьбы «Архангельское» хранятся и другие книги с экслибрисом Михаила Александровича¹.

Удивительная история! Книжные знаки и автограф указали нам на конкретных владельцев книги до 1860 г.: Михаил Михайлович Голицын, его сыновья Дмитрий и Сергей, а также племянник последнего – Михаил Александрович; о каждом из них сегодня известно немало интересного. Затем началась музейная жизнь предмета. Из Кузьминок «Комедии» Х. Ф. Геллерта попали в Голицынский музей на Волхонке, после в Музей дворянского быта в Никольском-Урюпине, а позднее в Музей-усадьбу «Архангельское».

Сделанные записи и рисунки являются ярким свидетельством того, как 250 лет тому назад читали комедии и насколько живо на них реагировали. Однако кто из действующих лиц читателю нравился или не нравился, какая пьеса или цитата была любимой, о чем думал и куда собирался человек, написавший «билеты начинаются» и «Ети не надобны», кого из героев пьесы или из числа окружавших его людей он изобразил в своих набросках рядом с чертиком, какую мелодию пытался записать, да так и не записал, остается тайной.

Автор приносит благодарность Г. Н. Маресевой за переводы с немецкого языка названий пьес и владельческих записей.

¹ Дозорова Н. И. Книги М. А. Голицына (1804–1860) в Музее-усадьбе «Архангельское» (владельческие знаки, надписи, состав, история бытования) // Хозяева и гости усадьбы Вяземы и Захарово. Материалы научной конференции Государственного историко-литературного музея-заповедника А. С. Пушкина 20–21 января 2018 г. Б. Вяземы, 2019. С. 268–281.

Литература

- Крючкова М. А., Парушева В. Г.* Русский Версаль. Усадьбы князей Голицыных. М., 2012.
- Соколова Е. В.* Художественное собрание в усадьбе кн. Голицыных Никольское-Урюпино // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы IV Голицыньских чтений 18–19 янв. 1997 года. Ч. 2. Б. Вяземы, 1997.
- Страмнова Е. В.* История музея в Никольском-Урюпине // Красногорье. Историко-краеведческий альманах. Красногорск. 1997. № 1.
- Третьякова Н. Е.* От картинной галереи Голицынской больницы до Голицынского музея на Волхонке. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения, 2005.
- Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907.

Архивные материалы

- ГМУА. Инв. № АГЮ-392: Алфавитный каталог Никольской библиотеки. Рукопись. 2-я половина XIX в.

БАШНИ АРХАНГЕЛЬСКОГО
(ПО МАТЕРИАЛАМ КАТАЛОГА
АРХИТЕКТУРНОЙ ГРАФИКИ УСАДЬБЫ АРХАНГЕЛЬСКОЕ)

Дудина Татьяна Александровна,
Государственный научно-исследовательский музей архитектуры
имени А. В. Щусева, Москва

Аннотация. Статья посвящена зданиям с башнями, вертикальные доминанты которых вели важную «градостроительную» тему в ансамбле усадьбы Архангельское. Они располагались в основном на Большой улице села Архангельского и на территории около церкви Михаила Архангела, а также в отдалении от центральной части усадьбы – это Мекка и водовзводная башня на Горятинке. Многие сведения о башнях из архива князей Юсуповых в РГАДА приводятся впервые. Анализируется чертеж Е. Д. Тюриня с панорамой Большой улицы и особенно имеющийся на нем эскизный проект башни при гостинице, ранее не привлекавший внимание исследователей. Через несколько лет В. Г. Дрегалов предложил другой вариант этой башни, который также был обойден вниманием искусствоведов и знатоков усадьбы.

Ключевые слова. Архангельское. Конторский флигель. Мекка. Горятинка. Н. Б. Юсупов. Е. Д. Тюрин. В. Г. Дрегалов.

TOWERS OF ARKHANGELSKOYE
(BASED ON THE CATALOGUE OF THE «ARKHANGELSKOYE
ESTATE. ARCHITECTURAL GRAPHICS»)

Dudina Tatiana Alexandrovna,
A. V. Shchusev State Research Museum of Architecture,
Moscow

Abstract. This article examines the buildings with towers whose vertical dominants played an important “urbanization” role in the ensemble of the Arkhangelskoye estate. They were located primarily in the Bolshaya Street of Arkhangelskoye Village, on the territory near the Archangel Michael Church and at a distance from the central part of the estate. Those are Mecca and Water Pump Tower in Goryatinka. Much information about the towers from the archives of dukes Yusupov at the RGADA (Russian State Archive of Ancient Deeds) is cited for the first time. Analysis is made of the drawing by Ye. D. Tyurin showing a panorama of the Bolshaya Street and, in particular, a sketch of the tower at the hotel, which until then escaped the researchers’ attention. A few years later, V. G. Dregalov proposed another version of this tower, which also had been neglected by art connoisseurs and experts and the estate.

Key words. Arkhangelskoye, Office outhouse, Mecca, Goryatinka, N. B. Yusupov, Ye. D. Tyurin, V. G. Dregalov

Итальянский композитор и преподаватель музыки Джованни Доминичи (Доминичис), проживший несколько лет в России, в своих составленных в эпистолярной форме записках говорил о том впечатлении, которое произвело на него Архангельское. После описания дворца и театра он отметил и другие поразившие его достопримечательности усадьбы: «Есть здесь и красивые пруды, окруженные деревьями, отражающимися в их свежих и прозрачных водах. Здесь вы видите боскет, где зеленеют березы, там другой, еще более живописный из-за сочетания разных деревьев. С одной стороны, перед вами искусственные руины и горы, с другой – башни с часами и флагом...»¹ Такие башни Доминичи видел на Большой улице села Архангельского, где ему казалось, «будто это город, а не деревня»².

Судя по документам обширного архива князей Юсуповых, хранящегося в РГАДА, и по чертежам из Музея-усадьбы «Архангельское», в усадьбе было более десяти разных башен. По плану Большой улицы из собрания ГМУА, выполненному архитектором А. С. Мельниковым³, мы можем составить себе представление о местоположении башен в этой части усадьбы. Старейшими постройками здесь были «Кладовая, что над оврагом» и Конторский флигель.

Кладовая в экспликации к плану называется «каменные збашней ворота». Башня «над каменными кладовыми» была возведена в 1815 г., причем пришлось основательно отремонтировать деревянный второй этаж⁴. В одном из отчетов в московскую контору архитектор В. Я. Стрижаков сообщал: «Над оною надстройкою башню по рисунку в виде круглаго столба поставили и тесом обшили... и как внутри снизу к башни и снаружи около башни лестницы сделаны; шпиль сверх башни поставлен, у коего низ обит тесом, а верх обрешечен под железо»⁵.

¹ Доминичис Дж. Письмо XIX в. в Рим маркизу Патризизи. От 27 марта 1815 года из Москвы / пер. Н. Т. Унанянц // ГМУА. 426-НА. Л. 11.

² Там же. Л. 10.

³ ГМУА 1083-ГФ.

⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2260. Л. 83; Ед. хр. 2265. Л. 24; Ед. хр. 2267. Л. 27 об., 28, 32.

⁵ Там же. Ед. хр. 2270. Л. 3.

В апреле 1816 г. «вновь построенную башню» обили листовым железом¹, но уже в июне шпиль сломался. Присланные из Москвы кровельщики «у башни, что над оврагом, шпиль разбирали и вместо онаго шест ставили и укрепляли»².

Однако в 1818 г. башню вновь пришлось укреплять³. Предназначение башни было неожиданным – в ней находились закрома запасного магазина (хранилища зерна), расположенного рядом, на Большой улице⁴. Башня представляла собой высокий глухой цилиндр, завершенный небольшим куполом, над которым возвышался флагшток. Ее облик известен по картине П. А. Шестакова 1857 г.⁵

Одной из вертикальных доминант Большой улицы, да и всей усадьбы, был Конторский флигель, построенный еще при Голицыных. Этот тип служебной постройки – конторский флигель – был широко распространен в богатых усадьбах, однако до наших дней сохранились лишь одиночные образцы подобных зданий, например в усадьбах Валуево, Высокое, Никитское⁶.

Хотя предназначение здания было исключительно утилитарным, Конторский флигель в Архангельском производил впечатление оригинального паркового павильона⁷. Это здание при Голицыных имело «готический» облик, популярный в архитектуре рубежа XVIII и XIX вв. Ощущение «игры в средневековую архитектуру» создавали легкий ажурный навес над крыльцом, декорированный стрельчатыми арками, повышенная четырехскатная кровля, нижний восьмигранный ярус башни с обходящей ее галереей-гульбищем, возвышающаяся над ней четырехугольная башня с высоким острове́рхим

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2281. Л. 10, 17.

² Там же. Ед. хр. 2287. Л. 58. См. также: Ед. хр. 2283. Л. 59, 75.

³ Там же. Ед. хр. 2335. Л. 25.

⁴ Там же. Ед. хр. 2357. Л. 6 об.

⁵ ГМУА Ж-415.

⁶ Крутнова Е. Р. Музей-усадьба «Архангельское», Московской обл. Красногорского района. Памятник архит. XIX в. Конторский флигель. Комплексные научные исследования: Историческая записка. 1989 // ГМУА 672-ФА. Л. 9.

⁷ ГМУА 1136-ГФ; Парушева В. Г. Я вдруг переношусь во дни Екатерины... Николай Алексеевич Голицын и его усадьбы. М., 2015. С. 528.

шпилем. Башня Конторского флигеля с высоким шпилем и флагом хорошо видна на рисунке неизвестного художника 1786 г. с видом Лавровой оранжереи из собрания ГМУА¹.

Стоит отметить, что Конторский флигель в Архангельском времени князя Н. А. Голицына композиционно близок сооружению аналогичного назначения в Никольском-Урюпине, известному по чертежу из собрания Музея архитектуры им. А. В. Щусева². Он также имел элементы дозорного сооружения – смотровую площадку и башню с часами³, только в Архангельском здание было стройным и изящным, а в Никольском-Урюпине – монументальным, с мощной башней, увенчанной зубцами (после перестройки Конторский флигель в Архангельском получил почти такой же «крепостной» облик).

Старый Конторский флигель был деревянным. Из донесений архангельского архитектора В. Я. Стрижакова в Московскую контору известно, что в 1816 и 1818 гг. в здании проводились ремонтные работы, в том числе обили жостью шпиль башни, установили новые часы⁴. Однако старый флигель продолжал ветшать, и в 1822–1824 гг. возвели новый, каменный⁵. Есть все основания полагать, что автором проекта был архитектор Е. Д. Тюрин, активно работавший в этот период в Архангельском.

При возведении нового Конторского флигеля князь Н. Б. Юсупов отказался от готических мотивов, и зданию придали уже ампирный облик. Башня получила совсем другой вид – стала более монументальной и как будто приземистой. Это впечатление в первую

¹ ГМУА 1006-ГФ.

² ГНИМА Р I 3380.

³ *Парушева В. Е.* Указ. соч. С. 529.

⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2287. Л. 17; Ед. хр. 2283. Л. 10 об.; Ед. хр. 2322. Л. 29; Ед. хр. 2327. Л. 8 об.; *Безсонов С. В.* Архангельское. Подмосковная усадьба. 3-е изд., доп. М., 2013. С. 170.

⁵ ГМУА 1106-ГФ; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2405. Л. 22, 55; Ед. хр. 2407. Л. 21; Ед. хр. 2409. Л. 35; Ед. хр. 2410. Л. 2, 29; Ед. хр. 2414. Л. 36–36 об., 39–41 об., 48 об., 49 об., 42 об., 54 об., 84 об. и др.; Ед. хр. 2418. Л. 38, 41 об., 47 об.–48, 52 об., 86 об.; Ед. хр. 2421. Л. 12; Ед. хр. 2422. Л. 23; Ед. хр. 2423. Л. 10, 30; Ед. хр. 2426. Л. 1, 31, 38, 39–39 об., 41, 44 об., 46 об.; Ед. хр. 2443. Л. 30, 33.

очередь создавал ее мощный чуть расширяющийся книзу гладкий столп, прорезанный узкими высокими окнами, решенными в виде эдикул.

Башня была разобрана в 1847 г., о чем известно из приказа Московской канцелярии: «Разобрать на бывшем конторском флигеле башню, из дерева, где есть, железо отодрать, из теса гвозди выдергать и место, где была башня, подремонтировать под железную крышу...»¹ В таком виде – без башни – Конторский флигель изображен на картине с перспективным видом Большой улицы села Архангельского, которая в настоящее время приписывается П. А. Шестакову (1857).² С утратой башни здание приобрело облик обычной жилой постройки.

На Большой улице были и другие башни. Их вид доносит до нас панорама «Фасады разным строениям на Большой улице села Архангельского», которую Е. Д. Тюрин выполнил в начале 1820-х гг.³ Архитектор составил идеальный проект парадной улицы, ведущей к центральной части усадьбы. Среди служебных построек и ограждений между ними в проекте Тюрина выделяются оригинальные ворота и башни в готическом стиле, ведущие на полукруглый двор перед Кладовой над оврагом. Они показаны на плане строения Большой улицы А. С. Мельникова. Легкую арку, завершенную тремя пинаклями, фланкировали башни – чуть расширяющиеся книзу, с одним круглым окном и смотровой площадкой поверху, огражденной зубцами.

Подобное решение въезда, трактованного в готическом духе, встречается в некоторых подмосковных усадьбах более раннего периода – Осташеве, Яропольце Гончаровых, Яропольце Чернышевых, Михалкове. В их облике отразились романтические настроения эпохи. Самая близкая аналогия – в усадьбе Воронцово, где между монументальными боковыми башнями помещается изящная пологая арка, на которой также установлены три

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2771. Л. 22 об.

² ГМУА Ж-418.

³ ГМУА 1151-ГФ.

пинакля. Во всех этих усадьбах столь оригинально был оформлен парадный въезд, здесь же Тюрин предложил выразительный, запоминающийся проект ворот уже внутри усадьбы, на ее центральной улице.

Пытаясь придать Большой улице ансамблевое звучание, Е. Д. Тюрин спроектировал постройку с башней, буквально повторявшую условно изображенный Конторский флигель. На чертеже она примыкает к гостиному двору, который располагался в селе Архангельском неподалеку от Святых ворот. Гостиница была построена в 1818–1819 гг. под наблюдением архитектора В. Я. Стрижакова¹. При гостинице дворе состояла «ресторация», фасад которой был оформлен колоннами, окна имели стрельчатые «готические» очертания.

Судя по чертежу Е. Д. Тюрина, значение этой части гостиницы предполагалось усилить возведением башни. В начале 1820-х гг. этот проект не был осуществлен. Однако похоже, что князь Н. Б. Юсупов не отказался от такого замысла. На чертеже «вновь выстроенной Гостиницы с двором»² есть деталь, которая ускользнула от внимания исследователей, – едва заметный карандашный набросок надстройки второго этажа правой «избы», над которой возвышается башня.

Скорее всего, автором наброска башни был В. Г. Дрегалов, чья карандашная подпись стоит под фасадом справа. Набросок и подпись на чертеже появились не ранее 1827 г., когда этот архитектор начал работать в юсуповской усадьбе. Неизвестно, был ли реализован его проект, но интересен сам факт: владелец Архангельского пожелал развить тему вертикальных доминант в ансамбле служебных построек Большой улицы.

Еще одна башня, которая не выходила на Большую улицу, но имела с ней визуальную связь, – это башня над воротами житного двора. Он располагался между двумя оврагами на тер-

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2326. Л. 42; Ед. хр. 2329. Л. 6; Ед. хр. 2330. Л. 10, 47; Ед. хр. 2335. Л. 34 об., 35–35 об., 37а–37а об., 38, 42 об., 43; Ед. хр. 2343. Л. 12 об.; Ед. хр. 2345. Л. 19, 22, 43–43 об.; Ед. хр. 2828. Л. 22.

² ГМУА 1082-ГФ.

ритории, занятой впоследствии храмом-усыпальницей князей Юсуповых. Вид ворот с башней известен по чертежу «Фасады разным строениям на житном дворе»¹. В 1811 – первой половине 1812 г. «...между каретных сараев и жилого нового корпуса башню новую по плану сделали и по обе стороны заборы решетчатые...»². В 1816 г. ее шпиль обивали жостью (одновременно с башней Конторского флигеля), работы велись под наблюдением В. Я. Стрижакова³.

Башня житного двора имела ярко выраженный «готический» характер (подобно башне Гостиного двора в проекте, о котором речь шла выше). Эта «готика» была по-домашнему незатейлива: над карнизом полуциркульных ворот со спаренными колоннами располагались высокие мерлоны в виде «ласточкиных хвостов», «корона» с мерлонами была надвинута и на шпиль, а саму круглую башню венчал пояс из фронтончиков с вогнутыми скатами. Несмотря на импозантный облик, башня в конце 1820-х гг. использовалась весьма прозаически: в нее, как и в башню Кладовой над оврагом, ссыпали зерно «по неумещению» его в хлебном магазине⁴.

Напомним еще раз о том, что Доминичи в своих записках писал о флагах и часах на башнях Архангельского. И действительно, на башнях строений Большой улицы развевались флаги с мальтийским крестом, подобные (но меньшие по размеру) тому, что висел на Большом доме⁵. В 1817 г. из Москвы прислали «для находящейся в Архангельском над воротами, что дорога в овраг, башни» красный кумач и миткаль «для вшитья во флаг Мальтийскаго креста»⁶. А в 1823 г., когда «Его Сиятельство приказал сделать два флага и повесить оные над башнями конторскою

¹ ГМУА 1090-ГФ.

² Цит. по: *Иванова В. И.* Бюллетень состояния «строения» в селе Архангельском на период 1810–1815 гг. 2004 // ГМУА 988-НА. Л. 14.

³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2283. Л. 10 об.

⁴ Там же. Ед. хр. 2532. Л. 18.

⁵ Там же. Ед. хр. 2307. Л. 25 об.; Ед. хр. 2389. Л. 38.

⁶ Там же. Ед. хр. 2305. Л. 20–20 об.

и над оврагом», наоборот, флаги сшили из миткаля, а кумач был употреблен «в вышивку в оные крестов»¹. Князь Борис Николаевич Юсупов не только продолжил отцовскую традицию, но и пожелал в 1834 г. видеть в Архангельском флаги с фамильным гербом («по данному живописцу Новикову рисунку»²).

Часы также были атрибутом основных башен Большой улицы – кладовой над оврагом и Конторского флигеля³. В одном из донесений 1828 г. из Архангельской конторы упоминается еще одна часовая башня – «башня близ житного двора, что с часами»⁴. Очевидно, часы на ней появились уже в 1820-х гг., поскольку на чертеже конца 1810-х гг. она изображена еще без них.

Часы имела и колокольня церкви Михаила Архангела⁵ – самая высокая вертикальная доминанта территории, примыкавшей к храму. Решение о ее возведении было принято еще в 1815 г., но проект неоднократно менялся⁶. Ее строительство велось в 1818–1820 гг.⁷ сначала под руководством архитектора С. П. Мельникова, потом – Е. Д. Тюриня. На чертеже наиболее выразительна верхняя часть колокольни, где стрельчатые очертания арок и высокий шпиль создают «готический» образ, вызывающий в памяти другие постройки Архангельского.

Стоит обратить внимание на то, что в одном из последних вариантов проекта колокольню венчала глава, от которой князь Н. Б. Юсупов отказался в пользу шпиля⁸. Можно предположить, что это было связано с его желанием усилить ансамблевое звучание строений в восточной части усадьбы, в частности с многочисленными шпилями и башнями на Большой улице, которая как раз в это вре-

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2422. Л. 27.

² Там же. Ед. хр. 2632. Л. 23.

³ Там же. Ед. хр. 280. Л. 16; Ед. хр. 2239. Л. 3, 8; Ед. хр. 2277. Л. 17 об., 19 об.

⁴ Там же. Ед. хр. 2532. Л. 18.

⁵ ГМУА 1116-ГФ.

⁶ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2283. Л. 50 об.; Ед. хр. 2299. Л. 52; Ед. хр. 2311. Л. 33.

⁷ Там же. Оп. 2324. Л. 42; Ед. хр. 2425. Л. 41; Ед. хр. 2326. Л. 29, 30, 30 об., 31, 32, 32 об.; Ед. хр. 2334. Л. 29; Ед. хр. 2339. Л. 32 об., 56, 84; Ед. хр. 2345. Л. 6, 26; и др.

⁸ Там же. Ед. хр. 2324. Л. 22.

мя благоустраивалась. В дальнейшем эту переключку высотных доминант поддерживали башни построенной рядом с колокольной церковной ограды.

Каменная ограда была сооружена в 1825–1827 гг.¹ В ее первоначальном проекте башни имели крепостной характер: наверху находились смотровые площадки, опирающиеся на монументальные консоли². Окончательный вариант церковной ограды³ – более скромный и экономичный. Оригинально решены не только стена, облицованная галькой, но и угловые деревянные башни, вызывающие в памяти подобные сооружения небогатых монастырей и погостов, затерянных в глухих северных лесах. С. В. Безсонов писал, что эти высокие башни со шпилями (до 12 саженей высоты, т. е. более 25 метров) по стилю напоминают колокольни⁴, однако они глухие.

Стоит отметить, что, если бы первоначальный проект церковной ограды был осуществлен, переключка ее башен составила бы интересный визуальный диалог с подобными завершениями расположенного неподалеку «гофшпиталя»⁵ – так в документах юсуповского архива и на чертеже называется больничный флигель, который находился справа от аллеи, ведущей от Святых ворот к церкви Михаила Архангела. Кажется невероятным, что на плане усадьбы 1818 г.⁶ на этом месте показаны два (!) таких больничных флигеля, поставленных один против другого. Судьба второго из них неизвестна, его место уже в 1829 г. занимали дворы церковнослужителей.

Дату сооружения «гофшпиталя» пока что определить не удалось, но он явно представлял собой довольно раннюю постройку юсуповского периода, поскольку в документах 1823–1824 гг. его устойчиво называли «старым больничным флигелем»⁷. В это время

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2449. Л. 310 об., 311 об.; Ед. хр. 2451. Л. 80–80 об., 102, 109; Ед. хр. 2467. Л. 30, 34 об.; Ед. хр. 2470. Л. 27; Ед. хр. 2513. Л. 48; и др.

² ГМУА 1048-ГФ.

³ ГМУА 1101-ГФ.

⁴ *Безсонов С. В.* Указ. соч. С. 163.

⁵ ГМУА 1105-ГФ.

⁶ ГМУА 1026-ГФ.

⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2418. Л. 66 об.; Ед. хр. 2423. Л. 25, 47.

проводился ремонт здания¹. «Гофшпиталь» представлял собой вытянутую одноэтажную постройку с тремя ризалитами. Над центральным ризалитом, выделенным четырехколонным портиком тосканского ордера, возвышалась высокая башня.

Автор проекта столь необычного здания неизвестен, однако можно предположить, что он был выполнен рукой архитектора Е. Д. Тюрина. В первую очередь это относится к завершению «гофшпиталя», характерному для этого мастера, – башне с круглым гладким расширяющимся книзу стволом, который лишь в верхней части прорезан небольшими овальными окнами. Подобный тип мощной башни Тюрин использовал в проекте фасада императорского дворца в Коломенском² (не сохранился). Такова была и башня Конторского флигеля в Архангельском, скорее всего, также сооруженная Тюриным.

Боковые ризалиты «гофшпиталя» в Архангельском увенчаны невысокими квадратными башнями. В верхних частях всех башен устроены смотровые площадки, которые позволили С. В. Безсонову сравнить центральную башню с пожарной каланчой³. Конечно, это здание не имело отношения к вышкам пожарных депо, но в нем невозможно было заподозрить и больничную постройку, настолько оно было ярким и своеобразным.

«Гофшпиталь» выглядел как маленькая крепость с монолитными башнями и смотровыми площадками, опирающимися на монументальные консоли. В нем считывались прообразы средневековых готических замков, весьма популярные в архитектуре рубежа XVIII и XIX вв. Подобные «крепостные» сооружения в русле «готической темы» существовали обособленно, выделились из нее в отдельное направление (один из самых известных и монументальных

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2418. Л. 78 об.; Ед. хр. 2424. Л. 1; Ед. хр. 2426. Л. 10, 38; Ед. хр. 2427. Л. 27; Ед. хр. 2430. Л. 3; Ед. хр. 2436. Л. 6 об., 13, 19, 22 об., 31 об., 78 об., 79; Ед. хр. 2438. Л. 3; Ед. хр. 2443. Л. 41, 41 об.

² ГНИМА Р I-3465; Баранова С. И. К истории строительства Екатерининского дворца в Коломенском // Архитектурное наследие. Вып. 63. М.; СПб., 2015. С. 88.

³ Безсонов С. В. Указ. соч. С. 175.

его образцов – главный дом усадьбы Троицкое-Кайнарджи графа П. А. Румянцева-Задунайского)¹.

И само слово «каланча», употребленное С. В. Безсоновым, как нельзя лучше подходит к облику архангельского госпиталя: в русском языке каланчами первоначально назывались турецкие оборонительные башни, а само слово «kala(n)sa», заимствованное из тюркских языков, происходит от турецкого «kale» – крепость. При этом у Юсуповых больничному зданию был придан театральный характер: оно выглядело и как игрушечная крепостца, и как сооружение жанра садовой архитектуры – «парковая каланча», совмещавшая дозорные и развлекательные функции, каковые иногда ставили в городских и усадебных парках на высоких местах. В Архангельском башня «гофшпиталя»полнила строй вертикальных доминант всего усадебного ансамбля.

«Гофшпиталь» не сохранился. Неизвестно, когда его разобрали, но на плане усадьбы начала 1860-х гг. он уже отсутствует².

Неподалеку от церкви на берегу Москвы-реки в 1824 г. был построен оригинальный павильон Турецкий домик³, который С. В. Безсонов справедливо называл «затейливой игрушкой»⁴. Автор проекта Турецкого домика в Архангельском неизвестен. Возможно, это был архитектор Е. Д. Тюрин, который приискивал подрядчиков, заключал с ними договоры, наблюдал за строительством. Вскоре Турецкий домик все чаще стали называть Меккой. Так он именуется и на плане усадьбы 1829 г.⁵

Турецкий домик представлял собой деревянный двухэтажный павильон, увенчанный барабаном и ребристым куполом, над которым поднимался шпиль с полумесяцем наверху. Первый этаж обходила аркада, по углам которой стояли высокие тонкие минареты

¹ ГИМ 105950/5 ИР 9867.

² ГЭ ЭРР 3414.

³ ГМУА 1094-ГФ. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2436. Л. 33 об. 34 об.; Ед. хр. 2440. Л. 34, 35; Ед. хр. 2441. Л. 2, 35; Ед. хр. 2442. Л. 3, 4; Ед. хр. 2443. Л. 30; Ед. хр. 2445. Л. 2; Ед. хр. 2449. Л. 125, 125 об., 134 об., 139, 143 об., 146 об.

⁴ *Безсонов С. В.* Указ. соч. С. 176.

⁵ ГМУА 1027-ГФ.

с флажками. Во втором этаже над аркадой помещалась терраса. В облике Турецкого домика мотивы и стилистические приемы восточной архитектуры сочетались с псевдоготическими элементами, что было характерно для направления тюркери в искусстве Западной Европы и России XVIII–XIX вв.

Ю. И. Шамурин в своей книге «Подмосковные» 1914 г. писал, что в Архангельском башни церковной ограды «похожи на минареты»¹. Конечно, это преувеличение, подчеркивающее непривычный облик этих высоких и стройных башен. Нетрудно догадаться, какое впечатление произвели бы на Шамурина минареты Мекки, которые первыми встречали всех подъезжающих к Архангельскому из Москвы.

Однако Шамурин не видел минаретов Турецкого домика, да и вряд ли знал о том, что они когда-то существовали в классицистической юсуповской усадьбе. Век этого оригинального павильона был недолгим: уже в 1850 г. он не был показан на плане «Господской Рощи под названием Мекка»².

В противоположной, западной части усадьбы гостей князя Н. Б. Юсупова неизменно привлекала еще одна башня – водовзводная, которая располагалась на берегу Горятинского пруда. Об этом писал, например, П. И. Шаликов в очерке «Прогулка в Архангельское» 1824 г.: «Наконец, ожидала нас паровая машина, которую поливается весь сад, со всеми его оранжереями, парниками и цветниками и которая для того поднимает воду в устроенном далеко от нее резервуаре на невероятную высоту»³. Башня видна на панораме усадьбы, написанной П. П. Свиным в 1824 г.⁴

Первая водовзводная башня в Архангельском была сооружена на Горятинке еще при Голицыных. Взамен нее в 1817–1818 гг. под присмотром архитектора С. П. Мельникова⁵ построили новый

¹ Шамурин Ю. И. Подмосковные. 2-е изд. М., 1914. С. 46.

² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 7. Ед. хр. 599.

³ Шаликов П. И. Прогулка в Архангельское // Дамский журнал. 1824. Ч. 7. № 18. С. 216–217.

⁴ ГМУА 1365-ГФ.

⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2309. Л. 54; Ед. хр. 2311. Л. 35 об.

«каменный столб»¹, который сначала собирались покрыть куполом. В верхнем этаже каменной восьмигранной башни был сделан новый деревянный «резервар» (резервуар).

В мае 1818 г. «Его Сиятельству князю Николаю Борисовичу угодно было приказать сделать над имеющеюся при паровой машине каменную башню деревянную надстройкою сверх карниза около купола забцы (зубцы. – Т. Д.)...»² Надзор над этой работой вел В. Я. Стрижаков. Осенью по желанию Н. Б. Юсупова над водовзводной башней была устроена «покрыша... на манер китайского зонтика»³.

В 1821–1822 гг. башню перестроили⁴. Водовзводная башня фигурирует в «Инвентаре за 1886 год экономических и прочих строений при Архангельском имении...»: «Бассейн к водокачательной машине каменный, крыт железом 8^{ми} угольной в объеме»⁵. Его восьмигранная форма хорошо читается на плане усадьбы 1914 г.⁶ По словам В. С. Безсонова, в 1937 г. еще сохранялся остов водовзводной башни на Горятинке⁷. До наших дней дошли только ее опоры.

Итак, чертежи из юсуповского собрания архитектурной графики и документы фамильного архива демонстрируют особое внимание князя Н. Б. Юсупова к вертикальным доминантам в его усадьбе. С одной стороны, башни Архангельского были откликом на интерес к псевдоготике – стилевому течению, представляющему собой художественную константу в русской классицистической архитектуре второй половины XVIII – первой половины XIX в. С другой стороны, они служили созданию четкого вертикального силуэта ансамбля, вносили в него разнообразие и выразительность.

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2299. Л. 31; Ед. хр. 2324. Л. 48; Ед. хр. 2331. Л. 35.

² Там же. Ед. хр. 2324. Л. 4, 48 об.; см. также: Ед. хр. 2335. Л. 21 об.

³ Там же. Ед. хр. 2329. Л. 37 об.; Ед. хр. 2330. Л. 7 об., 47 об.; Ед. хр. 2335. Л. 39, 42–42 об.

⁴ Там же. Ед. хр. 2384. Л. 45; Ед. хр. 2405. Л. 22, 50, 60 об.: Ед. хр. 2414, 27 об., 28 об., 29, 33 об., 36 об., 38 об., 40 об., 76 об., 80, 81.

⁵ Там же. Оп. 6. Ед. хр. 466. Л. 45 об.

⁶ Там же. Оп. 7. Ед. хр. 612.

⁷ Безсонов С. В. Указ. соч. С. 179.

В Архангельском в основном встречаются башни двух типов — «нейтральные», увенчанные шпилями, и крепостного характера — расширяющиеся книзу, с зубцами в виде ласточкиных хвостов и смотровыми площадками наверху. Ю. И. Шамурин в книге «Подмосковные» 1914 г. называл подобные сооружения в подмосковных усадьбах «башнями собственного стиля» и отмечал их сходство с шахматными ладьями¹.

Любовь Н. Б. Юсупова к подобным башням очевидна. Помимо «гофшпиталя» и Конторского флигеля в Архангельском, они стояли на главном доме и скотном дворе в соседнем сельце Алексеевском — Опалиха тож, которое князь купил в 1825 г. В 1825–1827 гг. там был возведен усадебный ансамбль².

Были в Архангельском и другие башни. Например, «старая красильня под горой»³, сведений о которой пока обнаружить не удалось. Несмотря на скромный облик, здание старой красильни вступало в переключку с другими служебными строениями Архангельского: его венчала квадратная в плане башня с большим полуциркульным окном и шпилем, который мог использоваться как флагшток. Со времен князя Н. А. Голицына в Архангельском существовал и «хлебной деревянной двухэтажный магазин о четырех башнях», о котором сегодня также ничего неизвестно.

Интерес к возведению служебных сооружений с башнями не угасал у Н. Б. Юсупова до последних лет его жизни. Так, в 1830 г. он собирался строить на скотном дворе «два новые флигеля с башнями»⁴. И это не было случайным решением: и в Архангельском, и в московской канцелярии было хорошо известно, что старый князь «оной двор нередко изволит навещать»⁵. Скорее всего, башни над флигелями так и не были построены, по крайней мере на картине П. А. Шестакова 1857 г. на скотном дворе башни отсутствуют⁶. Несмотря

¹ Шамурин Ю. И. Указ. соч. С. 70.

² ГЭ ЭРР-3420, ЭРР-3426.

³ ГМУА 1098-ГФ.

⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2553. Л. 81. См. также: Ед. хр. 2543. Л. 254; Ед. хр. 2563. Л. 32.

⁵ Цит. по: Акимов П. А. Архангельское имение в 1828 г. 2006 // ГМУА 1056-НА. Л. 6.

⁶ ГМУА Ж-410.

на это раздумья владельца о новых башнях показательны в свете рассматриваемой темы.

Трудно согласиться с мнением В. Е. Парушевой, которая в книге о князе Н. А. Голицыне пишет о том, что «нелепые башни» на старых постройках Архангельского «вносили дисгармонию»¹. Нет, они не вносили дисгармонию, напротив, их многоголосие вливалось в выразительное звучание архитектурного ансамбля лучшей подмосковной. Башни Архангельского – важная составляющая художественного мира этой усадьбы и зримая персонификация предпочтений ее владельца – князя Н. Б. Юсупова.

Литература

- Баранова С. И.* К истории строительства Екатерининского дворца в Коломенском // Архитектурное наследство. Вып. 63. М.; СПб., 2015.
- Безсонов С. В.* Архангельское. Подмосковная усадьба. 3-е изд., доп. М., 2013.
- Парушева В. Г.* Я вдруг переносюсь во дни Екатерины... Николай Алексеевич Голицын и его усадьбы. М., 2015.
- Шаликов П. И.* Прогулка в Архангельское / Дамский журнал. 1824. Ч. 7. № 18
- Шамурин Ю. И.* Подмосковные. 2-е изд. М., 1914.

Фондовые предметы

ГИМ 105950/5 ИР 9867
ГМУА 1006-ГФ, 1026-ГФ, 1027-ГФ, 1048-ГФ, 1082-ГФ, 1083-ГФ, 1090-ГФ,
1094-ГФ, 1098-ГФ, 1101-ГФ, 1105-ГФ, 1106-ГФ, 1116-ГФ, 1136-ГФ,
1151-ГФ, 1365-ГФ, Ж-410, Ж-415, Ж-418
ГНИМА Р I 3380, Р I-3465
ГЭ ЭРР 3414, ЭРР-3420, ЭРР-3426

¹ *Парушева В. Е.* Указ. соч. С. 649.

Архивные материалы

- Акимов П. А.* Архангельское имение в 1828 г. 2006 // ГМУА 1056-НА. Л. 6.
- Доминичис Дж.* Письмо XIX в. в Рим маркизу Патризизи. От 27 марта 1815 года из Москвы / пер. Н. Т. Унанянц // ГМУА 426-НА. Л. 11.
- Иванова В. И.* Бюллетень состояния «строения» в селе Архангельском на период 1810–1815 гг. 2004 // ГМУА 988-НА. Л. 14.
- Крупнова Е. Р.* Музей-усадьба «Архангельское», Московской обл. Красногорского района. Памятник архит. XIX в. Конторский флигель. Комплексные научные исследования: Историческая записка. 1989 // ГМУА 672-ФА. Л. 9.
- РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 16; Ед. хр. 2239. Л. 3, 8; Ед. хр. 2260. Л. 83; Ед. хр. 2265. Л. 24; Ед. хр. 2267. Л. 27 об., 28, 32; Ед. хр. 2270. Л. 3; Ед. хр. 2277. Л. 17 об., 19 об.; Ед. хр. 2281. Л. 10, 17; Ед. хр. 2283. Л. 10 об., 50 об., 59, 75; Ед. хр. 2287. Л. 17, 58; Ед. хр. 2299. Л. 31, 52; Ед. хр. 2305. Л. 20, 20 об.; Ед. хр. 2307. Л. 25 об.; Ед. хр. 2309. Л. 54; Ед. хр. 2311. Л. 33, 35 об.; Ед. хр. 2322. Л. 29; Ед. хр. 2324. Л. 4, 22, 42, 48, 48 об.; Ед. хр. 2326. Л. 29, 30, 30 об., 31, 32, 32 об., 42; Ед. хр. 2327. Л. 8 об.; Ед. хр. 2329. Л. 6, 37 об.; Ед. хр. 2330. Л. 7 об., 10, 47, 47 об.; Ед. хр. 2331. Л. 35; Ед. хр. 2334. Л. 29; Ед. хр. 2335. Л. 21 об., 25, 39, 34 об., 35, 35 об., 37а, 37а об., 38, 42, 42 об., 43; Ед. хр. 2339. Л. 32 об., 56, 84; Ед. хр. 2343. Л. 12 об.; Ед. хр. 2345. Л. 6, 19, 22, 26, 43, 43 об.; Ед. хр. 2357. Л. 6 об.; Ед. хр. 2384. Л. 45; Ед. хр. 2389. Л. 38; Ед. хр. 2405. Л. 22, 50, 55, 60 об., 55; Ед. хр. 2407. Л. 21; Ед. хр. 2409. Л. 35; Ед. хр. 2410. Л. 2, 29; Ед. хр. 2414. Л. 27 об., 28 об., 29, 33 об., 36, 36 об., 38 об., 40 об., 39, 41 об., 48 об., 49 об., 42 об., 54 об., 76 об., 80, 81, 84 об.; Ед. хр. 2418. Л. 38, 41 об., 47 об., 48, 52 об., 66 об., 78 об., 86 об.; Ед. хр. 2421. Л. 12; Ед. хр. 2422. Л. 23, 27; Ед. хр. 2423. Л. 10, 25, 30, 47; Ед. хр. 2424. Л. 1; Ед. хр. 2425. Л. 41; Ед. хр. 2426. Л. 1, 10, 31, 38, 39, 39 об., 41, 44 об., 46 об.; Ед. хр. 2427. Л. 27; Ед. хр. 2430. Л. 3; Ед. хр. 2436. Л. 6 об., 13, 19, 22 об., 31 об., 33 об., 34 об., 78 об., 79.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 2438. Л. 3; Ед. хр. 2440.

Л. 34, 35. Ед. хр. 2441. Л. 2, 35; Ед. хр. 2442. Л. 3, 4; Ед. хр. 2443. Л. 30, 33, 41, 41 об.; Ед. хр. 2445. Л. 2; Ед. хр. 2449. Л. 125, 125 об., 134 об., 139, 143 об., 146 об., 310 об., 311 об.; Ед. хр. 2451. Л. 80–80 об., 102, 109; Ед. хр. 2467. Л. 30, 34 об.; Ед. хр. 2470. Л. 27; Ед. хр. 2513. Л. 48; Ед. хр. 2532. Л. 18; Ед. хр. 2543. Л. 254; Ед. хр. 2553. Л. 81; Ед. хр. 2563. Л. 32; Ед. хр. 2632. Л. 23; Ед. хр. 2771. Л. 22 об.; Ед. хр. 2828. Л. 22.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 6. Ед. хр. 466. Л. 45 об.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 7. Ед. хр. 599, 612.

РЕСТАВРАЦИЯ И АТРИБУЦИЯ

УТОЧНЕНИЕ АТРИБУЦИИ ВАЛЬТРАПА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ

Меркулова Ирина Юрьевна,
Государственный музей-усадьба «Архангельское», Москва

Аннотация. Попона в 1998 г. была атрибутирована как вальтрап (намёт), Азербайджан, вторая половина XIX в., аппликация, вышивка (тамбурный шов, гладь). В процессе исследования уточнен тип попоны и определены технологии, распространенные в ограниченном регионе, введен термин «текстильная инкрустация». Исторические сведения и исследование красителей тканей позволили определить датировку создания памятника. В результате была уточнена атрибуция попоны: вальтрап, 1870-е гг. – начало XX в.; стиль – каджарский; регион – Шеки, Тебриз, Решт; лоскутное шитье, «рештское шитье» (текстильная инкрустация, швы: тамбурный, «момкан», в стык, в прикреп).

Ключевые слова. Атрибуция. Вальтрап. Рештское шитье. Текстильная инкрустация. Вышивка «момкан».

RECTIFICATION OF THE ATTRIBUTION OF VALTRAP FROM THE COLLECTION OF THE PRINCES OF YUSUP

Merkulova Irina Yuryevna,
State Museum-Estate «Arkhangelskoye», Moscow

Annotation. The blanket in 1998 was attributed as: saddle cloth (nesting), Azerbaijan, second half of the 19th century, applique, embroidery (chain stitch, satin stitch). In the course of the research, the type of blanket and the technique were clarified: not appliqué, but «Rasht sewing», embroidery not by satin stitch, but «momkan», the term «textile inlay» was introduced. These technologies were widespread in a certain region. Historical information and the study of fabric dyes made it possible to determine the dating of the monument. As a result, the attribution of the blanket was clarified: valtrap, 1870s. – the beginning of the XX century; style – kajar; region: Sheki – Tabriz – Rasht; patchwork sewing, «Resht sewing» (textile inlay, seams: tambour, «momkan», in the joint, in the attachment).

Keywords. Attribution, saddle cloth, Rasht sewing, textile inlay, momkan embroidery.

В процессе реставрации памятника декоративно-прикладного искусства – попоны для лошади типа «вальтрап» (от итал. «gualdrappa» – седельная ткань, немец. «waltrapp», инв. № П-1292) – мною были сделаны некоторые выводы, позволившие уточнить атрибуцию предмета.

Попона была атрибутирована ее хранителем О. М. Фроловой и научным сотрудником Государственного музея Востока М. В. Куланда в 1998 г. как вальтрап (намёт), Азербайджан, вторая половина XIX в., аппликация (гондарма, гурама), вышивка (тамбурный шов, гладь). В обосновании атрибуции уточнено: «Намётом в России называли попону большого размера, надетую поверх седла. При Петре I намёт стали называть по-немецки “вальтрап”»¹.

Хотя в описях XIX в. описание вальтрапа обнаружено не было, наличие инвентарных номеров в музейных инвентарных книгах 1927 г. (№ 2227) и 1932 г. (№ 1935) позволяет отнести его к собранию князей Юсуповых. В 2019 г. в статье к каталогу выставки «Искусство в движении» попона названа вальтрапом, а в самом каталоге, в подписи к иллюстрации и на этикетке выставки – чепраком. В глоссарии каталога читаем: «чепрак (вальтрап) – небольшая попона, которая накидывается на спину лошади, под седло, закрывает круп и бёдра коня»². Так какого же типа эта попона – вальтрап, чепрак или намёт, надевалась она на седло или под него?

В толковом словаре В. И. Даля середины XIX в. написано, что «встарь попонка – то же что наседельный чапрак, ныне вальтрап». При этом одно из значений слова намёт – накидной чехол или покрывка. Но во второй половине XIX в. слово намёт в этом значении уже не употреблялось. В толковых словарях XX в. (С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, С. А. Кузнецова, Т. Ф. Ефремовой) «намёт» – это аллюр лошади, галоп у казаков. В романе К. Ф. Седых «Даурия» читаем: «Роман пустил Гнедого в намёт»³, то есть в галоп.

¹ Протокол Фондовой комиссии № 54 от 02.04.1998 г. // ГМУА. Д. 33. Л. 392–394.

² Искусство в движении. Каретная галерея князей Юсуповых. Каталог / авт.-сост. О. М. Фролова. М., ГМУ «Архангельское», 2019. С. 72, 78, 107.

³ Седых К. Ф. Даурия. М., 2008. С. 18.

Попона XVIII в. (Музей истории Азербайджанской ССР, инв. № 3360), названная чепраком, надевалась, как видно на литографии XIX в., изображающей конские уборы мусульманских и лезгинских взводов (Государственный Эрмитаж, инв. № ЭРВГ-24326), поверх седла. Для выступающей передней луки седла в ней была сделана характерная каплевидная прорезь, для задней луки – полукруглая.

Аналогичная прорезь имеется и на попоне из Архангельского, но у нее по краю прорези пришит еще и чехольчик в форме специфического хвостика. Если эта попона надевалась под седло, то зачем он был нужен?

Во всех словарях середины XIX – первой половины XX в. – толковых (В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова), иностранных слов, вошедших в состав русского языка (М. Попова, Ф. Павленкова, А. Н. Чудинова), в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в Большой советской энциклопедии, в Справочнике по коневодству (Г. Т. Рогалёва и Д. А. Гуревича) отмечается: «чепрак» (от тюркского «чапрак») – покрывало на потник, под седло. Л. Н. Толстой в повести «Хаджи-Мурат» (1896–1904) пишет: «Шамиль ехал на белом арабском коне. Убранство коня было самое простое, без украшений... красная ременная уздечка... и красный чепрак, видневшийся из-под седла»¹.

По поводу вальтрапа такого единодушного мнения нет, разные авторы «кладут» его и под седло, на потник, и на седло, что зависит от типа седла. Лучше всего это объяснено в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «вальтрап – покрывка на седло или потник (то есть под седло. – И. М.)... Вальтрап помещается на седло, когда оно имеет выдающиеся (выступающие. – И. М.) луки, а под него, на потник – при английском образце седла. В России подобные украшения конского убора с XIV по XVIII в. назывались платами, чепраками, чандарями. В 1763 г. названия чепрак и вальтрап имели одинаковое значение. При Павле I покрывки, принятые в кирасирских полках, назывались чепраками,

¹ Толстой Л. Н. Кавказский пленник. Хаджи-Мурат. Повести. СПб., 2013. С. 148.

а в гусарских и драгунских – вальтрапами, впоследствии же все парадные чепраки назывались вальтрапами, а чепраками только pokrышки на потник»¹, то есть под седло.

Английские седла (сегодня различают более десятка их видов) – плоские и легкие, удобны при прыжках через препятствие, скачках и выезде. Они были сделаны на основе охотничьих седел, лошадь под ними может проводить до двух часов. Седла с выступающими луками изначально предназначались для работы со скотом. Они меньше травмируют мышцы спины лошади, и она может проводить под таким седлом до пяти часов.

Седла с характерной узкой высокой передней лукой в виде выраженной головки, для которой и был сделан чехольчик на попоне из Архангельского, были типичны для народов Центральной Азии и распространены в Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, Туркмении, а также в южных и западных областях Казахстана.

Они отчасти типичны и для Передней Азии – распространены в Турции и Персии (Иране). На головку седла вешали аркан, наматывали поводья, чтобы освободить руки. У тюркских народов она также служила для удержания за седло рукой при конных играх, связанных с подниманием предметов с земли. У азербайджанцев, в частности, была популярна игра «сюрпапаг» – подними папаху.

Попона из Архангельского – парадная, второй половины XIX в., и имеет чехольчик, который указывает, что она была предназначена для надевания на седло азиатского типа, поэтому уместнее ее так и называть (общим термином) либо именовать ее вальтрапом, нежели чепраком или намётом.

В процессе исследования были найдены изображения попон по форме, размеру и композиции декора аналогичных попон из коллекции князей Юсуповых. Большими парадными попонами в форме трапеции с чехольчиками для выступающей передней луки накрыты поверх седел запасные лошади на картине

¹ Энциклопедический словарь. СПб.: изд. Брокгауз Ф. А. – Ефрон И. А., 1892. Т. 10. С. 470.

«Смотр персидских войск Фатх-Али-шахом» работы персидского художника 1815–1816 гг. из собрания Государственного Эрмитажа (инв. № VP–1221)¹. Таковую же парадную попону, по-видимому, имеет в виду военный историк генерал В. А. Потто (1836–1911), когда, описывая эпизоды Кавказской войны, упоминает, что в Джарах перед домом Махмуд-муллы «конюх держал карабагского коня, покрытого поверх седла гилянской попоной, расшитой узорными шелками»². (Гилян – провинция на севере Персии.)

Где же могла быть сделана попона из музея «Архангельское», в Азербайджане или Персии? Начнем с художественно-стилистического исследования.

Композиция попоны строится по принципу ковровой – с бордюром и серединным полем. С XVII в. в Персии широкое распространение получили так называемые вазовые ковры. Однако мотив самой вазы встречается далеко не на всех изделиях подобного типа. Чаще – это крупный цветочный узор, заполняющий, как на попоне, все центральное поле. В предшествующей атрибуции отмечалось, что в центральном прямоугольнике вальтрапа находится симметричная композиция с попугаями и цветами. Пара птиц в Азербайджане является самым древним и излюбленным мотивом орнаментов многих видов декоративно-прикладного искусства. Птицы на вальтрапе изображены отвернувшимися друг от друга, что олицетворяет поссорившихся влюбленных.

Декор центрального поля перекликается с украшением бордюрных полос, составляя единый художественный образ. В предшествующей атрибуции также отмечалось, что на трех полосах ленточного растительного орнамента по периметру изображены цветы, часто встречающиеся на азербайджанских вышивках: стилизованные нарциссы, ирисы, лилии, розы, цветки фруктовых деревьев (граната, айвы, алычи) и различные листья. Кроме того, изображены маки.

¹ Во дворцах и шатрах. Исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. СПб., 2008. С. 382–384.

² Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. Т. I. С. 350.

Как удалось установить по литературным источникам¹, на Востоке на языке цветов нарцисс означает упрек «Как можешь ты быть столь жестокой, сжался надо мною!», ирис – «Зачем ты нарушила спокойствие моего сердца?», лилия – «Когда вспыхнет любовь на ланитах твоих?». Роза вопрошает: «Вознаградит ли будущее за настоящее?», мак означает «Воспоминания о тебе со мною будут всегда неразлучны», цветки граната – «Вспомни иногда об отдаленном друге». Таким образом, декор на попоне из музея «Архангельское» говорит о ссоре влюбленных, расставании, грусти, надежде на встречу и возрождение любви.

На основании художественно-стилистического исследования Г. А. Гулиева² можно уточнить, что орнамент с парой птиц, сидящих, как на вальтрапе, на цветах или букете цветов, характерен для вышивок западно-азербайджанских городов Гянджа и Шеки (до 1968 г. назывался Нуха). Эти мотивы часто встречаются на росписях стен дворца шекинских ханов XVIII в., построенного в персидском стиле. Орнамент с парой птиц, сидящих на ветке дерева, – характерен для вышивок восточно-азербайджанских городов Баку и Шемаха.

Кроме того региональные виды и технологии изготовления вышивки часто отличаются своеобразием, что также позволяет уточнить место изготовления предмета.

В атрибуции 1998 г. отмечалось, что вальтрап сделан в технике аппликации, которая на азербайджанском языке называется «гондарма» и «гурама», а также «вальтрап из цветного сукна, сшитого декоративным шелковым шнуром»³.

Однако, по данным П. А. Азизбековой, на исследование которой ссылается автор этой атрибуции, а также Ш. Меликовой⁴, только

¹ *Ознобишин Д. П.* Селам, или Язык цветов М., 2019. С. 68, 75, 82, 84, 88, 89, 96. Репринтное воспроизведение издания (СПб., 1830).

² *Гулиев Г. А.* Азербайджанские вышивки // Советская этнография. 1959. № 2. С. 114, 119.

³ Протокол Фондовой комиссии № 54 от 02.04.1998 // ГМУА. Д. 33. Л. 392.

⁴ Азербайджанские вышивки. Альбом / под ред. П. А. Азизбековой М., 1971. С. 24, 26, 31, ил. 70; *Меликова Ш. Я.* Художественные вышивки из коллекции Азербайджанского музея ковra. Баку, 2017. С. 30, 31, 40, 150, 151.

«гондарма» является аппликацией. Техника «гурама» – это не аппликация, а лоскутное шитье. Отдельные детали – полосы бордюра вальтрапа, как показало проведенное мною технологическое исследование, были сшиты между собой шелковой нитью швом «в стык», как при лоскутном шитье (техника «гурама»). Сверху по этим швам в декоративных целях швом «в прикреп» пришили шелковый шнурок, который служил накладной деталью для украшения. Сукно им не сшивали.

В результате исследования также выяснилось, что вальтрап выполнен в своеобразной технике, которой более всего соответствует вводимый термин «текстильная инкрустация» разноцветными фрагментами сукна, которую многие искусствоведы ошибочно называют аппликацией (лат. «applicatio» – наложение, прикладывание). При инкрустации отдельные детали не накладывают и не нашивают на фон, как при аппликации: а в ткани фона вырезают фигурные отверстия, в которые вставляют и вшивают «в стык» соответствующей формы детали. Это позволяет экономить и сукно, используя все вырезанные элементы, и рабочее время, так как одновременно вырезается сразу несколько фрагментов, сложенных вместе. В связи с этим сукно берется тонкое, а узоры в результате получаются симметричными. Швы «в стык» закрываются на лицевой стороне, декорируются тамбурным швом (азерб. «тякядуз») шелковыми нитями, который вышивается не иглой, а острым металлическим крючком, называемым «гармач».

Если техника аппликации и тамбурная вышивка были широко распространены на территории Азербайджана, то производство изделий в технике текстильной инкрустации в сочетании с тамбурной вышивкой и техникой «гурама» было налажено в городе Нуха (ныне Шеки). Изделия выполнялись в ремесленных мастерских, где работали только мужчины. Мальчиков с десяти лет отдавали на выучку мастеру, и обучение продолжалось около пяти лет. В начале XX в. вышивальщики гордо говорили: «В истории Нухи еще не было случая, чтобы женщина занималась вышивкой, это искусство – достояние только мужчин»¹.

¹ Музей Востока 100. (К 100-летию Государственного музея Востока). М., 2018. С. 168.

Данный вид рукоделия получил в Нухе характер промысла, предметы изготавливали не только для домашнего употребления, а главным образом на заказ и на продажу. При мастерских имелись лавки. По сведениям экономиста и писателя С. И. Гулишамбарова, «в начале 1891 г. насчитывалось в Нухе их (лавок. – *И. М.*) около 20, в них работали около 100 человек. Нухинские вышивки представляют собой шаблонное исполнение и применяются для скатертей, подушек, “мутак” (цилиндрических валиков-подушек), башлыков и прочего. Нуха снабжает своими вышивками не только весь Закавказский край, но и обе столицы, откуда в последнее время чаще получают заказы. Нухинские вышивки входят в моду, и иностранцы-туристы, посещающие Кавказ, охотно увозят работы»¹.

А. Дюма, путешествовавший по Кавказу осенью 1858 г., купил в лавке на нухинском базаре «два вышитых седла за 24 рубля. Во Франции нельзя иметь их даже за 200 франков, или, вернее, у нас их нельзя достать ни за какую цену»². И. Пикулев в 1937 г. упоминает, что в Нухе вышивали ковры и покрывала³. Это притом что уже с середины XIX в. российские фабричные «мануфактурные» товары, насыщая азербайджанский рынок, послужили причиной постепенного сокращения и упадка целого ряда местных промыслов.

Несколько нухинских «посольских скатертей», выполненных в этих техниках, хранятся в Государственном музее Востока. «Посольскими» скатерти назывались потому, что их использовали во время дворцовых приемов в честь иностранных послов, в качестве предметов особой роскоши их дарили дипломатам и иностранным гостям, в них также заворачивали подарки. Такую «превосходную, великолепную скатерть для стола» получил в Нухе в подарок от князя Тарханова и А. Дюма, о чем написал в своих путевых заметках⁴.

¹ Энциклопедический словарь... 1892. Т. 14. С. 590.

² Дюма А. Кавказ. Тбилиси, 1988. С. 148; К северо-западу от Баку // Азербайджан. М., 2010. С. 186.

³ Пикулев И. Нухинское искусство вышивки // Народное творчество. 1937. № 8. С. 29–31.

⁴ Дюма А. Указ. соч. С. 154.

По данным С. И. Гулишамбарова, нухинская скатерть типа «долма» (со сплошным вышитым рисунком) в 4 кв. аршина в конце XIX в. стоила от 8 до 14 руб.¹ Площадь нашего вальтрапа – 3,9 кв. аршин (1 аршин – 71 см). Как удалось установить в результате архивных изысканий по «Инвентарю собственности Ея Сиятельства кн. З. Н. Юсуповой», в 1915 г. «при выездной и разъездной конюшне» в Архангельском числились две попоны на общую сумму 16 руб.² Поэтому, хотя описание попон отсутствует, и была ли одна из них нашим вальтрапом – неизвестно, если по площади и сложности изготовления приравнять ее к скатерти, теоретически она могла бы им быть.

Техника, описанная выше, появилась в Нухе в XVII в., когда Азербайджан стал частью Персии, и была занесена в Нуху из персидского города Решта (Решт – административный центр провинции Гилян)³. Этим кустарным ремеслом традиционно занимались ремесленники-мужчины народности гилянцев, объединенные в мастерские. В 1914 г. востоковед, археолог и лингвист М. Ф. Достоевский, внучатый племянник писателя Ф. М. Достоевского, отмечал: «В Реште существует особый вид вышивки, совершенно отличный от вышивок остальной Персии. Техника этой вышивки, называемой рештской, заключается в том, что на кусок тонкого сукна накладываются сложные украшения... которые врезаны и вделаны в фон. Вышивки Решта высоко ценились еще в XVII и XVIII столетиях, но Европа познакомилась с ними позднее. Любопытна рештская работа XVIII в. из собрания О. И. К. в Москве, где ручная вышивка... исполнена по черному сукну... цвета вышивки зеленый, красный и синий. Турция за последнее время стала выделывать вышивки, аналогичные рештским. Впрочем, разница между рештской и турецкой вышивкой видна сразу, т. к. турецкие мастера вместо врезания

¹ Энциклопедический словарь... 1892. Т. 14. С. 590.

² Инвентарь № 1 поземельной собственности Ея Сиятельства кн. З. Н. Юсуповой, состоящей в имении Архангельском московской губернии Звенигородского уезда на 1 января 1915 года // РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 3072. Ч. 4. Л. 42; ГМУА. Д. 194-кад. Л. 80.

³ Музей Востока... С. 168.

рисунка в ткань, накладывают одну ткань на другую»¹, то есть используют аппликацию вместо инкрустации.

Французский исследователь и путешественник П. Леконт (P. Lecomte), в конце XIX в. побывавший в Турции, описывает технологию изготовления похожих вышитых скатертей, составленных из нескольких кусков сукна, «форма которых определяется задуманным рисунком, части подбираются и соединяются... все они вышиты разноцветным шелком тамбурным швом, предположим, что скатерть состоит из сукна пяти цветов, тогда их производится сразу пять штук – в рисунке каждой есть фрагменты, дополняющие другие»². Таким образом, кроме тамбурной вышивки (тур. – «каснак иши») в основе турецких скатертей лежит техника лоскутного шитья и аппликации, но не текстильной инкрустации.

С. Масленицына, описывая вышитую иранскую скатерть XIX в. из собрания Государственного музея Востока (инв. № 3971 II), называет рештскую технику «мозаикой из цветного сукна»³. Л. Маки из Художественного музея Кливленда также называет эту технику «редкой, похожей на мозаику». Она отмечает: «Вышивка из шелка тамбурным швом маскирует места соединения разнообразно окрашенных частей шерстяного сукна. Несмотря на то что эта техника известна с 1670-х гг., более всего сохранилось образцов XIX в.»⁴.

Д. О. Васильева, описывая коллекцию иранского текстиля XVIII–XIX вв., приобретенную П. В. Чарковским в 1882–1885 гг. и позднее оказавшуюся в Эрмитаже, отмечает три вышивки в технике рештского шитья (к сожалению, их инвентарные номера и фото не представлены), не отличая при этом аппликацию

¹ Достоевский М. Страницы искусства Востока // Баян. М., 1914. № 3. С. 18–19.

² Кулланда М. В. Художественный текстиль Османской империи XVI – начала XX века. М., 2007. С. 35.

³ Масленицына С. Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. Л., 1975. С. 198, ил. 91

⁴ Mackie L. W. Symbols of Power. Luxury Textiles from Islamic Lands, 7th-21st Century. The Cleveland Museum of Art, 2015. P. 391, 395.

от инкрустации: «Центром производства этих изделий традиционно считается город Решт, расположенный в Гиляне. Подобные вышивки... также были известны на территории нынешнего Азербайджана (но где именно – не уточняет. – И. М.). Рештские вышивки выполнялись по шерстяному сукну и сочетали технику аппликации и тамбурного шитья шелковыми нитями. Вышивки, выполненные в этой технике, часто украшали конские попоны, чепраки и разнообразные предметы домашнего обихода: половики, коврики, настольные скатерти, покрывала на диваны и сиденья стульев. Некоторые из этих изделий широко экспортировались в Европу»¹.

В своем докладе о вышивках на Крымских международных научных чтениях «Воронцовы и русское дворянство. Мир усадебной культуры» для обозначения этой техники Д. О. Васильева употребляет термин «обратная аппликация»², однако не раскрывая его сути и не описывая технологию. Обратная аппликация – это не текстильная инкрустация. При обратной аппликации в ткани фона вырезаются отверстия, декоративная ткань, видимая в этих отверстиях, подкладывается с изнанки под фон.

Экономист и писатель С. И. Гулишамбаров в 1891 г. отмечал, что персидские «рештские вышивки также употребляются на обивку мебели, богатые портьеры и салфетки»³. Подполковник И. Ф. Бларамберг, член российской миссии в Персии 1837 г., среди предметов, украшаемых рештским шитьем, упоминал завесы для дверей из шахских покоев в Тегеране⁴.

¹ *Васильева Д. О.* Памятники иранского искусства в России: предметы текстиля из коллекции П. В. Чарковского в собрании Государственного Эрмитажа // Россия – Иран: диалог культур. Междунар. науч. конференция, 8 апр. 2016 г. СПб., 2017. С. 156.

² *Васильева Д. О.* Каджарские портретные вышивки: от ремесла к дворцовому искусству // Воронцовы и русское дворянство. Традиции и дворянское просветительство. Мир усадебной культуры. Статьи и доклады 11–14 Крымских междунар. науч. чтений. Симферополь, 2016. С. 158.

³ Энциклопедический словарь... 1892. Т. 14. С. 592.

⁴ *Бларамберг И. Ф.* Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И. Ф. Бларамбергом в 1841 г. СПб., 1853. С. 135, цит. по: *Васильева Д. О.* Памятники иранского искусства... С. 157.

Наиболее часто на вышитых завесах из Решта встречаются изображения арок, стилизованных растительных мотивов, цветов, гирлянд, букетов в вазах, птиц, древа жизни. Наиболее близкий аналог вальтрапа – рештский занавес XIX в. из частной коллекции. Его бордюр по масштабу совпадает с бордюром вальтрапа и идентичен ему в художественно-стилистическом и композиционном отношении.

Особое место среди рештских вышитых завес занимают портретные вышивки, изготовление которых не относится к массовому производству. В фонде Марджани имеются две парные вышивки конца XIX – начала XX в., приобретенные на аукционе «Сотби» в 2008 г., с портретами в рост юноши и девушки – придворных или членов семьи династии Каджаров. Аналогичная пара вышитых рештских портретов имеется в коллекции Бернского исторического музея. Их приобрел швейцарский путешественник, коллекционер и писатель А. Мозер-Шарлоттефельс. Они атрибутированы как портреты наследного принца Аббаса Мирзы (сына Фатх-Али-шаха, второго шаха династии Каджаров) и его супруги Алии¹. Композиция их бордюра подобна композиции бордюра вальтрапа из юсуповской коллекции. Для оформления каймы гиянских изделий характерен мотив вьющегося цветущего побега с ветвящимися тонкими белыми стеблями и яркими цветами².

Персидской живописи в XIX в., по образцам которой выполнены эти шитые завесы, был присущ особенно пышный и помпезный «каджарский» стиль. В западной историографии сложилось мнение, что во время правления Каджаров (1796–1925 гг.) на фоне экономических трудностей и растущей зависимости Персии от великих держав шел процесс деградации культуры. Только в последние десятилетия значимость каджарского искусства, сначала произведений станковой живописи и лишь совсем недавно – прикладного искусства, стала осознаваться сотрудниками музеев³.

¹ Sotheby's. Arts of the Islamic World. 8 October 2008. L., 2008, Lot 168. P. 208–209.

² Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Десяносто девять имен Всевышнего. М., 2013. С. 251, 390–393, кат. 96.

³ Роскошь заката. Иран эпохи Каджаров (конец XVIII в. – 1925). Каталог выставки. М., 2021. С. 8.

Из вышитых завес собирались шатры или палатки. Ф. Скотт отмечает: «В Персии, как и на всем Востоке, для участия в военных походах, охоты и дипломатических миссий для правителей и их свиты сооружали искусно сделанные шатры. Этот кадjarский шатер XIX в. иллюстрирует особенный, специфический тип техники вышивки... которую обычно делали в Реште»¹. Когда такой шатер освещало солнце, изнутри он выглядел как витраж.

Шатер, выполненный в технике решского шитья, был одним из двух, выставленных в апреле 1991 г. на аукционе «Сотби» (лот № 12). Вышитые завесы одной внутренней стенки шатра представляют собой арочные композиции с портретами двух юношей: одного – с охотничьим соколом, другого – с ружьем². Изображение пары попугаев, сидящих на цветах на некоторых завесах стенок, аналогично изображению попугаев на вальтрапе из Музея-усадьбы «Архангельское». Но птицы на шатре изображены смотрящими друг на друга, что символизирует любовь.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза, что князьями Юсуповыми мог быть приобретен не только этот вальтрап, но и другие изделия (для оформления интерьеров) в технике рештского шитья, выдержанные в едином кадjarском стиле. Основной этап формирования персидских коллекций в России пришелся на вторую половину XIX – начало XX в. и был связан с ростом интереса к изучению Востока и появлением своеобразной моды на восточное искусство³. Во многих особняках в это время создавались восточные курительные комнаты, гостиные или кабинеты.

Как показало исследование архивных документов, князь Юсуповы собирали персидский текстиль. Так, в описи вещей в московских палатах Юсуповых значится, что из Тифлиса 7 июля 1853 г. получено «ковров персидских больших – 2, занавесей красного сукна с синими

¹ Scott P. The Book of silk. L., 1993. P. 142–143.

² Sotheby's. European and Oriental Rugs, Carpets and Textiles. 24 April 1991. L., 1991, Lot 12. P. 12–13.

³ Васильева Д. О. Памятники иранского искусства... С. 152.

каймами вышитые шелком – 2, синего сукна такой же работы – 3, персидский шах на голубом сукне кайма красная шитый шелком – 1»¹.

Их мог приобрести, положив тем самым начало коллекции персидского текстиля Юсуповых, князь Николай Борисович-младший, который в 1852–1853 гг. служил в Тифлисе при канцелярии наместника на Кавказе князя М. С. Воронцова. В «Гросс-Бухе» 1850 г. под № 83 упоминаются уже три «картины персидские шитые разными шелками и камнями»². Эти слова приписаны позднее, после 1855 г., но до 1872 г. и другим почерком.

Эти же вышитые картины, занавеси и ковры упоминаются в описи вещей князей Юсуповых 1877 г. из восточного парадного кабинета их дома на Мойке в Петербурге: «Картин персидских, шитых разными шелками и камням» – три, «занавесей шитых разными шелками» – четыре синего сукна и две красного (всего – шесть). Перечислены также персидские шторы и скатерть³. Ни азербайджанская, ни персидская попона в этих описях не упоминаются, и на архивных фотографиях найти вальтрап также не удалось, но в ходе исследования были обнаружены изображения этих персидских вышитых картин и занавесей.

На стереодагерротипе 1861 г.⁴ изображен фрагмент восточной гостиной дома Юсуповых на Мойке, на котором мы видим одну из этих вышитых картин (на голубом фоне бородастый мужчина в каджарском кафтане, с высокой короной на голове и саблей в руке) и три занавеса рештского шитья, идентичные занавесе из Государственного Эрмитажа (инв. № VT-1471) – те же самые или сделанные с нею по одному шаблону или трафарету.

На фотографии конца 1860-х – 1880-х гг.⁵ из альбома миниатюр с изображением восточной гостиной, которая к этому времени

¹ Опись разным вещам и мебели, находящимся в Палатах Его Сиятельства князя Николая Борисовича Юсупова в Москве, составлена июля 30 дня 1855 г. // РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 2037. Л. 11 об.–12.

² Гросс-Бух 1850 года // ГМУА. Инв. № АГЮ-150. Л. 218, 137 об.

³ Опись вещам, принадлежащим их Сиятельствам (по комнатам) с 1877 года. // ГМУА. Инв. № АГЮ-152. Ч. I. Л. 98, 99, 99 об.

⁴ Восточная гостиная. 1861год. Стереодагерротип. Ателье «Шнайдер и сыновья» // ГМУА. Инв. № МФФ-1172.

⁵ Восточный кабинет. Конец 1860-х – 1880-е годы. Фото из альбома фотографий-миниатюр // ГМУА. Инв. № МФФ-325.7.

стала восточным кабинетом, мы видим ту же картину (панно) с мужчиной и еще две аналогичные: с юношей в кафтане и девушкой в белой кофте и юбке и, как в описи, – шесть занавесей.

На фотографии 1890-х гг.¹ гостиной дачи князей Юсуповых в Царском Селе, куда была перенесена часть их восточной коллекции, можно подробно рассмотреть две из этих картин. Вышитый портрет юноши по размеру, художественно-стилистическим и композиционным особенностям, а также рисунку бордюра аналогичен упоминаемым ранее рештским занавесам из фонда Марджани.

Судя по типичному каджарскому кафтану и высокой зубчатой короне с украшением в форме цветка с зубчатым листом и одним плюмажем из перьев, на юсуповской картине изображен принц Каджарской династии. Это украшение в европейской традиции называется эгретом, в восточной традиции (в мусульманских странах) – джыггой. Сравнив портрет с литографией, можно предположить, что это – сын второго шаха династии Каджаров Фатх-Али-шаха наследный принц Аббас Мирза. Однако, как пишет Д. О. Васильева, «известны серии парных вышивок, изображающих юношей и девушек в каджарских платьях. Трудно установить, действительно ли эти панно... представляли именно Аббаса Мирзу с супругой или же это изображения условных принца и принцессы»².

На другом вышитом портрете из юсуповской коллекции изображен шах из династии Каджаров. Этот портрет приобрел князь Н. Б. Юсупов-младший в 1853 г. О том, что это шах, можно судить по богатому декору каджарского кафтана с оплечьем и наплечным браслетам «базубандам», а также символам власти – сабле и характерной массивной высокой шахской «короне Киани» с восьмью зубцами и джыггой. Она скрепляет три плюмажа из перьев цапли: у каджаров – это признак царского достоинства³.

¹ Гостиная. Дача князей Юсуповых в Царском селе. После 1891 года. Фото ателье «ф. Ган и К^о». // ГМУА. Инв. № МФФ-197.

² Васильева Д. О. Каджарские портретные вышивки... С. 160–161.

³ От Китая до Европы. Искусство исламского мира. Каталог выставки. СПб., 2008. С. 195.

Аналогичная корона была изготовлена для Фатх-Али-шаха (годы правления – 1797–1834). Но позднее ее носили еще несколько шахов. Кроме того, было изготовлено несколько корон подобного типа. Поэтому нельзя утверждать, что на вышитой картине изображен именно Фатх-Али-шах. К тому же на всех портретах Фатх-Али-шах изображался с характерной длинной «ассирийской» клинообразной бородой, а не короткой округлой бородкой европейского типа, как на вышитой картине из юсуповской коллекции.

Изображение шаха с округлой бородкой на вышитом портрете из юсуповской коллекции более всего походит на портреты третьего каджарского шаха, сына Аббаса Мирзы Мухаммад-шаха, правившего в 1834–1848 гг. Насчитываются десятки парадных портретов Фатх-Али-шаха, а также многочисленных принцев (его сыновей и внуков), придворных и обитательниц гарема. Очевидно, рещтские портреты выполнялись вышивальщиками по шаблонам или трафаретам, сделанным художниками с живописных портретов и литографий.

В ходе технологического исследования было также установлено, что вальтрап обильно украшен не широко распространенной гладью, как было указано в предшествующей атрибуции, а вышивкой «момкан», которые, глядя на лицевую сторону предмета, различить трудно. «Момкан» – один из видов иранской ручной вышивки иголкой стежками в форме латинской буквы «V», технология этой вышивки основана на последовательном образовании и закреплении длинных петель. По данным Ф. Джалилиан и Т. В. Николаевой, вышивка «момкан» характерна для региона Тебриз¹, но вышивки из Решта также могли быть ею украшены. Аналогичный современный европейский шов называется «елочка», и, как отмечает Б. Барнден, в его основе лежит незакрытый тамбурный шов². (В 1802 г. азербайджанское Тебризское ханство было упразднено и присоединено к Персии. В настоящий момент город Тебриз

¹ Джалилиан Ф., Николаева Т. В. Особенности национальной вышивки разных регионов Ирана в дизайне одежды // Вісник КНУТД (Киевский национальный университет технологии и дизайна). Киев, 2014, № 5 (79). С. 239–241.

² Барнден Б. Вышивка. Энциклопедия. М., 2003. С. 11, 84.

является административным центром Южного Азербайджана, находящегося в составе Ирана.)

Таким образом, если не известна история бытования предмета, как в случае с вальтрапом, то по художественно-стилистическим или технологическим особенностям азербайджанское нухинское шитье отличить от персидского рештского шитья практически невозможно. Поэтому местом изготовления вальтрапа следует считать регион Шеки (современный западный Азербайджан) – Тебриз (южный, иранский Азербайджан) – Решт (северный Иран).

Для уточнения датировки вальтрапа рассмотрим подписные и датированные вышивки в рештской технике. В коллекции Художественного музея Кливленда (США) находится другой персидский шатер, также выставленный на аукционе «Сотби» в апреле 1991 г. Согласно подписям на одной из стеновых завес, он принадлежал третьему шаху из династии Каджаров – Мухаммад-шаху, правившему в 1834–1848 гг., и был выполнен придворным мастером Фатх-Али¹.

В экспозиции Алушкинского дворцово-паркового музея-заповедника «Воронцовский дворец» представлены две завесы с портретами Фатх-Али-шаха (инв. № 1–2) работы придворного мастера-вышивальщика Ага Бозорга (Бозорха) из Решта, деятельность которого приходилась на 1840–1850-е гг. Декоративное убранство тамбура дворца, помимо них, включает также другие настенные и потолочные завесы в рештской технике. Возможно, они служили частями кадjarского шатра. При реставрации на изнанке одного из портретов была обнаружена надпись «классная великих княжон», что дало основание Д. О. Васильевой предполагать, что раннее портреты принадлежали императорской семье, скорее всего, это дипломатический дар.

В Музее исламского искусства в Дохе находится еще одна работа Ага Бозорга, выполненная в 1852–1853 гг., это портрет четвертого шаха из династии Каджаров – Насира ад-Дин-шаха²,

¹ Mackie L. W. Op. cit. P. 392–393.

² Васильева Д. О. Кадjarские портретные вышивки... С. 159–161.

правившего в 1848–1896 гг. В собрании Государственного Эрмитажа также имеются подписные датированные иранские вышивки 1840–1870-х гг., сделанные в рештской технике. Возможно, они происходят из коллекции П. В. Чарковского, и приобретены им в 1882–1885 гг., о чем писала Д. О. Васильева. Одна из них – завеса с портретом Фатх-Али-шаха 1845–1846 гг. (инв. № VT-499) – аналогична завесе из музея-заповедника «Воронцовский дворец», но это работа Гуляма Хусейна, вышитая в мастерской Хаджи Искандера¹. Другая вышивка – занавес 1882 г.(?) (инв. № VT-1472), третья – портрет Александра II (инв. № VT-1468) работы мастера Рухалла 1875–1876 гг. В портрете использованы вставки из черного и белого сукна, вышивка сделана шелком, имеется золотое шитье. Его обрамлением служит характерная для рештских портретных вышивок стрельчатая арка с растительным орнаментом. Скорее всего, это официальный подарок Насира ад-Дин-шаха, присланный императору Александру II в связи с двадцатилетием правления последнего², после того как шах в 1873 г. проездом через Россию в Европу посетил Санкт-Петербург.

По архивным данным и фотоматериалам из музея «Архангельское» можно уточнить датировку упоминаемой ранее рештской завесы из Эрмитажа (инв. № VT-1471). Она могла быть сделана не во второй половине XIX в., а до 1853 г., если предположить, что этот занавес происходит именно из коллекции князей Юсуповых, а не П. В. Чарковского. К сожалению, этот факт не указан в Государственном каталоге Музейного фонда.

Г. В. Ласикова датирует вышитые рештские завесы из фонда Марджани с бордюром, похожим на бордюры вальтрапа, концом XIX – началом XX в., потому что «сложные растительные узоры на бордюрах с портретами европейцев в медальонах близки орнаментам керманских ковров рубежа XIX–XX вв., несмотря на то что образы, помещенные на них (принца и принцессы. – *И. М.*), восходят к началу XIX в.»³.

¹ Васильева Д. О. Каджарские портретные вышивки.... С. 159.

² Там же. С. 162; Восток и Запад. Искусство исламского мира. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 74, 77.

³ Классическое искусство исламского мира... С. 390.

Научный сотрудник Государственного музея Востока Л. И. Рославцева, также назвавшая эту технику инкрустацией, полагает, что по своим художественно-стилистическим особенностям вальтрап относится к несколько более позднему времени, чем нухинская посольская скатерть (1830–1880 гг., инв. № 5339 III) из экспозиции Музея Востока. Таким образом, аналогичные вальтрапу вышивки датированы периодом 40-е гг. XIX – начало XX в.

Для уточнения датировки обратимся также к историческим фактам. В первой трети XIX в. русско-персидские отношения из-за территориальных споров на Кавказе были весьма напряженными, что вылилось в две войны. В 1840–1850-х гг. основным внешним рынком для изделий персидских ремесленников было Закавказье. Отношения с Россией заметно улучшились только к 1870-м гг., когда она стала важным торговым партнером и стратегическим союзником Персии против ее извечного врага – Турции. После того как на Всемирной выставке 1872 г. в Лионе шекинский шелк был удостоен медали, а Шеки (Нуху) назвали «азербайджанским Лионом»¹, в Европе стали популярными и шекинские вышивки шелком.

К концу XIX в. сохранились лишь те отрасли ремесленного производства, продукция которых имела спрос на внешнем рынке. Персидский город Решт, так же как и Нуха, оставался центром экспортного производства разного рода вышитых изделий не только в XIX в., но и в начале XX в., причем, в отличие от Нухи, Решт прежде всего производил именно попоны. Исторических сведений о том, что в Нухе также вышивались попоны, равно как самих попон или их изображений, найти не удалось.

В 1909 г. преподаватель курсов востоковедения Л. Ф. Богданов отмечал: «Персы употребляют их (рештские вышивки. – И. М.) главным образом в качестве чепраков или как скатерти... В 1866 г. появился мор на шелковичных червях, нанесший удар шелководству. От этого удара Гилян оправился только к концу XIX в.»². Ф. Скотт

¹ К северо-западу от Баку... С. 186.

² *Богданов Л. Ф.* Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. Пособие для слушателей курсов востоковедения. СПб., 1909. С. 22, 110.

поясняет, что после эпидемии среди шелковичных червей, которая нанесла удар по Ближнему Востоку, шелководство и ковроткачество в Персии возродилось только ближе к концу XIX в. за счет грепы шелкопряда из Италии и Франции¹.

Таким образом, если вальтрап сделан в азербайджанском городе Нуха (Шеки), то верхней временной границей его изготовления, очевидно, следует считать не конец XIX в., а начало XX в. Нижней временной границей могли бы быть (по аналогии с рештскими занавесями и картинами на архивных фотографиях) 1853–1861 гг., если бы все изделия приобретались одновременно. А если вальтрап рештского производства, то он мог быть сделан либо до эпидемии 1866 г., либо, что очевиднее, уже после нее, в конце XIX в. либо в начале XX в.

Уточнить нижнюю границу датировки вальтрапа помогло изучение состояния его сохранности и используемые красители шерстяных тканей. Л. Маки из Художественного музея Кливленда отмечает, что узоры персидских вышивок «в приглушенных оттенках коричневого и серого тонов указывают на возможность их выгорания»². Так, цвет выгоревшего сукна фона полосы бордюра вальтрапа с растительным орнаментом из черного стал серо-болотным, а изумрудно-зеленые листья приобрели болотный оттенок. При этом сукно красных, оранжевых и синих тонов, а также черное сукно фона центрального поля вальтрапа свой первоначальный цвет не изменили.

Нити и ткани, окрашенные натуральными красителями, надолго сохраняют свои цвета, которые не разрушаются под воздействием света и воды, в отличие от цветов текстиля, окрашенного первыми искусственными анилиновыми красителями (от арабского «ан-нил» – индиго). Искусственные анилиновые красители были изобретены в Европе во второй половине XIX в. Первым в 1856 г. был синтезирован мовеин. Среди анилиновых красителей исключение составляет только «анилиновый черный» – это один из самых

¹ Scott P. Op. cit. P. 148.

² Mackie L. W. Op. cit. P. 395.

стойких красителей. Ткани, окрашенные им, устойчивы к воздействию света, как и сукно, из которого сделан фон центрального поля вальтрапа.

По данным А. Г. Гулиева, в Азербайджане во второй половине XIX в. помимо шерстяных тканей местного производства, окрашенных натуральными растительными красителями, использовались и привозные ткани¹, возможно, окрашенные анилиновыми красителями, изобретенными в Европе в это время. В Персии же, по сведениям С. Масленицыной, «начавшееся в 70-х годах XIX в. применение анилиновых красителей привело к резкому падению качества ковров»². По сведениям Ф. Скотт, анилиновые красители так восхищали персидских ткачей, что и они стали их использовать после 1870 г.³

Работавший в Персии в 1883–1885 гг. американский дипломат и писатель С. Г. Бенджамин отмечал: «Более многочисленные новые, современные вышивки – грубой художественной техники, крупной текстуры и менее приятных тонов»⁴. Он советовал при покупке вышивок проверять качество окраски, чтобы убедиться, что красители не линяют. В письмах из Тегерана русской женщины-врача, опубликованных в журнале «Вестник Европы» в октябре 1886 г., сообщалось: «Цвета быстро линяют потому, что прежде для окраски шерсти и шелка употреблялись местные вещества, теперь же их привозят из Европы, и они гораздо хуже. Ввоз красильных веществ несколько раз запрещался правительством, но безуспешно»⁵. М. Ф. Достоевский в начале XIX в. отмечал, что в последние годы персидские мастера для окраски шерсти «растительные естественные краски в видах экономии заменяют искусственными анилиновыми»⁶.

¹ Гулиев А. Г. Указ. соч. С. 114.

² Масленицына С. Указ. соч. с. 90.

³ Scott P. Op. cit. P. 148.

⁴ Mackie L. W. Op. cit. P. 396.

⁵ Персидский эндерун. Письма из Тегерана // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. СПб., 1886. Кн. 10. С. 515.

⁶ Достоевский М. Указ. соч. С. 24.

Кроме того, сукно вальтрапа было сильно побито молью, наблюдались многочисленные утраты фрагментов. При этом личинки моли предпочли неокрашенное сукно, а также желтых, красных и синих тонов и абсолютно не тронули находящееся рядом черное и зеленое. Сукно разных цветов на вальтрапе имеет разные физические свойства – это также позволяет усомниться, что при его изготовлении использовались исключительно натуральные красители. Первые искусственные анилиновые красители нередко обладали бактерицидными и канцерогенными свойствами. Эти токсичные красители, видимо, и не пришлись по вкусу моли.

Художник-реставратор П. Е. Кандыба методом ультрафиолетовой спектроскопии определил наличие в сукне красных тонов натурального растительного красителя ализарина, получаемого из корня марены (краппа), который с различными протравами дает разные оттенки, а в зеленом сукне – наличие искусственного красителя без примесей, характерных для натуральных красителей. Заведующий лабораторией Музея современного искусства В. В. Семикин методом хроматографического анализа уточнил, что этот краситель – анилиновый. Наиболее часто встречающиеся ранние анилиновые зеленые красители (метиловая и малахитовая зелень, бриллиантовый зеленый) были синтезированы в 1874–1879 гг.

Таким образом, в процессе реставрации памятника было проведено его комплексное научное литературно-аналитическое, историко-архивное, художественно-стилистическое, композиционное и технико-технологическое исследование, в результате которого стало возможным уточнить его атрибуцию: это вальтрап (попона); регион – Шеки, Тебриз, Решт; стиль – каджарский; 1870-е гг. – начало XX в.; техника – лоскутное шитье (гурама), «рештское шитье», в которое входит текстильная инкрустация и швы – тамбурный, «момкан», в стык и в прикреп.

Литература

- Азербайджанские вышивки. Альбом / под ред. П. А. Азизбековой. М., 1971.
- Барнден Б. Вышивка. Энциклопедия. М., 2003.
- Богданов Л. Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. Пособие для слушателей курсов востоковедения. СПб., 1909.
- Васильева Д. О. Каджарские портретные вышивки: от ремесла к дворцовому искусству // Воронцовы и русское дворянство. Традиции и дворянское просветительство. Мир усадебной культуры. Статьи и доклады 11–14 Крымских междунар. науч. чтений. Симферополь, 2016.
- Васильева Д. О. Памятники иранского искусства в России: предметы текстиля из коллекции П. В. Чарковского в собрании Государственного Эрмитажа // Россия – Иран: диалог культур. Междунар. науч. конференция. 8 апр. 2016 г. СПб., СПб ГУП, 2017.
- Во дворцах и шатрах. Исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. СПб., 2008. Восток и Запад. Искусство исламского мира. Каталог выставки. СПб., 2011.
- Гулиев Г. А. Азербайджанские вышивки // Советская этнография. 1959. № 2.
- Джалилиан Ф., Николаева Т. В. Особенности национальной вышивки разных регионов Ирана в дизайне одежды // Вісник КНУТД (Киевский национальный университет технологии и дизайна). Київ, 2014. № 5 (79).
- Достоевский М. Страницы искусства Востока // Баян. М., 1914. № 3.
- Дюма А. Кавказ. Тбилиси, 1988.
- Искусство в движении. Каретная галерея князей Юсуповых. Каталог / авт.-сост. О. М. Фролова. М., 2019.
- Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Деяностио девять имен Всевышнего. М., 2013.
- К северо-западу от Баку // Азербайджан. М., 2010.
- Кулланда М. В. Художественный текстиль Османской империи XVI – начала XX века. М., 2007.
- Масленицына С. Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. Л., 1975.

- Меликова Ш. Я.* Художественные вышивки из коллекции Азербайджанского музея ковра. Баку, 2017.
- Музей Востока 100. (К 100-летию Государственного музея Востока). М., 2018.
- Ознобишин Д. П.* Селам, или Язык цветов. М., Государственная публичная историческая библиотека, 2019. Репринтное воспроизведение издания (СПб., 1830).
- От Китая до Европы. Искусство исламского мира. Каталог выставки. СПб., 2008. С. 195.
- Персидский эндерун. Письма из Тегерана // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. СПб., 1886. Кн. 10.
- Пикулев И.* Нухинское искусство вышивки // Народное творчество. 1937. № 8. С. 29–31.
- Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. Т. I.
- Роскошь заката. Иран эпохи Каджаров (конец XVIII в. – 1925). Каталог выставки. М., 2021.
- Седых К. Ф.* Даурия. М., 2008.
- Толстой Л. Н.* Кавказский пленник. Хаджи-Мурат. Повести. СПб., 2013.
- Энциклопедический словарь. СПб., изд. Брокгауз Ф. А. – Ефрон И. А., 1892. Т. 10, 14.
- Mackie L. W.* Symbols of Power. Luxury Textiles from Islamic Lands, 7th-21st Century. The Cleveland Museum of Art, 2015.
- Scott P.* The Book of silk. L., 1993.
- Sotheby's. Arts of the Islamic World. 8 October 2008. L., 2008, Lot 168.
- Sotheby's. European and Oriental Rugs, Carpets and Textiles. 24 April 1991. L., 1991, Lot 12.

Архивные материалы

Протокол Фондовой комиссии № 54 от 02.04.1998 г. // ГМУА. Д. 33.
Л. 392–394.

Инвентарь № 1 поземельной собственности Ея Сиятельства
кн. З. Н. Юсуповой, состоящей в имении Архангельском Москов-
ской губернии Звенигородского уезда на 1 января 1915 года //
РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 3072. Ч. 4. Л. 42; ГМУА. Д. 194-кад. Л. 80.

Опись разным вещам и мебели, находящимся в Палатах Его Сиятель-
ства князя Николая Борисовича Юсупова в Москве, составлена
июля 30 дня 1855 г. // РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 2037. Л. 11 об.–12.

Гросс-Бух 1850 года // ГМУА. Инв. № АГЮ-150. Л. 218, 137 об.

Опись вещам, принадлежащим их Сиятельствам (по комнатам)
с 1877 года // ГМУА. Инв. № АГЮ-152. Ч. I. Л. 98, 99, 99 об.

Восточная гостиная. 1861 год. Стереодагерротип. Ателье «Шнайдер
и сыновья» // ГМУА. Инв. № МФФ-1172.

Восточный кабинет. Конец 1860-х – 1880-е годы. Фото из альбома фото-
графий-миниатюр // ГМУА. Инв. № МФФ-325.7.

Гостиная. Дача князей Юсуповых в Царском Селе. После 1891 года.
Фото ателье «ф. Ган и К^о» // ГМУА. Инв. № МФФ-197.

ПРИНЦИП АУТЕНТИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЕЙНОЙ РЕСТАВРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ
РЕСТАВРАЦИИ КАРТИНЫ ДИРКА ВАН БЕРГЕНА «СТАДО»
ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «АРХАНГЕЛЬСКОЕ»

Николашкина Александра Борисовна,
Государственный музей-усадьба «Архангельское», Москва

Аннотация. Современная методология реставрации живописи базируется на принципах аутентичности, которые обсуждались на Всероссийском съезде художников, прошедшем в декабре 1911 – январе 1912 г. в Петербурге. Съездом была разработана инструкция, направленная на защиту художественного произведения от субъективного и некомпетентного вмешательства. В статье на примере картины Дирка ван Бергена «Стадо» из собрания Музея-усадьбы «Архангельское», в процессе реставрации которого под сплошными поздними записями был выявлен авторский живописный слой, наглядно демонстрируется минимизация необходимых реставрационных мероприятий и тонировок.

Ключевые слова. Картина. Реставрация. Принципы аутентичности. Поздние записи. Авторский красочный слой.

THE PRINCIPLE OF AUTHENTICITY IN MODERN MUSEUM
RESTORATION ON THE EXAMPLE OF THE RESTORATION
OF DIRK VAN BERGEN'S PAINTING «THE HERD» FROM THE
COLLECTION OF THE ARKHANGELSK ESTATE MUSEUM

Nikolashkina Aleksandra Borisovna,
State Museum-Estate «Arkhangelskoe»

Annotation. The modern methodology of painting restoration is based on the principles of authenticity, which were discussed at the All – Russian Congress of Artists held in December 1911 – January 1912 in St. Petersburg. The Congress developed an instruction from subjective and incompetent interference. Using the example of Dirk van Bergen's painting «The Herd» from the collection of the Arkhangelsk Estate Museum, during the restoration of which the author's painting layer was revealed under continuous late recordings, the minimization of the necessary restoration measures and tinting is clearly demonstrated.

Keywords. Painting. Restoration. Principles of authenticity. Late recordings. Author's colorful layer.

Современная реставрационная практика станковой масляной живописи базируется на принципах аутентичности и своими корнями уходит глубоко в начало XX в., которое в России было насыщено самыми разнообразными художественными событиями. Среди них огромное место занимало обсуждение проблемы сохранения исторического и художественного наследия. Реставрационная практика предшествовавшего времени была ориентирована главным образом на придание памятникам архитектуры и предметам искусства наиболее экспозиционного вида. Во имя реализации этой цели произведения подвергались тотальным искажениям самого разного толка¹.

Это вызывало обоснованное возмущение в среде русских художников и интеллигенции². Так, Николай Константинович Рерих (1874–1947) с сарказмом отзывался о реставрационной практике как своего времени, так и предшествовавшего столетия, называя ее «приготовлением мумии-чучела»³. Негодование художника по поводу такого рода спасения памятников было безмерным: «Сколько фресок лучших, самых лучших художников, сколько картин и статуй превращено в мумии, а инвентари выдают их за живое. Бесчисленны погибшие линии архитектуры. Пропали формы; очерствели, потухли настоящие краски»⁴.

Пагубное влияние сложившейся реставрационной практики того времени не миновало ведущих музеев России⁵. В результате ревизии 208 картин из собрания Эрмитажа было установлено, что 95 из них находятся в самом жалком состоянии – 83 картины переписаны, и переписаны варварски, 178 – разрушены или разрушаются. Переписаны и записаны были картины Рафаэля Санти, Тициана, Джорджоне, Кранаха, Риберы; погибли или находились

¹ Рославский А. Издевательства ученых вандалов // Аполлон. 1907. № 3. С. 73–74.

² Бенуа А. О наших музейных делах // Речь. 1915, 20 окт.; Яремич С. В мире искусства. О реставрации картин // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915, 26 окт.

³ Рерих Н. К. Записные листки Н. К. Рериха. XXV. Восстановления // Золотое руно. 1906. № 7–9. С. 156.

⁴ Там же.

⁵ Щавинский В. По поводу реставрации эрмитажных картин // Старые годы. 1915. № 11. С. 48–54.

на краю гибели работы Леонардо да Винчи, Мурильо, Кореджо, Караччи, Рейсдаля, Ф. Хальса, Сассофerrато, Верне, Пуссена, Иорданса и многие другие. Не лучше обстояли дела и в Русском музее императора Александра III, где хранились и проходили реставрацию произведения Репина, Левитана, Сурикова и др.¹

Реставрация того времени часто была доходной статьей или средством к получению хорошо оплачиваемых мест². При выполнении работ реставратор прежде всего исходил из требований заказчика. Эти требования были основаны на вполне понятном желании владельца картины, да и не только владельца – этому желанию часто были подвластны и хранители живописи в музеях – «вернуть произведениям искусства их первоначальный вид»³, привести картину в «приличный вид»⁴, чтобы она не «безобразила» помещения, в котором висит, а служила его украшением. Способы достижения желаемого могли быть разные: по требованию заказчика реставратор мог даже вписать в пейзаж деревья, увеличить число орденов на портрете и, более того, приписать к мундиру новое лицо, записав им оригинал⁵.

Краеугольным камнем реставрационной практики начала XX в., как и в предшествовавшие столетия, было придание произведению блистательного экспозиционного вида любой ценой. В реестре способов достижения этой цели значились переводы на новое основание, тотальная расчистка с удалением разновременных записей, часто представляющих самостоятельную художественную ценность, почти полное живописное поновление, включающее не только обширные тонировки, но и значительные записи, восполняющие утраты и произвольно изменяющие сюжет или композицию.

¹ Боравский А. Я. Охрана произведений искусства // Труды Всероссийского съезда художников в Петербурге 1911–1912 гг. СПб., 1915. С. 176.

² Там же.

³ Там же. С. 178.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Технологическая часть реставрации была покрыта флером алхимической таинственности¹. Этот процесс все еще находился в эпохе тайных средств и абсурдных суеверий. Многие реставраторы были одержимы идеей создания универсального реставрационного средства, некоего «реставрационного философского камня»².

Совершенно очевидно, что сложившаяся реставрационная практика была порочна. Необходимо было радикально изменить существующее положение.

В процессе становления новой методологии реставрации большую роль сыграл Всероссийский съезд художников, прошедший в декабре 1911 – январе 1912 г. в Петербурге. И первой мерой, которая должна была оградить художественное произведение от субъективного и некомпетентного вмешательства хотя бы в стенах музеев, по мнению съезда, должно было стать введение соответствующих инструкций, строго определявших случаи необходимости проведения реставрационных работ³.

Согласно представлениям, выработанным на съезде, реставрацию стали понимать прежде всего как минимальное физическое воздействие искусственными средствами на произведение искусства, к которой следовало прибегать лишь в случае крайней необходимости. При этом предлагалось сузить область реставрационных приемов, а от некоторых полностью отказаться⁴.

Для наилучшего проведения в жизнь предложенных методических требований было предписано каждый реставрационный процесс от начала до конца документировать, причем не только в виде отрывочных и поверхностных записей в регистрационных журналах, но и с помощью подробного и поэтапно иллюстрированного описания всего того, что было сделано в процессе реставрации.

¹ Мутти А. А. Консервация живописи // Труды Всероссийского съезда художников 1911–1912 гг. СПб., 1912. Т. 2. С. 26–31.

² Боравский А. Я. Указ. соч. С. 178.

³ Богословский Д. Ф. О реставрации картин // Труды Всероссийского съезда художников в Петербурге 1911–1912 гг. СПб., 1915. С. 35

⁴ Боравский А. Я. Указ. соч. С.175.

До начала реставрации каждое произведение искусства, находившееся в музее, дворце или храме, требовалось осмотреть и сфотографировать, второй фотографический снимок предписывалось сделать во время реставрации и третий – после ее окончания. Результаты этих осмотров реставраторы должны были вносить в специальную книгу реставрации вместе с тремя указанными фотографиями и описанием всего процесса исполненной работы, свойств материала данного произведения и указаниями для будущих реставраторов¹.

В сформулированных тогда методических принципах совершенно очевидно прослеживаются истоки современной реставрационной практики. Правила документирования таких работ, выработанные Всероссийским съездом художников 1911–1912 гг., стали прообразом современного реставрационного паспорта, без которого немислима сегодняшняя музейная реставрация. Такая постановка дела позволяла избегать фатальных ошибок, которыми была так богата реставрационная практика конца XIX – начала XX в.

Одним из главных принципов современной музейной реставрации является принцип аутентичности изображения и материалов реставрируемого произведения, а также сохранение всех присущих ему тончайших авторских особенностей. Реставраторы второй половины XX в. в своей практике всегда старались придерживаться этого принципа, делая исключения только в особых случаях, когда состояние сохранности произведения не предоставляло другой возможности. Цель музейной реставрации состоит и поныне не в том, «...чтобы “вернуть” произведениям искусства их первоначальный вид, а в том, чтобы они действительно были произведениями данного художника»².

Такая методическая и методологическая реставрационная позиция позволяет сохранить и донести до будущих поколений не только оригинальность замысла художника, но и оригинальность использованных материалов. При этом появляется возможность

¹ Боравский А. Я. Указ. соч. С. 175.

² Там же. С. 178.

проводить полноценные и достоверные искусствоведческие исследования и после реставрационных работ.

Примером применения озвученного выше принципа аутентичности может служить реставрация картины Дирка ван Бергена «Стадо»¹ из собрания Музея-усадьбы «Архангельское»², проведенная в 2007–2009 гг. Поскольку подписи на картине нет, ее авторство прослеживалось по документам. Дирк ван Берген (1645–1690) – художник-пейзажист золотого века голландской живописи, жил и работал во второй половине XVII в. Картины этого художника имеются в коллекциях не только европейских, но и российских музеев – Государственном Эрмитаже, Государственном музее-заповеднике «Петергоф» и Государственном музее-заповеднике «Павловск»³.

Однако качество живописи этой картины Бергена вызывало двойственное ощущение. Изображение животных и поэма в нижней части пейзажа вполне могло быть выполнено в конце XVII – начале XVIII в. Проведенные исследования грунта на этих участках показали, что его состав соответствует материалам, характерным для грунтов, используемых в станковой масляной живописи в то время.

Изображения группы деревьев, а также отдельно стоящего дерева справа и неба не соответствовало качеству остальной живописи. Проведенные исследования пигментов в изображении неба показали, что оно выполнено в XIX в. Следовательно, изображения неба и деревьев претерпело существенные реставрационные правки.

Рентгеновское исследование этих участков живописи, к сожалению, ничего не показало. Исследование в ультрафиолетовом диапазоне видимого света не выявило реального состояния сохранности живописи. Оставалось выяснить истину методом пробных расчисток на сомнительных участках изображения.

¹ Холст, масло, 26,5×33, ГМУА КП 17, инв. № 17.

² Реставрация 2007–2009 гг.

³ Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации.

Существовала опасность, что под записями нет авторского красочного слоя. Тогда следовало максимально сохранить запись как представляющую определенную историческую ценность и, несомненно, являющуюся важным элементом исторического бытования картины.

В процессе осторожных пробных расчисток – миллиметр за миллиметром – из-под записи появлялись точечные фрагменты бесспорно оригинального изображения, поскольку в микроутратах красочного слоя было видно, что изображение неба лежит непосредственно на авторском грунте.

Аналогичный результат был получен при расчистке изображения деревьев. Часть крон оказалась перекрыта изображением неба, и наоборот, под развесистой кроной кряжистого дерева справа осталось тонкое сложное изображение опиленной кроны дерева с нежными, покрытыми листьями веточками, отходящими от мощного ствола. Именно такие деревья можно видеть на картинах голландских художников XVII–XVIII вв. Однако более важным и весомым обстоятельством было то, что, как и на раскрытом изображении неба, выявленный красочный слой лежал непосредственно на авторском грунте, а следовательно, был аутентичен изображению.

К сожалению, на участке неба справа аутентичное изображение выявить не удалось. После удаления первого слоя записей было обнаружено, что раскрытый красочный слой, хотя и лежит непосредственно на грунте, по своим материалам относится к XIX в., а авторский красочный слой под ним не сохранился.

В соответствии с методическими принципами современной реставрации выявленную запись как представляющую историческую ценность было решено сохранить максимально, локализовав ее в границах утрат. Поскольку сохраненная запись по колориту и тону выпадала из расчищенного изображения неба, ее деликатно подкорректировали в технике реставрационной пуантели, органично включив в выявленное авторское изображение.

После того как в результате реставрационной работы было выявлено авторское изображение, провели дополнительное исследование его пигментов. Исследование подтвердило, что они соответствуют пиг-

ментам, распространенным в конце XVII – начале XVIII в. и использованным в станковой масляной живописи того времени.

В процессе реставрационных работ было выяснено еще одно, весьма важное и интересное обстоятельство. Картина в период бытования меняла свой формат. Оригинальное изображение было несколько меньше. По всей видимости, формат полотна увеличили в XIX в. Кромки полотна слева и справа были отогнуты, изображение на них дописано. Верхняя и нижняя кромки – отрезаны. Картина была сдублирована на новый холст, на котором сохранилась владельческая сургучная печать. Под новый формат был изготовлен подрамник, который донес до нашего времени различные наклейки, свидетельствующие о моментах бытования этого произведения.

На момент реставрации в 2008 г. состояние дублета было стабильным. Имелся незначительный участок ослабления связи между холстами около правого края. Местное раздублирование холстов было устранено на начальном этапе реставрации без снятия картины с подрамника.

В результате проделанной реставрационной работы была проведена дифференцированная расчистка оригинального изображения от некорректных записей. Удалены поздние изображения веток дерева, убраны сплошные прописи на небе и кронах деревьев. Благодаря этому открылось авторское изображение неба, облаков, отдельно стоящего дерева справа и крон деревьев на заднем плане.

При реставрации были реализованы принципы минимального и научно обоснованного вторжения в авторский красочный слой. Принцип бережного отношения к памятнику применялся даже на участке с записью, которая лишь деликатно корректировалась, так как под ней не было авторской живописи.

Осторожное отношение к реставрируемому объекту, минимизация необходимых реставрационных мероприятий и тонировок позволяют сохранить аутентичность произведения во всех ее проявлениях, что должно быть неукоснительной нормой и принципом современной реставрации, глубоко уходящей своими корнями в начало XX в.

Литература

- Савинская Л. Ю.* Коллекция живописи князей Юсуповых. М., 2017.
Никитина М. А., Краснобаева М. Д. Нидерландская живопись в Архангельском. М., 2021.

Архивные материалы

- Архив ГМУА. 25-фа. Инвентарная книга № 25. Ч. 2. Инвентарная
опись наличия фондов музея «Архангельское» по данным учета
на 1 августа 1954 г. Л. 58.
- Архив ГМУА. 27-фа. Инвентарная книга учета коллекции живописи
Музея-усадьбы «Архангельское» 1955–1999 гг. Л. 5.
- Архив ГМУА. 65-фа. Документы и материалы по вопросам реставрации
и хранения живописи. 1928–1941. Часть 1. Л. 2 об.
- Архив ГМУА. 123-фа. Опись картин Музея-усадьбы «Архангельское».
Л. 11.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЯМ

ЮСУПОВСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ В МОСКВЕ М. И. ПЕРОВ

Постников Андрей Владимирович,
Государственный музей-усадьба «Архангельское», Москва

Аннотация. Статья посвящена малоизвестной исторической персоналии – Матвею Ионовичу Перову, управляющему московскими домами князей Юсуповых с 1900-х до 1918 г. Этот человек сумел доказать свою необходимость не только Юсуповым, но и советской власти, работая в 1919–1923 гг. комендантом Военно-исторического музея, размещавшегося в Московском юсуповском дворце. Перов и при большевиках продолжал отстаивать интересы своих бывших хозяев, оберегая от расхищения их имущество. После двухлетней высылки на родину в 1923 г. он поселился в селе Ильинском Московской области, где стал жертвой раскулачивания в 1930 г.

Ключевые слова. М. И. Перов. Московский дворец Юсуповых. Юсуповы. Военно-исторический музей. Раскулачивание.

M.I.PEROV, YUSUPOV MANAGER IN MOSCOW

Andrew V. Postnikov,
Arkhangelskoye estate and museum, Moscow

Annotation. This article is dedicated to a not so widely known historical personage – Matvey Ionovich Perov, an estate ruler of Yusupov princes Moscow houses from 1900-s to 1918. This man was able to prove his necessity not only for Yusupov, but also for the Soviet power, working in 1919–1923 as a commandant (governor) of the Military History Museum, what was located in Moscow Yusupov Palace. Perov, even under the Bolsheviks, continued to defend the interests of his former owners, protecting their property against plundering. After 2 years of exile to his homeland in 1923, he settled in the village of Ilyinskoye, in Moscow region, where he became a victim of “dekulakization” (dispossession of “kulaks”) in 1930.

Key words. M. I. Perov, the Moscow Palace of the Yusupov, the Yusupov, the Military History Museum, dekulakization.

Матвей Ионович Перов – крайне важная, на наш взгляд, персоналия в истории юсуповских владений. Свыше десятка лет он был управляющим домами Юсуповых в Москве, продолжая и после революции контролировать их главный московский двор в качестве коменданта Военно-исторического музея.

В открытых источниках данный человек упоминается редко. В 2018 г. была опубликована хранящаяся в ГА РФ справка о бывшем юсуповском дворце в Москве, составленная 13.08.1937 сотрудником НКВД Калашниковым (далее – справка Калашникова). Среди прочего мы читаем в ней следующее: «До 1917 и поздней, примерно до 1924 г., этим домом управлял некий слуга Юсуповых – Перов Матвей Ионович, человек туговатый на рассудок и недалекий, был предан князю Юсупову, охранял дом. Надеюсь дождаться своего хозяина, скрывал ценную мебель, за что, по сведениям, арестовывался ВЧК. После ареста Перов М.И. со своей женой выехал под Москву в село Архангельское на родину своей жены»¹.

В ряде электронных баз данных по репрессированным со ссылкой на БД «Жертвы политического террора в СССР. Книга памяти Московской обл.» содержится информация о Матвее Ионовиче Перове, родившемся в 1862 г. в селе Ломовицы Тамбовской области, крестьянине, проживающем в селе Ильинском Московской области (архивное дело П-47535)². Можно допустить, что речь идет о том же Перове, которого упоминает в своей справке Калашников, однако данное предположение требует проверки.

Человек по фамилии Перов фигурирует также в опубликованном письме князя Ф.Ф. Юсупова-младшего матери от 25.10.1917, хотя смысл соответствующего места в письме не ясен: «Перевозка уже вся налажена, остается только устроить все в Москве. Англичане мне выдали официальную бумагу, которую я и несю Перову»³.

¹ Крапивин М. Ю., Шапошник В. В. «Вам дается возможность открыть библиотеку Ивана Грозного» // Петербургские славянские и балканские исследования. 2018. № 1 (23). С. 122.

² См., например: Перов Матвей Ионович (1862) // Открытый список. [https://ru.openlist.wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2_%D0%9C%D0%B0%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%B9_%D0%98%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1862\)_\(дата_обращения:_17.04.2021\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2_%D0%9C%D0%B0%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%B9_%D0%98%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1862)_(дата_обращения:_17.04.2021)).

³ Архив Феликса и Ирины Юсуповых. Переписка / авт.-сост. Н. Ганина. М., 2018. С. 74.

Ясной картины приведенные упоминания не дают – скорее порождают вопросы. Для прояснения ситуации потребовалось изучение архивных документов.

На основании документации Главного управления именными Юсуповых, Наркомата просвещения и Военно-исторического музея, а также следственного дела № П-47535 из фонда УКГБ по Московской области мы можем подробно проследить жизнь Матвея Ионовича вплоть до его репрессирования.

Родился М. И. Перов, согласно его следственному делу, 14.11.1862 в селе Ломовис Тамбовской губернии, Моршанского уезда, Архангельско-Большеломовисской волости¹ (ныне – село Большой Ломовис Пичаевского района Тамбовской области). О своем социальном происхождении подследственный говорил, что он «крестьянин» или «из крестьян»².

Фамилия Перов в указанном селе на рубеже XIX и XX вв. была довольно распространена. Ее носил, к примеру, Георгий Васильевич Перов (1905–1979) – первый заместитель председателя Госплана СССР в 1958–1962 гг., тоже уроженец села Большой Ломовис, а также несколько его односельчан. Возможно, все эти ломовисские Перовы – потомки одного общего предка и дальние родственники друг другу.

Согласно протоколу допроса, с 1883 по 1889 г. М. И. Перов проходил воинскую службу (в Лейб-гвардии Конном полку), дослужился до чина старшего унтер-офицера, а в 1893 г. поступил на службу к Юсуповым³. Следователь написал об этом со слов подследственного так: «Служа в Конной гвардии... я получил рекомендательное письмо от своего к-ра эскадрона ротмистра графа Стенбок-Фермер⁴ к князю Юсупову с просьбой принять меня на службу. Князь Юсупов переговорив со мной и принял на службу»⁵.

¹ Там же. Л. 12, 43.

² Там же.

³ Там же. Л. 43 об., 44.

⁴ Видимо, имеется в виду граф А. М. Стенбок-Фермор, служивший в Лейб-гвардии Конном полку с 1872 г.; к сер. 1880-х гг. – штаб-ротмистр (Полный список шефов, полковых командиров и офицеров Лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1886 год. СПб., 1886. С. 463–467).

⁵ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47535. Л. 44.

Скорее всего, здесь имеется в виду не Николай Борисович Юсупов-младший (ум. в 1891 г.), а его зять, граф Феликс Феликсович Сумароков-Эльстон, будущий князь Юсупов (Ф. Ф. Юсупов-старший). Последний в 1880-е гг. служил в Кавалергардском полку (поручиком с 1882 г. и штаб-ротмистром с 1888 г.), составляющим с Лейб-гвардии конным полком одну бригаду. Возможно, Феликс-старший подыскивал в конце 1880-х гг. служащих для своей семьи, видимо, полагая, что лучше всего искать их среди гвардейских нижних чинов. В таком случае Феликс Феликсович, скорее всего, сам просил знакомых офицеров указать ему наиболее подходящие кандидатуры.

Год поступления М. И. Перова на службу к Юсуповым подтверждает и другой документ. В написанном им самим 15.09.1922 «Списке лиц, проживающих во владении Военно-Исторического музея» (с указанием времени начала проживания) против своего имени и имени своей жены, Надежды Козьминичны Перовой, Матвей Ионович написал «I. 1893»¹.

Таким образом, служба М. И. Перова Юсуповым сразу же началась на их главном московском дворе в Большом Харитоньевском переулке. В какой должности – неизвестно, но во 2-й половине 1900-х гг. мы застаем Матвея Ионовича уже «управляющим московскими домами» Юсуповых.

В выявленных на сегодняшний момент документах, упоминающих М. И. Перова², «управляющим» Матвей Ионович впервые назван в январе 1906 г.³, «управляющим домами» – 05.02.1908⁴, а «управляющим московскими домами» – 07.08.1913⁵. Речь здесь, скорее всего, идет не о последовательном повышении в должностях, а об одной должности – «управляющего московскими домами»,

¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 109. Л. 33.

² Документы фонда Юсуповых (Ф. 1290) в РГАДА рубежа XIX и XX вв., относящиеся к московским юсуповским домам, выявлены Л. В. Кручининой и повторно исследованы нами для изучения сведений о М. И. Перове.

³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 585. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 662. Л. 15.

⁵ Там же. Д. 924. Л. 7.

поскольку из документов видно, что проживал М. И. Перов в 1906 г. и позднее во флигеле юсуповского дворца в Б. Харитоньевском переулке, а жалованье получал по двум дворам одновременно – по двору на Харитоньевском переулке и по двору на Тверском бульваре.

Жалованье Перова по главному двору значительно превышало жалованье по двору на Тверском бульваре¹, причем 04.10.1907 было даже увеличено «по разрешению князя»². Двойное жалованье можно объяснить именно тем, что управлял Перов не одним двором, а всеми юсуповскими дворами в городе (в том числе находящимся «на отшибе» бывшим домом З. И. Нарышкиной). При этом сам Матвей Ионович подписывался в документах как «управляющий М. Перов», а в официальных отношениях к нему из «Главного управления имениями...» его должность называлась полностью: «управляющий московскими домами». Обязанности Матвея Ионовича, судя по документам, были типичными для управляющего – заведывание всеми хозяйственными делами московских юсуповских дворов и общее управление ими в отсутствие хозяев.

Причины назначения Перова управляющим понятны. Судя по документам, бывший конногвардеец был не только практичным, хозяйственным, деловитым, но и грамотным. Многочисленные его автографы показывают, что у управляющего была простая, но логичная, грамотная речь; при письме он делал минимум ошибок и писал разборчивым почерком. В «Анкете для арестованных...» от 04.02.1930 он, правда, назвал себя «малограмотным»³, но в данном случае Матвей Ионович, похоже, прибеднялся для облегчения своей участи. С обязанностями управляющего Перов справлялся тоже хорошо, но самое главное – был предан своим хозяевам, что, видимо, и определило его фавор у Юсуповых.

Преданность эта легко объяснима. Благодаря Юсуповым Матвей Ионович «выбился в люди». Он стал хоть и слугой, но слугой высокопоставленным, и к нему, бывшему крестьянскому парню, в 1900–1910-е гг. в официальных бумагах обращались не иначе как «г-н Перов».

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 585. Л. 2–20; Д. 662. Л. 5; Д. 732. Л. 5; Д. 733. Л. 23; Д. 3093. Л. 75.

² Там же. Д. 662. Л. 5.

³ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47535. Л. 12.

Благоволя своему управляющему, Юсуповы оказывали протекцию и его сыну. Известно, что в 1908 г. «по распоряжению Его Сительства... за обучение сына М.И. Перова Ионы Перова» было уплачено в реальное училище Воскресенского 250 руб., а в 1909 г. – 260 руб.¹ В 1930 г. на допросе М.И. Перов рассказывал о своем сыне следующее: «У меня имеется сын Перов Ион Матвеевич быв. офицер окончивший Александровское военное училище и служивший в г. Одесса. В 1918 году в феврале м-це сын вернулся обратно и в Июне м-це того-же 1918 года уехал на Юг и больше не возвращался домой. Где он теперь мне неизвестно². Согласно «Заключительному постановлению» по делу Перова, «позднее он, Перов, случайно узнал из какого-то Сов. журнала, что сын его находится в Италии и работает декоратором»³.

Данная информация об Ионе Матвеевиче Перове подтверждается и по открытым источникам. Согласно электронной базе данных «Офицеры РИА», Перов Иона действительно окончил Александровское военное училище (01.02.1917) и был произведен из юнкеров в прапорщики с зачислением по армейской пехоте⁴. А в базе данных С.В. Волкова «Участники Белого движения в России» мы можем прочесть следующее: «Перов Иона Матвеевич, р. 1894. Александровское военное училище 1917. Прапорщик. В Вооруженных силах Юга России. Летом 1920 на Мальте, собирался ехать в Русскую Армию в Крым. В эмиграции во Франции. Художник. Ум. 5 окт. 1938 в Париже. /4–20,101; 75; 107/»⁵.

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 662. Л. 5; Д. 732. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47535. Л. 44.

³ Там же. Л. 70 об.

⁴ Второе дополнение к Высочайшему приказу, отданному Февраля 1-го дня 1917 года // Офицеры РИА. Александровское военное училище, выпуски 1914–1917 гг. https://www.ria1914.info/index.php/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D1%83%D1%87%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%89%D0%B5_%D0%B2%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA%D0%B8_1914–1917%D0%B3%D0%B3 (дата обращения: 26.04.2021).

⁵ Волков С. В. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016. Буква П. // <http://doc.knigi-x.ru/22istoriya/252620-10-istorik-volkov-baza-dannih-uchastniki-belogo-dvizheniya-rossii-yanvar-2016-bukva-ivan-es.php>

Из приведенных данных видно, что сын М. И. Перова обладал определенными художественными способностями. Выбор же им военной карьеры наверняка определялся волей отца, видимо, считавшего, что через военную службу сын вернее выбьется в люди, чем через сомнительную художественную деятельность. А если принять во внимание, что доступ в Александровское военное училище для представителей недворянских сословий с 1894 до 1916 г. был существенно ограничен, – можно не сомневаться, что зачислен туда И. М. Перов был по протекции князя Ф. Ф. Юсупова-старшего.

Жил М. И. Перов на Юсуповском дворе в четырехкомнатной квартире № 4¹, находившейся в южной части одноэтажного восточного флигеля. В этой же квартире Матвей Ионович продолжал жить и в первые советские годы². Сперва они с женой занимали всю квартиру³, но в 1920 г. чете пришлось ограничиться двумя комнатами, пустив в две оставшиеся жильцов⁴. В одной из двух перовских комнат размещалась канцелярия домоуправления⁵, причем, как особо отмечается в двух документах советского периода, «из окон названной комнаты виден весь двор от самых ворот и все здания владения, что является необходимым для коменданта»⁶.

В период размещения в московском дворце Юсуповых Английского консульства (с декабря 1917 по сентябрь 1918 г.) Перов оставался управляющим юсуповских дворов в Харитоньевском переулке, обеспечивая их хозяйственную деятельность⁷. В целом, однако, «английский» период в деятельности управляющего освещен документами плохо. Во время чекистского обыска в консульстве в августе 1918 г. Перов впервые был арестован, однако вскоре выпущен⁸.

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 662. Л. 3; Д. 732. Л. 3.

² ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 43; Д. 109. Л. 33, 51–52, 64.

³ Там же. Д. 94. Л. 43.

⁴ Там же. Д. 109. Л. 33, 51–52, 64.

⁵ Там же. Л. 59.

⁶ Там же. Д. 109. Л. 60; Оп. 22. Д. 901. Л. 4–4 об.

⁷ Архив Феликса и Ирины Юсуповых... С. 74; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1172. Л. 202–203 об.; Д. 1224. Л. 80 об.; ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 53.

⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47535. Л. 44, 71, 88.

В июне 1919 г. московский юсуповский дворец перешел к Музейному отделу Наркомпроса, который устроил в нем Хранилище Военно-исторического музея, в 1922 г. преобразованное в Военно-исторический музей (ВИМ). Начались долгие споры о кандидатурах на должность коменданта хранилища¹, но, в конечном счете, комендантом был назначен бывший управляющий дворцом при Юсуповых.

Заявление в Музейный отдел с просьбой о назначении на должность коменданта Перов написал в конце июня², а зачислен был 01.07.1919 (на основании постановления Музейного отдела от 26.06)³. В его обязанности входило хозяйственное управление музейным двором, в то время как руководство самим Военно-историческим музеем осуществляли его заведующие.

То, что Наркомпрос решил назначить комендантом хранилища бывшего юсуповского управляющего, – не удивительно. Несмотря на прежнюю службу у аристократов, сам он был подходящего классового происхождения («из крестьян»), хорошо знал и умело вел хозяйство двора, сохраняя в нем видимый порядок. При таком коменданте можно было не беспокоиться о материально-бытовой стороне дела, закрыв глаза на методы его управления.

О том, каковы были эти методы, хорошо говорит жалоба на Перова жильцов владения на углу Б. Харитоньевского и Б. Козловского переулков (до революции это владение также принадлежало Юсуповым, а в его главном доме, называемом в наше время «палатами Ратманова» или «домом Сухово-Кобылина», размещался Елизаветинский приют) от 05.06.1919. В ней Матвей Ионович назван человеком «явно с реакционными наклонностями». На самом деле претензии к Перову заключались в том, что он в целях экономии плохо топил печи, не чистил их (как и туалеты) и не освещал помещения, а на жалобы жильцов отвечал, что если кому что не нравится – пусть уезжает⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 53.

² Там же. Оп. 22. Д. 901. Л. 1.

³ Там же. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 67; Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47535. Л. 116.

⁴ Там же. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 8, 8 об., 10.

Из заявления видно, что так Перов вел себя и при Юсуповых. И, судя по контексту документа, он получил в свое время от последних полный карт-бланш на ведение всех хозяйственных дел в их московских дворах – сам поселял в свободных комнатах жильцов, выбивал у хозяев материальные ресурсы, а затем, экономя, сбывал значительную их часть на сторону.

Именно так вел себя Перов и в бытность комендантом ВИМ – плохо топил печи, скандалил с жильцами, однако ресурсы от Музейного отдела Наркомпроса (деньги, дрова, стройматериалы и прочее) требовал часто и регулярно. При этом по отношению к вышестоящему начальству проявлял подчеркнутую лояльность, а в чисто музейные дела не вмешивался. Стоит ли говорить, что такой комендант был для Музейного отдела очень удобной фигурой, поэтому отдел всегда поддерживал Перова в его конфликтах с подчиненными и жильцами.

Очень показательна в этом плане история со старшим дворником Михаилом Яковлевичем Лосевым, подписавшим жалобу жильцов на Перова от 05.06.1919. Вскоре после этого Лосев, как и Перов, попросился на работу в ВИМ (сохранилось заявление Лосева в Музейный отдел от 12 июня с просьбой зачислить его на должность старшего дворника)¹. Однако в списке жильцов юсуповского двора от 19.09.1919, против имени Акулины Лосевой мы читаем: «жена бывшего дворн. не принят на службу отдел. было разрешено временно занимать помещ. муж красноарм.»². Есть все основания предполагать, что М. А. Лосев не был принят на работу в музей из-за противодействия этому Перова, после чего вынужден был отправиться на фронт.

В то же самое время Екатерина Ефремовна Балакирева, жившая с 1920 г. в одной из комнат перовской квартиры³, была принята в апреле 1920 г. на работу в ВИМ уборщицей⁴ и работала в данном

¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 9.

² Там же. Л. 43.

³ Там же. Д. 109. Л. 33, 51–52, 64.

⁴ Там же. Д. 94. Л. 63.

музее вплоть до его ликвидации в 1927 г.¹ Она, видимо, сохраняла полную лояльность Перову. Как видим, Михаил Ионович держал под жестким контролем вверенный ему штат технических работников музея (дворников, истопников, уборщиц и прочих), отсеивая строптивых и поощряя покорных.

Наиболее же ярко поддержка Перова Наркомпросом проявилась в конфликте Матвея Ионовича с радиоинженером Борисом Абрамовичем Эльценом, произошедшем во 2-й половине 1922 г. Последний с 1920 г. жил в одной квартире с комендантом и вначале занимал одну комнату². В январе 1922 г. Эльцен женился, на основании чего получил от Музейного отдела вторую комнату в квартире³. Перовым снова пришлось уплотниться, и вскоре начались их скандалы с Эльцеными на бытовой почве⁴. Ситуацию усугубило и то, что Б. А. Эльцен самовольно поселил у себя брата своей жены Максима Стегера⁵. В начале ноября 1922 г. Музейный отдел Наркомпроса подал иск в Народный суд о принудительном переселении Эльценов и Стегера из квартиры Перова⁶. Чем окончилось скандальное дело – неизвестно. Последний относящийся к нему документ сообщает, что заседание суда 06.12.1922 по делу о выселении отложило рассмотрение данного вопроса на неопределенный срок⁷.

Судя по тому, что в листе росписей лиц, присутствовавших 29.09.1923 при открытии ВИМ для публики, мы видим подпись Стегера⁸, последнему, а значит, и супругам Эльцен, удалось остаться на юсуповском дворе. Опытный интриган Б. А. Эльцен, похоже, переиграл простоватого М. И. Перова. Для нас в этом деле важно, впрочем, другое. На его примере мы видим, что в конфликтах руковод-

¹ Сохранилась справка ВИМ от апреля 1927 г. о том, что Балакирева Е. Е. работает в данном музее (ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 40. Л. 9).

² ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 109. Л. 33, 51–52, 64

³ Там же. Л. 34, 39, 40, 42, 47.

⁴ Там же. Л. 42, 47.

⁵ Там же. Л. 38, 44, 44 об., 45.

⁶ Там же. Л. 45, 46, 48, 49, 55, 56, 58–58 об., 61, 62.

⁷ Там же. Л. 69.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 47. Л. 1.

ство Музейного отдела предпочитало вставать на сторону своего коменданта, правота которого не всегда была очевидной.

Имело место и сокрытие Перовым юсуповского имущества, о чем утверждается в справке Калашникова. Это видно из документов, отражающих тяжбу Хранилища ВИМ с Детским приютом им. К. Лукашевич (бывший Елизаветинский приют) из-за деревянного сарая на границе их владений (декабрь 1919 г.). Приют хотел разобрать сарай на дрова, на что претендовало и Хранилище ВИМ¹. 04.12.1919 во владение Хранилища явился по заявлению приюта представитель Рабочей инспекции, потребовав немедленного вскрытия сарая². Обязанный присутствовать при вскрытии комендант заявил, что он болен, представив соответствующее заявление, подписанное 03.12³. Присутствовать при вскрытии пришлось заведующему Хранилищем П. А. Незнамову, а в сарае среди прочего оказалось и имущество Юсуповых (кинематографический аппарат, художественная мебель, ящики с печными изразцами и прочее)⁴.

Перов, конечно же, знал об этом имуществе, видимо, до последнего старался его уберечь, затягивая дело, а когда дошло до вскрытия – сказался больным, чтобы не нести моральную ответственность за потворство расхищению хозяйского добра. Как видим, юсуповское имущество Перов оберегал, но лишь по мере возможностей, отходя в критические моменты в сторону.

Возникает и такой вопрос: имел ли Матвей Ионович отношение к кладу, обнаруженному в московском юсуповском дворце в 1925 г.⁵ Ф. Ф. Юсупов-младший в своих мемуарах пишет, что именно он устроил этот клад в октябре 1917 г. вместе с главой штата юсуповских слуг Григорием Бужинским⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94. Л. 51, 54, 54 об., 92, 93.

² Там же. Л. 51, 52.

³ Там же. Л. 50, 51.

⁴ Там же. Л. 51, 52, 53, 53 об.

⁵ 25 % из Юсуповских ценностей мне крайне нужны // Источник. Документы русской истории. 2000. № 5. С. 89–95.

⁶ Князь Феликс Юсупов. Мемуары : в 2 кн. / пер. с фр. Е. Кассировой. М., 2001. С. 235.

При этом непонятно, почему тайник так долго не могли обнаружить, если он находился почти на самом видном месте – под парадной лестницей дворца? Не потому ли, что тайник кто-то охранял – тот, у кого были для этого и стимулы, и ресурсы? Таким человеком в первые годы советской власти был на юсуповском дворе только М. И. Перов.

Второй вопрос: можно ли было осенью 1917 г. сделать во дворце тайник, не поставив об этом в известность Перова? Очевидно, нет, учитывая, что последний осуществлял с 1900-х гг. до 1923 г. полный контроль за хозяйственной жизнью юсуповского двора и всеми его техническими работниками. Если бы даже удалось устроить клад втайне от Матвея Ионовича – тот быстро обнаружил бы его, и тогда реакция управляющего на находку была бы непредсказуемой. Вспомним также особо отмеченную в справке Калашникова преданность Перова Юсуповым, – и предположение о важной роли управляющего в устройстве и сохранении юсуповского тайника станет более чем вероятным.

Юсуповский служащий по фамилии Бужинский, как показывают документы, действительно существовал¹, однако жил он в Петрограде. Если этот человек вместе с Ф. Ф. Юсуповым-младшим и перевозил драгоценности в Москву, то этим его роль в устройстве клада, скорее всего, и ограничилась. Приехав вместе с хозяином в Москву и сделав тайник (несомненно, с помощью Перова), Г. А. Бужинский сразу же и уехал, оставив Матвею Ионовичу самую важную и сложную миссию – охранять клад от возможного обнаружения. Что Перов с успехом и делал, пока был комендантом бывшего юсуповского двора.

Подозрения в отношении коменданта, разумеется, возникли. 16.11.1922 во владение ВИМ явились сотрудники ОГПУ, произвели обыск у Перова и вторично его арестовали (не найдя, впрочем, ничего предосудительного и не предъявив коменданту никаких обвинений)². 06.12.1922 Матвей Ионович

¹ См., например: РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 924. Л. 1, 2; Архив Феликса и Ирины Юсуповых... С. 78.

² ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 109. Л. 61а, 65, 65 об.

был выпущен из-под ареста и вновь приступил к исполнению обязанностей коменданта¹. Любопытно, что данные события произошли в разгар дела о выселении Эльценов. Можно поэтому предположить, что причиной обыска и ареста стал донос кого-то из членов этой семьи.

В 1923 г. Перов третий раз был арестован (согласно данным следственного дела 1930 г.) и на два года выслан из Москвы на родину². Об этом же говорит и опубликованная записка Ф. Э. Дзержинского в Политбюро ЦК РКП(б) от мая 1925 г., в которой сообщается, что в 1923 г. ОГПУ обнаружило в бывшем особняке Юсуповых («агентурным путем») два сейфа английского посольства и что в деле оказался замешан «комендант дома старый служащий Юсуповых и сейчас находится в ссылке за сокрытие»³.

Точных дат третьего ареста Перова и его высылки из Москвы источники не называют. Последний раз он упоминается в должности коменданта ВИМ 18 февраля 1923 г.⁴ А в документе, датированном началом августа 1923 г., Музейный отдел запрашивает заведующего ВИМ Б. И. Пересвета, нет ли у того возражений против временного назначения на должность коменданта музея Н. К. Перовой – жены Матвея Ионовича⁵.

К этому времени сам М. И. Перов уже находился, видимо, под арестом, однако решение о его высылке из Москвы не было еще принято. Руководство Музейного отдела, похоже, надеялось на скорое освобождение ценного им коменданта, считая при этом, что в отсутствие Перова лучше всего справиться с хозяйством двора может только его жена.

Была ли назначена Н. К. Перова врио коменданта ВИМ – неизвестно. В упоминаемом листе росписей лиц, присутствовавших при открытии ВИМ 29.09.1923, стоит роспись Перовой, но нет

¹ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 109. Л. 68.

² Там же. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47535. Л. 44, 70 об., 88.

³ 25 % из Юсуповских ценностей мне крайне нужны. С. 90.

⁴ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 109. Л. 90.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 29. Л. 65.

автографа ее мужа¹. Это говорит, правда, лишь о том, что к концу сентября Надежда Козьминична еще жила на юсуповском дворе (не обязательно занимая должность его коменданта), а ее супруг находился в другом месте (скорее всего – в тюрьме).

К концу 1923 г. должность коменданта ВИМ была уже вакантной, о чем прямо писал в своем отношении в Музейный отдел от 17 октября заведующий музеем Б. И. Пересвет («комендант отсутствует»)². К этому времени ОГПУ, видимо, уже приговорило М. И. Перова к двухгодичной высылке из Москвы на Тамбовщину, и его служба на бывшем юсуповском дворе в связи с этим закончилась. Данное событие предредило и судьбу тайника, устроенного Юсуповыми во дворце в 1917 г. Оберегать его стало некому, и менее двух лет спустя клад был найден.

О жизни Перова после высылки из Москвы мы знаем только из его следственного дела. Как говорил сам Матвей Ионович на допросе, «...после высылки я проживал в с. Ильинское Воскр. р-на»³. В сохранившейся в деле трудовой книжке М. И. Перова на последней ее странице стоит отметка: «Явлен в Ильинский сель. Совет 30 Июня 1926 года»⁴. Бывший комендант жил в с. Ильинском (ныне в составе городского округа Красногорск Московской обл.), в доме № 90⁵, в статусе «инвалида»⁶, получавшего за свою прежнюю службу небольшую пенсию⁷. Об инвалидности Матвея Ионовича («старости, слабости зрения, болезни нервов») писала и его жена в заявлении прокурору от 11.08.1930⁸. Ухудшение зрения бывшего коменданта находит документальные подтверждения: в его следственном деле сохранился рецепт врача-окулиста, выписавшего в сентябре 1929 г. «Гражд. Перову» очки-пенсне⁹.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 47. Л. 1.

² ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 196. Л. 16.

³ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47535. Л. 44.

⁴ Там же. Л. 116.

⁵ Там же. Л. 10, 11, 88.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 88 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 116.

В 1927 г. М. И. Перов четвертый раз был арестован органами ОГПУ, однако 28.09.1927 дело в отношении него было прекращено и подписка о невыезде аннулирована¹. В следующем, 1928 г. он был лишен избирательных прав².

04.02.1930 последовал обыск и пятый арест Матвея Ионовича чекистами в его доме в Ильинском³, произведенный на основании постановления ОГПУ от 31.01.1930⁴ и ордера на обыск и арест № 04555 от 04.02.1930⁵. Почти одновременно в соседней деревне Михалково были арестованы Михаил Петрович Вальков (бывший владелец имения и фабрики), его жена Евгения Евстафьевна Валькова-Клепач и Федор Степанович Горячев (бывший лакей-официант, а позже – камердинер Ф. Ф. Юсупова-младшего). Всех четверых обвиняли в создании «к[онтр]р[еволюционной] группировки» и в «антисоветской агитации» – деяниях, предусмотренных статьей 58, п. 10 Уголовного кодекса⁶. Как отмечалось в «Заключительном постановлении по делу № 1482», «вышеуказанные лица, собираясь, вели явные антисоветские разговоры, всячески критикуя те или иные мероприятия Сов. власти, на крестьян и в частности на женщин оказывали разлагающее влияние, стараясь восстановить последних против власти на религиозной почве»⁷. Сходно высказывались и свидетели по делу – в основном молодые крестьяне. О Перове, например, крестьянин С. М. Кондратьев говорил следующее: «Ведет разлагательскую⁸ работу среди населения против колхозного движения и вообще существующего порядка. Не дождется, когда советская власть падет»⁹.

Связь сфабрикованного дела с начавшимися в 1929–1930 гг. «сплошной коллективизацией» и «раскулачиванием» очевидна.

¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47535. Л. 116, 44, 71, 88.

² Там же. Л. 44, 45, 70 об.

³ Там же. Л. 10, 11.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 70.

⁸ Так в тексте документа.

⁹ Там же. Л. 44.

Как особо отмечалось в «Заключительном постановлении...», «преследование Вальковых и других указанных лиц в с. Михайловке сильно отражалось на крестьянах и на колхозном строительстве, которое продвигалось очень плохо. После же ареста картина резко изменилась в положительную сторону»¹.

И Перов, и его поделщики не могли быть, разумеется, главным препятствием для коллективизации в своих деревнях. Однако, будучи здравомыслящим человеком с большим жизненным опытом (пускай и «туговатым на рассудок», как характеризует его справка Калашникова), Матвей Ионович не мог не видеть пагубности политики, проводимой властями в деревне, и, видимо, говорил об этом односельчанам. Мнение бывшего крестьянина, сумевшего до революции выбиться «в люди», похоже, было авторитетным для жителей Ильинского (прежде всего – для пожилых), лишний раз укрепляя их в мысли не поддаваться призывам идти в колхозы. Местные власти, видя это, смотрели на бывшего управляющего с подозрением, однако до поры до времени не трогали его.

Ситуация изменилась после выхода постановления ЦК ВКП(б) от 30.01.1930 «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». ОГПУ Московского округа отреагировало на этот документ мгновенно: на следующий же день было принято решение об аресте на местах всех «бывших». В Ильинском и Михайловке из таковых остались к тому времени лишь бывший владелец имения с женой и двое юсуповских служащих (управляющий и камердинер). Все четверо оказались, таким образом, первыми жертвами известного постановления в своих деревнях. Напуганные репрессиями, крестьяне Ильинского и Михайловки «пошли», наконец, в колхозы. В этом и заключалось изменение картины колхозного строительства «в положительную сторону».

На допросе М. И. Перов признал, что «несколько раз виделся с Ф. С. Горячевым и бывал у него в доме». О Юсуповых и о своем сыне он говорил, что не знает, где они сейчас, и не переписы-

¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47535. Л. 70 об.

вается с ними. Факт проведения им антисоветской агитации Матвеем Ионович отрицал¹. Примерно то же самое говорили на допросах и другие обвиняемые: встречались, беседовали друг с другом, но против советской власти никого не агитировали². Дело, однако, было предрешено.

Постановлением ОГПУ от 11.02.1930 М. И. Перов был привлечен в качестве обвиняемого по ст. 58-10 УК³, а в «Заключительном постановлении по делу № 1482» от 31.03.1930 говорилось: «следствие по данному делу считать законченным и передать на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ для вынесения внесудебного приговора»⁴. На заседании тройки при ПП ОГПУ МО 02.04.1930 было постановлено: «ПЕРОВА Матвея Ионовича – выслать через ПП ОГПУ в Северный край сроком на ТРИ года, считая срок с 4/II-30 года»⁵. Такие же приговоры получили и остальные фигуранты дела.

Жена М. И. Перова Надежда Козьминична написала 11.08.1930 заявление в Прокуратуру при ОГПУ – прокурору Катаняну – с просьбой о пересмотре дела своего мужа и о его освобождении. В заявлении она обходила вопрос о виновности, делая упор на преклонный возраст и плохое состояние здоровья супруга. Она уверяла, что «он беспомощный, старый и одинокий обречен на месте ссылки на голодную смерть»⁶.

Заявление неожиданно сработало. Катанян затребовал к себе дело, и прокуратура вышла с ходатайством смягчить участь осужденного, заменив ссылку в Северный край «минусом 6» («принимая во внимание престарелый возраст и болезненное состояние гр. ПЕРОВА...»)⁷. В итоге тройка при ПП ОГПУ МО на своем заседании 30.03.1931 пересмотрела дело, постановив: «Во изменен.

¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47535. Л. 44, 70 об. – 71.

² Там же. Л. 70 – 71.

³ Там же. Л. 53.

⁴ Там же. Л. 71.

⁵ Там же. Л. 75.

⁶ Там же. Л. 88; 88 об.

⁷ Там же. Л. 91.

прежн. постан. ПЕРОВА Матвея Ивановича¹ – лишить права проживания в Моск. и Ленингр. Обл., СКК, Дагестане, Киевск., Харьк., Одесск. Окр., Казани, Чите, Иркутске, Хабаровске, Ташкенте, Тифлисе, Омске, Омском р-не, с погранокругами и, сроком на ТРИ года, считая срок с 4/II – 1930 года»².

Это последнее упоминание о М. И. Перове в документах. Больше о его судьбе ничего не известно. В базах данных репрессированных и расстрелянных в конце 1930-х гг. его имя не значится. Принимая во внимание, что многие жертвы раскулачивания умерли в ссылке из-за крайне тяжелых условий жизни, можно предположить, что такая же судьба постигла и Матвея Ионовича.

И так же, как и большинство раскулаченных, бывший юсуповский управляющий был реабилитирован в постсоветскую эпоху. В заключении прокуратуры г. Москвы в отношении «Перова М. И. по материалам архивного дела П-47435» от 21.05.1999 отмечается: «На Перова Матвея Ионовича распространяется действие ст. 3, ст. 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.»³.

Такова любопытная жизнь Матвея Ионовича Перова. Крестьянский парень, вознесенный волей судьбы на пост управляющего московскими домами Юсуповых, в конечном счете снова оказался в деревне и пострадал как истинно русский крестьянин – пал жертвой массового раскулачивания.

Литература

Архив Феликса и Ирины Юсуповых. Переписка / авт.-сост. Н. А. Ганина. М., 2018.

Волков С. В. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016. Буква П. // <http://doc.knigi-x.ru/22istoriya/252620-10-istori>

¹ Так в тексте документа.

² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47535. Л. 92, 93.

³ Там же. Л. 112.

volkov-baza-dannih-uchastniki-belogo-dvizheniya-rossii-yanvar-2016-bukva-ivan-es.php

Князь Феликс Юсупов. Мемуары : в 2 кн. / пер. с фр. Е. Кассировой. М., 2001.

Кратицин М. Ю., Шапошник В. В. «Вам дается возможность открыть библиотеку Ивана Грозного». Оперативные материалы Главного управления государственной безопасности НКВД СССР об очередной попытке обнаружения легендарного библиотечного собрания (июль–август 1937 г.) // Петербургские славянские и балканские исследования. 2018. № 1 (23). С. 115–125.

Полный список шефов, полковых командиров и офицеров

Лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1886 год. СПб., 1886.

25 % из Юсуповских ценностей мне крайне нужны // Источник. Документы русской истории. 2000. № 5. С. 89–95.

Архивные материалы

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 585, 619, 662, 732, 733, 924, 1172, 1224, 3093.

ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 94, 109, 189, 196; Оп. 22. Д. 901; Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47535

ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 29, 40, 47.

ЭКОНОМИКА УСАДЬБЫ

КНЯЗЬЯ ЮСУПОВЫ И НОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОМФОРТЕ В УСАДЕБНЫХ РЕЗИДЕНЦИЯХ В 1890–1914 гг.: ФИНАНСОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ И ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Юдин Евгений Евгеньевич,
Московский педагогический
государственный университет, Москва

Аннотация. В статье рассматривается проблема финансового и технического обеспечения дворцовых комплексов крупнейших землевладельцев Российской империи в 1890–1914 гг. Изучение материалов и документов, связанных с владениями князей Юсуповых, показывает, что содержание городских и сельских усадеб по-прежнему поглощало большую часть их личных расходов. Однако характер денежных вложений в большей степени определялся стремлением к новой организации внутреннего пространства дворцовых помещений, в том числе более рациональному размещению художественных коллекций, различным техническим усовершенствованиям и заинтересованностью владельцев в личном комфорте.

Ключевые слова. Князья Юсуповы. Русская аристократия. Крупные землевладельцы Российской империи. Городские и сельские усадебные резиденции.

PRINCES YUSUPOVS AND NEW IDEAS
ABOUT COMFORT IN ESTATE RESIDENCES IN 1890–1914:
FINANCIAL COMPONENT
AND TECHNICAL SOLUTIONS

Yudin Evgeny Evgenevich,
Moscow Pedagogical State University, Moscow

Abstract. The article deals with the problem of financial and technical support of the palace complexes of the largest landowners of the Russian Empire in 1890–1914. A study of the materials on the possessions of the Yusupov princes shows that the maintenance of urban and rural estates still absorbed most of the personal expenses. However, the nature of monetary investments was largely determined by the desire for a new organization of the internal space of the palace premises, including for a more rational placement of art collections, various technical improvements and the owners' interest in personal comfort.

Keywords. The Yusupov princes. The Russian aristocracy. Large landowners of the Russian Empire. Urban and rural estate residences.

Накануне 1914 г. крупнейшие землевладельцы Российской империи, как представляется, достигли максимума своего экономического благосостояния. Пережив непростой период с 1860-х по 1880-е гг., связанный с последствиями крестьянской реформы и мировым аграрным кризисом, в последующие два предвоенных десятилетия – 1890–1910-е гг. – несколько десятков аристократических фамилий благодаря росту стоимости земельной собственности и арендных цен на землю, интенсификации сельскохозяйственного производства в экономиях, диверсификации источников доходов (за счет городской собственности и банковских капиталов) значительно увеличили свои доходы и капиталы. При этом по-прежнему большая часть личных расходов этих семей шла на содержание сельских и городских дворцовых резиденций.

В первые годы XX в. денежные траты князей Юсуповых постоянно росли, достигнув максимума в 1914 г. В 1910 г. они составили 608 517 руб., в 1911 г. – 877 319 руб., в 1912 г. – 891 077 руб., в 1913 г. – 910 916 руб., а в 1914 г. – 1 166 012 руб. Правда, последняя сумма объясняется тем, что Юсуповы вынуждены были прибегнуть к чрезвычайным тратам в связи с бракосочетанием молодого князя Феликса Феликсовича и княжны императорского дома Ирины Александровны¹.

Расходы князей Юсуповых подразделялись на три большие группы: на личные нужды, на содержание и развитие резиденций и по счетам пенсий и благотворительности. Хотя первая статья была наиболее значительной, содержание резиденций, в том числе Архангельского, роскошных крымских усадеб – Кореиза и Коккоза, дворцов в Петербурге и Москве, составляло также немалую долю – почти треть всех расходов. В отчете Главного управления хозяйством Юсуповых (1901) отмечалось, что за предшествующее пятилетие группа расходов на «содержание дворцов и летних резиденций» «поглотила наибольшую сумму», составив в среднем 35% всех расходов².

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1007. Л. 3.

² Там же. Ед. хр. 368. Л. 20 об.

Динамику расходов (руб.) князей Юсуповых в 1910–1914 гг. по отдельным резиденциям можно представить в следующей таблице¹:

	1910	1911	1912	1913	1914
По личному бюджету	347 428	440 634	516 312	530 719	653 136
Содержание резиденций	167 302	319 922	266 833	234 061	320 024
Архангельское	74 042	109 932	80 621	70 188	104 780
Кореиз	28 384	97 339	37 163	38 699	68 303
Большой дом в С.-Петербурге	41 142	54 691	67 123	56 230	62 260
Балаклава	259	227		1353	237
Московский дом	1969	3877	25 923	13 191	28 906
Царскосельская дача	21 134	32 198	16 283	10 440	12 335
Красносельская дача	372	687	342	342	394
Коккоз		20 961	39 368	41 141	42 803

Содержание дворцовых комплексов оставалось важнейшей статьёй расходов всех крупнейших землевладельцев Российской империи. Так, общие расходы семьи графа С. Д. Шереметева в 1903–1915 гг. варьировались в пределах 600–900 тыс. руб. Как и в хозяйстве князей Юсуповых, кроме личных нужд членов семьи, больших расходов требовало содержание дворцовых резиденций (от 85 400 руб. в 1905 г. до 166 100 руб. в 1912 г.). В 1897 г. из общей суммы расходов графа С. Д. Шереметева в 446 889 руб. было затрачено на личные нужды «их сиятельств» 76 764 руб., на содержание «семей их сиятельств» (воспитание детей, стол, буфет, врачи и лекарства, прачечная, прислуга, конюшня, дорожные расходы, взносы в общества и пр.) – 130 434 руб., на благотворительность – 27 069 руб., на «литературу и искусство» – 18 339 руб., по счету Главной конторы – 27 293 руб., на выплату процентов

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1007. Л. 1–4.

по долгам и обязательствам – 33 670 руб., на содержание домов и дач – 84 508 руб. (Михайловское – 52 568 руб., Кусково – 7858 руб., Фонтанный дом в С.-Петербурге – 15 437 руб.), на новые постройки в имениях – 20 365 руб.¹ По бюджетным данным на 1913 г., общие расходы графа С. Д. Шереметева должны были составить 1 169 606 руб., что почти на 200 000 руб. должно было превысить предполагаемые доходы (985 212 руб.). Содержание городских и сельских дворцовых резиденций Шереметевых требовало 166 618 руб. (Воздвиженский дом в Москве – 10 930 руб., Михайловское – 79 245 руб., Остафьево – 4347 руб., Фонтанный дом в Петербурге – 50 463 руб., владения на Кавказе – Карданах, Кучун-Дере и Красная Поляна – 20 521 руб.)².

Общие расходы семьи графа А. В. Орлова-Давыдова в 1899 г. составили 655 916 руб. Содержание Сергиевского дома в Петербурге составило 14 051 руб. Кроме того, Орловы-Давыдовы затратили на содержание великолепного Отраднинского имения 20 878 руб., на дачу Мариенберг – 2482 руб., на замок Шале-де-Розье – 10 000 руб.³

В конце 1914 г. Главное управление составило подробную роспись расходов (руб.) графа С. А. Строганова за период с 1 января 1905 г. по 1 ноября 1914 г.⁴ Траты по личному счету владельца за это десятилетие выросли с 209,5 до 411,7 тыс. руб. Содержание Порховского имения увеличилось с 45,8 до 71,9 тыс. руб., имения Графский хутор – с 16,2 до 17,5 тыс. руб. На новые постройки Строгановых в их владениях в Петербурге было потрачено 68,7 тыс. руб. в 1912 г., 110,5 тыс. руб. в 1913 г. и 53,9 тыс. руб. в 1914 г.

Общие расходы хозяйства графини Елизаветы Андреевны Воронцовой-Дашковой (жены графа И. И. Воронцова-Дашкова) в 1913 г. составили 366 650 руб. На содержание имения «Алупка» было выделено 28 768 руб.⁵ В свою очередь, только затраты на постройку до-

¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5923. Л. 3 об. – 14.

² Там же. Ед. хр. 5906. Л. 1–18.

³ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Ед. хр. 2592. Л. 2–4.

⁴ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Ед. хр. 427. Л. 3 об. – 4.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 58. Раздел 2. П. 106. Ед. хр. 1. Л. 65–75.

ма в Ново-Томниковском имении графини И. И. Воронцова-Дашкова составили в 1913 г. 115 тыс. руб.¹

Русская аристократия в 1890–1910-е гг. от четверти до трети личных доходов продолжала направлять на содержание своих столичных и сельских дворцовых резиденций. Чем объяснялись такие значительные траты по этой статье расходов?

Помимо текущих затрат на поддержание дворцовых комплексов аристократические владельцы активно занимались их перестройкой, следуя вкусам и эстетическим представлениям своего времени. Но важнейшая особенность этого периода заключалась в том, что основное внимание уделялось созданию новой пространственной среды, подразумевающей личный комфорт и различные технические усовершенствования. Это объяснялось не только личными предпочтениями владельцев, но и тем обстоятельством, что дворцовые резиденции продолжали использоваться в качестве важнейшего элемента светской жизни (визиты, приемы, балы, увеселения, охота и спорт), а также превращались в открытое музейное пространство со своими коллекциями. Образцом для русских землевладельцев в данном случае становились сельские и городские резиденции английской аристократии, впервые соединившие традиционную эстетику усадьбы с современными техническими достижениями.

Юсуповы познакомились с устройством домов британской знати еще в 1890-е гг. Летом 1897 г. будучи в свите великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны они присутствовали на многодневных торжествах в Лондоне по случаю юбилея правления королевы Виктории. В рамках торжественных мероприятий Юсуповы принимали активное участие в светской жизни высшего британского общества.

В письмах этого времени к младшему сыну Феликсу княгиня З. Н. Юсупова, описывая свои впечатления, не преминула подчеркнуть роскошь лондонского двора и великолепный быт английской аристократии. Побывали Юсуповы в гостях и у самого богатого

¹ НИОР РГБ. Ф. 58. Раздел 2. П. 111. Ед. хр. 1. Л. 40–41.

представителя британского высшего света – герцога Вестминстерского: «Вечером был бал у лорда Вестминстера. Дом чудный, масса красивых, старинных картин. Ужинали в саду, в большой палате... страшно было холодно, но очень красиво. York Westminster, как говорят, получает доходу по одному фунту (10 руб.) в секунду! Ему принадлежит большая часть Лондона»¹.

В 1909–1912 гг. уже их сын князь Ф. Ф. Юсупов-младший во время своей учебы в Оксфорде большую часть времени проводил не в университетских аудиториях, а в великосветских домах: «Я видел, как ков англичанин дома. Он радушный хозяин, большой барин и верный друг. Три года, проведенных в Англии, – счастливейшее время моей молодости», – вспоминал Феликс Юсупов позднее². О своей жизни в Англии, в том числе об устройстве резиденций английской и шотландской знати, их повседневной жизни, Феликс Юсупов подробно рассказывал в своих письмах матери.

В 1890–1910-е гг. Юсуповы последовательно преобразовывали свои многочисленные дворцовые резиденции, используя новые технические решения и добиваясь максимального комфорта. За великолепными классическими фасадами дворца в Архангельском скрывалось в действительности благоустроенное современное хозяйство в стиле английского estate house.

В усадьбе находилось несколько построек – всего 21 здание. Прежде всего, это Большой дом стоимостью 443 827 руб. (1908). Как отмечалось в описях экономических строений Архангельского имения, его помещения служили «для приезда их сиятельств». Кроме того, здесь находились деревянное здание театра на каменной основе, здание электрической станции и квартиры служащих, ремесленная школа, построенная в 1907 г.

Отдельное место занимали различного рода хозяйственные постройки: здание водокачки и паровой машины, скотный двор, свинарни и сыроварня, теплица, сарай для фруктовых деревьев, арте-

¹ Из семейной переписки Юсуповых // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 2. М., 1995. С. 108.

² Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887–1919. В изгнании. М., 2004. С. 137.

зианский колодец. В усадьбе имелось несколько оранжерей – «оранжерея лимонная», «оранжерея персиковая», «оранжерея розовая», «оранжерея орхидейная». Была оборудована в усадьбе и специальная площадка для игры в теннис¹.

Главное внимание Юсуповы, естественно, уделяли ремонту и различным улучшениям в главном дворце. Так, например, согласно сохранившимся отчетам, ряд работ проводился осенью 1910 г. и летом 1911 г. В их перечне мы находим ремонт каменной плотины, строительство плотины и моста, расширение уборной при спальне княгини, окраску стен в кабинете княгини, постройку железной винтовой лестницы в летнем доме, замену стекол в летнем доме, оштукатуривание стен фасада здания богадельни, постройку новых железобетонных балконов у летнего дома и даже «исправление трещины в спальне княгини и укрепление перегородки... в комнате графа». В документах можно также видеть отчеты по устройству бетонных сводов, настилки паркетов в комнатах дворца. В летнем доме свинцовые трубы были заменены чугунными и железцинковыми. В зимнем доме также произведена замена свинцовых труб и установлены новые керамические водостоки. При имении было построено и здание земской школы. Всего на эти работы в Архангельском в 1910–1911 гг. было израсходовано 50 685 руб.² В 1914 г. Юсуповы распорядились соединить Архангельское телефонным сообщением с Москвой³.

Как это хорошо видно по различным источникам, Архангельское не превратилось к началу XX в. в некий вариант законсервированной усадьбы-музея, а было превращено последними владельцами в современную резиденцию, отвечавшую новейшим представлениям российской элиты о комфорте и благополучии в полном соответствии с лучшими образцами английских аристократических домов. Паровое отопление, электричество, туалеты, телефоны стали такими же атрибутами высокого социального статуса, какими

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 2973. Л. 3–14.

² Там же. Ед. хр. 3033. Л. 25–30.

³ Там же. Ед. хр. 3058. Л. 29.

прежде считались скульптуры, живописные полотна, фонтаны и собственный театр. Неудивительно, что, посетив с женой в 1916 г. имение Нарышкиных в Самарской губ., князь Ф. Ф. Юсупов-младший писал матери как о чем-то невероятном, что в усадебном доме не оказалось «никаких удобств, ни ванн, ни WC»¹.

В начале 1890-х гг. Юсуповы решили произвести капитальный ремонт своего дворца в Санкт-Петербурге. Постепенно отдельные переделки превратились в настоящую реконструкцию.

Как это видно из писем архитектора А. А. Степанова, вопросы оформления внутренних помещений дворца согласовывались с самими владельцами. Так, в письме от 17 мая 1892 г. он сообщает Юсуповым: «...Приходится очень сожалеть, что Ваше Сиятельство не могли приехать в Петербург, так как в решении художественных вопросов, зависящих от личного вкуса, никто кроме Вас полезным быть не мог». Далее же в письме сообщается о высылке рисунков для просмотра в Москву Юсуповым².

Княгиня З. Н. Юсупова распорядилась даже во время ее отсутствия в Петербурге высылать ей пробы окраски потолка залов дворца³. А. А. Степанов не только изменил облик многих внутренних помещений дворца, но и осуществил капитальный ремонт здания, применяя все самые современные технологии. Были заменены межэтажные перекрытия, проведено паровое отопление и электричество.

В первый же день работ по реконструкции дворца (6 марта 1892 г.) А. А. Степанов писал Юсуповым: «Помещение 1 этажа под зимним садом, где во время балов обыкновенно складывались пальто, необходимо переустроить, так как иначе невозможно будет поместить здесь котлы для водяного отопления, другого же более подходящего места для котлов отыскать нельзя»⁴.

Интересно, что в качестве образца для системы отопления в своем реконструируемом доме Юсуповы выбрали отопительную

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 2610. Л. 30.

² Там же. Оп. 2. Ед. хр. 3842. Л. 4.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 2.

систему, увиденную в Зимнем дворце: «Ввиду личного распоряжения княгини Зинаиды Николаевны составить соображения о стоимости отопления в комнатах Ее Сиятельства такого рода, чтобы было бы можно положительно избежать дутья от окон, как то применено в Зимнем дворце в покоях покойной императрицы...» (из письма А. А. Степанова от 3 июля 1892 г.)¹

Работы, связанные с инженерными коммуникациями, проводились Степановым совместно с известным в Петербурге специалистом Н. В. Смирновым (1851–1925). В качестве подрядчиков архитектором были привлечены знаменитые петербургские фирмы «Ансерио», «Сан-Галли», купца Ж. Миллера и др.

В 1892 г. в помещении первого этажа под Зимним садом Степанов установил котлы для водяного отопления. В 1894 г. водяное отопление и вентиляция были устроены в левом флигеле дома, то есть в той части дворца, где находилась анфилада выставочных залов и театр. В результате этих работ во дворце появились шесть котлов системы Стребеля.

Параллельно с системой отопления во дворце проводили вентиляцию – специальные каналы в стенах дворца, вентиляционные камеры, где воздух прогревался до комнатной температуры, а также системы, в которых свежий воздух приводил в движение вентиляторы².

В марте 1892 г. Юсуповы решили провести электричество в свой петербургский дворец. Изначально договор был заключен с «Обществом электрического освещения», которое и приступило к прокладке кабеля по левому берегу Мойки от располагавшейся недалеко электростанции до дворца. Были проведены кабели для освещения помещений 812 лампами.

По условиям этого договора была сделана предоплата в размере 50 % от общей сметы в 17 773 руб., остальная часть была выплачена в октябре 1892 г., по завершении работ. Однако электричество провели не во все помещения: не были электрифицированы Восточный корпус и левое крыло первого этажа, где располагалась канцелярия.

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Ед. хр. 3842. Л. 9.

² Зайцева Н. В. Непарадная жизнь Юсуповского дворца. СПб., 2006. С. 101–102.

Для того чтобы снизить стоимость электрического освещения, компания предложила Юсуповым построить на территории дворцового комплекса электростанцию. Эта станция существовала до 1911 г., пока не стала нерентабельной и не была перестроена под магазин и гараж.

Еще ранее, в 1900 г., Юсуповы расторгли договор и заключили новое соглашение с обществом «Электрическое освещение г. С.-Петербурга» – большой компанией, незадолго до того появившейся на петербургском рынке. Общество владело двумя электростанциями на набережной Фонтанки и набережной Обводного канала. Электрификация дворца проходила поэтапно. После электрификации в правого крыла первого этажа и в парадных покоев соответствующие работы были проведены во дворе, на лестницах, в передних и в хозяйственных помещениях. В 1910 г. во время реконструкции А. П. Вайтенсом левого крыла первого этажа была выполнена проводка электричества в столовой, кабинете князя Ф. Ф. Юсупова-старшего и покоях Феликса Юсупова¹. В 1894 г. Юсуповы заключили договор с международной телефонной компанией Белла и стали абонентами С.-Петербургской телефонной сети. В дальнейшем юсуповский дворец был подключен к международной телефонной станции².

Дворец был оборудован и другими благами цивилизации. В 1890 г. в нем было уже пять ванн и десять ватерклозетов. Количество последних уже к 1895 г. увеличилось до 29. Кроме того, к началу XX в. в юсуповском дворце действовала одна из самых современных систем водоснабжения³.

К вопросам технического ремонта здания дворца владельцы обращались и в последующие годы. В частности, им пришлось прибегнуть к услугам архитектора Н. Султанова, занимавшегося реконструкцией их московского дома. Указания на это можно найти в письме архитектора княгине З. Н. Юсуповой от 13 марта

¹ Зайцева Н. В. Непарадная жизнь Юсуповского дворца. СПб., 2006. С. 107–110.

² Там же. С. 110–111.

³ Там же. С. 116–117.

1908 г.: «Я видел вчера камеры отопления Вашего дома, они содержатся настолько чисто, насколько это допускает первоначальное их устройство, к сожалению, далеко не удовлетворительное. Камеры внутри не отделаны изразцами, которые всегда можно держать в совершенной чистоте, а представляет собою шероховатую поверхность, отчасти кирпичную, а отчасти плохо оштукатуренную, на которой осаждается масса пыли и грязи. Затем, по словам истопника, в доме есть притоки для холодного воздуха столь незначительных размеров, что в них проникнуть нельзя, и которые не чищены с самого устройства отопления, т. е. лет пятнадцать. Наконец, воздушный фильтр, который я видел вчера же, был черен от пыли и грязи с обеих сторон. Отсюда, мне кажется, ясно, что копоть в Ваших помещениях идет не от приборов отопления, а обуславливается тем, что самый воздух поступает в дом уже загрязненный <...> Как я уже говорил, я считаю одним из лучших специалистов по вентиляции и отоплению профессора нашего Института Бронислава Казимировича Правдзика. Как только он вернется из Феодосии, я сейчас же попрошу его к Вам явиться»¹.

В результате всех осуществленных работ петербургский дворец Юсуповых к 1914 г. стал воплощением достижений технического прогресса. На парадных приемах залы блистали от яркого электрического света, горничные подходили к телефонным аппаратам и отвечали на звонки, на верхние этажи можно было подняться при помощи лифта.

Реконструкция московского дома Юсуповых в 1890-е гг. также предусматривала серьезные технические инновации. Интересно, что при всем следовании стилистике XVII столетия, о чем свидетельствует переписка архитектора с владельцами, в ходе реконструкции юсуповский дворец был оснащен современной системой отопления и вентиляции, к нему было проведено электрическое освещение и городской водопровод².

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Ед. хр. 3331. Л. 1–2 об.

² Переписка Н. В. Султанова с князем Ф. Ф. Юсуповым и княгиней З. Н. Юсуповой / публ. Ю. Р. Савельева и Л. И. Шохина // Русская усадьба. Вып. 9 (25). М., 2003. С. 366.

В начале 1895 г. делегаты проходившего в Москве съезда русских зодчих – гражданские инженеры – настояли на осмотре нового произведения архитектора Султанова, который затем записал в дневнике: «4/16 февраля: <...> Вечером гражданские инженеры давали обед в честь Китнера, Шретера, Сюзора и меня. <...> Я показал после этого товарищам, при электрическом освещении, дом Юсупова. Эффект – полнейший. 5/17 февраля: <...> Вечером показывал съезду дом Юсуповых: было человек 100»¹.

В 1914 г. журнал «Столица и усадьба» так писал о московском дворце Юсуповых: «Дворец стоит внутри обширного двора, выходящего на три улицы. На дворе – идеальная чистота, которой вообще не может похвастать “старушка Москва”, всюду английские газоны, цветники...»²

Превращение столичных и сельских дворцовых резиденций этой аристократической семьи в комфортабельное и соответствующее современным эстетическим требованиям жилище ставило задачу и новой организации обширных коллекций произведений искусства. Юсуповы открыли для обозрения интерьеры своих резиденций для приглашенных лиц из высшего общества. Княжна С. Л. Шаховская, фрейлина великой княгини Елизаветы Федоровны, записала в своем дневнике (31.01.1901): «Вчера обедала у К[нягини] Юсуповой... Какой прекрасный дом, К[нягиня] показала нам дом сверху донизу: галереи, наполненные бесценными картинами, мраморные статуи, восхитительный театр с великолепными ложами...»³

Юсуповы прекрасно осознавали культурную и историческую значимость своих художественных собраний и самих резиденций. В завещании, составленном княгиней Зинаидой Николаевной и князем Феликсом Феликсовичем в 1900 г., специально оговаривалось, что «в случае внезапного прекращения рода нашего в лице Князя

¹ Цит. по: Савельев Ю. Р. Н. В. Султанов – архитектор З.Н. и Ф. Ф. Юсуповых // Русская усадьба. Вып. 9 (25). М., 2003. С. 356.

² Столица и усадьба. Пг., 1914. № 16–17. С. 18.

³ При Дворе Великого князя Сергея Александровича: дневник княжны С. Л. Шаховской. 1900–1901. Пермь, 2017. С. 24–25.

и Княгини Юсуповых и двух сыновей наших Николая и Феликса, все наше движимое состояние в коллекциях предметов изящных искусств, редкостей и драгоценностей, собранных нашими предками и нами и хранящихся в домах наших Петербургском (Мойка, 94) и Московском (Трехсвятительский пер. у Красных ворот) и подмосковном имении Архангельском, завещаем в собственность государства, в видах сохранения сих коллекций в пределах Империи для удовлетворения эстетических и научных потребностей Отечества, согласно указаниям, какие для сего будут преподаны Государем Императором». Далее в документе указывалось желание владельцев, «дабы и самые помянутые выше дома и Архангельское имение, представляющие произведения высокого художественного интереса перешли бы в полное распоряжение Его Величества Государя Императора и избегли бы участи служить целям и интересам противным их историческому прошлому». Решен был Юсуповыми и вопрос материального содержания передаваемых государству коллекций и резиденций. Согласно их желанию, предполагалось просить «Высочайшего соизволения на обращение в собственность государства... Ракитянского имения, состоящего в Грайвороновском, Корочанском и Обоянском уездах Курской губернии и Лебедянском и Сумском Харьковской губернии, во всем его составе, со всеми в нем сооружениями, постройками и движимостью, доходы с которого могут служить вполне надежным и достаточным источником для содержания помянутых выше домов и Архангельского имения, назначенных нами пенсий служащим и для пособий юношеству, ищущему усовершенствования в искусстве и науке...»¹.

Финансовые затраты и выбор технических решений в ходе реконструкций дворцовых резиденций князьями Юсуповыми в 1890–1914 гг. были в целом характерны для всех крупнейших землевладельцев Российской империи. Экономическое благосостояние и высокий социальный статус российской аристократии этого времени, как и европейской в целом, определялись уже не только

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Ед. хр. 3590. Л. 2–2а.

способностью содержать «классические» усадебные комплексы, построенные еще в XVIII – начале XIX в., но и постройкой в эконо­миях корпусов промышленных предприятий, оборудованных машинами (сахарные, винокуренные, деревообрабатывающие заводы), использованием тяжелой сельскохозяйственной техники и приобретением личных автомобилей. В то же время, следуя английской модели estate house, русская аристократия с большим успехом свои преобразовывала старинные дворцы в комфортабельные и технически оснащенные резиденции в соответствии с тем индустриальным духом, которым жил европейский континент накануне 1914 года.

Литература

- Зайцева Н. В.* Непарадная жизнь Юсуповского дворца. СПб., 2006.
- Из семейной переписки Юсуповых // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 2. М., 1995. С. 96–153.
- Князь Феликс Юсупов.* Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887–1919. В изгнании. М., 2004.
- Переписка Н. В. Султанова с князем Ф. Ф. Юсуповым и княгиней З. Н. Юсуповой / публ. Ю. Р. Савельева и Л. И. Шохина // Русская усадьба. Вып. 9 (25). М., 2003. С. 352–358.
- При Дворе Великого князя Сергея Александровича: дневник княжны С. Л. Шаховской. 1900–1901. Пермь, 2017.
- Савельев Ю. Р.* Н. В. Султанов – архитектор З. Н. и Ф. Ф. Юсуповых // Русская усадьба. Вып. 9 (25). М., 2003. С. 334–380.
- Столица и усадьба. Пг., 1914. № 16–17.

Архивные материалы

НИОР РГБ. Ф. 58. Раздел 2. П. 106. Ед. хр. 1. Л. 65–75; П. 111. Ед. хр. 1.

Л. 40–41.

РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Ед. хр. 2592. Л. 2–4.

РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ед. хр. 427. Л. 3 об. – 4.

РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5906. Л. 1–18; Ед. хр. 5923. Л. 3 об. – 14.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Ед. хр. 2610. Л. 30; Ед. хр. 3331. Л. 1–2 об.;

Ед. хр. 3590. Л. 2–2 а; Ед. хр. 3842. Л. 2–9.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 368., Л. 20 об.; Ед. хр. 1007. Л. 1–4;

Ед. хр. 2973. Л. 3–14; Ед. хр. 3033. Л. 25–30; Ед. хр. 3058. Л. 29.

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ

Одной из характерных черт научной работы в Музее-усадьбе «Архангельское» в 1960-е–2000-е гг. была ориентация не на научную публикацию полученных результатов в виде монографий, каталогов и статей, а на сбор информации о музейных предметах. Отчасти это было связано с тем, что музей до 1997 г. оставался в ведении оборонного ведомства и прерванные во второй половине 1930-х гг. научные традиции возрождались не без труда. Кроме того, после закрытия музея на реставрацию в 1980-х гг. главной задачей стал сбор информации для подготовки исторической записки по воссозданию парка и интерьеров Дворца. Едва ли не все научные сотрудники музея были направлены в архивы, главным образом в Центральный (затем Российский) архив древних актов, для работы с юсуповским фондом № 1290. Результатом этой работы стали десятки единиц хранения, отложившихся в научном архиве музея, – от тематических подборок копий архивных документов и выдержек из них до полноценных исследований.

Особняком среди них стоит работа Ольги Михайловны Фроловой, работавшей в музее с 1995 по 2020 г. научным сотрудником и хранителем фондов мебели, рам и тканей. Ее студенческая дипломная работа стала первым и остается до настоящего времени самым масштабным исследованием по истории музея. Его публикацией мы возобновляем архивную рубрику нашего сборника.

К.Г. Боленко

МИНИСТЕРСТВО ПО ДЕЛАМ НАУКИ, ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
И ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра музейного дела

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА
ФРОЛОВОЙ ОЛЬГИ МИХАЙЛОВНЫ

ИСТОРИЯ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «АРХАНГЕЛЬСКОЕ»
1917–1940

научный руководитель –
ст. преподаватель Л. А. Лепская

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ УСАДЬБЫ
АРХАНГЕЛЬСКОЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ МУЗЕЯ. 1917–1934

Глава II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «АРХАНГЕЛЬСКОЕ».
1917–1940:

§ 1. Фондовая работа

§ 2. Научно-исследовательская и издательская работа

§ 3. Экспозиционно-выставочная работа

§ 4. Научно-просветительская работа

Глава III. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ, РЕМОНТ И РЕСТАВРАЦИЯ
ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ И ПАРКА. 1917–1940

Парк

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Список использованных источников и литературы

Приложение к главам

ВВЕДЕНИЕ

Архангельское князей Юсуповых – одна из самых знаменитых подмосковных усадеб начала XIX в., сохранивших до наших дней первоклассный дворцово-парковый ансамбль, богатейшие коллекции живописи и скульптуры, библиотечное собрание.

Первые сведения об усадьбе относятся к 1584 г. Первоначальное название Уполозы сменилось в 1646 г. наименованием Архангельское, данное усадьбе по церкви Михаила-Архангела. В 1703 г. Архангельское достается Дмитрию Михайловичу Голицыну. В период расцвета подмосковного усадебного строительства в конце XVIII – начале XIX веков в Архангельском строится сохранившийся до наших дней большой дом по проекту архитектора Шарля де Герна, заказанного Николаем Алексеевичем Голицыным. В парке устроены террасы, выстроены павильоны «Каприз», «Библиотека» и другие.

В 1810 г. Архангельское покупает князь Н. Б. Юсупов – один из богатейших и образованнейших людей своего времени. Князь Юсупов признавался знатоком искусства, был знаком с крупнейшими европейскими художниками, артистами и литераторами. В первой заграничной поездке князя было положено начало собиранию картин и скульптуры. В 1783 г. Н. Б. Юсупов отправлен послом в Турин и шесть лет жил в Италии. Во время пребывания в Париже до 1791 г. Н. Б. Юсупов выполнял дипломатические поручения, заказы для Эрмитажа и одновременно скупал для себя картины западноевропейских мастеров. После 1810 г. Н. Б. Юсупов перевозит в Архангельское большую часть картинной галереи, коллекцию скульптуры, библиотеку и часть других коллекций. Юсупов завершает отделку дворца, размещает в парке скульптуру. После войны 1812 года усадьба вновь отстраивается. Н. Б. Юсупов привлек лучших архитекторов того времени: О. И. Бове, Е. Д. Тюрину, С. П. Мельникова, И. Д. Жукова.

Осуществление проектов в значительной мере принадлежало крепостному архитектору В. Я. Стрижакову. В 1817–18 годах при содействии знаменитого декоратора П. Г. Гонзаго в Архангельском создается здание театра. Здесь разместились декорации Гонзаго. В январе 1820 г. дворец горел, значительный урон нанесен дворцовым коллекциям.

Восстановление поручается архитектору Е. Д. Тюрину, для росписи стен и потолков приглашается академик исторической живописи Н. де Куртейль. В соответствии с новыми вкусами дом приобретает ампирный облик. Французский парк был окружен пейзажным парком.

В усадьбе были организованы фарфоровый и хрустальный заводы, суконная фабрика, живописная мастерская. Изделия крепостных мастеров использовались в усадебном убранстве.

К концу двадцатых годов в Архангельском был создан высокохудожественный дворцово-парковый ансамбль. Н. Б. Юсупов добился воплощения в усадебном комплексе синтеза архитектуры, скульптуры, живописи и природы. Главный дом усадьбы стал своего рода музеем, в залах которого разместились первоклассные коллекции произведений искусства.

Среди гостей знаменитой подмосковной были императоры и великие князья. О Юсупове и его подмосковной писали Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, А. И. Соболевский, А. Мицкевич, А. И. Герцен.

После смерти Н. Б. Юсупова в 1831 году большая часть собрания была вывезена в петербургский дворец на Мойке. Постепенно дворец теряет значение летней княжеской резиденции. Последние Юсуповы (Сумароковы-Эльстоны) в начале XX века произвели в усадьбе некоторый ремонт (подновлена роспись стен большого дома, заново отделано левое крыло 2-го этажа дворца). В 1900-е годы Архангельское посещают К. Маковский, В. А. Серов, А. Н. Бенуа, пианист Игумнов. Стремление воссоздать усадьбу и довести ее до прежней художественной высоты последние владельцы не имели. Обстановка и интерьеры дворца были изменены, дом заставлен громоздкой мебелью последней трети XIX – начала XX века.

В таком состоянии Архангельское застала Октябрьская революция 1917 года. С этого времени начинается музейный период истории усадьбы, ставший одной из интереснейших страниц в истории отечественного музейного дела советского периода. Судьба музея-усадьбы «Архангельское» еще не была предметом специального исследования. Основное внимание уделялось истории Архангельского в период его расцвета, изучению его отдельных коллекций. Несохранившийся в музее-усадьбе архив периода 1917–1940 гг. (только

разрозненные документы) значительно осложнил и отодвинул время изучения истории организации и деятельности музея. Возросший в последние годы интерес к судьбе дворянских усадеб после 1917 года и неизученность истории музея данного периода определили актуальность выбранной темы. Ее исследование имеет практическое значение для музея и одновременно должно внести свой вклад в восстановление общей картины развития музейного дела в послереволюционный период.

Литература по истории усадьбы многочисленна и разнообразна по жанрам. Для рассмотрения данной темы следует остановиться на основных работах. К истории усадьбы впервые обратились в пятидесятые годы XIX века. Очерки С. М. Любецкого «Окрестности Москвы»¹, Ю. Шамурина «Подмосковья»², Б. Вениаминова «Архангельское»³, В. М. Лобанова «Подмосковные»⁴ носят в основном описательный характер.

Первые документальные исследования, посвященные Архангельскому, появились в двадцатых годах XX века. В 1926 году выпущена лекция К. В. Сивкова «Архангельское»⁵, посвященная истории и быту усадьбы. Автор отмечает, что не имел доступа к архиву Юсуповых и опирается на частный и случайный архивный материал. Сивков первый провел значительную исследовательскую работу с источниками. Он привлек воспоминания Бисмарка⁶, А. И. Герцена⁷, Т. П. Пассек⁸, А. Я. Булгакова⁹, описание П. П. Свиньина¹⁰, И. А. Арсеньева¹¹, переписку А. С. Пушкина¹² и другие источники.

Следующим этапом изучения Архангельского стал исторический очерк С. А. Торопова¹³. Опираясь на работу Сивкова, он значительно расширил ее. Торопов приводит описание сада и дома Д. М. Голицына из книги И. Забелина¹⁴. У А. Я. Булгакова¹⁵ и Д. Благово¹⁶ он находит сведения о пожаре и определяет расположение библиотеки в доме. Торопов соглашается с Сивковым, что 1815–1818 годы – время окончательного формирования ансамбля. Для исследуемой темы представляет интерес приведенное Тороповым описание экспозиции первого этажа дворца к 1927 году.

Работы К. В. Сивкова и С. А. Торопова во многом предопределили исследование профессора С. В. Безсонова «Архангельское» (1937 год)¹⁷.

Автору удалось, опираясь на обширную источниковедческую и библиографическую базу, на основе критического и всестороннего анализа дать «...сравнительно полную историю развития усадьбы в момент ее расцвета и описание всех ее сооружений и художественного убранства»¹⁸. В главе «Архитектура усадьбы» автор поместил результаты большой научной работы по архитектурным обмерам Большого дома и съемке плана парка, проведенной в июле 1934 года. Безсонов описывает практически все экспозиционные залы дворца, он отмечает, что восстановление интерьеров произведено на основе сохранившихся описей. Автор называет фамилии научных сотрудников музея и другие немаловажные сведения, представляющие интерес при изучении истории тридцатых годов XX века. Монография профессора Безсонова до настоящего времени остается наиболее полной и глубокой по характеру изложения истории усадьбы.

В 1966 г. появилась книга В. В. Познанского «Архангельское»¹⁹. Исторический очерк не дает новых сведений по усадьбе, он в краткой форме пересказывает историю Безсонова. Вслед за Безсоновым автор определяет 1810–30-е годы как период окончательного оформления ансамбля. В книге Познанского помещена статья В. Л. Рапопорта о библиотечном собрании Н. Б. Юсупова²⁰.

Новым этапом в изучении подмосковных усадеб стал выход в 1981 году книги «Кусково. Останкино. Архангельское»²¹, в которой обратились к обзору музейных собраний подмосковных. Автор статьи об Архангельском – В. Л. Рапопорт на основе проведенной исследовательской работы дает сведения о сложении и составе музейных коллекций.

Последняя работа по истории усадьбы вышла в 1983 году и великолепно иллюстрирована. Книга издана под редакцией Л. И. Булавиной и др. и содержит, помимо исторического очерка, обзор музейных коллекций²². Авторы описали историю производства фарфора и фаянса архангельского завода с приложением списка и биографических сведений крепостных художников и мастеров.

В процессе работы были использованы исследования, посвященные общим проблемам становления музейного дела и охраны памятников в советский период. Это работы Ю. Н. Жукова²³, Е. Кончина²⁴, Г. А. Кузиной²⁵.

Изучение литературы позволяет сделать вывод о том, что мы практически не имеем исследования по истории самого музея.

При работе в московских архивах удалось обнаружить разнообразные документы, относящиеся к поставленной теме. Наибольшее число документов находится в Центральном Государственном архиве РСФСР (в 1994 г. вошел в состав ГА РФ). Документы по исследуемой теме хранятся в фондах:

1. «Главное управление научными и музейными учреждениями (Главнаука) при Наркомате просвещения РСФСР» – А-2307;
2. «Министерство просвещения РСФСР» – А-2306;
3. «Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР» – А-406;
4. «Совет Министров РСФСР» – А-259.

Значительное количество документов по музею-усадьбе «Архангельское» отложилось в Центральном Государственном архиве Московской области:

1. «Отдел народного образования Моссовета (МОНО)» – Ф. 966;
2. «Отдел народного образования Мособлисполкома (МООНО)» – Ф. 4341.

В Центральном Государственном архиве Октябрьской революции и Социалистического строительства (после 1994 г. – ЦХИДК) документы по теме найдены в фондах:

1. «Центральные Государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ)» – Ф. 1;
2. «Комиссия по охране памятников искусства и старины при Моссовете» – Ф. 2761.

Документальные материалы Государственного архива Российской Федерации лишь частично освещают деятельность и организацию музея 1917–1919 и 1933 годов:

1. «Военно-революционный комитет Московского Совета Рабочих и Солдатских депутатов» – Ф. I;
2. «Народный Комиссариат имуществ Республики» – Ф. 410.
3. Ф. Р-3316.

В Российском Государственном архиве древних актов хранятся важные для истории музея документы об организации охраны усадьбы в 1917–18 гг:

1. «Фонд князей Юсуповых» – Ф. 1290.

В Российском Государственном Военном архиве (до 1994 г. – Центральный Государственный Архив Советской Армии) обнаружены (после защиты дипломной работы) документы, имеющие первостепенное значение для передачи музея-усадьбы «Архангельское» в военное ведомство:

1. Ф. 4.

Собранные материалы позволяют разделить источники на основные группы документов:

I. Удостоверения и мандаты имеют первостепенное значение для изучения периода 1917–1918 годов. Они позволяют выяснить вопрос об организации первоначальной охраны памятника²⁶, национализации²⁷, музеефикации²⁸. Свидетельствуют о конкретных мерах по описанию и охране музейных коллекций²⁹, дают сведения о сотрудниках музея и музейного отдела НКП, принимавших участие в деятельности музея³⁰. Удостоверения позволяют выяснить вопрос организации экскурсионной практики в музее и содержат сведения о первых посетителях³¹.

II. Постановления правительства о национализации усадьбы^{31а}, о сети учреждений Наркомпроса РСФСР 1923^{31б}, 1925^{31в}, 1927^{31г} гг., о передаче музея-усадьбы «Архангельское» в ведение Наркомвоенмора в 1933 г.^{31д}

III. Протоколы заседаний Президиума Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Моссовете за 1918–1919 годы. На заседаниях неоднократно рассматривались вопросы, связанные с охраной усадьбы Архангельское³², музеефикацией памятника: о выплате жалованья служащим усадьбы³³, об организации временных штатов³⁴ и внутренней охраны³⁵. Протоколы заседаний музейного отдела НКП за 1920–29 годы рассматривают возможность проведения реставрационных работ и другие вопросы³⁶. Протоколы заседаний Комитета по охране памятников природы сообщают о принятых мерах по охране парка³⁷. Значительной информативностью по истории деятельности музеев-усадьб за 1925–27 годы обладают протоколы заседаний Коллегии МРКИ³⁸.

III. Служебная переписка – как самый многочисленный источник, позволяет восстановить отдельные события в деятельности музея:

об аренде усадебных построек³⁹, организации и проведении ремонтных работ⁴⁰, о проведении выставок⁴¹, о выдаче во временное пользование⁴² или передаче в другие организации музейных экспонатов⁴³.

IV. Акты и договоры. Акт приема-передачи музея в МОНО⁴⁴, акты обследования музейных зданий 1921–23 гг.⁴⁵ Арендные договора⁴⁶ позволяют установить время и условия конкретных соглашений, учреждений и лиц, их заключивших, принятые условия. К числу важнейших документов в истории деятельности музея относится договор о передаче музея-усадьбы «Архангельское» в НКО СССР в 1934 году⁴⁷. Он определил условия существования музея до настоящего времени. (До 1 января 1987 года).

V. Анкеты музея-усадьбы «Архангельское» за 1922⁴⁸, 1925⁴⁹ годы содержат краткие сведения о структуре музея, штатах, бюджете, составе музейного собрания. Они называют год основания и дату официального открытия музея.

VI. Отчеты о деятельности музея. Ежегодные отчеты о деятельности музея, подводящие годовые итоги, могли бы дать исчерпывающую информацию по истории музея. Однако удалось найти немногие из них. Самый ранний отчет о хозяйственной деятельности музея относится к 1924 году⁵⁰ и наиболее подробно характеризует ремонтную работу, проведенную музеем, он также содержит сведения о служащих, учреждениях-арендаторах и организации экскурсионной работы. Годовые отчеты музея за 1926–27⁵¹ и за 1927–28⁵² годы представляют наибольший интерес, так как эти годы характеризуются активизацией всех сторон деятельности музея. Отчеты отражают все направления работы музея, рассматриваемые в дипломе.

VII. Сметы расходов музея за 1919⁵³, 1920⁵⁴, 1925⁵⁵ и другие годы предусматривают проведение текущего ремонта, арендной платы с указанием арендуемых зданий, определяют доход от входной платы, необходимые командировочные расходы, капитальный ремонт отдельных построек и т.д. Сметы с описанием ремонтно-восстановительных и выполненных работ за 1923⁵⁶, 1925⁵⁷, 1926⁵⁸ и 1928⁵⁹ годы называют объекты реставрации с указанием исполнителей, израсходованных сумм и материалов.

VIII. Описи музейных предметов. Среди найденных документов необходимо выделить «Каталог собрания живописи усадьбы Архан-

гельское...», датируемый 1920 годом⁶⁰, и «Опись 93-х художественных материалов», переданных из Ленинградского отделения Государственного музейного фонда в 1928 г.⁶¹ Описи дают ценную информацию о коллекциях, сохранившихся от юсуповского собрания в усадьбе Архангельское к 1920 году, и их пополнении; позволяет исследовать в дальнейшем вопрос об истории бытования юсуповских коллекций и фондовой работы музея.

К опубликованным источникам по изучаемой теме относится журнал «Известия художественно-просветительского отдела» за апрель 1918 года⁶², в котором Комиссия по охране памятников искусства и старины при Моссовете знакомит читателей с принятыми мерами по охране усадьбы Архангельское. Путеводитель 1928 года⁶³ в краткой форме излагает основные сведения по истории усадьбы, которые использовались в экскурсиях того времени. В 1928 году музей-усадьба «Архангельское» издал листовки с краткими сведениями о живописных произведениях и их авторах, представленных в экспозиции музея. Листовки были подготовлены сотрудниками музейного отдела: Н. Машковцевым «Панно и картины Гюбер Робера в Архангельском»⁶⁴ и две работы С. Анисимова – «Зал Тьеполо в Архангельском»⁶⁵, «Выставка работ Н. де Куртейля»⁶⁶. Листовка В. Нежежиной «Книжная выставка музея «Архангельское» (1929 г.)»⁶⁷ содержит ценную информацию об одной из лучших выставок, организованных музеем.

Следует выделить как опубликованный источник специальный (музейный) выпуск «Московского краеведа» за 1929 год⁶⁸. Выпуск посвящен «...вопросам музейного строительства в Московской губернии»⁶⁹. В статьях С. П. Григорьева «Значение музеев Москвы и Московской губернии для музейного строительства СССР»⁷⁰, И. Г. Клабуновского «Музейное строительство в Московской губернии»⁷¹, К. В. Сивкова «Музеи-усадьбы Московской губернии»⁷² и Е. М. Цветаевой «Издания музеев Московской губернии»⁷³ приведены сведения об организации выставок, ведении научно-исследовательской и научно-просветительской работы в музее за 1927–29 годы. Рассматриваются вопросы издательской деятельности, бюджета и руководства музеями-усадьбами.

В качестве опубликованных источников по истории организации и деятельности музея-усадьбы были использованы очерки «Музею –

пятьдесят лет»⁷⁴ и «Музею – шестьдесят лет»⁷⁵, помещенные в путеводителях 1974 и 1981 гг. Эти разделы на нескольких страницах дают краткую характеристику истории музея-усадьбы 1919–81 гг.

Приведенный обзор источников позволяет сделать вывод о том, что мы располагаем достаточной источниковедческой базой для раскрытия поставленной темы. Однако не все периоды истории музея освещены в документах с одинаковой полнотой. Труднее всего поддается изучению история музея-усадьбы в 1930-е годы. Поиск документов этого периода в ЦГАСА (на момент защиты дипломной работы) и Подольском военно-историческом архиве не принес результатов. Подробно деятельность музея 30-х годов предстоит исследовать в будущем.

Для раскрытия поставленной темы нужно решить следующие задачи:

1. По возможности полно выявить архивные материалы по заданной теме;
2. Исследовать историю национализации и музеефикации памятника в первые послереволюционные годы;
3. На основе документальных материалов проследить становление и развитие основных направлений музейной деятельности в 1918–30 гг.;
4. Рассмотреть вопросы использования и реставрации архитектурных памятников и парка в усадьбе.

Поставленные задачи определили структуру работы, состоящей из введения, трех глав, заключения и приложения. Первая глава посвящена истории национализации и музеефикации усадьбы. Вторая глава состоит из четырех параграфов, в которых последовательно рассматриваются фондовая, научно-исследовательская, экспозиционно-выставочная и научно-просветительская деятельность музея.

Третья глава посвящена использованию, ремонту и реставрации памятников архитектуры и парка. В приложении приводятся ксерокопии документов, представляющих наибольшее значение для истории музея-усадьбы «Архангельское» 1917–40 гг., и графические схемы, относящиеся к § 4 второй главы диплома.

ГЛАВА I ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ УСАДЬБЫ АРХАНГЕЛЬСКОЕ И ОРГАНИЗАЦИИ МУЗЕЯ 1917–1934 гг.

8 ноября 1917 года II Всероссийский съезд Советов принял «Декрет о земле», по которому под контроль местных Советов переходили усадебные постройки и все, что в них находилось, а также памятники садово-паркового искусства. В «Ответах на запросы крестьян» В. И. Ленин говорил о необходимости «...тотчас брать все помещичьи земли в свое распоряжение, под строжайший учет, охраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общенародным достоянием» и которое «сам народ должен охранять».

«19 ноября 1917 года в Военно-Революционный комитет г. Москвы поступило заявление 44 рабочих и служащих имения князей Юсуповых Архангельское с просьбой сохранить дворец в полной неприкосновенности. Обсудив заявление, ВРК г. Москвы выдал удостоверение в том, что "Архангельское никаким реквизициям не подлежит"»¹.

Павловский волостной Совет, в ведении которого оказалась усадьба, опираясь на это решение ВРК, доверил охрану Архангельского смотрителю А. К. Логинову, находившемуся на этой должности 34 года².

20 ноября комитет служащих и рабочих имения Архангельское Павловской волости Звенигородского уезда Московской губернии получил от ВРК удостоверение, освобождающее от реквизиции домашний скот³. Полученные документы защитили от разорения усадьбу и дали возможность служащим следить за охраной имения.

23 января 1918 г. Народный комиссар по просвещению и ведомству дворцов и музеев Республики Л. В. Луначарский подписал охранную грамоту на дворец в имении Архангельском и его коллекции. В удостоверении говорилось, что дворец, «...закрывающий в себе художественные ценности, находится под покровительством

РАБОЧЕГО и КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА и никаким реквизициям и секвестрам... не подлежит». Бывшему управляющему архангельским имением А. Ф. Ладе вменялось в обязанности «...копию удостоверения представить лично в Кремль Комиссару Малиновскому и просить его содействия, в случае нужды...». Копии удостоверения предлагалось предоставить в сельский комитет (земельный отдел), а также «вывесить на видных местах» для публики^{3а}.

В марте 1918 г. А. Ф. Лада отправил письмо в Главное Управление делами и имениями Князя и Княгини Юсуповых в Петрограде, в котором сообщил, что начиная с января месяца он не получал денег на содержание рабочих и служащих имения и был вынужден обратиться за помощью в земельный отдел Павловского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов с просьбой «...одолжить заимообразно 5000 рублей для удовлетворения неотложных нужд имения и... деньги из земотдела получил». В начале марта А. Ф. Лада обратился в земельный отдел с просьбой «...принять содержание музея на свой счет, но с оговоркой, что если средства будут отпущены, то земотделу будут возвращены понесенные им расходы... Земотдел на все вышеизложенное согласился и с 1-го марта принял все расходы по содержанию имения на себя, следовательно, сделался фактическим владельцем имения, причем большинство служащих оставили на местах, увеличив оклад жалования им более чем на 100%. Меня, как управляющего имением, от должности отстранили... охрану же дворца увеличили еще пятью вооруженными сторожами. ...Со своей стороны, видя, что хозяйство имения не нарушается, т.е. парк, оранжереи, огород, ферма и проч. сохраняется, нахожу крайне желательным и необходимым отпуск средств продолжать... дабы... не возбуждать недовольства служащих имения и земотдела, с каковыми до сего времени администрация имения жила в мире и согласии»^{3б}.

«Известия художественно-просветительского отдела» за апрель 1918 года сообщают: «Комиссия по охране памятников искусства и старины Моссовета... ввиду возможности захватов и реквизи-

ций особенное внимание свое обратила на охрану исторических и художественных памятников в Подмосковье... Члены комиссии В. Н. Мешков⁴ и Н. С. Матвеев осмотрели Юсуповское имение в с. Архангельском. Дворец и зимний дом в имении, полные всевозможных достопримечательностей и художественных сокровищ, а также оранжерея с ценными растениями и сарай со старинными экипажами находятся в заведывании земельного отдела при Павловском волостном Совете. Члены комиссии нашли, что все содержится в полной сохранности. Тем не менее, члены комиссии нашли нужным увеличить число стражников, на что зем. отдел согласился. Служащие Юсупова работают по охране имения в полном контакте с земельным отделом. Смотритель дворца А. К. Логинов... считается всем зем. отделом за надежнейшего человека. Члены комиссии попутно констатировали, что произведенная четыре года назад частная реставрация окраски стен и росписи во дворце, закраска белою краскою дубовых дверей, – слишком режет глаз новизною и производит антихудожественное впечатление»⁵.

Вопрос о национализации Архангельского был поставлен уже в феврале 1918 года. В докладе члена Комиссии по охране памятников при Моссовете В. А. Мамуровского «О мерах по охране подмосковных» автор предложил предоставить Комиссариату имуществ Республики право самостоятельно объявлять национализацию усадеб, «...коим угрожает опасность расхищения и кои могут иметь художественно-историческое значение»⁶.

Летом 1918 г. Архангельское названо среди 55 усадеб, обследованных Отделом по делам музеев⁷. «Как правило, – пишет Жуков, – успевали за несколько дней произвести фотосъемку интерьера, осмотреть и изучить все имущество усадебного дома...»⁸

21 сентября 1918 г. на заседании Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомата Просвещения с докладом об утверждении штата служащих имения в селе Архангельском выступил Ю. П. Анисимов. Охрана дворца была поручена смотрителю, который назначался Коллегией по охране памятников...

в согласии с местным Советом депутатов, причем контроль возлагался на Совдеп и под его ответственность*⁹.

Смотрителем дворца назначен К. К. Скриноус. В штат вошли 9 сторожей и начальник охраны А. Ф. Лада¹⁰. Служащие по охране дворца считались временными до объявления о национализации Архангельского и назначения хранителя дворца¹¹. Практически с осени 1918 года усадьба находилась на бюджете Отдела по делам музеев... Наркомпроса и готовилась к открытию будущего музея¹².

7 октября 1918 года на заседании Президиума Коллегии по делам музеев... Наркомпроса обсуждался доклад И. Э. Грабаря о проекте декрета национализации Архангельского, Останкина и Кускова¹³. В октябре был выработан проект постановления по вопросу о национализации Кускова, Архангельского и Останкина для внесения в Совнарком¹⁴.

Постановление СНК «О национализации имений Архангельское, Останкино и Кусково» вышло 23 октября 1918 года. В постановлении говорилось: «Принимая во внимание, что указанные усадьбы являются по своему культурному и художественному значению хранилищем, долженствующим выполнять просветительские функции и служить интересам рабочего класса, СНК постановляет: объявить государственной собственностью РСФСР и передать в ведение

* Согласно Конституции РСФСР 1918 г., местные советы имели при себе исполкомы, подразделяющиеся на отделы, являющиеся местными органами наркоматов (т.н. система «двойного» подчинения):

Совет (местный)

Исполком

Отделы

Наркоматы

Т.к. представители отделов сами являлись членами этого же Совета.

Конституцией РСФСР 1924 г. это положение сохранено:

Наркомпрос РСФСР

Главнаука (до 1930 г.) – ГНК

С 1930 г. – Главмузей

Московский отдел народного образования (МОНО) при Моссовете

В 1929 г. образована Московская область:

Наркомпрос РСФСР

Главнаука

Московский областной отдел народного образования (МООНО) при Мособлисполкоме

См.: Коржихина. «История госучреждений», стр. 166, 162

НКП имения Архангельское, Останкино, Кусково; превратить дворцы переименованных имений в музеи и открыть их для всенародного обозрения; парки и декоративные строения поддерживать в неприкосновенности, как неразрывную художественную часть целого памятника эпохи; угодья и доходные статьи передать в ведение земельных Комитетов. Коллегии по делам музеев при НКП поручено срочно выработать и внести в дела новое положение об управлении дворцами-музеями и их деятельности в соответствии с современными потребностями и задачами демократизации художественно-просветительских учреждений РСФСР».

Учрежденный музей-усадьба «Архангельское» первоначально входил в ведение подотдела Национального музейного фонда музейного отдела Наркомпроса¹⁵.

Официальной датой открытия музея считается 1 мая 1919 года¹⁶.

Вопрос об организации внутренней охраны дворца был решен на заседании Коллегии по делам музеев... НКП 2 мая 1919 года. Постановили: «организовать внутреннюю охрану на время открытия имения для публики; выработать инструкцию для определения порядка охраны и посещения; установить дни посещения...»¹⁷ В качестве вооруженной охраны дворца в музее до осени 1919 года оставлены два сторожа В. И. Макаров и Н. И. Филипов¹⁸. К осени местным военным комиссариатом по распоряжению Московского окружного комиссариата были назначены два вооруженных поста¹⁹.

Для внутренней охраны дворца использовали контрольные электрические звонки²⁰.

Это было время становления аппарата управления молодого государства, поэтому в период с 1918 и до конца 1920-х годов происходили изменения, направленные на усовершенствование системы управления: слияния и деления различных ведомственных функций. В результате чего музей-усадьба «Архангельское», как одно из государственных учреждений культуры, меняло свое подчинение. В зависимости от того, насколько важным объектом культуры в тот или иной период этот музей представлялся чиновникам Наркомата просвещения Республики, музей перемещался из центрального в областное подчинение и наоборот.

Согласно постановлению Коллегии по делам музеев... НКП от 7 мая 1919 года за № 113 музей-усадьбы «Архангельское» и «Кусково» были переданы в ведение подотдела Центральных музеев²¹. После образования 2 сентября 1919 года Комиссии по управлению подмосковными дворцами-музеями при подотделе столичной охраны Музейного отдела НКП музей-усадьба «Архангельское» вошел в ее ведение²².

Хозяйственная часть музея с 1920 года находится в ведении Хозяйственного управления музейного отдела НКП²³.

После образования Главмузея в феврале 1921 года музей был передан в его ведение²⁴.

По постановлению СНК от 20 августа 1923 года о сети учреждений Наркомпроса РСФСР, музей-усадьба «Архангельское» находился в ведении Главнауки Наркомпроса²⁵.

В феврале 1924 года музей инспектировался комиссией Главнауки НКП²⁶. Представители Управления музеями-усадьбами и музеями-монастырями периодически администрировали музей²⁷.

17 февраля 1925 года постановлением СНК РСФСР музей-усадьба «Архангельское» вновь утвержден в списке учреждений Главнауки при Наркомпросе РСФСР²⁸.

В апреле того же года Моссовет возбудил вопрос о передаче в его ведение усадеб-музеев «...мотивировкой о якобы недостаточной их охране со стороны Главнауки НКП». Этот вопрос обсуждался с апреля по июнь 1925 года в Комиссии по концентрации музейного имущества при ВЦИКе. Заявление Моссовета в отношении «Архангельского» не было лишено обоснованности, о чем свидетельствует неправомерное использование памятников музея, рассмотренное в III главе, но передача музея на местные средства значительно ухудшила бы материальное положение музея. Последующая передача в Московский отдел народного образования в 1927 году подтвердила, что передача музея в ведение Моссовета не изменила отношения к охране памятников в музее. 15 июня 1925 года МСНК принял решение об оставлении за Наркомпросом музеев-усадоб, в том числе «Архангельского»²⁹. В сентябре 1927 года СНК РСФСР принимает другое решение, согласно которому «Архангельское» в числе других музеев-усадоб подлежит передаче в ведение местного Исполнительного Комитета, как музейное учреждение местного значения.

Наркомпрос, понимая, что такие музеи-усадьбы, как «Архангельское», «Останкино» и «Кусково», выходят далеко за рамки музеев местного значения, заявляет протест СНК РСФСР. В результате изменена редакция постановления, и музеи переданы в ведение Моссовета³⁰. На основании постановления СНК РСФСР от 30 сентября и распоряжения Президиума Моссовета музей был передан в ведение Московского отдела народного образования, о чем был составлен акт приема-передачи от 14 декабря 1927 года³¹. Кроме здания дворца и парка с парковыми постройками, музейного собрания и хозяйственного имущества, переданы усадебные постройки: «Каприз», «Чайный павильон», оранжерейные корпуса, театр, «Баня», «Дом смотрителя», две сторожки, «Часовая башня», «сторожка Боруновых», усыпальница князей Юсуповых, дачи № 5 и № 10³².

Следующая и последняя смена ведомства музеем произошла в 1933 году. По постановлению правительства (не подлежащему оглашению, № 2280, от 16.10.1933 г., за подписью председателя СНК СССР В. Молотова (Скрябина) и Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР (протокол заседания президиума ЦИК СССР № 79 от 17.10.1933 г., за подписью секретаря ЦИК СССР А. Енукидзе) бывшее юсуповское имение Архангельское, дворец-музей и парк были переданы Наркомату по военным и морским делам (позднее Наркомат Оборона СССР) для организации дома отдыха для старшего и высшего начальствующего состава Московского гарнизона^{32а}. Мособлоно передавало Наркомвоенмору здание дворца, парк с постройками. НКВМ обязывался сохранять здание дворца как музей, проводить реставрационные работы, «пропускать экскурсии контингентом не менее 10.000 человек в год». Мособлоно оставляло за собой право назначения заведующего музеем. Собрание музея по-прежнему являлось собственностью Мособлоно, но передано на сохранение Наркомвоенмору, под его ответственность (договор между Наркомпросом и НКВМ от 1 января 1934 года)³³. Летом 1934 г. была образована комиссия в составе: временно исполняющего обязанности начальника дома отдыха «Архангельское», зам. начальника АХО НКВМ тов. Тимофеева, представителя Мособлоно тов. Самойлова и директора музея тов. Найдышева. На основании приказа зампреда РВС СССР С. С. Каменева

комиссия приняла «...по инвентарной книге помещение музея, все музейное имущество, библиотеку и театр»^{33а}.

Несмотря на то что Мособлоно сохранил за собой значительный контроль над музеем, передача последнего в военное ведомство имела отрицательное значение для дальнейшего развития музея. Это сказалось в использовании значительной части территории усадьбы для нужд санатория, в изменении первоначальной планировки парка, в строительстве новых корпусов, отразилось на составе штата музея, мешало экспозиционной и научно-просветительской деятельности. Отрицательные последствия такого подчинения ощущались музеем до 1997 года.

В связи с организацией музея в 1919 году произошли штатные изменения. Смотритель дворца К. К. Скриноус, состоявший на службе с 1908 года³⁴, переведен на должность управляющего имением, а с 1 июля 1919 года отчислен за сокращением штатной должности³⁵. Кроме него, из бывших служащих князей Юсуповых работал Михаил Ильич Маришин, зачисленный на службу в 1900 году³⁶.

Хранителем дворца-музея «Архангельское» с 20 июля 1919 года назначена Вера Авенировна Фревилль³⁷. В период с 23 октября 1918 года по 20 июля 1919 года должность хранителя выполнял сотрудник музейного отдела Наркомпроса Иван Петрович Недрит³⁸. Александр Фомич Лада выполнял должность зав. охраной дворца до 17 ноября 1919 года³⁹. Позднее эта должность в музее была сокращена⁴⁰, а А. Ф. Лада переведен в Никольское-Урюпино в качестве заведующего охраной усадьбы⁴¹.

Вера Авенировна Фревилль, 1860 года рождения⁴², состояла в должности хранителя музея (позднее заведующей музеем) до июня 1927 года⁴³. 1 января 1927 года была уволена по сокращению⁴⁴. Заведующая музеем находилась в полной зависимости от музейного отдела Наркомпроса, как в финансовом, так и в организационном отношении. Вероятно беспартийная, В. А. Фревилль в многочисленных случаях неправомерных действий вышестоящих организаций, описанных в следующих главах, практически ничего не могла изменить.

С июля 1919 года И. П. Недрит переведен на должность помощника хранителя музея-усадьбы «Архангельское»⁴⁵. Иван Петрович

Недрит родился в 1887 году в селе Архангельское, являлся сотрудником подотдела Национального музейного фонда с 1 сентября 1918 года, от воинской повинности освобожден в 1919 году⁴⁶, беспартийный. С 1922 года заведовал в музее хозяйственной частью, работал в Архангельском до конца 1925 года⁴⁷. С 1926 года на должность заведующего хозяйством музея принят Георгий Дмитриевич Григорьев⁴⁸.

В середине 1919 года в штат дворца-музея входили: хранитель, помощник хранителя, заведующий охраной, 12 сторожей и один конюх⁴⁹. На зимне-весенний сезон 1919–20 гг. число служащих сокращено: хранитель, помощник хранителя, 10 сторожей и один конюх⁵⁰.

В мае 1920 – декабре 1921 года число служащих состоит из хранителя, помощника хранителя и 9 сторожей⁵¹.

К 1922 году штаты музея сокращены: зав. музеем, комендант, 5 сторожей, уборщица⁵².

После 1923 года и до 1927 года руководство музеем возложено на заведующего (бывшая должность хранителя) и «сезонного» научного сотрудника. В штаты входят: управляющий (завхоз), 8 сторожей и одна уборщица⁵³. «Сезонный» научный сотрудник приглашался на работу в праздничные и наиболее посещаемые дни, имел поденную оплату⁵⁴. Так, в 1925 году на эту должность приглашались Борис Веняминович Бениович и Ольга Николаевна Недрит. Должность «сезонного» научного сотрудника включала, помимо экскурсий и фондовой работы, обязанности кассира музея⁵⁵.

С 1922 года в музей приглашались на временную работу сотрудники Румянцевского музея⁵⁶, Гос. Эрмитажа⁵⁷, Центральных Государственных реставрационных мастерских⁵⁸, Третьяковской галереи⁵⁹ для проведения реставрационных и фондовых работ.

В связи с проведением «чистки кадров» 1926–27 годов заведующая музеем В. А. Фревилль переведена в должность заместителя заведующего музеем⁶⁰, а 1 января 1927 года уволена за сокращением должности⁶¹. Новым заведующим 2 июня 1927 года назначен Алексей Александрович Найдышев⁶². Он родился в 1886 году, из мещан, имел среднее образование, партстаж с 1917 года, в системе народного образования с 1921 года⁶³. Новый заведующий проводил издательскую и популяризаторскую деятельность музея, ремонтно-

восстановительные работы усадебного комплекса, при нем создана первая музейная экспозиция, организованы выставки. А. А. Найдышев находился в должности заведующего музеем до конца тридцатых годов⁶⁴.

В результате расширения и активизации деятельности музея, роста числа посетителей в конце двадцатых годов штаты музея значительно увеличились. Госбюджетные штаты включали: заведующего музеем, завхоза, вахтера, 7 сторожей. По спецсредствам в музее числились: хранитель, уборщица, технический сотрудник, надзиратель и кассир⁶⁵.

С 1934 года штаты музея находились на бюджете Наркомата Обороны СССР. Заведующий музеем назначался Мособлоно⁶⁶.

С августа 1918 года до 1922 года музей состоит на госбюджете⁶⁷. С 1922 года бюджет музея пополнялся поступлениями спецсредств, получаемых от входной платы⁶⁸. В 1924 году статья дохода спецсредств увеличивается за счет аренды музейных зданий⁶⁹. Спецсредства от аренды до конца 1927 года поступали в Управление музея-усадьбами... поэтому руководство музея не имело точных сведений о доходах и расходах по музею⁷⁰. Ни заведующий, ни завхоз не имели права самостоятельно распоряжаться ассигнованиями в пределах утвержденных смет⁷¹.

По постановлению Главнауки Наркомпроса от 30 сентября 1927 года «О передаче музея-усадьбы «Архангельское» в ведение МОНО», музей переведен на местный (губернский) бюджет⁷², а заведующему предоставлено право трехстепенного распорядителя кредитов⁷³.

Спецсредства музея на 1928 год состоят из поступлений от входной платы, аренды зданий, использования земельных угодий, от продажи изданий и имущества⁷⁴. Практически все ремонтно-восстановительные работы в конце двадцатых годов проводились за счет спецсредств музея⁷⁵.

С 1 января 1934 года в связи с передачей «Архангельского» в ведение Наркомвоенмора вся финансовая деятельность музея была подчинена НКВМ. Все доходы от работы музея зачислялись в доход Наркомвоенмора, как спецсредства на содержание музея. От НКВМ сотрудники «Архангельского» получали заработную плату⁷⁶.

ГЛАВА II

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «АРХАНГЕЛЬСКОЕ» 1917–1940 гг.

§ I. ФОНДОВАЯ РАБОТА

«Одна из главных достопримечательностей Архангельского – ценнейшие коллекции произведений искусства, отличающиеся разнообразием, богатством, высоким качественным уровнем. Дворец заполняет живопись, скульптура, старинная мебель, русский, западноевропейский и восточный фарфор и фаянс и другие предметы прикладного искусства; парк украшает редкостный ансамбль садовой скульптуры; в театре хранятся единственные в мире декорации П. Г. Гонзаго», – пишет научный сотрудник музея Н. Т. Унанянц¹.

Коллекции музея-усадьбы «Архангельское» представляют сохранившуюся часть существовавшего некогда собрания князей Юсуповых. «Юсупов был не только любителем, но, несомненно, и знатоком искусства», – отмечает С. В. Безсонов². В период последней четверти XVIII – первого десятилетия XIX века Юсупову удалось создать одно из лучших частных собраний своего времени. «Уже в 1779 году собрание князя ставят, как равноценное, наряду с петербургскими собраниями И. И. Шувалова и А. В. Олсуфьева»³. После переезда князя Юсупова из Петербурга в Москву и покупки Архангельского в 1810 году большая часть коллекции живописи (382 картины) разместилась в усадьбе. Остальные коллекции были разделены между Архангельским и городскими особняками в Москве (дом в Харитоньевском переулке, а затем и в доме на Большой Никитской улице)⁴. Собрание никогда полностью не находилось в Архангельском.

После смерти князя Н. Б. Юсупова в 1831 году закрывается живописное заведение и фарфоровый завод, распускается крепостной оркестр и труппа театра, идет на продажу знаменитый ботанический сад.

В 1837 году большая часть юсуповского собрания была перевезена в петербургский дворец на Мойке⁵.

В начале 1840-х годов Архангельское теряет значение художественного центра. Многих крепостных мастеров переводят на оброк

в другие имения Юсуповых. Архангельское перестает быть постоянной летней резиденцией.

В 1900-е годы последние хозяева делают попытку вновь сделать Архангельское популярным. Вместе с аристократами сюда приглашаются известные представители творческой интеллигенции – художники К. Маковский, В. А. Серов, А. Н. Бенуа, пианист Игумнов. Убранство парадных залов было изменено, они потеряли строгую классицистичность интерьеров⁶.

В 1904 году Б. Вениаминов так описывает Архангельское: «Сейчас вновь все в блеске и порядке. Вновь летняя резиденция. Недавно проведена реставрация дворца. В кадках – померанцы. Аллеи стригут по всем правилам Ленотра.

Нижний этаж флигелей со стороны дворца расписан в виде аркад и деревьев. В левом флигеле – кладовые, в правом – редчайшее собрание экипажей XVIII века (в правом помещена голицынская библиотека, распроданная кн. Марией Адамовной (урожденной Олсуфьевой). Библиотека князей Юсуповых из 30.000 томов, среди которых до 500 Эльзевиров. Среди инкунабулов особенной драгоценностью слыла Библия 1462 года, перенесена в петербургский дом. В Зимнем павильоне теперь висит картина О. Горелли «Венера, оплакивающая Адониса», несколько портретов Наттиэ и редкий для Герарда Доу мифологический сюжет»⁷.

Столь немногочисленные сведения о коллекциях Архангельского встречаются в литературе дореволюционного периода.

После Октябрьской Социалистической революции 1917 года спасение и охрана культурных ценностей была возложена на Комиссариат имуществ Республики. Для охраны памятников Московской губернии при Комиссариате имуществ республики создана Комиссия по охране памятников искусства и старины при Моссовете. 29 мая 1918 года Комиссия... вошла в состав образованного Отдела по делам музеев... при Наркомпросе.

Удостоверения и другие документы сотрудников музейного отдела НКП, выданные в 1918–19 годах, свидетельствуют о неоднократном посещении усадьбы с целью проведения инвентаризации музейных предметов и частичного вывоза их из усадьбы.

На «Заседании президиума Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины 8 октября 1918 года» принято решение о выдаче аванса в размере 1.000 рублей сотруднику подотдела Национального музейного Фонда А. В. Середину на командировку пяти сотрудников в село Архангельское для регистрации художественно-исторических ценностей⁸. Сохранился мандат № 4936 от 28 декабря 1918 года, в котором говорилось: «Согласно Декрета СНК от 5 октября 1918 года «Об учете и регистрации памятников искусства и старины», опубликованном в № 220 от 10 октября 1918 года «Известий ЦИК С.Р.Д.», эмиссар Комиссии по делам музеев... Наркомпроса Евгений Степанович Васильев командировается в имение «Архангельское»... для осмотра и научной описи предметов художественно-исторического значения, наложения на них печатей, и, в случае необходимости, вывоза в Хранилище Национального музейного фонда. Все органы Советской Власти и частные лица приглашаются содействовать тов. Васильеву в исполнении возложенного на него поручения»⁹.

15 августа 1919 года Александр Васильевич Середин вновь получает мандат для командировки в национализированное имение «для производства работ по регистрации» находящихся там художественных ценностей»¹⁰.

В «Отчете о деятельности Отдела по делам музеев...» за 1918-19 годы приведены результаты проделанной работы по вывозу «в хранилище Национального музейного фонда портретов и картин XVII и XVIII веков». Перечислены: «Лампи-старший, Аргунов, Грот, Гюбер Робер, Дуайен, Ротари, Вазари, Каналетто, Деменикино, много голландцев XVII века и французов XVIII века, ценного фарфора и бронзы»¹¹.

Возможно, что 13 человек, командированных музейным отделом НКП после 3 сентября 1919 года «для исполнения различного рода работ по охране ценностей именуя», занимались упаковкой и отправкой музейных предметов в Национальный музейный фонд¹².

Работа отдела по делам музеев... НКП имела и положительные и отрицательные стороны в отношении сохранения усадебных коллекций. Кроме Национального музейного фонда, художественные ценности музея попали в ГИМ¹³, Гос. музей Изящных искусств¹⁴, Румянцевский музей¹⁵. Возвращение ценностей во дворец оказалось

сложным и длительным процессом. С другой стороны, нет необходимости доказывать, что в трудных условиях первых послереволюционных лет первым и неотложным вопросом сохранения памятников была их охрана. Один из документов фонда «Комиссариата имущества республики» свидетельствует: «В связи с проведением в жизнь социализации земли на местах происходят эксцессы. Комиссариату имущества республики пришлось принять ряд мер по охране многих исторических усадеб и имений в Подмосковье. ...Одной из главных мер, иногда единственной, по охране подчас весьма ценных художественно-исторических собраний, библиотек, архивов и т.д. было объявление Комиссариатом последних собственностью республики». Необходимо «...предоставить право Комиссариату... объявить национализированными те из усадеб, имений... коим угрожает опасность расхищения, и кои могут иметь художественно-историческое значение... можно назвать дворец в с. Архангельском, Ильинском» (1 февраля 1918 г.)¹⁶.

Но одной из главных причин вывоза музейных предметов, следует считать более чем неудовлетворительные условия хранения музейных коллекций. С 1917 г. дворец не отапливался вплоть до 1924 года, когда хранительница музея Вера Авенировна Фревилль добилась ассигнования расходов на отопление здания в два осенних и два весенних месяца. Она пишет: «С 1917 г. музей... не отапливался за недостатком средств. Вследствие накопившейся сырости, отопление... становится неотложным. Порча от сырости в особенности угрожает северным комнатам, а также комнатам №№ 2, 3, 4, 12. Здесь хранятся холсты Гюбер Робера и портреты, на которых уже заметны повреждения». В случае отказа В. А. Фревилль «снимает с себя ответственность». К заготовке предложено 30 сажень дров на сумму 172 руб. 50 коп.¹⁷

Отрицательно сказывался на хранении недостаток средств для проведения ремонтных работ в музейных помещениях. Так, несмотря на замазку щелей на крыше дворца в августе 1920 г., позднее обнаружилась сильная течь, вследствие чего «потолок в Екатерининском зале промок насквозь и пал залит водой».

Так как летом 1920 г. не были приняты меры для предотвращения провала пола и потолка в сарае исторических карет и расположенной над ним библиотеки: «исторически высоко ценное имуще-

ство находится под угрозой неминуемой гибели, если ничего не будет предпринято»¹⁸.

Дополнительные трудности в охране музейного имущества, музейных зданий и парка создавали постоянно сменявшиеся ведомства и организации, с 1918 г. располагавшиеся на территории дворцово-паркового ансамбля. Среди них: Колония для рабочих подростков¹⁹, Всесоюзном²⁰, Реввоенсовет²¹, Мосздравотдел²², Госиздат²³, органы политического управления²⁴, НКО СССР²⁵, Архангельский культурно-просветительный кружок²⁶ и другие.

В 1919 г. Н. И. Троцкой была предоставлена квартира с обстановкой из шести гарнитуров музейной мебели²⁷. В письме к Клабуновскому (заведующему музейным подотделом МОНО) заведующий музеем Найдышев указывает на случаи «сбрасывания статуй с террас» и «отламывание частей статуй» отдыхающими дома отдыха Мосздравотдела в 1927 г.²⁸ В сентябре 1928 г. «произведена покража обивки со скамеек, реставрированных домом отдыха Мосздравотдела и обивки с поручня у оркестра, о чем сообщено в милицию и завхозу»²⁹.

Отдельно следует сказать об условиях хранения парковой скульптуры. Смета расходов музея с осени 1918 г. предусматривала зачехление всех статуй парка³⁰. Однако практически чехлами закрывались лишь около 30% всей парковой скульптуры, которые с точки зрения сотрудников представляли наибольший интерес³¹.

Уже в 1919 г. парковая скульптура требовала значительной реставрации, для «починки мраморных статуй» В. А. Фревилль спрашивает три пуда белого цемента³². В 1927 г. 60% парковой скульптуры требовало ремонта³³. Впервые реставрация парковой скульптуры вошла в план работы музея 1929 года³⁴.

Для характеристики фондовой работы с 1918 по 1926 гг. большое значение представляют документы Комиссии Московской рабоче-крестьянской инспекции (МРКИ) 1926–1927 гг., обследовавшей по своей инициативе³⁵ 10 музеев-усадб для «... выяснения целесообразности существования усадеб-музеев с научной, исторической, художественной и культурно-просветительской стороны».

В выводах и предложениях Комиссии отмечается, что при открытии музеев (в том числе Архангельского) описи коллекций были

составлены в спешном порядке, недостаточно точные и не везде заверенные³⁷. В последующие годы музейный инвентарь, по словам Комиссии МРКИ, полностью ни разу не проверялся. При передаче музеев новым заведующим проверка была произведена по выборочному принципу (10%)³⁸. Из документа 1921 года следует, что хранительнице дворца-музея Фревилль к этому времени еще не доставлены из Отдела по делам музеев... НКП «описи художественно-ценного имущества верхнего этажа дворца, а также всего фарфора и хрусталя, без которых невозможно составление инвентаря музейного имущества»³⁹. С 1923 года заведующим было предложено завести прошнурованные книги для инвентаризации. В 1926 г. предпринято «частичное составление карточного инвентаря». Но эти работы, по выводам Комиссии МРКИ, «идут без плана и вразброд»⁴⁰.

Документы подтверждают выводы Комиссии. В «Сведениях о дворце-музее имени Архангельское за 1922 г.» значатся: 168 картин, 209 предметов прикладного искусства, «фарфор в витринах» – 525, мебель – 287, исторических экипажей – 10, гобеленов – 4, декораций Гонзаго – 3. В библиотеке приступили к разборке книг научные сотрудники Румянцевского музея. Отмечено, что «регистрация всего имущества вообще и учет художественно-исторических предметов, производились сотрудниками музейного отдела Главнауки»⁴¹. Первая опись музейного инвентаря включала 2.225 инвентарных номеров и была завершена в марте 1924 года (ГМУ «Архангельское», инв. № 61-ФА – «Опись экспонатов музея по залам»). Записи в инвентарную книгу вносила Вера Авенировна Фревилль. К концу 1926 г. в музейном инвентаре значатся 2.255 номеров, но более 1000 предметов еще не заинвентаризовано⁴². Лишь к концу 1927 года, к моменту передачи музея-усадьбы «Архангельское» в МОНО, книга описи музейного имущества приведена в порядок. В новую «Инвентарную книгу музея-усадьбы «Архангельское» 1927 г.» были внесены 5.389 инвентарных номеров⁴³ (ГМУ «Архангельское», инв. № 15-ФА). Подразделений в инвентаре на отделы по-прежнему нет⁴⁴, опись составлена по топографическому принципу. Завершив описание коллекций, в октябре 1927 года В. А. Фревилль передала собрание музея новому директору Архангельского – А. А. Найдышеву.

Значительное место в музейном собрании принадлежит коллекции живописи. Важным источником о живописных произведениях, находившихся во дворце в два первых десятилетия XX в., является «Каталог собрания имения Архангельское Звенигородского уезда, Московской губернии, бывшей княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой, графини Сумароковой-Эльстон»⁴⁵, датированный сотрудниками ЦГА РСФСР 1920 годом. В позальном описании «Каталога» представлены 535 художественных произведений: 214 картин, 302 гравюры, 13 скульптур и 6 барельефов. Можно предположить, что это одна из неполных описей коллекции, составленная сотрудниками музейного отдела НКП между 1918 и 1920 годом.

В «Каталоге» приведены лишь краткие сведения о музейных предметах с указанием инвентарного номера, названия, времени создания, материала, формы и размера. В 206 произведениях из 535, включенных в «Каталог», авторство не указано. Отсюда следует, что до 1920 г. изучением предметов никто не занимался. Состав живописной коллекции первой четверти XX в., хранящейся в Архангельском, в количественном и качественном отношении несравним с первоначальным юсуповским собранием. Описанное состояние зал первого этажа дворца, вероятно, составляло экспозицию первых лет существования музея.

Первые сведения об изучении коллекции живописи встречаются в отчете музея за 1927 г. Сотрудники Мухин и В. А. Фревилль проводили атрибуцию картин из фондов музея и выявили большое количество несоответствий в определении авторства. Были выделены художественно ценные произведения, требующие реставрации и включения в экспозицию музея⁴⁶.

В 1928 г. была проведена намеченная реставрация картин неизвестных итальянских мастеров XVI–XVII вв., полотен французских живописцев и др. (имеется список с указанием необходимых реставрационных работ). Работы проводились сотрудниками ЦГРМ и ГТГ⁴⁷.

Очень мало можно сказать о коллекции скульптуры, не имея описи тех лет. По словам К. В. Сивкова, «скульптура в доме и парке... превосходила и по количеству, и по качеству все, что можно было бы найти в какой-нибудь другой «подмосковной»⁴⁸. Осенью 1918 г. в «Смете расходов на 1918–1919 гг.» названо 166 статуй⁵⁰.

1922 год – 50 скульптур⁵¹. По документам 1927 г. в коллекционную опись внесено 250 произведений скульптуры. Парковая скульптура составляет 220 экспонатов⁵². В акте 1929 г. записано 156 скульптур⁵³. В акте 1934 г. – 176 скульптур⁵⁴.

В акте оценки имущества музейного значения 1929 года коллекция скульптуры оценена в 200.000 рублей. Общая сумма остальных коллекций в количестве 5.034 музейных предмета определена в 1 миллион 650 тысяч 38 руб. 50 копеек. Библиотека оценена в 1 миллион рублей⁵⁵.

В 1922 году сотрудники Румянцевского музея приступили к описанию и каталогизации библиотечного собрания⁵⁶. Инвентаризационная опись библиотеки 1927 г. включала 21 тысячу книжных наименований и имела карточный каталог⁵⁷. В 1927 г. описание библиотеки производилось сдельно и стоило около 1.500 руб.⁵⁸ Интерес к столь ценному книжному собранию в начале 1928 г. привел к печальным последствиям. В январе 1928 г. в МОНО поступило письмо из Института К. Марка и Фр. Энгельса при ЦИК СССР с просьбой передать институту из музея-усадьбы «Архангельское» библиотечные шкафы, два стола и «прочие мелкие вещи библиотеки», а также представить описи книжного собрания для ознакомления⁶⁰.

Можно предположить, что институту была выдана сохранившаяся в ЦГАМО опись книжного собрания из Архангельского (без заголовка и без дат)⁶¹.

22 февраля 1928 г. Институт К. Маркса и Фр. Энгельса просит разрешение о передаче книг из библиотеки «Архангельского» по трем описям⁶².

В феврале того же года по распоряжению музейного подразделения музею предложено передать отобранную литературу для ГБЛ в количестве 2.000 томов. Вопрос о передаче книг был согласован с Главнаукой дирекцией Ленинской библиотеки⁶³. 20 декабря 1928 г. А. А. Найдышев передает в МОНО список книг, отданных Гос. музею Изыщных Искусств. Он включал пятьдесят два книжных наименования изданий Парижа, Лондона, Амстердама и др. XVII, XVIII и перв. четв. XIX в. (большинство изданий – многотомные)⁶⁴.

Из письма от 22 декабря 1928 года узнаем, что «...партия ценных книг (до 300 экз.), задержанных Найдышевым, подлежит передаче в ГБЛ», но ввиду организации музеем выставки книги весной 1929 года «...часть этих книг подлежит временному оставлению в музее впредь до окончания выставки»⁶⁵.

В ноябре 1929 г. Институт Маркса и Энгельса перечисляет 1 тыс. рублей на счет музея-усадьбы, вероятно, за переданные музейные предметы собрания⁶⁶.

Примеры подобного отношения к музейным коллекциям встречаются довольно часто. В начале 1920-х гг. вышел ряд постановлений, узаконивших продажу части художественных произведений, как ветхих или не имеющих музейного значения, без четкого определения критериев их ценности. Первый этап этой музейной политики был вызван экономической ситуацией в стране. Голод и эпидемии 1921–22 гг., как следствие эпохи «военного коммунизма», унесли тысячи человеческих жизней. Вопросы сохранения художественных ценностей отошли на второй план. Переход к новой экономической политике не давал мгновенных результатов. Одним из способов получения средств была организованная продажа церковных и музейных ценностей. Начиная с 1922 г. музей-усадьба «Архангельское» продал из своих фондов не одну сотню предметов. Первая партия включала 309 изделий из фарфора и хрусталя с марками заводов Сакса, Дерби, Лиможа, завода Попова и другие изделия без марок XIX – начала XX в.^{66а} В 1924–25 гг. музей коснулась реализация (распродажа) госфондов и ветхого имущества для «содействия индустриализации»⁶⁷. В музее были отобраны «немузейные» вещи заведующим антикварным магазином «для реализации»⁶⁸.

Со временем эта политика, вызванная изначально безвыходной ситуацией в условиях экономической разрухи страны, превратилась в серьезную проблему для музеев. Бесчисленные ведомственные учреждения, созданные в послереволюционные годы, часто использовали музейные фонды как склад, в котором они могли получить красивую мебель для обстановки своих кабинетов. В 1925 г. Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями просит

выдать «б стульев из мебели усадьбы»⁶⁹, а Главнаука предлагает выдать объединенному местному: «1 дюжину стульев, письменный стол, шкаф и пять мягких кресел»⁷⁰. В 1928–29 гг. Московская областная Арбитражная комиссия рассматривала дело, по которому музей продал Центральному Дому Красной армии и Флота им. М. В. Фрунзе мебель «немусейного характера», но расчета так и не получил⁷¹. Несмотря на неоднократные вызовы, ответчик не являлся на судебные заседания и никаких объяснений не представлял. Музею должны были выплатить более 7.000 рублей, что после денежной реформы 1922–24 гг. составляло большую сумму^{71а}. Та же участь постигла другие национализированные собрания. Так, из расположенной по соседству усадьбы Никольское-Урюпино в Архангельское перевезли 28 томов книг с гравюрами Д. Б. Пиранини и Д. Ф. Барбьери. Но вскоре музей был вынужден выдать эти уникальные произведения в Институт К. Маркса и Фр. Энгельса при ЦИК СССР^{71б}.

В «год великого перелома» отказ от НЭПа и переход к политике «социалистической индустриализации» вызвал новую волну продаж художественных ценностей из музеев страны. Для содействия индустриализации музей был вынужден продавать имущество из своих фондов через Госторг. В июле 1928 года музейный отдел сообщает «об утверждении списков на отобранное для экспорта имущество», для этого в музей посылают официального представителя Мосгорторга⁷². Всего от продажи «музейного имущества» в этом году было получено 3.500 руб.⁷³ Небезынтересно сопоставить с этим документом справку из музейного отдела о том, что «...музей не продавал и не продает в частные руки предметов из инвентаря музея» (январь 1928 года)⁷⁴.

В числе 374 предметов, вывезенных из усадьбы в Москву осенью 1928 г. на 18 подводках, были картины Г. Робера «Канал с аркой» и Н. П. Берхема «Путники на берегу озера»; две шпалеры фламандской работы XVII в. с сюжетами охоты Адониса; бронзовая группа «Амуры и сатир» с подписью Клодиона; мебель наборного дерева конца XVIII–XIX в.; саксонский сервиз второй половины XIX века, включавший около 250 предметов^{74а}.

В тридцатые годы традиция продажи предметов из музейного собрания продолжалась, но в документах появился гриф: «секретно» или «не подлежит оглашению» с требованием «немедленно выдать в Антиквариат». Так, в 1933 г. были проданы «Женская головка» Ж. М. Натье и два пейзажа Я. Брейгеля Бархатного⁷⁴⁶. В 1937 г. для дачи заместителя наркома обороны маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского были выданы из музея шесть мраморных скульптур⁷⁴⁸.

Возвращение вещей после выдачи во временное пользование совсем не музейным организациям превращалось в большую проблему. Весной 1928 г. музей выдал во временное пользование по распоряжению МОНО набор музейной мебели (диван большой – 1, диванов малых – 2, кресал – 6, стульев – 8, козеток малых – 2, экранов – 2)⁷⁵ для устройства павильона депутатского корпуса на «Всероссийской сельскохозяйственной Выставке»⁷⁶. При этом мебель забрали непосредственно из экспозиционных зал⁷⁷ и не сочли нужным вовремя вернуть. Вполне понятное возмущение зав. музеем вылилось в следующем письме, адресованном в музейный подотдел: «...Осмотр нашей мебели с пресловутым и дутым спецом Батениным заканчивается тем, что вынимается самая лучшая мебель из экспозиционных зал – из «Салона Psyche» стиля Людовика XVI, по описям 1818 г. значащаяся, как весьма хрупкая и ветхой обивкой (штоф). Что же делается? «Архангельское» начинается всерьез «опустошаться», мы уже лишились многого и теперь с предполагаемым вывозом «классического» образца мебели не только приходится ломать голову, а и опасаться вообще за музей.

Музей не склад, прошу Вас взять твердую линию и не допускать того, чтобы мы служили базой, покрывая нераспорядительность и недалекзоркость других ведомственных учреждений»⁷⁸.

Параллельно происходит процесс пополнения музейных коллекций художественными произведениями, некогда входившими в юсуповское собрание. Первые сведения относятся к 1919 г. В марте Отдел по делам музеев «НКН требует выдать из филиала

отделения Румянцевского музея все художественные произведения и рамы, вывезенные из «Архангельского»⁷⁹.

Активная работа по пополнению фондов разворачивается в период 1926–1929 гг. Немаловажную роль здесь сыграла деятельность Комиссии МРКИ. В результате проверки, проведенной Комиссией, был поставлен вопрос о возможности пополнения музейных коллекций из Государственного музейного фонда⁸⁰. В плане научных работ на 1926 год Управления Государственными усадьбами-музеями и музеями-монастырями Главнауки НКП по усадьбе Архангельское намечено «собираание материалов в Ленинграде и Москве для выявления возможности восстановить облик дворца-музея и парка в начале XIX в.»⁸¹ Начатая работа уже в 1927 году принесла музею значительные результаты. К октябрю 1927 г. из Ленинградского отделения Государственного музейного фонда были переданы картины «...Тьеполо (1)^{81а}, Лакруа (2), Гаккерта (3), С. дель Пьёмбо (1), Рубенса «Паллада» из Антиковой [залы], Ж. Вернэ «Пейзаж», «Кораблекрушение» из Императорской [залы], Ж. Верне «Схватка» из Антиковой [залы], Гроо (копия) «Портрет Б.Н. Юсупова». Сведения приведены в музейном годовом отчете, поэтому картины перечислены не все, указано на поступление из Государственного музейного фонда фарфора юсуповского завода, «планов и проч.». Найдышев предлагает рассматривать музей как своеобразный центр собирательства всех «художественных сокровищ этого культурного вельможи для изучения вкусов и направлений мысли общества XVIII и XIX ст.»⁸².

В том же годовом отчете А. А. Найдышев отмечает: «В настоящее время большинство картин «Архангельского» находятся в Музее изобразительных искусств, Эрмитаже и Фонде. Необходимо возбудить ходатайство о передаче из Музея изобразительных искусств хотя бы одной картины»⁸³.

В октябре–декабре 1927 г. в Архангельское вернулись полотна «Пир Клеопатры» Дж. Б. Тьеполо из Гос. музея Изящных Искусств и «Детство Геркулеса» Дж. Рейнолдса из Ленинградского отделения Государственного музейного фонда⁸⁴.

В 1927 году была проделана огромная работа сотрудниками музея и музейного отдела Наркомпроса по отбору 93 художественных материалов в Ленинградском отделении Государственного музейного фонда, входивших некогда в Юсуповское собрание. Успешно начатая работа была приостановлена в 1928 г., в связи с отбором вещей для экспорта за границу Наркомпросом и Наркомторгом. И лишь просьба Управления делами Президиума Моссовета к тому же Наркомпросу позволила добиться положительного результата⁸⁵. В описи отмечено, что на картины из юсуповского собрания подали заявки Эрмитаж, Музей изобразительных искусств, ГИМ и другие музеи. Среди приобретений музея-усадьбы в описи значатся полотна: Гверчино «Амур с кабаном», А. Кауфман «Автопортрет», М. ван дер Бент «Всадники»; «Сцена на кухне» фламандской школы круга Д. Тенирса Младшего; «Соборная площадь» круга Б. Беллотто; копия с Беллотто «Церковь в Венеции»; копия с П. Сьюблейра «Св. Себастьян» и др. из юсуповского дворца на Мойке.

Кроме работ западноевропейских художников, в музей поступили две картины: Ф. Я. Алексеева и П. Свинына, фотографии и альбомы фотографий Сумароковых-Эльстонов (портреты, виды села Архангельское), акварельный портрет З. Н. Юсуповой. Ценными приобретениями стали картина Г. Ф. Дуайена «Андромаха, защищающая Астионакта» и антик I в. н.э. (ступня ноги)⁸⁶.

В числе поступлений 1928–1929 гг.: передача фарфора юсуповского завода с видами села Грузино из ГИМа (в обмен на предметы завода Гарднера – тарелка и блюдо марки РМФАГ)⁸⁷, из Музея Фарфора в обмен на три вазы мейсенского завода⁸⁸. Из Эрмитажа и Музея изящных искусств поступили картины А. ван Дейка, Ф. Буше, К. Дюжардена, А. ван дер Нера, Фра Бартоломмео и других⁸⁹. Сотрудниками музея была частично подобрана коллекция слепков с гемм по коллекциям Музея изящных искусств, Гос. Эрмитажа и ленинградского отделения Государственного музейного фонда⁹⁰.

В результате активного движения музейных фондов в конце 1920-х – начале 30-х гг. и изменения экспозиции дворца возникла необходимость составления новой описи. В «Книгу музейного инвентаря 1932 года» (ГМУ «Архангельское», инв. № 16-ФА) были

внесены 5.199 инвентарных номеров. По сравнению с предыдущей описью 1927 г. количество инвентарных номеров в 1932 г. уменьшилось почти на двести единиц, несмотря на активное пополнение коллекций музея-усадьбы «Архангельское». Вследствие многочисленных продаж и передач музейного имущества в так называемое временное пользование пострадали прежде всего коллекции декоративно-прикладного искусства и усадебная библиотека. Как правило, основным критерием отбора экспонатов для продажи и выдачи в пользование всевозможных учреждений считали «непрофильность» предметов, выполненных после 1830-х гг., для экспозиции дворца, созданной на период расцвета подмосковной (первая треть XIX века). Для списания экспонатов, внесенных в основной фонд музея, их переводили в так называемый хозяйственный инвентарь, изначально соответствующий своему названию и созданный для учета матрасов, грабель, метел, кастрюль и прочих вещей, необходимых в усадебном хозяйстве.

В течение 1928–29 гг. решался вопрос о возвращении в Архангельское юсуповского архива. Материалы по архиву (свыше 20 ящиков) были вывезены совместно с другими материалами из Ленинградского отделения Государственного музейного фонда специально командированным научным сотрудником ГИМа Н. Н. Миллером в апреле 1928 г. ГИМ должен был заниматься их учетом. После поступления к ним архива (лишь в ноябре 1929 года) музейному подотделу пришлось неоднократно напоминать о скорейшей передаче архива в музей-усадьбу «Архангельское»⁹¹. В результате документы юсуповского архива были разделены между ГИМом, Московским Централрхивом, музеем-усадьбой «Архангельское»⁹² и рукописным отделом ГБЛ (после преобразования Централрхива документы переданы в РГАДА).

В фондовой работе второй половины тридцатых годов XX века можно лишь отметить проведение работ по реставрации живописи и декораций П. Г. Гонзаго⁹³. Более подробно говорить о фондовой работе музея не представляется возможным из-за отсутствия документов 30-х годов XX века.

§ 2. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

Научно-исследовательская деятельность, как одна из основных функций музея, имеет большое значение для успешного осуществления экспозиционно-выставочной и научно-просветительской работы.

В музее-усадьбе «Архангельское» в рассматриваемый период процесс изучения музеефицированной усадьбы и ее коллекций начался лишь в середине двадцатых годов.

Научно-исследовательская деятельность музея в найденных нами документах практически не отражена. В период с 1918 по 1926 г. среди документов, освещающих научно-исследовательскую работу музея, можно опираться на выводы и предложения Комиссии МРКИ, обследовавшей музей. Столь незначительное внимание, уделяемое научно-исследовательской работе первые восемь лет существования музея, можно объяснить рядом причин. Во-первых, музей только организуется. В тяжелые послереволюционные годы главной задачей музея являлась необходимость вывоза ценностей национализированного собрания для их спасения. Практически фондовая работа занимала все время немногочисленных сотрудников музея.

Во-вторых, необходимо отметить, что проблема квалифицированных кадров в музее оставалась неразрешенной на протяжении всех двадцатых годов. Руководители музея имели в лучшем случае среднее образование. Практика привлечения специалистов других музеев и сотрудников Наркомпроса появилась лишь в 1922 г. и использовалась от случая к случаю. Еще одно препятствие для осуществления научно-исследовательской работы – недоступность юсуповского архива, большая часть которого находилась в Ленинграде и была перевезена в Москву только после 1928 года. По распоряжению Наркомпроса часть архива, хранившегося в усадьбе, в 1923 г. была передана из музея в Централархив*.

В-четвертых, следует обратить внимание на неизученность коллекций музея, требовавших большого количества времени. Примерно с 1926 г. сотрудники музея занимаются атрибуцией и научным описанием музейного собрания, определяя фондовую работу как научно-исследовательскую деятельность. Инвентаризация коллекций и составление описей завершены только к концу 1927 г. Лишь в 1928 г. завершено научное описание библиотечного собрания в музее.

Нельзя не упомянуть о проблеме бюджетного дефицита и зависимости получаемых средств от музейного отдела Наркомпроса, что являлось значительным препятствием для привлечения специалистов и уделения научно-исследовательской работе должного внимания.

Опираясь на выводы и предложения Комиссии МРКИ, можно отметить в научно-исследовательской деятельности музея 1918–1926 гг. следующие моменты: годовой план научно-исследовательских работ недостаточно определен; в отчетах сотрудники «обычно отделяются общими фразами» о проделанной работе. «Связь музеев с научно-исследовательскими учреждениями (с музеем им. Бахрушина, с обществом изучения «Русская усадьба», обществом «Старая Москва» и др.) случайна...» Отсутствует издательская деятельность¹. Комиссия МРКИ предлагает привлекать на лето научных сотрудников других музеев², «...дать заведующим помощников, способных вести научную работу»³, «проработать вопрос о скорейшем издании дешевого путеводителя с историческим очерком, рассчитав его текст на рабоче-крестьянскую массу»⁴. Подтверждением вышеизложенного служат первые исторические очерки по усадьбе Архангельское К. В. Сивкова⁵ и С. А. Торопова⁶, написанные сотрудниками музейного отдела, но не музейными работниками усадьбы Архангельское.

О научно-исследовательской работе музея можно говорить с 1927 года. В статье заведующего музейным отделом МОНО И. Г. Клабуновского подтверждается, что «...научная работа усадебных музеев за последние полтора года буквально покрывает все

то, что было и не было выполнено за предыдущее время. Особенно интересно развернулась работа во дворце-музее «Архангельское», музей энергично работает над восстановлением картинной галереи «Архангельского», разбросанной по различным музеям Москвы и Ленинграда; работы музея над историей и экономикой владения уже дали возможность развернуть ценнейший материал по крепостному праву и дать ряд любопытных документов по истории искусства и по истории фабричного строительства... Острая ограниченность в штатах музея не дает ускорить темп этих работ»^{6а}.

Научно-исследовательская работа музея в 1927–28 годах проявилась в изучении описей 1818–27 годов для создания экспозиции первого этажа дворца и описей второго этажа дворца с той же целью. В связи с созданием экспозиции названо 25 научных командировок в другие музеи⁷. Пополнению фондов предшествовало «собрание материалов в Ленинграде и Москве»⁸, отбор художественных ценностей в Ленинградском отделении Государственного национального фонда в 1926–27 годах⁹. В 1928 году ведется изучение истории экономики Архангельского, было выявлено четыре предприятия в усадьбе: фарфоровое заведение, хрустальный и кожевенный заводы, а также живописная мастерская. Для изучения истории предприятий усадьбы в конце 1928 года в музее был организован экономический отдел¹⁰. Научную работу проводили заведующий музеем А. А. Найдышев и научный сотрудник Н. Д. Россет¹¹, также привлекались специалисты других учреждений¹². Оживление научно-исследовательской деятельности позволило начать издание листовок музея по отдельным залам и коллекциям музея, подготовить и выпустить путеводители. В 1927 г. зав. музеем А. А. Найдышев подготовил к печати листовку «Мебель» с «...описанием некоторых предметов мебели усадьбы»¹³. В это время в музее появляется собственное издательство¹⁴. Год 1928-й оказался, пожалуй, самым удачным в издательской деятельности. Вышли два путеводителя: С. А. Торопова на трех страницах и краткий исторический очерк на двух страницах¹⁵. В том же году музей

выпустил три листовки: Н. Машковцев «Панно и картины Гюбера Робера в «Архангельском»¹⁶, «Зал Тьеполо» и «Выставка работ Н. де Куртейля» Ю. Анисимова¹⁷. В листовках содержатся краткие сведения о художниках и их творчестве, перечислены картины, представленные в экспозиции. Но в данном случае музей имел косвенное отношение к проведенной научно-исследовательской работе, поскольку авторы не являлись сотрудниками музея. Отчет музея за 1928 г. позволяет говорить о том, что Н. Машковцев и Ю. Анисимов привлекались музеем к изучению живописных произведений коллекции как специалисты и некоторое время работали в Архангельском¹⁸.

В следующем, 1929 г. музей продолжил изучение экономики и архитектуры усадьбы. Значительная научно-исследовательская работа была проведена для организации книжной выставки¹⁹. Была выпущена листовка В. Невежиной «Книжная выставка музея Архангельское»²⁰.

Главным результатом научно-исследовательской деятельности конца 20-х – 30-х гг. стал труд С. В. Безсонова «Архангельское», вышедший в 1937 году²¹. В подготовке издания научные сотрудники музея принимали активное участие. А. П. Смирнов – научный сотрудник музея, провел почти всю работу по обмерам дворца. Безсонов выражает благодарность коллективу музея с заведующим музеем А. Найдышевым во главе за «исключительно радушный прием и большую помощь автору» книги²².

Огромное значение работы С. В. Безсонова для музея трудно переоценить. Книга содержит материал для организации любой экспозиции или выставки на период расцвета дворца, дает исчерпывающий материал для экскурсоводов, является отправной точкой в изучении формирования и бытования коллекций юсуповского собрания. Монография С. В. Безсонова по-прежнему остается настольной книгой для сотрудников музея.

§ 3. ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНАЯ РАБОТА

«...По составу своих экспонатов, в отличие от создаваемых по научно разработанным планам историко-бытовых музеев, где необходимые коллекции создаются путем подбора их из различных местностей; музеи-усадьбы представляют собой самой жизнью созданные и слитые в органическое целое музейно-бытовые и художественные комплексы, дающие яркую и вполне убедительную по своей подлинности картину жизни и быта вельможи эпохи полного расцвета крепостного права и, при соответствующей обработке материала, могущие давать представление о жизни и быте крепостных»¹. В столь длинном предложении Комиссия МРКИ сформулировала комплексный принцип построения экспозиции. Специфика усадебных музеев предусматривает как необходимое условие сохранение по мере возможности единства архитектурно-художественного замысла в его первоначальном варианте. От этого, как нам кажется, в первую очередь зависит успех музейной экспозиции в усадебном комплексе. Как отмечает К. В. Сивков, «...понять искусство в быту можно только в том сочетании отдельных его элементов, которые дают музеи-усадьбы». «Никакая самая искусная экспозиция наших дней в специально построенных музейных залах заменить этого не может»².

Создание музейной экспозиции и организация выставочной работы в усадьбе Архангельское стали возможны только в 1928 г. До этого времени экспозиционной работой практически не занимались: «По сличению настоящих экспозиций музея с имеющимися описями видим полное несоответствие в расстановке предметов и даже правильном их наименовании», – пишет зав. музеем А. А. Найдышев в конце 1927 г.³ Поэтому речь в этой главе пойдет главным образом о периоде 1928–1930 годов.

О подготовке к открытию музея в 1918 г. удалось узнать очень мало. В «Смете расходов на содержание» музея на 1918–1919 г. предусмотрены расходы на оборудование дворца под музей в размере 1.500 руб. Сумма включала стоимость работы и материалов (металлические штанги, крюки, гвозди и проч.)⁴. На заседании

«Коллегии по делам музеев... НКП», как записано в протоколе от 21 октября 1918 г., сумма в 1.500 руб. утверждена⁵.

Частичное представление об экспозиции тех лет дает «Каталог собрания имения Архангельское», упомянутый во II главе (§ I), и очерк С. А. Торопова «Архангельское» (1927 г.)⁶. Торопов пишет, что «Кабинет» и «Салон Ротари» (бывшая спальня) содержат большую часть сохранившейся в музее коллекции картин⁷. В «Кабинете» Торопов перечисляет экспонаты: «картины Г. Робера, школы Нетчера»; бюро в стиле рокайль; люстры, жирандоли, подсвечники XVIII–XIX вв.; мебель красного дерева⁸. В комнате Ротари – «мебель эпохи Павла I»⁹. В «Проходной»: барочная мебель, фарфор и часы в стиле «Буль». В «Парадной спальне»: «Портрет Е. Б. Юсуповой» работы Н. И. Новикова, «Н. Б. Юсупов» копия с И. Б. Лампи; парадная кровать¹⁰. Значительный интерес представляет описание «Зала Тьеполо»: «Библиотека. Нынешняя комната была парадной залой, называемой «Тьеполовой». Здесь новые шкафы, скопированные со шкафов старой библиотеки Никольского-Урюпина. Мебель комнаты крайне тесно расставлена и имеет много новых вещей. Все это делает комнату впредь до ее реставрации малопримечательной, потерявшей совершенно свою прежнюю прелесть»¹¹.

Фотография Овального зала повторяет обстановку современной экспозиции, за исключением отсутствующих кресел из тополя¹². При сопоставлении этой фотографии с изображением Овального зала, заставленного мебелью второй половины XIX в., помещенным в очерке Б. Вениаминова¹³, можно предположить, что с 1918 г. сотрудники музея все же занимались восстановлением первоначальной обстановки.

«...Парадные комнаты... с самого начала являлись, в сущности, музейными залами, т.е. служили для размещения основных собраний владельца. (Архангельское с залами, посвященными Тьеполо, Гюбер-Роберу, Ротари и пр.). Наряду с произведениями живописи, скульптуры в стенах усадьбы размещались интереснейшие коллекции предметов декоративного искусства (мебель, фарфор, бронза, античные древности и пр.). Главной целью строителей подмосковных было создание не комплекса жилых и удобных помещений... а пышной рамы для праздничных увеселений и развлечений»¹⁴.

Именно на воссоздание подобной обстановки и были направлены усилия сотрудников музея в дальнейшем.

В 1925 г. в отремонтированном здании (западный флигель дворца, первый этаж) открылась «Галерея исторических экипажей XVIII–начала XIX в.»¹⁵.

Основная экспозиция музея-усадьбы до конца 1927 г. размещалась на первом этаже дворца¹⁶. Экспозиционно-выставочная работа 1928 г. стала первым опытом музея в построении научно обоснованной экспозиции.

Благодаря проделанной в 1926–27 гг. фондовой и научно-исследовательской работе в план музея на 1928 г. включена работа по перегруппировке коллекций первого этажа дворца¹⁷. Предполагалось использовать Описи [1818], 1822 гг. и иллюстрированные каталоги 1827 и 1828 гг.¹⁸. Опись [1818] г. использовалась при отсутствии музейных предметов по описям 1822–28 гг. Для построения новой экспозиции, именуемой в документах «реорганизацией», проводятся следующие работы: 1) восстановление первоначального облика «Зала Тьеполо»; 2) восстановление «Парадной спальни»; 3) открытие второго этажа дворца¹⁹. Поскольку «Зал Тьеполо» был занят библиотекой, устроенной здесь при последних владельцах, мебель и шкафы предлагалось передать в ГБЛ, но А. А. Найдышев просит оставить часть предметов (мягкая мебель), перечисленных в описи 1818 г. Картины подобраны по каталогу 1827 г. Скульптура – по каталогу 1828 г. (из 6 – 5 в наличии), одна – по описи 1816 г. А также названы два скульптурных изображения вакханок и вместо недостающей «Ариадны» бюст Беатриче работы А. Кановы. Из предметов бронзы, соответствующих описям, есть 6 произведений, а пять предложено заменить «подходящими по описи 1816 г.». О значении этой работы для музея А. Найдышев пишет: «Организация Зала Тьеполо должна вызвать не только заинтересованность широких масс, но и служить средоточием в «Архангельское» многих культурных сил». Предварительные работы по перемещению книг, вывозу шкафов, перевеске картин начались уже в 1927 г. В январе 1928 г. А. Найдышев рассчитывает на помощь музейного подотдела²⁰. В мае «Зал Тьеполо» был открыт для посетителей.

Зав. музейным подотделом Клабуновский просит Наркомат по иностранным делам довести до сведения итальянского консульства об открытии «Зала Тьеполо»²¹.

В 1928 г. «Парадная спальня» реконструирована частично. Намечено: «подвес орла-навеса, укрепление балдахина над кроватью и развеска портьер на окнах и дверях, ранее отсутствовавших»²². Подлинные экспонаты – один стул и балдахин, остальные скопированы с обветшавших образцов в XIX веке²³.

В остальных залах дворца первого этажа произведено частичное изменение экспозиции, насколько это допускало наличие коллекции²⁴.

В 1928 г. впервые для посетителей был открыт верхний этаж дворца. При восстановлении придерживались сохранившихся копий с описей верхнего этажа. Однако отсутствие многих музейных предметов и изменившаяся планировка второго этажа значительно нарушали установку на точное воссоздание обстановки. А. Найдышев взял за основу «Зал Екатерины» и, ориентируясь таким образом, определил расположение комнат. При этом оказалось 28 комнат вместо 26, указанных в описи²⁵. Экспозиция была решена «в своеобразном комплексе коллекций», имеющихся в музее, «...и имеющих непосредственное отношение к «Архангельскому», по разделам: 1) галерея; 2) выставка осветительных приборов и быта; 3) выставка произведений Н. де Куртейля; 4) выставка гравюр, резных камней, слепков и рисунков».

При создании экспозиции в основном использовали запасной фонд. Музейные предметы после «частичной обработки» (вероятно, атрибуции) были представлены на выставках²⁶. Галерея «...имела место в «Архангельском» (комнаты № 24–27) в 1811–1834 гг.». Вероятно, для галереи была предназначена большая часть музейных предметов из Ленинградского поступления 93 художественных произведений. Однако затянувшееся решение вопроса с передачей художественных материалов позволило открыть галерею лишь в 1929 году²⁷. Для оформления экспозиции предполагалось использовать мебель первой четверти XIX века.

Выставка осветительных приборов разместилась в трех комнатах (№ 29–31). Осветительные приборы были показаны в интерьерах, обстановка которых была приближена к концу XVIII – нач. XIX в. Задача выставки: «дать явную эволюцию осветительных приборов от мас-

ленки до лампы-горелки винтовой». В экспозиции были использованы: люстры, жирандоли, бра, канделябры, фонари золоченой бронзы, масляные лампы XVIII и XIX веков²⁸. Эта выставка, вероятно, оказалась наиболее удачной. Отмечено, что в 1928 г. ее посетило 7.000 человек²⁹.

В этих же комнатах были выставлены: 1) ткани XVIII и XIX вв. (бархат, шелк, атлас, мебельный материал); 2) фарфор юсуповского завода (роспись и белье); 3) архивные записи (о беглых крестьянах; «переписка, характеризующая владельцев «Архангельского», как представителей торгового капитала»; книга записей прихода и расхода за 1830 год)³⁰.

В комнате № 33 разместились выставка работ Н. де Куртейля. О художнике в это время практически ничего не было известно, кроме того, что он работал в Архангельском. Связь Куртейля с Архангельским пытались воссоздать организаторы выставки. Для оформления использована мебель русской работы, бюро-секретер французской работы XVIII века, витрина с книгой записи о выдаче содержания Н. де Куртейлю³¹.

И последняя – выставка гравюр, резных камней, слепков и рисунков (комната № 34). Здесь представлены: гравюры петровского времени, Гайда, Д. Вольпато и др.; рисунки Деспре (6), А. Ватто (1), Ф. Буше (1), Калло (1), Ван Лоо (2). Слепки резных камней разместились в библиотечных шкафах начала XIX в. Использовали мебель русской работы начала XIX века³².

По замыслу А. Найдышева, посетитель, начиная осмотр в комнате № 24 и заканчивая – в комнате № 34, совершал круговой обзор³³.

Создание всей экспозиции можно назвать научно-исследовательской работой целого коллектива. 30 вызовов экспертов для научной обработки экспозиции³⁴ свидетельствуют о серьезном отношении к работе как сотрудников музея, так и музейного подотдела МОНО.

Возможность дальнейшего пополнения, прежде всего коллекции живописи, позволила сотрудникам музея не останавливаться на достигнутом. В 1929 г. вновь произведена «перегруппировка экспозиций нижних зал и пополнение их произведениями А. ван Дейка, Буше, Дюжардена, В. дер Неера и др.», полученными из Музея изящных искусств³⁵.

В 1929 г. осуществлено «устройство картинной галереи в бытовой обстановке верхнего этажа с выделением в одну комнату рисунков Деспре и гравюр Вольпато и др.»³⁶. Можно предположить, таким

образом, что выставка гравюр и рисунков вошла составной частью в экспозицию галереи второго этажа. Поступления позволили представить в пяти комнатах (№ 24–27 и, вероятно, № 34) картинной галереи: живопись итальянских мастеров (бывший Екатерининский зал) – «XVI в. (Бассано Барталомео); XVII в. (Гвидо Рени, Доменикино, Гверчино, Сирани (болонская школа), Панини и Ладзарини (венецианская школа); XVIII в. (Маратти, Батони, Росси (римская школа), Риччи и Каналетто (венецианская школа)»; живопись французских мастеров – Ш. Лебрена, Сюблейра, Г. Дюге, Монуайе, Лемуана; живопись голландских мастеров: Г. Негчера, Кейпа, Бота, Геема, Я. ван де Велде, Доу и др. По замыслу авторов, экспозиция должна была отражать типичный состав усадебного собрания живописи на фоне характерного для начала XIX в. усадебного интерьера (до сороковых годов XIX века)³⁷. По плану предполагалось создание «бытовой комнаты» в помещении бывшей спальни на втором этаже. Сюда должны были войти редкие произведения Ф. Алексеева и М. И. Махаева (2)³⁸.

Бесспорно, создание картинной галереи в музее-усадьбе явилось одним из первых примеров формирования определенной тематической структуры экспозиции для музеев-усадоб советского времени. Открытие второго этажа значительно расширило экспозиционную тематику музея и позволило использовать запасные фонды собрания.

Центральным событием в экспозиционно-выставочной работе 1929 г. стало устройство выставки книги. Выставка разместилась при библиотеке, развернутой в трех комнатах верхнего этажа дворца в 1929 году³⁹. Опираясь на письма и воспоминания современников Н. Б. Юсупова, сотрудники музея определили первоначальное месторасположение библиотеки. Итак, первоначально библиотека располагалась на втором этаже и занимала «несколько больших комнат», «а в пристройку она перенесена», возможно, после пожара «и только временно, до постройки нового здания». «Действительно, в документах она часто называется временной»⁴⁰. Вероятно, сотрудники музея не видели документов 1814–15 гг. о строительстве «библиотеки сверх галереи», на втором этаже придворцового флигеля.

Каким образом комнаты второго этажа были определены под библиотеку, в документах не указано. Сохранившийся снимок созданной

экспозиции в листовке музея-усадьбы «Архангельское»⁴¹ позволяет говорить о том, что созданная экспозиция в последующие годы практически не изменилась. Для оформления экспозиции были использованы книжные шкафы и другая мебель XVIII в., фигура из папье-маше Ж.-Ж. Руссо и витрины⁴². На выставке были представлены характерные образцы изданий XVI, XVII и XVIII вв. в книжном собрании музея⁴³.

Сотрудник музея В. Невежина так сформулировала основные задачи выставки: «Оставляя в стороне вопрос о содержании книги, выставка разрабатывает тему внешнего оформления книги, стремится вскрыть ее архитектуру, выявляет ее типографское лицо, иллюстрации, украшения и переплет»⁴⁴. Главная цель выставки, подчеркнутая ее создателями: «показать... тип усадебной библиотеки»⁴⁵.

Передача книг из библиотечного собрания усадьбы в ГБЛ стала основным препятствием при организации экспозиции. Так, в декабре 1928 г. А. Найдышеву пришлось самовольно задержать около 300 экземпляров книг, предназначенных к вывозу в ГБЛ. С согласия И. Г. Клабуновского книги были оставлены на время выставки⁴⁶.

В эти годы наиболее ярко прослеживается процесс превращения музея в политико-просветительское учреждение, основная задача которого – формирование «нового человека»^{46а}. Лишение гражданства лиц дворянского происхождения в 1928 г. определило враждебные отношения государственной политики к «классу эксплуататоров» и его культуре. Музеи-усадьбы как центры изучения и популяризации этой культуры оказались под угрозой уничтожения. Выход был найден в переоценке и отрицании роли владельцев в истории усадьбы и смещении акцента на значение усадьбы как центра творчества крепостных. С этой целью в 1929–30 гг. организуется новый раздел экспозиции: «Труд и быт крепостных». Созданию экспозиции предшествовала большая научно-исследовательская работа по изучению усадебного архива.

Подготовкой экспозиции непосредственно руководил музейный отдел МОНО⁴⁷. При создании экспозиционного раздела использовали «графические материалы по типуажу крепостной деревни... и... изображения отдельных ее трудовых процессов». Предполагалось использование в экспозиции работ крепостных художников, выполненных в живописной мастерской Архангельского,

рисунков, картин и пр. из запасов Третьяковской галереи. Названа работа Барбье «Жница»⁴⁸. Научным сотрудником Архангельского И. М. Починовским для экспозиции были отобраны фарфоровые статуэтки в Музее фарфора⁴⁹.

В статье И. Г. Клабуновского за 1929 г. читаем: «...работы музея над историей и экономикой владения уже дали возможность вернуть ценнейший материал по крепостному праву и дать ряд любопытных документов по истории искусства и по истории фабричного строительства (Купавинская фабрика, фарфоровый завод). Острая ограниченность в штатах музея не дает возможности ускорить темп этих работ»⁵⁰.

В тридцатые годы созданные экспозиции 1928–1930 гг. не получили существенных изменений. Об этом свидетельствуют путеводители 50-х и 60-х годов⁵¹. Изучение экспозиционно-выставочной работы в тридцатые годы не представляется возможным из-за отсутствия в настоящий момент документов этого времени.

В рассмотренный период организация экспозиционно-выставочной работы стала возможной после пополнения коллекций музея в 1926–29 гг. Конкретным проявлением более ранней экспозиционной работы явилось открытие «Галереи исторических экипажей» в 1925 году.

Проведенная экспозиционно-выставочная работа 1928–30 гг. оказалась первым опытом сотрудников музея в построении музейной экспозиции и легла в основу всех последующих экспозиций. Экспозиционным решением стала попытка воссоздания обстановки 1-го этажа дворца по описям 1818–28 гг., на период расцвета подмосковной.

В 1928 г. открыт второй этаж дворца. Здесь организуются тематические фондовые выставки, расширившие представление посетителей об усадебных коллекциях, имеющихся в музее. На втором этаже дворца в конце двадцатых годов открылся самостоятельный раздел экспозиции, посвященный труду и быту крепостных в усадьбе. Новый раздел отразил изменение государственной музейной политики в отношении музеев-усадоб.

§ 4. НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

Экскурсионная работа в музее-усадьбе «Архангельское» является основной формой научно-просветительской деятельности.

Первые экскурсии в музее были проведены еще до официального открытия усадьбы-музея, в 1918 г. Сохранилось заявление в Комиссариат имуществ республики от слушательниц Московского женского политехнического института с просьбой «...совершить экскурсию с научно-художественной целью» 9 июня 1918 г.¹ 4 июня 1918 г. Комиссариат просит Павловский волосной земельный комитет «...оказать всякое содействие...» в осмотре дворца². 19 июля 1918 года Комиссариат выдает удостоверение «...экскурсантам Рогожско-Симоновского района...» с разрешением «...осмотреть 21 июля дворец с. Архангельское в количестве 80 человек, причем одновременно осмотр производить группой не более 20 человек и ходить только по дорожкам, а не по паркету»³.

Официальной датой открытия музея считается 1 мая 1919 г. Для посещения музей открыт несколько позднее. Дни работы дворца-музея установлены по четвергам, воскресеньям и всем праздникам⁴. Первые известные посетители музея в 1919 г. – рабочие Рогожского района Москвы. Экскурсия была организована Рогожским районным комитетом 30 мая 1919 года⁵.

С первого года работы музея руководство принимало меры для обеспечения сохранности летнего здания дворца и его коллекций. Осенью Отдел по делам музеев... НКП просит музейных сотрудников развесить 20 экземпляров плаката «...с целью возбуждения в народе интереса и бережного отношения к предметам искусства и старины»⁶. С этой же целью: музей считался официально закрытым с 21 октября 1919 года⁷.

Отдел по делам музеев... НКП сообщает: «...вследствие наступления холодов и сокращения железнодорожного движения посещаемость дворцов-музеев значительно сократилась». О закрытии музеев посетители «...должны быть оповещены особым объявлением, вывешенным в каждом из дворцов на видном месте». После указанного числа «...осмотр может быть допущен только для экскурсионных групп не иначе, как с особого в каждом случае разрешения

Отдела»⁸. Итак, экскурсионная работа продолжалась. В четверг, 25-го, и пятницу, 26 октября, 1919 г. более ста человек курсантов курсов инструкторов внешкольного образования Внешкольного отдела Наркомпроса посетили дворец-музей. С разрешения музейного отдела посетителям были показаны: дворец, библиотека, каретный музей и театр⁹.

Вышеназванные документы определяют экскурсионные объекты первых лет существования музея, указывают на одиночных посетителей, а также называют две категории экскурсантов: студенты, рабочие.

Говорить о содержании экскурсий можно только предположительно. Характеризуя экскурсионную работу на 1925 г., Комиссия МРКИ приходит к выводу: «...Все эти чудеса, конечно, можно было создать при условии существования крепостного права... что и подчеркивается при проведении экскурсий»¹⁰. Поэтому можно предположить, что именно в 1924–1925 гг. в содержании экскурсий появился классовый подход в освещении экспозиции, а ранее преобладало художественное описание. В отчете музейного отдела за 1917–22 гг. отмечается, что «...знание материала музейными работниками... позволило им освещать... памятники в художественном и культурном отношении»¹¹. Изучение истории усадьбы только началось, и экскурсоводы могли сообщить очень немногочисленные сведения о подмосковной. Неслучайно в отчете Отдела по делам музеев... НКП за 1917–22 гг. основным недостатком в работе музеев считают отсутствие музееведов-марксистов¹².

Руководство экскурсионной работой до 1922 г. велось научно-методическим отделом Главмузея в контакте с Губполитпросветом. В связи с упразднением научно-методического отдела в 1922 г. методическая работа перешла в музейно-экскурсионный институт Наркомпроса, а методологическая работа велась при Музее изящных искусств¹³.

Представление о методике и методологии культурно-исторической экскурсии тех лет дает статья Н. А. Гейнеке за 1923 г.¹⁴ По Гейнеке, первое место в экскурсии занимает зрительное восприятия, «которое заключается в следующем: 1) умение видеть в экскурсионном объекте типические черты и особенности историко-куль-

турного характера; 2) видеть наслоения в экскурсионном объекте, определить его эволюцию; 3) уметь находить исторические факты в памятниках». Помимо визуального восприятия в экскурсионный метод Гейнеке включает моторное восприятие и «научно-исследовательский подход самих экскурсантов». Моторное восприятие он относит прежде всего к объектам, «объемное восприятие которых возможно только в движении». Экскурсия должна быть тематична и иметь определенную образовательную цель¹⁵.

О тематичности экскурсий в Архангельском до 1928 г. говорить трудно. С 1920 по 1925 г. недоступны для обозрения музей карет и библиотека¹⁶. В 1920 г. в связи с аварийным состоянием здания закрыт театр¹⁷. Изучение музейных предметов только начинается. Поэтому можно предположить, что преобладали обзорные экскурсии. Изучением состава посетителей до 1923 г. никто не занимался. В анкете за 1922 г. указано лишь общее число посетителей с 1919 по август 1922 г. и число проведенных экскурсий за этот период¹⁸. Сведения за 1923–1924 годы мною не найдены. При сравнении анкетных данных с экскурсионной практикой последующих лет становится ясным, что посещаемость музея к 1925 году выросла в 16 раз. В период с 1919 по 1922 г. в среднем она составляла около 1250 человек в год, а экскурсионной работой были охвачены практически все посетители.

В 1924 г. в экскурсионные группы входило 30–40 человек, «причем каждую группу сопровождал сторож или уборщица», два сторожа были заняты у входных дверей: «один для контроля, другой для подачи тувлей; третий у остальных вещей»²⁰. Вероятно, речь идет о сопровождении групп из одиночных посетителей, поскольку зав. музеем В. А. Фревилль в августе того же года просит прислать распорядителя экскурсий и двух или трех руководителей в ближайшие дни работы музея, т.к. зав. музеем и комендант заболели гриппом²¹. По-видимому, экскурсии вели зав. музеем, комендант и временный научный сотрудник, приглашаемый «только в праздничные и наиболее посещаемые дни»²². Трех человек было явно недостаточно. Это стало особенно заметно в 1925 г., когда число посетителей резко увеличилось. Только за июнь 1925 г. музей осмотрели 4.959 человек,

проведена 81 экскурсия, что составляло большую часть всех экскурсий и всех посетителей, проводимых ежегодно в период 1919–22 гг. Среди экскурсантов: школы 1-й, 2-й ступеней; детские дома; вузы (798 человек); рабочие организации» (2.606 человек); одиночные посетители – 1.555 человек. Детские группы включали в среднем 30 человек, а взрослые группы были значительно перегружены (42–45 человек)²³. Естественно, что такие группы осложняли задачу экскурсоводов и вызывали недовольство посетителей.

1 июня 1925 г. в музейный отдел НКП пришло письмо от В. А. Фревилль: «31 мая прошло 937 человек, экскурсии без путевок резко выражают неудовлетворение из-за отсутствия руководителей (значительный наплыв посетителей по воскресным дням), 31 мая нервность публики дошла до того, что было выбито стекло входных музейных дверей. Необходимо командировать по праздничным дням дежурных руководителей», причем на предстоящие дни, 7 и 8 июня, Фревилль просит не менее трех человек²⁴.

Еще одна организационная проблема в этот период – музейная обувь. На 1925 г. музей просит 300 пар туфель, но из-за отсутствия спецсредств вопрос не был решен²⁵.

Как положительные моменты следует отметить устройство кооперативной палатки на летний сезон и навеса для экскурсантов в 1925 г.²⁶

В 1922 г. в связи с тяжелым финансовым положением в музеях вводится плата за вход²⁷. Музейный отдел НКП требует «не придерживаться строгой педантичности и допускать бесплатные экскурсии и бесплатных посетителей», т.к. «взимание платы... является временной мерой»²⁸. В результате эта политика музейного отдела сведена к бесплатному посещению для детей²⁹, сокращению входной платы в 2 раза в 1928 г.³⁰

Комиссия МРКИ подвела итоги экскурсионной работы в музее за первые 8 лет. Было отмечено, что музей «усиленно посещается, несмотря на удаленность от железной дороги (4 версты)». Число посетителей составило 20.016 человек. Проведено 314 экскурсий. Преобладали одиночные посетители (9.254). Число рабочих среди посетителей составило 3.874 человека. Учитывались также школьники (1.906)

и вузовцы (1.134). Далее следует ряд замечаний, оказывается, «самыми интересными и внимательными посетителями были рабочие»³², а для «...обозрения музея школьниками одного дня в неделю, особенно в мае, недостаточно»³³. Комиссия констатирует отсутствие изучения запросов посетителей и использование анкетного метода, «как самого действенного». Слабо поставлено изучение состава посетителей, «особенно так называемых «одиночек» или «прочих», а их большинство, поэтому точно установить состав посетителей, например крестьян, очень трудно». Не практикуется заполнение регистрационных карточек. Среди прочих недостатков: не хватает экскурсоводов, не изданы путеводители, нет подписей под экспонатами. «Для самих экскурсоводов есть только стенограммы – лекции, читанные на курсах, добавочных указаний о методах экскурсий, о подходах к темам и так далее дано не было»³⁴. «Самое ценное, что сделало Управление усадьбами-музеями...» в этом отношении, – «... организовало весной 1926 г., курсы для экскурсоводов», которые посетили 90 человек³⁵.

В заключение Комиссия отмечает: «Музеи замкнулись сами в себе, даже с экскурсионными организациями МГСПС, МОНО и др. связь недостаточна. Работа студентов-практикантов имеет место только в Останкино, Кусково, Архангельском, но и она незначительна»³⁶.

Для исправления ситуации Комиссия МРКИ внесла в конце 1926 года ряд предложений: «...организовать изучение запросов посетителей, используя книгу для записи впечатлений, а также широко применять анкетный метод, особенно среди экскурсантов, связавшись с экскурсионным бюро; выработать новую систему классификации посетителей с целью более точного учета экскурсантов, особенно одиночек и крестьян; дать заведующим указания о методах, характере и целевой установке даваемых объяснений (помимо стенограмм-лекций)»³⁷.

Однако пока шло обследование музеев-усадоб в 1926–27 гг., экскурсионная работа по-прежнему оставляла желать лучшего. Обратимся к отчету музея за 1926–27 гг. Число посетителей – 20.922, возросло по сравнению с 1926 г. на 906 человек. «Увеличение преимущественно шло за счет «одиночек», которых прошло на 2.155 человек больше, чем за прошлый год. Экскурсиями руководили

лекторы МГСПС, ГПП Кино-Бюро и сотрудники музея. В рабочие дни администрацию музея ставили в затруднительное положение экскурсии, приезжавшие без руководителя: «Мы, занятые в музейные дни административной работой, не могли удовлетворить требований экскурсантов своими работниками. Нас всего трое: двое постоянных и один – временный. Вопросы руководства экскурсиями нуждались в проработке. Обслуживается не более 50%. Пожелания посетителей: полное удовлетворение туфлями посетителей и полная ликвидация старых ввиду их ветхости и возможности заразы и загрязнения музея (надо 300 пар); настоятельные требования об открытии второго этажа, театра, организации выставок, издании путеводителей». Для определения запросов посетителей была использована «Книга жалоб»³⁸. Сотрудники музея вполне объективно оценивали неблагоприятную ситуацию в экскурсионной работе.

Определенные положительные изменения в этой области наблюдаются с 1928 г., после перехода музея в ведение МОНО. Факты вполне подтверждают слова зав. музеем, он пишет: «Перейдя в музейный подотдел МОНО, мы почувствовали, что многое можно сделать под руководством музейного подотдела, начали большую работу, пишем брошюры, собираем ценные художественные и экономические материалы»³⁹.

Фондовая, научно-исследовательская и экспозиционная деятельность, организованная в Архангельском силами музейного подотдела и сотрудниками музея, позволили в 1928–29 гг. разработать три тематические экскурсии.

Экскурсия на тему: «История с. Архангельское и быт его владельцев» начиналась с описания вотчины в XVII–XVIII вв., как крепостного хозяйства. Экскурсовод рассказывал об «организации форм землепользования и их ограниченности», описывал полеводство как невыгодную форму земледелия в районе, развитие «системы домашнего производства». От характеристики натурального хозяйства он переходил к ремесленному и мануфактурному производству. Роль фабрики и мастерских в районе. Изделия суконной фабрики. Труд рабочего и его оплата. Мастерская крепостных живописцев. В связи с этим иностранные художники и их влияние

на творчество крепостных мастеров. Самобытность творчества крепостных⁴⁰. Иными словами, экскурсия освещала вопросы экономики усадьбы XVII – первой трети XIX в. в краеведческом уклоне, с точки зрения смены общественно-экономических формаций. Безусловно, что для того времени эта информация была новой и представляла значительный интерес для современников.

При этом необходимо отметить, как точно экскурсия прослеживает «новые тенденции в отношении государства к музейному делу» с середины 20-х годов⁴¹. «Музей становится лишь инструментом идеологического воздействия на массы»⁴². Марксистско-ленинский подход при освещении событий истории становится необходимым условием при проведении экскурсии. П. Рыков в статье «Музеи за XV лет Октября» пишет: «В годы революции менялось определение задач и характера усадебных музеев. Вначале они сохранялись и показывались как первоклассные художественные памятники дворянства, причем той эпохи, когда построен дом... внесение в эти усадьбы элементов не чисто художественного значения считалось музейной ересью. Подвести под понимание идеологической надстройки производственный базис считалось недоступным, и в головах ответственных руководящих музейных работников этот вопрос не ставился. Только на 7–8-м году революции некоторые работники поставили шире задачи этих музеев, исходя из основных особенностей каждой усадьбы»⁴³.

Так, при соответствующей расстановке акцентов основная тема художественно-бытового музея получила название «Искусство правящего класса». С этой точки зрения Архангельское было представлено «как центр сосредоточения и изучения искусств в начале XIX столетия». План экскурсии: «Постройки в Архангельском. Классицизм, как идеологическое мировоззрение аристократии и буржуазии. Бове, Тюрин, Мельников и пр., их работы в Архангельском. Работы крепостного архитектора Стрижакова и его отношение к привилегированным специалистам.

Парковая архитектура. Театр в Архангельском, зрительный зал и декорации Гонзаго (1750–1831). Крепостные актеры. Унижение личности интеллектуально развитого крепостного. «Юсуповский гарем». Оргии владельца.

Здание дворца, планированное как музей (1815). Монументальная живопись XVII и XVIII ст. Искусство нарождающейся буржуазии, школа Давида. «Героический классицизм» в начале XIX ст»⁴⁴.

Тезисы к обзорной экскурсии прекрасно комментируют марксистско-ленинский подход в освещении данной темы: «...Объяснение искусствоведческих тем дается в разрезе заменяющихся общественно-классовых формаций»⁴⁵.

Третья экскурсия «Быт, труд и творчество крепостных» появилась, вероятно, в 1929 г., т.к. полностью построена на материале, освещающем экономические вопросы крестьянского и усадебного хозяйства и требовала самостоятельного раздела экспозиции. Основная тема экскурсовода сформулирована так:

«Предметы быта и их освещение через новые принципы экспозиции: ...XVII в., конец XVIII столетия, оброк и барщина, эксплуатация. Крестьянское землепользование к моменту генерального межевания (1766–67 гг.). Соха и борона – примитивная обработка земли. Владельческие крестьяне и превращенные их в крепостные души. Крестьяне как товар. Быт помещика и быт крестьянина. Дворовые. Крепостная интеллигенция. Дворец и курная изба. Крестьянские волнения, пугачевщина. Телесные наказания, ссылки в Сибирь.

Помещики основывают Вольно-экономическое общество в целях изучения сельского хозяйства.

Начало XIX столетия. Торговый капитал. Мануфактура, система домашнего производства. Капиталисты – крестьяне. Выкуп на волю крепостных. Вольнонаемный труд. Система вотчинного управления. Ревизские сказки. Судебная власть помещика. Рекрутчина, оброк, барщина и смешанные повинности...» и так далее.

«Современность. Права рабочих и крестьян. Конституция СССР. Обобщественные формы хозяйства. Колхоз, поселковое товарищество. Совхоз. Рублевский водопровод»⁴⁶.

Чтобы понять, о каких новых принципах экспозиции идет речь в экскурсиях, обратимся к тезисам доклада «Экскурсия в Архангельское»: «...С 1928 г. музей начал перестраивать экскурсионную работу, вводя новые принципы в освещение быта и экономических вопросов по усадьбе. ...Совершенно отбрасывая сомнитель-

ную роль и значение владельцев в истории общественности, музей взял основными темами те политические моменты, которые ярко оттеняют противоречия между владельцами усадьбы и окружающим ее населением. ...Музей не берет в основу тех историко-фамильных наслоений, которые были в усадьбе в XVII и XVIII столетиях, а представляет материал, характеризующий вообще развитие экономических и культурных форм старой России.

Экскурсия начинается вводной частью о развитии экономических предпосылок, переходящих в производственные организации к началу XIX столетия, и, отмечая такие политические моменты, как бунт 1812 г. ...переходит к освещению Архангельского, как места сосредоточения классических образцов искусства и их изучения в 20-х годах XIX столетия.

В объяснении бытовых моментов даются новые принципы экспозиции. Витрины с различного рода таблицами и предметами помогают посетителю разобраться в действительной обстановке прошлого времени. Письма, указы, гравюры должны характеризовать не только быт и строй крепостнического общества»⁴⁷.

Таким образом, основная идея каждой экскурсии заключена в следующем: Архангельское – один из ценнейших памятников культуры Подмосковья, созданный крепостными русскими мастерами.

В 1928 г. экскурсии проводились «силами лекторов МГСПС, Губполитпросвета, Культотдела НКП и культотдела Мосгуботдела». Одиночные посетители «организовывались на месте, и руководство ими проводилось сотрудниками музея». Музей посетило 25.118 человек. Проведено 383 экскурсии. Группы значительно перегружены (в среднем по 38 человек). По сравнению с 1927 г. (26 человек в группе). Поэтому увеличение числа экскурсий при возросшем (на 4.196 человек) количестве посетителей не свидетельствует об улучшении организации экскурсионной практики⁴⁸. В составе посетителей выделены следующие группы: рабочие (экскурсантов – 8.063, «одиночек» – 3.534, проведено 160 экскурсий); служащие (одиночные посетители – 2.567, экскурсанты – 3.763, проведено 163 экскурсии), учащиеся (экскурсанты – 2.014, проведено 52 экскурсии, 83 человека посетили музей самостоятельно); красноармейцы

(377 экскурсантов, 11 экскурсий); «прочие» (4.500 человек) самостоятельно осматривали дворец⁴⁹. По сравнению с 1927 г. число посетителей из категории «служащих» резко сократилось, а число рабочих, напротив, значительно увеличилось. Самой малочисленной группой посетителей, как и в 1927 г., оказались крестьяне (166 экскурсантов и 51 человек среди «одинок»). Состав значительной группы «прочих» по-прежнему не изучался⁵⁰. Для выяснения запросов посетителей ограничиваются «Книгой отзывов»: «...Общее впечатление о работе музея у посетителей удовлетворительное... Имелись пожелания об издании полного путеводителя по музею»⁵¹.

«Неоправданно преувеличивая пропагандистские функции музеев при недооценке специфики музеев...»⁵², советская власть всячески стремилась сократить число музеев дворянской культуры. В прессе стали высказываться мысли о необходимости использования усадеб для удовлетворения нужд различных учреждений просвещения и здравоохранения. Над музеями-усадьбами нависла угроза уничтожения, именно в эти годы были ликвидированы музеи в подмосковных усадьбах Остафьево, Дубровицы, Михайловское, Отрада, Введенское. С большим трудом удалось отстоять Кусково, Останкино, Мураново.

В 1928 г. в музее сложилась необычная ситуация. В связи с расширением дома отдыха Мосздравотдела на территории музея было принято постановление Моссовета о запрещении организации экскурсий в Архангельское⁵³. Главная причина якобы заключается в посетителях, загрязняющих Рублевский водопровод. Зав. музеем пришлось в цифрах доказывать, что посетители, которые только около трех часов находятся на территории музея, значительно меньше виновны в загрязнении охранной зоны, нежели отдыхающие дома отдыха. «...Прошу учесть, – пишет он, – что у большинства людей потребность ко всякого рода загрязнениям в течение 3-х часов и не бывает, а в 24 часа она почти что неизбежна. За истекший год за санитарным состоянием Архангельского пришлось наблюдать музею, а не Мосздраву...»⁵⁴ Невольную улыбку вызывает положение, при котором экскурсанту непременно нужно стать отдыхающим Мосздравотдела. В заключение А. Найдышев просит МОНО возбудить вопрос о пересмотре решения Моссовета⁵⁵.

Столь неожиданное препятствие в экскурсионной работе музея и дождливое лето не помешали усиленному посещению музея. В праздничные дни число посетителей превышало 1.500 человек в день⁵⁷, а часов работы музея было явно недостаточно. Музей открыт с 11 до 16 часов по воскресным и праздничным дням и с 12 до 17 часов по вторникам, четвергам и пятницам⁵⁸. «В связи с массовым посещением лишен возможности закрывать музей в определенный час, у всех служащих имеются переработки», которые просят оплатить, пишет А. Найдышев в июне 1928 г.⁵⁹

В 1928 г. в музее стали осваивать еще один вид научно-просветительской работы с населением – лекционная работа. Еще в 1926–27 гг. Комиссия МРКИ отмечала, что культурно-просветительская работа с населением, кроме руководства экскурсиями, практически отсутствует. Нет лекций, «не ведется пропаганда значения музея (кроме «Муранова»), нет и краеведческой работы (кроме «Дубровиц»), совершенно отсутствует связь с местными просветительскими учреждениями, нет издательской деятельности»⁶⁰. Предлагалось читать лекции, рассылать объявления, печатать в отделе «Хроники» газет сообщения о музеях, развешивать рекламу. Войти в сношения с местными просветительскими учреждениями (УОНО, школы, избы-читальни, клубы и проч.) на предмет ознакомления их с самими музеями и чтения лекций»⁶¹. То есть Комиссия предлагала развивать разнообразные виды и формы работы с населением, использовать популяризаторскую деятельность.

Практически в 1928 г. в домах отдыха и среди местного населения «зав. музеем прочитал ряд лекций с использованием музейного материала об Архангельском и театре в Архангельском»⁶². Деятельность сотрудников в этой области выражена лишь в общих чертах: «...научно-просветительскую работу среди посетителей и окружающих деревень музей вел путем объяснений при проведении экскурсий по музею и увязки своей работы, через работников музея, работающих в местных культурных и общественных учреждениях по выборам, с местными органами»⁶³. Высокий интерес к музею, как отмечает А. Найдышев⁶⁴, в общем-то не требовал его популяризации, а решение культурно-просветительских задач

через музей всегда встречало вполне понятные трудности. Однако странно, что для этой цели не использовали Клуб комсомольской ячейки в бывшем храме-усыпальнице, во всяком случае он ни разу не упоминается.

В 1929 г. музейный подотдел МОНО подводит итоги просветительской работы музеев за предшествующий период⁶⁵. «Как известно, – пишет зав. подотделом МОНО, – вопросы обслуживания масс в музеях являются наиболее актуальными и наиболее трудными вопросами. ...Буквально нет ни одного музея, где бы не жаловались на недостатки массовой работы, на плохого руководителя экскурсий, на плохо составленный путеводитель, на слабую просветительскую работу с населением и т.д. ...Жалуются на то, что руководитель рассказывает про всякие стили – барокко и ампир, – а социально-экономической основы под эти стили не подводит; рассказывает о владельцах дворца или усадьбы, строителях, перечисляет всех родичей Юсупова, Шереметева, забывая, видимо, о том, что эти родословные только путают новичка-посетителя, в голове которого образуется каша от Голицыных в Архангельском, Голицыных в Вязёмах, Урюпине, Дубровицах и т.д.; ...жалуются на то, что население не видит в музее действительного центра научно-просветительской работы, хотя таким центром музей должен быть не в меньшей мере, чем в области собственно научной работы.

...Особенно остро в данное время стоят два вопроса: 1) изучение посетителя и работа с ним и 2) создание вокруг музея постоянного коллектива, из которого вырастет и огромная воспитательная работа над самим коллективом, и широкая массовая работа»⁶⁶.

В 1932 г. в журнале «Советский музей» была помещена статья К. Я. Виноградова, посвященная музеям-усадьбам. Автор утверждает, что «...за минувшие годы подготовлены, хотя далеко не достаточно, кадры экскурсоводов... окончательно пройден этап в работе, когда малограмотные смотрители усадеб и сторожа руководили экскурсиями. Однако предстоит большая работа над созданием руководителя-марксиста, широко образованного, который требуется для многократных музеев-усадьб»^{66а}.

Говорить конкретно об экскурсионной работе после 1930 г., не представляется возможным из-за отсутствия документов. Можно отметить, что после передачи дворца-музея НКО СССР в 1933 г. музей обязывался пропускать не менее 10.000 человек в год⁶⁷.

В тридцатые годы происходит отказ от системы закрытия музея на осенне-зимний сезон, что отрицательно влияло на состояние памятника.

Открытие музея в усадьбе Архангельское для широкой аудитории стало реальной возможностью познакомиться с одним из замечательных памятников искусства и культуры XVIII–XIX вв. Посещение музея было организовано с первого года его существования. Количество посетителей постоянно возрастало. Интерес к музею проявляли все слои населения. По численности среди посетительского состава преобладали рабочие и служащие. Основной формой работы с посетителями была экскурсионная работа. В организации экскурсионной работы музей испытывал серьезные трудности, связанные главным образом с отсутствием в штате музея должности экскурсовода. Экскурсионное обслуживание осуществлялось преимущественно сотрудниками сторонних организаций. В обработке и подаче экскурсионного материала одновременно происходит процесс накопления используемого исторического материала и его идеологизация. Если до 1924–25г. экскурсовод часто использует художественное описание, то в дальнейшем под влиянием идеологических установок он вынужден усилить социально-экономическое звучание экскурсии. Музей превращается в «орудие перевоспитания широких масс»⁶⁸, а экскурсия служит основным средством намеченной цели.

В 30-е годы доступ в музей широким слоям населения, которым так гордились долгие годы, вновь ограничен из-за организации дома отдыха НКО СССР.

ГЛАВА III
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ, РЕМОНТ И РЕСТАВРАЦИЯ
ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ И ПАРКА
1917–1940 гг.

В отношении охраны памятников в музее-усадьбе «Архангельское» прослеживаются два основных направления. Первое – национализация усадьбы в 1918 г. и проведение реставрационных работ во дворце и усадебных постройках. С другой стороны, с открытием дворца-музея было положено начало многолетней практике немусейной эксплуатации памятников усадебного ансамбля, имевшей печальные последствия.

2 мая 1919 г. музейный отдел НКП разрешил предоставить флигель дворца (вероятно, правый) «для нужд детской колонии»¹, которая не замедлила с размещением². 9 июня 1919 г. Архангельский культурно-просветительный кружок получил разрешение на пользование павильоном «Гараж» (восточный флигель Лавровой оранжереи) для постановки спектаклей от музейного отдела НКП³. В письме в музейный отдел Кружок отмечает, что пользуется указанным зданием в течение двух лет для постановки любительских спектаклей на оборудованной сцене, проводит лекции и так далее⁴.

27 июля 1919 г. с согласия управляющего имением «...Отдел по делам музеев, имея в своем распоряжении художественную усадьбу Архангельское, находит возможным предоставить здание «Зимнего дворца» (правый Оранжерейный флигель) и электрической станции (павильон «Каприз») под санаторий для выздоравливающих красноармейцев, а потому настаивает на необходимости составить техническую комиссию по обследованию зданий и немедленному проведению незначительных ремонтных работ»⁵. Однако начавшийся в ноябре 1919 г.⁶ «незначительный ремонт» затянулся на весь 1920 г., а число переданных построек увеличилось.

Другие здания, в том числе дворец, также не остались без внимания. Усыпальница князей Юсуповых отдана в распоряжение Земотдела в июне 1919 г.⁷ В том же году Н. И. Троцкой была предоставлена квартира с музейной обстановкой на 2-м этаже дворца.

Наблюдение за квартирой несло ГПУ. Квартира находилась в распоряжении зав. музейным отделом НКП до 1927 года⁸.

В первый год своего существования музей предусматривал текущий ремонт, он включал: «поправление крыши, водосточных труб, исправление и очистка отхожих мест, дымоходов и труб, проверка и установление громоотводов... разборку у дворца веранды, портящую архитектурный вид дворца»⁹.

К концу 1919 г. в музее возникла проблема «хотя бы частичного ремонта дворца-музея», для чего было необходимо «обследование и тщательный обмер соответствующих частей здания»¹⁰. Особенно остро в 1920 г. этот вопрос коснулся помещений 2-го этажа дворца (необходим срочный ремонт крыши над Екатерининским залом); левого флигеля (возможность провала пола и потолка 1-го этажа); террас парка (ремонт балюстрады, ступеней в верхнем и нижнем гроте)¹¹.

На заседании Коллегии Отдела по делам музеев... НКП 2 февраля 1920 г. было решено командировать архитектора И. В. Рьельского для обследования дворца в Архангельском¹². По-видимому, архитектора так и не дождалось.

В конце апреля музей вторично обращает внимание Отдела по делам музеев... НКП «на серьезные повреждения в различных частях дворца, в стенах террас, балюстрадах, лестницах и колоннадах. Всего опаснее состояние полов в верхней библиотеке и в Каретном сарае, грозящее неминуемым провалом». Просит выслать архитектора для осмотра дворца¹³.

В мае, вероятно, Архангельское все же посетили представители Отдела. Зав. усадьбой-музеем было указано на «недопустимость устройства каких-либо публичных зрелищ в помещении театра, т.к. осмотром выявлено весьма древнее (плохое) состояние здания, при каком скопление значительного количества публики может оказаться весьма опасным. Необходимо принять меры для ремонта... никакие переделки и приспособления его недопустимы без решения отдела»¹⁴.

В июле 1920 г. Отдел по делам музеев... НКП обращался в Губернскую инженерную дистанцию с просьбой оказать содействие

в проведении срочного ремонта потолков и террас¹⁵, т.к. смета расходов на 1920 г. предусматривала лишь мелкий текущий ремонт¹⁶. В августе щели на крыше дворца были замазаны, но уже следующей весной обнаружилась сильная течь¹⁷.

В июле 1920 г. на заседании Строительной комиссии при Хозяйственном управлении музейного отдела с докладом о неотложном ремонте в Архангельском выступил С. К. Родионов. Принято решение приступить к ремонту, для чего к началу работ был выдан аванс в 500.000 руб.¹⁸

11 августа 1920 г. в связи с подготовкой ремонтных работ архитектор Николай Алексеевич Пустаханов производил технический осмотр зданий Архангельского и вынужден был приостановить ремонт в правом флигеле Лавровой оранжереи. Дело в том, что в этом году Всероссийскому Комитету помощи больным и раненым красноармейцам были переданы Лавровая и Лимонная оранжереи с флигелями, замыкавшие композицию регулярной части парка в Архангельском. В течение двух летних месяцев в оранжерейных корпусах велись работы по оборудованию и устройству помещений для «Красной санатории» Московской губернской военно-инженерной дистанцией под наблюдением инженеров Д. Д. Хуторова и Васильева. Архитектор Н. А. Пустаханов обнаружил, что для устройства жилых помещений в правом, трехэтажном флигеле Лавровой оранжереи, носившим название «Зимний дворец», были пробиты два окна, изуродовавшие фронтон, представляющий «... весьма интересную конструктивно-архитектурную обработку, трактованную как аттик с фронтоном... В связи с гибелью фронтона пропала вся ценность архитектурной обработки фасада южной стороны флигеля. ...Из личной беседы с Хуторовым, выяснилось, что они намерены еще произвести растеску всех окон 2-го этажа восточной стороны, что губит архитектурную обработку уже всего флигеля, а если к этому добавить второе предположение, т.е. понижение пола 2-го этажа на аршин или полтора, что погубит часть интересной и нелишенной красоты обработки внутри флигеля, можно считать памятник погибшим»¹⁹. В ответ на заявление Пустаханова²⁰ музейный отдел предложил производителю работ приостановить ремонт, согласно

постановлению Совнаркома от 05.10.1918 г., и предоставить на рассмотрение Отдела планы намеченных переделок²¹, а также принять меры «...для освобождения «Чайного домика» (бывший павильон «Библиотека») от заполняющих его материалов... расположенных близ фриза», вследствие чего, павильон «...сильно страдает от образующейся в нем сырости»²².

Игнорируя требования музейного отдела, МГВД, вероятно, завершила бы работы в правом флигеле Лавровой оранжереи, если бы не пожар 15 декабря. В 5 ч. 30 мин. по неустановленным причинам возник пожар, в результате которого полностью сгорел «Зимний дворец» (правый флигель Лавровой оранжереи), имевший мемориальное значение для усадьбы: в жилых комнатах флигеля останавливались хозяева и гости (среди них – А. И. Герцен и Бисмарк, оставившие свои воспоминания об Архангельском). Архитектура регулярной части парка была нарушена, лишившись одного из важных, заключительных элементов центральной оси дворцово-паркового ансамбля. Общий убыток, без сгоревшего имущества, составил около 55.272.500 руб.²³ Предполагаемая причина могла бы стать предысторией юмористического рассказа, если бы не печальный финал. Служительница «Красной санатории» Аннушка проходила в 5 утра в плотничную и столярную мастерские, в нижнем этаже флигеля за щепками для растолки печей и обронила искру²⁴.

Здание сразу решили вновь отстроить, и музейный отдел потребовал от Всерокомпома при производстве работ восстановить в прежнем виде искаженный переделками фронтон с южной стороны²⁵.

На следующий день после пожара, загорелась «деревянная дача против квартиры завхоза и аптеки» (предположительно дача № 7). Причина вызвана техническим недосмотром при возведении временной печи²⁶. В связи с этим Пустаханов и комендант Денисов от музея и инженеры Хуторов и Васильев от МГВД осмотрели все печи и дымоходы помещений «Красной санатории». Акт осмотра был представлен в докладе Пустаханова на заседании архитектурного подотдела музейного отдела НКП 28 декабря 1920 г. В акте перечислены 16 зданий на территории усадьбы, переданные Всерокомпому, среди них: Лимонная оранжерея с флигелями (1-й корпус санатория); Лавровая

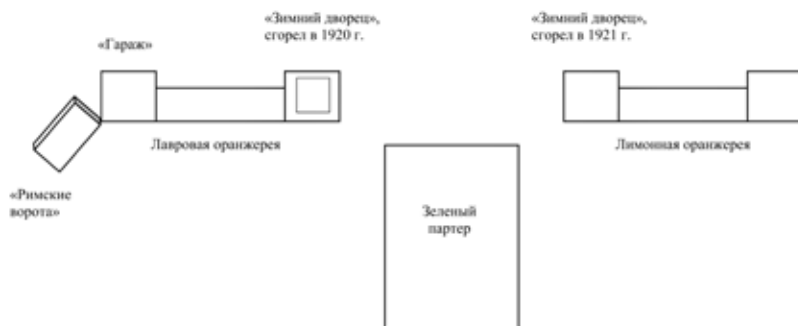
оранжерея с флигелями (2-й корпус санатория, левый флигель – павильон «Гараж», правый флигель – сгоревший «Зимний дворец»); электрическая станция (павильон «Каприз»); Дом смотрителя; «Конторский флигель» (в нем хлебопекарня на 1-м этаже, второй этаж занят кабинетом врача и комнатой коменданта); дача № 1 («Башня над оврагом»)²⁸; дача № 10; дачи – желтая и голубая; дача бывшего детского сада; дача № 7 деревянная с мезонином, где размещена аптека и квартира завхоза «Красной санатории» («Домик Герцена»)²⁹.

В качестве мер противопожарной безопасности было решено проводить регулярные работы по осмотру и ремонту печей, труб и дымоходов, изолировать стены у печей асбестом и металлическим листом³⁰.

Столкнувшись с реальной возможностью возникновения пожара, зав. музеем В. А. Фревилль просит Хозяйственную комиссию музейного отдела НКП выдать 7 огнетушителей, т.к. в музее нет водопровода³¹.

На следующий год Лимонная оранжерея вслед за Лавровой была полностью перестроена «Красной санаторией», лишив Архангельское его знаменитых оранжерей и остатков ботанических коллекций, о чем сожалеет очередная комиссия архитекторов Главмузея (Е. В. Шервинский, С. А. Торопов, Н. А. Пустаханов). В конце ноября 1921 г. эта комиссия «...осмотрела работы Красной санатории в имении Архангельское» в присутствии производителя работ по «Красной санатории» Д. Д. Хуторова и военкома 17-го района МГВД А. О. Кавелновича и констатировала, что в Лимонной оранжерее оборудованы палаты, столовая, ванная и хозяйственные помещения, для чего «...все приведено в жилой вид». В Лавровой оранжерее продолжались работы по оборудованию палат санатория, а в павильоне «Гараж» приступили к устройству котельной для отопления всего корпуса^{31а}. Сгоревший флигель Лавровой оранжереи был отстроен, но с «искажением основных линий фасада», изменивших облик здания. Музейный отдел так и не смог добиться от Всекомкома устранения самовольных переделок при восстановлении «Зимнего дворца»^{31б}. В декабре 1921 г. произошел второй пожар, в результате которого сгорел правый от партера флигель (левый фли-

гель Лимонной оранжереи), также названный в документах «Зимним дворцом»^{31в}. Сгоревший флигель стоял в полуразрушенном виде до 1934 года, когда на месте снесенных оранжерей началось строительство корпусов санатория Наркомвоенмора.

В результате декабрьских пожаров 1921–22 гг. «...выгорели до тла два боковых [от партера] флигеля, оба замыкавшие композицию и сильно ее нарушившие», как пишет зав. музеем В. А. Фревилль. Значение произошедших утрат для всего дворцово-паркового ансамбля в Архангельском прекрасно понимали сотрудники музея, музейного отдела и Центральных Государственных Реставрационных мастерских Наркомпроса, но изменить сложившуюся ситуацию не могли. Учреждения и организации, вторгшиеся на территорию усадьбы, не считались с требованиями охраны памятников, о чем свидетельствует вся дальнейшая практика немусейной эксплуатации усадебных построек, приведшая к печальным последствиям^{31г}.

Весной 1923 г. павильон «Гараж» был возвращен музею в полуразрушенном состоянии, без оконных рам, со сломанными дверями. Пробитые стены и потолки для устройства парового отопления «...были заброшены в начале работ». В нижнем этаже были выломаны полы и вырыта яма «...для предполагаемого устройства там котлована и также заброшена в начале работ». Водопровод и канализация были полностью разрушены. В течение 1923–24 гг. на свои средства музей отремонтировал не только павильон «Гараж», но и весь корпус Лавровой оранжереи: вставил все стекла,

восстановил десять печей, все полы и крыши, водопровод и канализацию. На некоторое время Лавровой оранжерее был возвращен ее первоначальный облик. Однако сразу после ремонта 16 комнат отремонтированного павильона «Гараж» были сданы на лето управлению делами Всероссийской социалистической Академии^{31д}, а восстановленный правый флигель Лавровой оранжереи – «Зимний дворец» позднее был самовольно занят на летнее время домом отдыха Мосздравотдела^{31е}.

Возвращаясь к вопросу охраны дворца в начале 1920 г., необходимо отметить тяжелые условия того времени, в которых сотрудникам приходилось охранять памятники музея. В середине марта В. А. Фревилль пишет в Отдел по делам музеев... НКП: «Служащие дворца-музея, получавшие некоторое время паек от Красной санатории, уже неделю как лишены санаторией продовольствия и сейчас настолько истощены голодом, что поневоле отказываются от самих неотложных для музея работ. ...Усиленно прошу Комиссию... похлопотать о скорейшем снабжении продовольствием всех служащих дворца-музея, – дабы возможно было продолжать необходимые работы и не оставлять музея без ночной охраны»³².

Еще одна характерная деталь того времени – освещение дворца для ночной охраны фонарями, на которые расходовалась 1/2 пуда керосина в месяц³³.

По обстоятельствам времени (ввиду большой потребности строительных материалов; должного числа строительных рабочих; технического надзора; транспорта) в начале 1921 г. вновь отложен «существенно необходимый ремонт: 1) перекрытия и исправления Въездных ворот; 2) перекладки боковых крылец дворца; 3) смены сгнившего пола Каретного музея; 4) смены трех прогнивших потолочных балок и ферм крыш театра»³⁴. Минимальный план работ в музее предусматривал лишь общие ремонтные работы: смену ржавых листов, промазку фальцев и гребней крыши, исправление оконных и дверных рам, побелку и прочее, а также уборку зонта с южной стороны дворца (вероятно, не выполненную в 1919 г.)³⁵.

При содействии МГВД в 1921 г. выполнены следующие работы: текущий ремонт крыш, колоннад, левого флигеля, театра, «Чайного

домика» и «Каприза». Но все принятые меры были временными. Так, пол в каретном сарае «частично исправлен и подкреплён», а «исправление разрушений в капителях, антаблементе и фронтоне портика, в штукатурных и лепных частях павильона «Каприз» отложено до капитального ремонта. Разрушения были вызваны «давнишним затеканием воды как от испорченных сливов, так и от малого сечения водосточных труб и воронок». Основные работы, произведенные в 1921 г., составили: очистка дренажной сети вокруг дворца; новые оконные переплеты в бельведере и 2-м этаже правого флигеля дворца; двери в старой библиотеке и кладовых (2-й этаж дворца); закрыты на зиму продушины в цоколе дворца; установлены ставни в окнах театра; разобран зонт на южном фасаде дворца³⁶.

Наибольшие опасения, по-видимому, вызвал левый флигель дворца, поэтому 12 декабря Н. И. Троцкая обращается с просьбой все к той же «Красной санатории»: «...во имя спасения культурных ценностей дворца» помочь Главмузею в ремонте Каретного сарая. А именно: зачислить на довольствие «Красной санатории» трех рабочих и предоставить лесной материал, который был минувшим летом 1921 г. приготовлен для ремонта дворца. «При отсутствии этих двух условий, – заключает Троцкая, – краткий строительный сезон будет упущен» и музей не сможет спасти погибающие ценности дворца³⁷. Итак, прошел еще год, а капитальный ремонт зданий музея вновь отложен. Среди многочисленных причин в 1921 г. прежде всего, следует отметить не выданный аванс из утвержденной сметы на 1921 г.³⁸ Кроме того, архитектор Н. А. Пустаханов (ответственный за ремонтные работы Строительного бюро Главмузея по усадьбам) отмечает ряд особенностей при ремонте усадеб, осложняющих проведение работ. Это удаленность от железных дорог; трудность технического наблюдения за работами в усадьбах, находящихся в различных частях губернии (всего предполагается к ремонту 9 усадеб); затруднительное получение на местах рабочих рук и так далее³⁹.

Год 1922-й в найденных мной документах практически не упоминается. Протокол 72-го заседания Госкомитета по охране памятников природы от 4 марта содержит сообщение А. Н. Тришевского о том, что Реставрационный отдел Главмузея приступает к реставрации

(впервые появляется это слово, но, вероятно, как и раньше, имеется в виду обычный ремонт) построек усадьбы и парка⁴¹. Однако все последующие события свидетельствуют, что к реставрации Главмузей так и не приступил.

Тот же отдел охраны природы выдал для охраны музея в 1922 г. 5 винтовок системы «Гро» за № 98089, 52956, 193730, 2965 и 7523, зарегистрированные Воскресенским уездным военкоматом⁴².

В 1923 г. переделки коснулись здания дворца. Причина, вызвавшая принятие столь серьезного решения, была абсолютно не обоснована и исходила от лица, призванного своей должностью больше других заботиться об охране памятников. Речь идет об устройстве зимней квартиры в комнатах второго этажа дворца для Л. Д. Троцкого. Всего в ведении ГПУ оказалось 14 комнат второго этажа дворца, здесь и разместились квартиры Н. И. Троцкой и Л. Д. Троцкого. В июне по инициативе ГПУ была созвана Комиссия из представителей ГПУ (инженеры) и представителей Отдела по делам музеев... НКП по вопросу об устройстве частичного водяного или парового отопления в помещении Л. Д. Троцкого. Сотрудники ГПУ предложили проект, при котором, как считали представители Отдела, одновременное существование музея и отапливаемых жилых помещений не обеспечит дворец от возможности пожара, неодиоичные примеры которого еще свежи в памяти. Яркий пример тому – Кузьминки, где в это время пожар уничтожил центральную часть комплекса. В дальнейшем сотрудники Отдела в Комиссию не приглашались, а 27 июля комендант усадьбы получил уведомление о начале работ по оборудованию зимней квартиры от начальника Административного Управления ГПУ. При этом музею предлагалось оказать содействие в работе материалом и транспортом. Неправомерность подобных действий никто не принимал в расчет. Несмотря на то что приказом Реввоенсовета республики (председателем которого был Л. Д. Троцкий) от 27.09.21 вменялось в обязанность всем подведомственным Реввоенсовету учреждениям по вопросу переделок и ремонта в охраняемых памятниках представлять планы работ на утверждение Главмузея⁴³. Зав. музеем, понимая несостоятельность столь легкомысленного решения, ставящего под угрозу существова-

ние памятника архитектуры и ценнейших коллекций, просит о создании технической комиссии⁴⁴. В Комиссию вошли: И. П. Недрит, А. И. Тришевокий, И. В. Рыльский и С. А. Торопов. Они подтвердили возможность искажения редкостного музейного здания и памятника архитектуры, угрозу пожара и затопления музейных зал при устройстве водопровода и т.д. «Необходимо в заключении заметить, – пишут музейные работники, – что отопливаемые европейские музеи имеют огнестойкие конструкции и солидные противопожарные мероприятия. Этот же музей вполне могущий стать в ряд европейских, дошел до нас потому, что строен только летним и владельцы зимою жили, как известно, во флигеле, а по летам жили и вообще редко»⁴⁵. Параллельно Комиссия обнаружила неправильную проводку электричества по чердаку, при воспламенении которой пожар неизбежен, а Отдел отказался от ответственности в этом случае⁴⁶. Музей, лишенный возможности искать защиты у музейного отдела, вероятно, обратился к зав. Главнаукой Ф. Н. Петрову, по его поручению еще одна Комиссия осмотрела 2-й этаж дворца. Комиссия решила, что второй проект ГПУ предполагаемых работ «не внесет существенных порч в музейные помещения», и предлагает на время ремонта вынести все ценное имущество и библиотеку из дворца; «...чтобы в случае возможности пожара уменьшить тем потерю ценного имущества Республики». Понимая всю несостоятельность причины, по которой сотрудники должны были провести столь грандиозные в музее работы, вместо того, чтобы заниматься своими обязанностями; Комиссия предлагает отремонтировать для квартиры «часть здания второго флигеля» (вероятно, правого)⁴⁷. Для реализации проекта Управление московского губернского архитектора разработало 10 пунктов противопожарных мероприятий. Надзор за сохранением «...художественно-исторических частей здания» поручен И. П. Недриту и Н. А. Пустаханову⁴⁸.

В то же время действительно актуальная проблема сохранения памятников, требующих реставрации, остается открытой. В подтверждение многократных сообщений в музейный отдел В. А. Фревилль вновь уведомляет о состоянии балюстрад, террас, пола и потолка в сарае исторических карет, угрожающих неизбежным обвалом

(сентябрь 1923 г.)⁴⁹. С ремонтом, в котором здание нуждалось уже три года, не спешили и в следующем, 1924 году⁵⁰, только к осени работы в левом флигеле были завершены, и экспонаты вернулись на прежнее место⁵¹. Работы производились реставрационным подотделом музейного отдела НКП под наблюдением и руководством архитектора С. Ф. Кулагина⁵². Он же руководил текущими ремонтными работами по дворцу⁵³. Потребность ремонта дворца оценена в 42.000 довоенных золотых рублей при оценочной стоимости в довоенных золотых рублях – 525.000, таким образом, процентное соотношение к стоимости дворца необходимой суммы на ремонт составляло 8%. Общая сумма необходимого ремонта в дензнаках 1922 г., оценена в 9.450,000 рублей, при 5% исчислениях ремонта 1 кубического саженья⁵⁴.

Общая сумма, полученная на ремонт в 1924 г. от Хозэксу Главнауки, не составила и сотой доли от нужной суммы. Всего получено 1.480 рублей⁵⁵. При этом эксплуатация музейных зданий в качестве дачных помещений и ведомственных учреждений продолжается, а полученные средства используются на их же ремонт⁵⁶. Образуется замкнутый круг, и подобное отношение к памятникам поддерживается музейным отделом. Н. И. Троцкая к тому же предлагает не придерживаться «строгой педантичности» при взимании платы с «подсобных учреждений или помещений»⁵⁷. По распоряжению Хозэксу Главнауки Архангельской ячейке РКСМ предоставлено под клуб здание бывшей усыпальницы князей Юсуповых и разрешено занять его до заключения договора⁵⁸. Здание заняли, а договор не заключили ни в этом, ни в следующем году⁵⁹. Госиздату в том же году под санаторий предоставлено помещение в Архангельском (конкретно не указано)⁶⁰. Павильон «Каприз» занят сотрудниками Реввоенсовета Республики (монтер Л. Д. Троцкого) и музейным сторожем⁶¹.

Позднее, в 1926 году, Комиссия МРКИ отмечала: «В погоне за доходами нередко передаются под жилые помещения, сдача которых рискованна или в виду могущего произойти пожара, или порчи музейного имущества. С другой стороны, часть помещений сдается жильцам бесплатно»⁶². Людям, не имеющим непосредственного отношения к охране памятников, оказалось легче понять недопустимость

и губительность сложившейся ситуации. Архангельское в эти годы скорее похоже на арендное предприятие, находящееся на хозрасчете, это целый дачный поселок, при котором музей действует в качестве ремонтной организации. В списке арендованных зданий 1925–26 гг. по-прежнему «Гараж», «Часовая башня», «Домик в саду» и т.д.⁶³

Средства от дохода музея (в том числе аренды) в 1925 г. предполагалось истратить на необходимый ремонт: «облицовка одежды подпорных стен парка» и «восстановление разрушенной белокаменной балюстрады». Чтобы получить собственные спецсредства музея для его же реставрации, Н. И. Троцкую просят ходатайствовать перед заведующим Главнаукой Ф. Н. Петровым о дополнительном отпуске средств из доходов по усадьбе⁶⁴. Вопрос так и не решили. «...Большие реставрационные работы по восстановлению террас...» (верхняя терраса восстановлена полностью, нижняя – в большей части) произведены в период октября 1926 – октября 1927 года⁶⁵.

Ведение ремонтных работ по госбюджету от реставрационного подотдела вновь поручено С. Ф. Кулагину⁶⁶. Предполагалось: перестелить доски потолков над сценой театра, исправить фронтоны над Въездными воротами; частичное исправление штукатурки и покраска (вероятно, дворца)⁶⁷.

Выполнен только капитальный ремонт арки Въездных ворот за счет средств 1926 г. Перекрытия театра по-прежнему «в угрожающем состоянии», постройки Архангельского требуют наружного и внутреннего ремонта (начало 1926 г.)⁶⁸.

Проблема расселения служащих в музее долгие годы не была решена. Каждую весну и осень служащие должны были менять помещения по случаю сдачи их на лето⁶⁹. В 1925 г. квартирный вопрос пытались решить путем строительства отдельных флигелей для служащих. Место их расположения в документах не указано. К сожалению, или нет, но проект остался на бумаге⁷⁰. Для заведующей музеем квартиры была устроена в восточном флигеле дворца (бывшая кухня), для чего изменена внутренняя планировка и частично – внешний вид⁷¹. Происходившие в течение многих лет перестройки памятников, видимо, уже не вызывали возмущения у сотрудников музея. Наличие жилья во дворце и архитектурных памятниках по-прежнему вызывало

неудовлетворительное состояние противопожарных мер⁷². Управление музеями-усадьбами «...выработало правила пользования примурами, но эти меры цели достигнуть не могли»⁷³.

В 1926 г., помимо текущего ремонта дворца, требуют ремонта: фонтаны, скульптура, ограда. Все необходимые работы внесены в план, но, как и в предыдущие годы, не выполнены⁷⁴. 1927 год не изменил сложившейся ситуации. Музейные здания, как и прежде, арендуются⁷⁵; 14 комнат 2-го этажа дворца находятся в распоряжении ОГПУ⁷⁶; ремонт, помимо текущего, не производится. Совет ВЦИКа пытался получить от СНК РСФСР средства на ремонт «Гаража» в Архангельском, где разместился дом отдыха Мосздравотдела. Наркомату финансов предложено предусмотреть эту сумму лишь в следующем году⁷⁷.

Мосздравотдел, получив в 1928 г. в свое распоряжение «Часовую башню», «Каприз», флигели Лавровой оранжереи, 5-ю и 10-ю дачи, две сторожки и театр⁷⁸, претендует на здания придворцовых флигелей. Вопрос по требованию МОНО передан в президиум Моссовета⁷⁹. Передача в бесплатное пользование зданий музея объяснялась «необходимостью расширения дома отдыха» Мосздравотдела⁸⁰. Здесь предполагалось разместить жилые корпуса на 500 человек. Для экспозиции экипажей Мосздравотдел обещал построить сарай. Несмотря на распоряжение Моссовета от 08.03.1927 г. № 9 о прекращении всех ремонтных и строительных работ на территории музея, сарай был построен⁸¹. Архитектор Н. А. Пустаханов определил постройку как временную, и музей отказался перемещать экспозицию в непригодное для музейной коллекции помещение⁸².

Зав. музеем, хорошо представляя себе все последствия передачи флигелей дворца, пишет письмо зав. музейным подотделом МОНО, в котором описывает выразительную картину предстоящих разрушений дворца. Переустройство флигелей нарушит композицию ансамбля дворца и предаст его облику «мещанско-обывательский тип». «Теперь представьте, – пишет автор, – ...воскресенье – летом, до 1.500 человек посетителей и до 500 человек отдыхающих. Создастся такой затор, что никакая охрана не поможет...»⁸³ Обостряется проблема охраны музейных ценностей и противопожарной безопас-

ности дворца. Пример – 1927 г., вновь по вине Мосздравотдела возник пожар в левой части «Зимнего дворца». «А если... МОЗО нужен дом отдыха, пускай они восстанавливают то, что у них было сожжено», – заявляет А. Найдышев⁸⁴. Однако в планы Мосздравотдела не входило такое решение. Значительно проще было выселить музей из музейных помещений. 1 апреля 1928 г. флигели переданы Мосздравотделу⁸⁵. В результате сотрудникам музея пришлось выполнить огромную работу по перемещению из флигелей мебели XVIII в., библиотеки музея и 100 библиотечных шкафов; резко сократились площади фондохранилищ, и сотрудникам практически не осталось места для научно-исследовательских работ⁸⁶.

Здания флигелей как архитектурные памятники, входящие в ансамбль дворца, утрачены для музея. Предполагаемый капитальный ремонт дворца отложен, так как средства отпущены не были. За счет спецсредств под наблюдением архитектора И. Я. Епанечникова отремонтированы «Зал Тьеполо» и северный салон Гюбера Робера, произведен капитальный ремонт трельяжа (пергол), «частичная замена поручня и тетевы по колоннадам»⁸⁷.

С 1 апреля 1928 г. по договору с административным отделом Воскресенского УИКа музей перешел на милицейскую охрану. Создан штат из четырех младших милиционеров. Введены один суточный подвижной наружный пост у дворца и в праздничные дни один дневной пост от 12 часов до 6 часов⁸⁸. Общая охрана в музейные дни 1928–29 гг. составляла восемь постов (вероятно, 7 из них – смотрители)⁸⁹.

При передаче музея в МОНО обращено внимание на отсутствие договорных обязательств учреждений, занимающих музейные здания. МОНО настоятельно требует оформить соответствующие документы⁹⁰.

В 1928 г. музейные здания находятся в бесплатном пользовании трех учреждений: ОГПУ (дом отдыха и 14 комнат 2-го этажа дворца), Мосздравотдела (дом отдыха) и районной ячейки РКСМ⁹¹. ОГПУ в 1927–28 гг. должно было передать музею занимаемые помещения в «Капризе» и комнаты на 2-м этаже дворца. Суд в иске отказал, а хозотдел ОГПУ категорически заявил о нежелании освободить помещения⁹². В результате резко сокращена арендная плата⁹³ и поступления в спецсредства музея, используемые на ремонт.

В 1928 г. возникла необходимость укрепления плафона «Овального зала», в связи с этим разработаны два проекта С. А. Торопова и Н. Я. Епанечникова. Но предполагаемые работы не выполнены ни в этом, ни в следующем, 1929 году⁹⁴.

К концу 20-х годов в результате беспорядочного положения музея в общий усадебный комплекс внесены значительные искажения. Утрачен павильон «Мекка», перестроен «Каприз» с утратой основных частей его, разобраны вовсе или неузнаваемо перестроены служебные и людские корпуса комплекса, сгорели два оранжерейных флигеля, а оранжерейные корпуса перестроены. Все эти данные приведены в техническом паспорте музея-усадьбы «Архангельское», составленном ЦГРМ НКП в период 1928–29 гг.⁹⁵ Несмотря на столь внушительный список разрушений, постигших усадьбу, составители паспорта находят возможным Архангельское «для всех видов использования без нарушения внешнего архитектурного оформления»⁹⁶. Подобное заключение позволило в дальнейшем полностью перестроить флигели дворца, разрушить оранжереи.

16 октября 1933 г. постановлением СНК СССР «...бывшее юсуповское имение Архангельское» вместе с дворцом-музеем и санаторием Лечебно-Санитарного Управления Кремля, располагавшегося на территории усадьбы, переданы в ведение Наркомата по военным и морским делам «...для организации дома отдыха для старшего и высшего начальствующего состава Московского гарнизона»⁹⁷. «В целях сохранения редкого исторического памятника искусства XVIII–XIX столетий, Мособлоно сохраняет при дворце все архитектурные памятники, включая театр, парк и парковые постройки». «...НКВМ обязуется реставрировать здание, привести в порядок парковое хозяйство и восстановить парковую архитектуру в течение 1934 г.»⁹⁸.

Для своего времени с точки зрения сохранения и охраны памятника сосредоточение комплекса в одном ведомстве имело положительное значение для музея в целом. Архангельское получило реальную возможность организации реставрационно-восстановительных работ. И хотя намеченное выполнение работ в течение одного года оказалось нереальным, к концу 30-х годов основные ремонтно-восстановительные работы были выполнены.

При содействии К. Е. Ворошилова 4 сентября 1933 г. вышло постановление СНК РСФСР «О разрешении Наркомпросу израсходовать 25.000 руб. за счет сокращения госбюджетных ассигнований других учреждений Наркомпроса»⁹⁹. При проведении ремонтно-восстановительных работ использовались работы по обмерам и фотофиксации, проведенные между 1934 и 1937 г. научным сотрудником музея А. П. Смирновым и работниками фотолаборатории Архитектурного института¹⁰⁰. В 1939–40 гг. завершена реставрация театра¹⁰¹.

Однако организация реставрационных работ не снимает ответственности НКВМ и Наркомпроса за произведенные перестройки. В 1934 г. началось строительство корпусов санатория на месте разрушенных оранжерей по проекту архитектора В. А. Апышкова на основании директивы Народного комиссара по военным и морским делам и председателя РВС СССР К. Е. Ворошилова (№ 01/1501 от 15.01.1934 г.) «О строительстве дома отдыха «Архангельское». Для контроля за ходом строительства приказом Реввоенсовета СССР (№ 15 от 15.01.1934) был создан специальный совет, в который вошли только представители военного ведомства во главе с зам. председателя РВС СССР С. С. Каменевым¹⁰². Органическое единство существовавшего ансамбля было навсегда утрачено, нарушена перспектива парка, открывавшаяся от дворца на замоскворецкие дали. «Не дожидаясь окончания строительства...» (1937 г.) «...решено было как можно скорее принять отдыхающих. С этой целью капитально переоборудованы помещения в крыльях старого юсуповского дворца, создав в них комнаты для отдыхающих. Это дало возможность уже 5 декабря 1934 г. открыть Архангельское как дом отдыха РККА»¹⁰³. Похоже, что военных не интересовало единство усадебного комплекса, а отдыхающих вполне устраивало то, что сохранилось, ведь Архангельское на 1940 г. – один из лучших домов отдыха в стране¹⁰⁴.

Говорить более подробно о 30-х годах XX в. в истории охраны памятников музея пока невозможно из-за отсутствия документов.

П А Р К

Неотъемлемой частью усадебного ансамбля в Архангельском является парк.

«Разбитый еще в 30-х годах XVIII века и в основном сформированный в 80–90-х годах, парк является «регулярным...»¹. «В 20-х годах XIX века регулярная часть была окружена живописными пейзажными рощами, носившими романтические названия, – Аполлонова, Малиновая, Магометова и т.д.»². Для размещения всего собрания растений в 1827–28 гг. ремонтируются и расширяются существующие и строятся новые оранжереи³. В 1829–1830 гг. «...архитектор В. Г. Дрегалов перекладывает заново террасы парка»⁴.

«Таким образом, парк в Архангельском, который по композиции и гармонической красоте своей почти безупречен, отразил в себе вкусы разных эпох и влияние различных традиций. Перед нами одно из лучших произведений садово-паркового искусства России конца XVIII – начала XIX века»⁵.

При Б. Н. Юсупове усадьба занимала до 350 десятин земли⁶. С 1816 по 1832 г. парк обслуживали 20 садовников⁷. По данным 1937 г., парк занимал площадь в 143 тысячи квадратных метров, имея 436 м в длину и 328 м в ширину⁸.

В сентябре 1918 г. был поднят вопрос о спасении ботанических оранжерейных коллекций усадьбы Архангельское. В Коллегии по делам музеев было решено перевезти из оранжерей Архангельского в Московский ботанический сад наиболее ценные растения и послать экспертов в усадьбу для выяснения этого вопроса⁹. Принял ли Ботанический сад хотя бы часть растений, пока не известно. Понимая реальность угрозы неминуемой гибели ботанических коллекций из-за отсутствия средств на содержание растений в усадьбах Архангельское, Останкино и Кусково и не имея возможности вывезти их, Коллегия предлагает новое решение: войти с предложением в Московский губернский земельный отдел об организации одной общей оранжереи, в которой объединить все три ботанические коллекции¹⁰. Вопрос решен не был, коллекции утрачены навсегда.

Декретом 23 октября 1918 г. парк усадьбы Архангельское был национализирован и перешел в ведение Московского губернского земельного отдела¹¹. В конце 1918 г. парк вместе с постройками передан в распоряжение Наркомздрава (Комитету больных и раненых красноармейцев)¹².

Можно говорить о том, что в период с ноября 1917 г. до осени 1918 г. парком никто не занимался. В дальнейшем охрана и уборка парка входила в обязанности сотрудников музея. При этом объем необходимых работ был явно не под силу одному музею. В смете расходов на вторую половину 1918 г. требуется для уборки парка: «15 лошадей, 40 человек-гребцов, 4 человека-пильщика...», на что потребуется 11.000 рублей. Становится понятным, почему до конца двадцатых годов парк не смогли привести в порядок. Отсутствие реальной организации охраны памятника садово-паркового искусства до 1921 г. разрушало его первоначальный облик.

21 октября 1921 г., на основании декрета от 16 сентября 1921 г., парк Архангельского включен в список художественно-исторических садов и парков, объявленных неприкосновенными. Московское Управление советским хозяйством дает согласие на передачу парка, наряду с другими усадебными парками, в ведение Главмузея¹³. Однако соглашение с Московским губернским лесным отделом было подписано только 23 марта 1923 г. По соглашению парки Архангельского, Останкина, Кускова и других усадеб поступали в ведение подотдела охраны художественно-исторических садов и парков Главнауки НКП. На Главнауку возлагалась охрана парка, его реставрация и прочистка, составление плана парка, Мослесотдел оставлял за собой право контроля за парком и его использованием. Территория заповедного архангельского парка, переданного Главнауке, составляла 180 десятин от площади в 280 десятин парка¹⁴. За музеем, согласно плану усадьбы 1914 г., должны быть закреплены следующие границы: «...Татьянина роща, Аполлонова роща, Мекка (Магометова роща), урочище, зверинец, Прусская роща, исторический парк и участок с историческими насаждениями, включая церковную землю в пределах новой церкви мавзолея, Конторы и Часовой башни, проводя границу

около здания 3-го корпуса новой и старой стройки, дома кооперации, школы и т.д. с одной стороны; реки с другой стороны, низ по оврагу от скотного двора по пруду, плотине, здания бывшей Башни и по оврагу Мекковой рощи». Н. И. Трощкая отмечает, что «...вышеуказанные границы должны быть сохранены во-первых, как характеризующие историческую усадьбу, а во-вторых, как источник дохода, необходимый для поддержания и сохранения памятника и экономии в расходовании государственных средств на содержание памятника»¹⁵. Под источником дохода подразумеваются продажа сухостойного материала и арендная плата за покосы и огороды на территории парка. Проект землеустройства парка был составлен в 1924 г., при этом землеустроитель от МОЗО счел нужным отделить 60 десятин паркового массива, переданного Главмузею, в пользу совхоза «Архангельское». Зав. музейным отделом Н. И. Трощкая указала на недопустимость принятия такого решения, т.к. эта территория не является по своему характеру полезной. Трощкая приводит факт «прочистки» парка около строений усадьбы по распоряжению зав. совхозов «Архангельское», являвшийся вырубкой крупных деревьев. Передача части парка повлекла бы его постепенное уничтожение¹⁶. Вопрос землеустройства музея не был решен до 1927 г. Комиссия МРКИ, деятельность которой имела большое положительное значение для музея, в данном случае считала, что площадь парка в Архангельском очень велика. В период 1925–26 гг. она составляла всего 130 десятин¹⁷.

В 1927 г. завершено землеустройство парка, его площадь составила 200 десятин земли. В штат музея включен 1 лесник-сторож. Как следствие недостаточной охраны, зав. музеем отмечает факты порубок леса¹⁸.

Документы 1927 г. содержат факты грубого нарушения в использовании и охране памятника садово-паркового искусства. Для проведения линии высоковольтных передач Военно-инженерным полегоном, без согласования с Главнаукой и МОЗО, был разработан план, по которому линия проходила в непосредственной близости от дворца, через парк. Организация приступила к работам, в результате чего было вырублено до 500 взрослых деревьев,

прежде чем были приняты меры. По постановлению Президиума Воскресенского Уисполкома Советов Р., К. и К. Д. были приняты меры дисциплинарного порядка к нарушителю и требовалось произвести посадку молодняка. Для проведения линии был выработан другой проект¹⁹.

С открытием дома отдыха Мосздравотдела деятельность музея по охране парка сильно усложнилась. Меры морального воздействия ввиду многочисленности отдыхающих были явно недостаточны. Данные обязательства по охране парка Мосздравотдел не выполнил²⁰. Парк был засорен и подвергся частичному разрушению. В результате сотрудникам музея пришлось приводить парк в порядок своими силами²¹. В течение лета были факты единичных порубок деревьев крестьянами. «Велась борьба с пастыбой скота, чрезвычайно пагубно отражавшаяся на молодняке»²².

Безусловно, что силами одного лесника невозможно было привести в порядок парк и охранять его должным образом. К концу 20-х годов парк зарос, значительно изменив свой первоначальный вид. Ушла в другое русло Москва-река, «...нарушив этим один из основных моментов эффектного расчета архитектора-композитора», отмечают сотрудники ЦГРМ²³.

Благоустройство парка стало возможным в 1933–34 гг. Постановлением СНК РСФСР Наркомпросу было разрешено израсходовать на ремонтно-восстановительные работы построек и парка 25 тыс. рублей²⁴.

Строительство корпусов и спортивных площадок в 1934–40 годах повлияло на первоначальную планировку²⁵. Передача парка НКО СССР в 1934 г. не способствовала научному использованию памятника садово-паркового искусства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История организации и деятельности музея-усадьбы «Архангельское», как и любого учреждения, неразрывно связана с историей своего времени. Государственная музейная политика в период 1917–40 гг. четко прослеживается в конкретном музейном учреждении. Музей-усадьба «Архангельское» с 1918 по 1940 г. испытал на себе все этапы государственной политики, в которых проявились различные тенденции в отношении к музею как социальному институту.

«Годы 1917–18 характеризуются прежде всего целями спасения, охраны культурного наследия...»¹ «Лозунг власть на местах, – читаем в отчете музейного отдела Наркомпроса за 1917–22 гг., – в первый период дал с одной стороны возможность опираться на новые организации Советской власти, но с другой – защита их была сопряжена с величайшими препятствиями, так как на местах необходимость охраны культурных ценностей считалась несвоевременной и казалась в первые дни революции защитой старых устоев и буржуазного имущества»².

Судьба усадьбы Архангельское является одним из немногих примеров своевременной организации охраны памятника. Служащие Архангельского по собственной инициативе взяли усадьбу под свою охрану, получив охранную грамоту от ВРК на дворец и его коллекции. Охрана была поручена бывшему служащему усадьбы А. К. Логинову.

С января 1918 г. контроль за охраной дворца осуществляли сотрудники Московской Комиссии по охране памятников, а в дальнейшем Отдела по делам музеев. Понимая необходимость сохранения одной из великолепнейших подмосковных, усадьбу неоднократно посещали с целью описания коллекций, вывоза музейных ценностей для их спасения и подготовки проекта о национализации. В 1918 г. в усадьбу приезжали сотрудники музейного отдела: А. В. Середин, Е. С. Васильев, Ю. П. Анисимов, И. Э. Грабарь, В. А. Мамуровский.

Большое значение в истории усадьбы имел декрет о ее национализации 23 октября 1918 г., решивший вопрос о подготовке к открытию музея.

Практически музей был основан еще до национализации усадьбы.

В июне–июле 1918 г. во дворце прошли первые экскурсии. Временные штаты будущего музея были сформированы в сентябре 1918 г. и находились на госбюджете Наркомпроса. Охрана дворца была возложена на смотрителя К. К. Скриноуса. После национализации и до назначения хранителя музея в июне 1919 г. охрана дворца находилась в ведении сотрудника музейного отдела НКП И. П. Недрига. В набранном штате музея оставлены лишь двое бывших служащих усадьбы. Официальной датой открытия музея является 1 мая 1919 г. Но фактически музей был открыт несколько позднее. Впервые в истории усадьбы доступ к осмотру дворцово-паркового ансамбля подучил широкий круг посетителей. Интерес к музею, проявленный в 1918 г., ежегодно увеличивался. Неизученность истории усадьбы до появления первого очерка К. В. Сивкова в 1926 г. не позволяла освещать ее при проведении экскурсий. Примерно до 1924–25 гг. в содержании экскурсий преобладало художественное описание. Но постепенно возрастают требования к научно-просветительской работе музея, как основной форме идеологического воздействия на массы. Экскурсии проводятся в основном сторонними экскурсионными организациями из-за малочисленности штатов и лишь двух научных сотрудников. От экскурсоводов требуют освещения истории усадьбы (в том числе искусствоведческих вопросов) с точки зрения смены общественно-экономических формаций, обязательно подчеркивая ведущую роль крепостных в создании усадебного комплекса. Однако утверждение этой линии государственной музейной политики в музее-усадьбе происходит уже в тридцатые годы. Как отмечает зав. музейным подотделом МОНО, в 1929 г. руководство по-прежнему получает гневные письма, в которых жалуются на отсутствие социально-экономической основы при рассказе экскурсоводов «про всякие стили – барокко и ампир...». Поэтому проблема кадров в музейной системе решается заменой старых специалистов и беспартийных работников историками-марксистами. Так, в 1927 г. зав. музеем В. А. Фревилль понижена в должности, а затем уволена. На ее место назначен А. А. Найдышев с партстажем с 1917 г. Но в данном случае зав. музеем оказался хорошим

специалистом, пытавшимся защитить музей при решении острых вопросов охраны памятников и коллекций.

В период 1918–25 гг. основной деятельностью музея была фондовая работа. С 1918 по 1919 г. сотрудники музейного отдела и музея занимались описанием, упаковкой и отправкой музейных предметов для обеспечения их сохранности. Отсутствие условий хранения в летнем дворце и возможность утраты художественных ценностей, являющихся национальным достоянием, определили их вывоз в хранилища Государственного музейного фонда и Музея изобразительных искусств, как необходимую меру. В дальнейшем вывоз части сохранившихся коллекций стал значительным препятствием для восстановления музейных коллекций и организации экспозиционной работы в музее. Фондовая работа по организации хранения, атрибуции, реставрации и научному описанию музейных предметов занимала ведущее место в деятельности музея. Приведение в порядок учетной документации фондов, составление полных описей коллекций и карточного каталога библиотеки завершено лишь в 1927 г. При проведении фондовой работы обычно привлекались специалисты других музеев и музейного отдела.

Пополнение коллекций за счет вывезенных музейных ценностей и художественных произведений, хранившихся в юсуповском дворце на Мойке и некогда входивших в собрание Н. Б. Юсупова, стало возможным в 1926–28 гг. Огромная работа, проделанная сотрудниками по отбору, упаковке и транспортировке материалов, была успешно завершена благодаря содействию Управления делами Президиума Моссовета. Проводившаяся государственная кампания, порученная Наркомпросу и Наркомторгу, по отбору вещей для экспорта за границу приостановила работу музея-усадьбы по передаче художественных произведений.

Проведение подобной линии государственной политики в отношении музейных ценностей и ранее отражалось на коллекциях музея. В 1924–25 гг. и 1927 г. музей продавал имущество из своих фондов в другие учреждения и через Госторг с разрешения музейного отдела.

Государственная установка, направленная на равномерное распределение художественных ценностей между музеями, отрази-

лась в конкретном музее на разрушении ценного библиотечного собрания в 1928–29 гг. Часть книг была передана в ГБЛ (ок. 2.000 тома) и значительное количество книг оказалось в Музее изобразительных искусств и Институте Маркса и Энгельса.

Организация научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной работы реально осуществляется лишь с 1925–26 гг. В 1925 г. открыта «Галерея исторических экипажей XVIII – начала XIX в.». С 1927 г. научные сотрудники музея активно занимаются изучением истории усадьбы в период ее расцвета, уделяя первостепенное значение экономическим вопросам и организации производств в усадьбе. Цель научных исследований направлена на подтверждение основных идеологических положений диалектического материализма, использование полученных сведений в научно-просветительской деятельности, направленной на воспитание «нового человека». С другой стороны, научная работа В. А. Фревилль и А. А. Найдышева по изучению описей 1816–27 гг. позволила сотрудникам музея воссоздать к 1929 г. в экспозиции музея облик парадных залов дворца, приближенный к усадебной обстановке на период расцвета Архангельского. Созданная экспозиция в основе своей была сохранена до наших дней. В 1928 г. впервые были открыты залы левого крыла второго этажа дворца. На основе изучения описей, сотрудники музея пришли к заключению о невозможности восстановления первоначального облика этих комнат. Экспозиция была решена как синтез нескольких выставок по истории осветительных приборов, типичной усадебной коллекции живописи в усадебной обстановке своего времени из фондов музея. В экспозиции были представлены архивные материалы, изделия архангельского производства (фарфор, ткани), слепки с гемм из коллекции Юсупова. Проведение экскурсий, в которых все направлено на подтверждение противоречий между антагонистическими классами, становится невозможным без подтверждения соответствующей экспозицией. В 1929 г., как отражение требований музейной политики появляется отдел «Труд, быт и творчество крепостных». Но и здесь, как противоречие музейной политике, и значительное достижение в музейной работе 1929 г., открывается замечательная выставка книги. Сотрудникам музея удалось отстоять

и задержать на время проведения выставки часть книг, подготовленных к отправке. Цель выставки наилучшим образом выделила специфику музея, имея возможность продемонстрировать на прекрасных образцах XVI–XVIII веков развитие книгопечатания и одновременно показать библиотечное собрание в целом как пример типичного усадебного собирательства.

В итоге полученных данных можно сказать, что конец 20-х годов стал наиболее ярким этапом в деятельности музея рассматриваемого периода. Результатом его стало построение экспозиции, в основном сохранившейся до наших дней.

В отношении охраны памятников в музее-усадьбе «Архангельское» прослеживаются два направления, противоречащие друг другу и потому характерные для своего времени. С одной стороны, национализация усадьбы и проведение ремонтных работ в 1924, 1926–28 гг. и 1934–39 гг. С другой стороны, многолетняя практика немусейной эксплуатации памятников усадебного ансамбля, имевшая печальные последствия для музея. Одним из самых негативных и символических для своего времени примеров являлась организация квартиры Н. И. Троцкой в музейной обстановке в стиле Людовика XVI на втором этаже дворца с 1919 по 1927 г. В 1923–24 гг. для устройства зимней квартиры Л. Д. Троцкого были переоборудованы комнаты на втором этаже дворца. Проведение этих работ поставило под угрозу существование памятника архитектуры и искусства. Принятые решения явились полным противоречием изданным постановлениям по охране памятников заведующей музейным отделом и председателя Реввоенсовета Республики.

В истории музея-усадьбы нет недостатка в подобных примерах. Многолетняя эксплуатация памятников Всесоюзным комитетом (позднее Мосздравотделом) приводила к неоднократным пожарам (в 1920, 1921 и 1927 гг.), порче музейного имущества (парковой скульптуры), загрязнению парка. В результате перестройки оранжерейных корпусов и пожаров оранжереи как составные части усадебного комплекса и памятники мемориального значения были навсегда утрачены для усадьбы.

Широкое применение практики аренды музейных зданий под дачи, дома отдыха и санатории различными учреждениями и организациями привело к значительным разрушениям и перестройкам усадебной архитектуры. Использование подобной практики поддерживалось музейным отделом, а деньги от аренды шли на восстановление все той же усадебной архитектуры.

В конце двадцатых годов большинство музеев-усадьб оказалось под угрозой уничтожения. Враждебный настрой в отношении к дворянской и буржуазной культуре отразился и на музее-усадьбе «Архангельское». В 1928 г. площадь музея была значительно сокращена, его постройки, в том числе и театр с великолепными декорациями Гонзаго и сохранившимся интерьером, а также флигелем дворца были переданы Мосздравотделу для расширения санатория. А в 1934 г. сам музей и весь садово-парковый ансамбль поступили в распоряжение НКО СССР. Мособлоно оставляло за собой лишь право на распоряжение музейным собранием и общее руководство его сотрудниками.

В ходе строительных работ, развернутых на территории усадьбы, Наркоматом Обороны СССР были полностью перестроены придворцовые флигели. Созданный в едином стиле, он потерял составную часть своей композиции. Зимние оранжереи с мемориальными флигелями были снесены, а на их месте выстроены тяжеловесные корпуса дома отдыха. Нарушена перспектива регулярного парка, открывавшаяся от дворца на замоскворецкие дали. В парке, землеустройство которого было завершено лишь к 1927 г. и составило 200 десятин земли, были разбиты спортивные площадки, уничтожен нижний, цветочный партер. Судя по расставленным в театре стульям на фотографии 1940 г., здание использовали как клуб дома отдыха.

Однако, несмотря на столь сложную обстановку, музей-усадьбу «Архангельское» удалось сохранить. Уцелела основная часть парка с главными архитектурными сооружениями, большая часть интерьеров дома. Музей продолжал развивать все направления своей деятельности, основа которых была заложена в тяжелых условиях первых послереволюционных десятилетий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

И. ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельское. – М., 1952.
2. То же. – М., 1985.
3. Безсонов С. В. Архангельское. – М., 1937.
4. Жуков Ю. Н. Сохраненное революцией. – М., 1985.
5. Он же. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. – М., 1988.
6. Кончин Е. Эмиссары восемнадцатого года. – М., 1981.
7. Кузина Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 г. г. // Сб. научных трудов НИИ культуры. / Под ред. Каспарьянской С. А. – Ч. I. – М., 1991.
8. Кусково. Останкино. Архангельское. – М., 1981.
9. Лобанов В. М. Подмосковные. – М., 1919. – С.с. 7–10.
10. Любецкий С. М. Окрестности Москвы. – М., 1887. – С.с. 268–270.
11. Познанский В. В. Архангельское. – М., 1966.
12. Рапорт В. Л. Библиотека в Архангельском. // Познанский В. В. Архангельское. – М., 1966.
13. Савинская Л. Ю. Иллюстрированные каталоги частных картинных галерей второй пол. XVIII – первой трети XIX в. в. // Актуальные проблемы отечественного искусства. – М., 1990. – С.с. 49–61.
14. Сивков К. В. Архангельское. – М., 1926.
15. Торопов С. А. Архангельское. – М., 1927.
16. Унанянц Н. Т. Собрание живописи в Архангельском. // Художник. – № 4. – 1978. – С.с. 45–51.
17. Чайнов А. В. Московские собрания картин сто лет назад. – М., 1917.
18. Шамурин Ю. Подмосковные. – М., 1912. – С.с. 40–51.
19. Он же. Подмосковные. – М., 1914. – Вып. 2.

II. ИСТОЧНИКИ ОПУБЛИКОВАННЫЕ

1. Анисимов Ю. Зал Тъеполо в Архангельском. – М., 1928.
2. Он же. Выставка работ Н. де Куртейля. – М., 1928.
3. Арсеньев И. А. Воспоминания. // Исторический вестник. – 1887. – № I.
4. Архангельское. – М., 1928.
5. Архангельское. – М., 1940.
6. Архангельское. – М., 1974.
7. То же. – М., 1981.
8. Бисмарк в Москве и в с. Архангельском у князя и княгини Юсуповых. // Русский архив. – № II. – 1908. – С. с. 381–384.
9. Благово Д. Рассказы бабушки. – СПб., 1885. – С. с. 225–233.
10. Вениаминов Б. Архангельское. // Мир искусства. – 1904. – №2. – С. 31–40.
11. Гейнеке Н. А. Культурно-исторические экскурсии. Основные вопросы методологии и методики культурно-исторических экскурсий. // Культурно-исторические экскурсии. – Вып. III. – М., 1923. – С.с. 1–41.
12. Герцен А. И. Записки одного молодого человека. // Собр. соч. – М., 1934.
13. Забелин И. Е. Оранжереи и сады подмосковных вотчин кн. Д. М. Голицына в 1737 году. // Опыт изучения русских древностей и истории. – М., 1837. – Ч. II. – С. 330–337.
14. Известия художественно-просветительского отдела. – № 2. – М., 1918. – С. 28.
15. Машковцев Н. Панно и картины Гюбер-Робера в Архангельском. – М., 1928.
16. Московский краевед. Музейный выпуск. – №№ 7–8. – М., 1929.
17. Пассек Т. П. Последний праздник дружбы. Из заметок, найденных мною в бумагах Вадима и одного из его товарищей... // Воспоминания. – Т. I. – СПб., – С.с. 416–431.
18. Письма А. Я. Булгакова к брату. // Русский архив – ноябрь 1900, ноябрь 1902.
19. Русский архив. – № 11 – 1904. – С.с. 437–438.
20. То же. – Т. III. – 1887.
21. Рыков П. Музеи за XV лет Октября. // Советский музей. – № 6. – 1932.
22. Свиньин П. П. Первое письмо из Москвы. 1819. // Отечественные записки. – №№ 1–2. – 1920.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ

1. Центральный Государственный архив РСФСР:
 - Ф. 259, Оп. 9 а, Д. 3
 - Ф. 259, Оп. 9 б, Д. 598
 - Ф. 259, Оп. 11 а, Д.д. 77, 160
 - Ф. 259, Оп. 24, Д. 48
 - Ф. 406, Оп. I, Д. 709
 - Ф. 406, Оп. 12, Д. 1706
 - Ф. 2306, Оп. 2, Д. 270
 - Ф. 2306, Оп. 3, Д. 258.
 - Ф. 2306, Оп. 9, Д. 121
 - Ф. 2306, Оп. 28, Д.д. 9, 12, 18, 46, 48, 106, 108, 125, 133
 - Ф. 2306, Оп. 70, Д. 1058
 - Ф. 2307, Оп. 3, Д.д. 20 б, 29, 33, 39, 53, 67, 130, 139, 241
 - Ф. 2307, Оп. 8, Д. 132
 - Ф. 2307, Оп. 9, Д. 121
 - Ф. 2307, Оп. 10, Д.д. 109, 222
 - Ф. 2307, Оп. 11, Д. 12
 - Ф. 2307, Оп. 28, Д.д. 19, 81.
2. Центральный Государственным архив Московской области:
 - Ф. 966, Оп. 4, Д.д. 19, 1790, 2337
 - Ф. 4341, Оп. 1, Д. 262
 - Ф. 4341, Оп. 4, Д. 73.
3. Центральный Государственный архив Октябрьской революции и Социалистического строительства г. Москвы: (с 1994 г. – ЦХИДК –)
 - Ф. 1, Оп. 1, Д.д. 23, 117, 367
 - Ф. 2761, Оп. 1, Д. 18.
4. Государственный архив Российской Федерации:
 - Ф. 410, Оп. 1, Д.д. 2, 30, 171
 - Ф. 1, Оп. 1, Д. 20.
 - Ф. Р-3316, Оп. 12, Д. 543.
5. Российский Государственный архив древних актов:
 - Ф. 1290, Оп. 5, Д. 3118.
6. Центральный Государственный архив Советской Армии:
 - Ф. 4, Оп. 12, Д.д. 68-69.

ВВЕДЕНИЕ

1. Любецкий С. М. Окрестности Москвы. – М., 1887. – С. 268-270.
2. Шамурин Ю. Подмосковья. – М., 1912. – С. 40-51.
Он же. Подмосковные. – М., 1914. – Вып. 2.
3. Вениаминов Б. Архангельское. // Мир искусства. – 1904. – № 2. – С. 31-40.
4. Лобанов В. М. Подмосковные. – М., 1919. – С. 7-10.
5. Сивков К. В. Архангельское. – М., 1926.
6. Бисмарк в Москве и в с. Архангельском у князя и княгини Юсуповых // Русский архив. – 1908. – № II. – С. 381-384.
7. Герцен А. И. Записки одного молодого человека. // Собр. соч. – М., 1934.
8. Пассек Т. П. Последний праздник дружбы. Из заметок, найденных мною в бумагах Вадима и одного из его товарищей... // Воспоминания. – Т. 1. – СПб., – С. 416-431.
9. Письма А. Я. Булгакова к брату. // Русский архив. – ноябрь 1900., ноябрь 1902.
10. Свинын П. П. Первое письмо из Москвы. 1819. // Отечественные записки. – 1920. № 1-2.
11. Арсеньев И. А. Воспоминания. // Исторический вестник. – 1887. – № I.
12. Русский архив. – 1904. – № 11. – С. 437-438.
То же. – 1887. – Т. III.
13. Торопов С. А. Архангельское. – М., 1927.
14. Забелин И. Е. Оранжереи и сады подмосковных вотчин кн. Д. М. Голицына в 1737 году. // В кн: Опыт изучения русских древностей и истории. – М., 1837. – Ч. II. – С. 330-337.
15. Булгаков А. Я. Ук. соч.
16. Благово Д. Рассказы бабушки. – СПб., 1885. – С. 225-233.
17. Безсонов С. В. Архангельское. – М., 1937.
18. Там же. – С. 5.
19. Познанский В. В. Архангельское. – М., 1966.
20. Рапопорт В. Л. Библиотека в Архангельском. // Познанский В. В. Архангельское. – М., 1966.
21. Кусково. Останкино. Архангельское. – М., 1981.
22. Архангельское. – М., 1985.
23. Жуков Ю. Н. Сохранение революции. – М., – 1985.
Он же. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. – М., 1988.
24. Кончин Е. Эмиссары восемнадцатого года. – М., 1981.
25. Кузина Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917-1941 гг. // Сб. научных трудов НИИ культуры. / под ред. Каспарянской С. А. Ч. I. – М., 1991.
26. ГАРФ. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 20, Л. 153 и др.
27. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л. л. 16 – 16 об.
То же. – Оп. 1, Д. 48, Л. 80.
То же. – Оп. 2, Д. 167, Л. л. 67, 70 и др.
28. То же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 46, Л. I.
29. То же.
30. То же, – Ф. 2307, Оп. 3., Д. 241, Л. 93.
ЦГАМО. – Ф. 4341, Оп. I., Д. 262, Л. л. 41, 42, 44, 67.
ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 9, Д. 121, Л. л. 2, 9.
31. ГАРФ. – Ф. 410, Оп. 1, Д. 171, Л. 93.
- 31а. Место хранения постановления не известно.
Сборник постановлений СНК Российской Федеративной Советской Республики за 1918 г.
- 31б. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 3, Д. 258, Л. 26.

- 31в. Там же. – Ф. 259, Оп. 9а, Д. 3, Л.л. 155, 163.
31г. Там же. – Оп. 9 б, Д. 598, Л.л. 8, 12, 22, 101, 106, 156.
Там же. – Оп. 11а, Д. 77, Л.л. 6, 21.
Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 39, Л.л. 43-43об.
ЦГАМО – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 200-201об.
32. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л.л. 3 об, 143.
ГАРФ. – Ф. 410, Оп. I., Д. 2, Л.л. 15-19.
33. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л.л. 7, 17, 28-29об, 34, 41об.
34. Там же. – Л. 90.
35. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 33, Л.л. 10-11.
Там же. – Д. 29, Л. 87.
36. Там же. – Л. 130, 139, 29.
37. Там же. – Ф. 406, Оп. 12, Д. 1706, 709.
38. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 161, 175, 206, 207, 209.
39. Там же. – Л.л. 10, 29.
40. Там же. – Л.л. 4, 14.
Там же. – Ф. 4341, Оп. 1, Д. 262, Л. 64.
41. Там же. – Л.л. 76, 86, 85.
ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 173-174.
42. Там же. – Ф. 4341, Оп. 1, Д. 262, Л. 3.
ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 10, Д. 222, Л. 96.
ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 210.
43. Там же. – Л.л. 200-202.
44. ЦГАОРСС. – Ф. I, Оп. 1, Д. 367, Л.л. 15-16, 20-21об, 22-23.
45. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337., Л.л. 147-152.
46. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 70, Д. 1058, Л.л. 1-3.
47. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 130, Л.л. 2-2об.
48. Там же. – Оп. 10, Д. 109, Л. 38.
49. Там же. – Оп. 9, Д. 121, Л.л. 52-57об.
50. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337., Л.л. 24-45.
51. Там же. – Д. 1790, Л.л. 24-28об.
52. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 67, Л.л. 119-121.
53. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3., Д. 241, Л.л. 94-94об.
54. Там же. – Оп. 10, Д. 222, Л. 11.
55. Там же. – Оп. 11, Д. 12, Л. 2.
56. ЦГАОРСС. – Ф. I, Оп. 1, Д. 23, Л.л. 24-32.
57. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 153-154.
58. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 130, Л. 2-3об.
59. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 34-36.
60. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 8, Д. 132, Л.л. 1-21.
61. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 166-172.
62. Известия художественно-просветительского отдела. – № 2. – М., 1918. – С. 28.
63. Архангельское. Краткий исторический очерк. – М., 1928.
64. Машковцев Н. Панно и картины Гюбера Робера в Архангельском. – М., 1928.
65. Анисимов Ю. Зал Тьеполо в Архангельском. – М., 1928.
66. Он же. Выставка работ Н. де Куртейля. – М., 1928.
67. Небезина Р. Книжная выставка музея Архангельское. – М., 1928.
68. Московский краевед. Музейный выпуск. – № 7-8. – М., 1929.

69. Там же. – С. 1.
70. Григорьева С. П. Значение музеев Москвы и Московской губернии для музейного строительства СССР. //Московский краевед. – №№ 7-8. – М., 1929. – С.с. 5-18.
71. Клабуновский И. Г. Музейное строительство в Московской губернии. //Московский краевед. – №№ 7-8. – М., 1929. – С.с. 18-37.
72. Сивков К. В. Музеи-усадьбы Московской губернии. //Московский краевед. – № 7-8. – М., 1929. – С.с. 37-45.
73. Цветаева Е. Издания музеев Московской губернии. //Московский краевед. – №№ 7-8. – М., 1929. – С.с. 162-168.
74. Архангельское. – М., 1974.
75. Архангельское. – М., 1981.

ГЛАВА I.
ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ УСАДЬБЫ
АРХАНГЕЛЬСКОЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ МУЗЕЯ
1917–1934 гг.

1. Жуков Ю. Н. Сохраненное революцией. – М., 1985. – С. 43
2. Известия Художественно-просветительского отдела. – № 2. – 1918. – С. 28.
3. ГАРФ. – Ф. I, Оп. I, Д. 20, Л. 153
- 3а. РГАДА. – Ф. 1290, Оп. 5, Д. 3118, Л.л. 5, 6.
- 3б. Там же. – Л.л. 8-8об.
4. ЦГАОРСС. – Ф. 2761, Оп. I, Д. 18, Л. 9.
5. Известия Художественно-просветительского отдела. – №№ 2. – 1918. – С. 28.
6. ГАРФ. – Ф. 410, Оп. I, Д. 2, Л. 19
Там же. – Л. 15.
7. Жуков Ю. Н. Указ. соч. – С. 40.
8. Жуков Ю. Н. Указ. соч. – С. 41.
9. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л. л. 3об, 7.
10. Там же. – Л.л. 28об-29.
Там же. – Ф. 2307, Оп. 10, Д. 109, Л. 38.
11. Там же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л. 7.
12. Там же. – Л.л. 28об-29.
13. Там же. – Л. л. 16-16об.
14. Там же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 125, Л.л 19-19об.
Там же. – Д. 48, Л. 80
15. Там же. – Ф. 2307, Оп. 28, Д. 81, Л. 13.
16. Там же. – Оп. 10, Д. 109, Л. 38.
17. Там же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л. 165.
18. Там же. – Ф. 2307, Оп. 28, Д. 81, Л. 14.
19. Там же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 133, Л. 78.
20. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 67, Л. 119.
21. Там же. – Оп. 28, Д. 81, Л. 13.
22. Там же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 133, Л.л. 52, 56.
23. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 20 б, Л. 51.
24. Там же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 12, Л. л. 147об-148.
25. Там же. – Оп. 3, Д. 258, Л. 26.
26. Там же. – Ф. 2307, Оп. 10, Д. 109, Л. 38.
27. Там же.

28. Там же. – Ф. 259, Оп. 9а, Д. 3, Л. 155, 163.
29. Там же. – Оп. 9 б, Д. 598, Л. л. 8, 12, 22, 101, 106, 156.
Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 39, Л.л. 43-43об.
30. Там же. – Ф. 259, Оп. 11 а, Д. 77, Л.л. 6, 21.
31. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 200.
32. Там же. – Л.л. 200-201об.
- 32а. ГАРФ. – Ф. Р-3316, Оп. 12, Д. 543, Л.л. 8, 1, 7об.
33. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 70, Д. 1058, Л.л. 1-3.
- 33а. ЦГАСА. Ф. 4, Оп. 12, Д. 68, Л. 370.
34. Там же. – Ф. 2307, Оп. 28, Д. 81, Л. 28.
35. Там же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 133, Л. 68.
36. Там же. – Ф. 2307, Оп. 28, Д. 81, Л. 28.
Там же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 133, Л.л. 29, 31.
37. Там же. – Ф. 2307, Оп. 28, Д. 81, Л.л. 24, 36.
38. Там же. – Д. 19, Л.л. 28, 31.
39. Там же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 133, Л. 29.
40. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 241, Л.л. 9-10.
41. Там же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 133, Л.л. 29, 31.
Там же. – Ф. 2307, Оп. 28, Д. 81, Л. 9.
42. Там же. – Оп. 9, Д. 121, Л. 2.
43. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 24.
44. Там же. – Д. 1790, Л. 24.
45. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 241, Л. 93.
46. Там же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 106, Л. 49об.
47. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 130, Л. 2.
48. Там же. – Оп. 10., Д. 222., Л. 2.
49. Там же. – Оп. 28, Д. 81, Л.л. 28, 42.
50. Там же. – Л. 56.
51. Там же. – Оп. 3, Д. 241, Л.л. 9-10.
52. Там же. – Д. 130, Л. 2.
53. Там же. – Оп. 10, Д. 109, Л.л. 9-10.
54. Там же. – Д. 222, Л. 53.
55. Там же. – Л.л. 56, 57.
56. Там же. – Оп. 3, Д. 130, Л.л. 2-2об.
57. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 24-45.
58. Там же. – Л.л. 16-16об.
59. Там же.
60. Там же. – Л. 24.
61. Там же. – Д. 1790, Л. 24.
62. Там же. – Д. 2337, Л. 24.
63. Там же. – Ф. 4341, Оп. 4, Д. 73, Л.л. 1-2.
Там же. – Д. 74 б, Л. 6.
64. Безсонов С.В. Архангельское. – М., 1937. – С. 6.
65. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 202.
66. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 70, Д. 1058, Л. л. 1-3.
67. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 241, Л.л. 94-94об.
68. Там же. – Д. 130, Л. 2.
69. Там же. – Оп. 9, Д. 121, Л.л. 52-57об.

70. Там же. – Ф. 406, Оп. 12, Д. 1706, Л. 49 (56).
71. Там же. – Л.л. 27-28.
72. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 1790, Л.л. 24.
73. Там же.
74. Там же. – Д. 2337, Л. 9.
75. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 1790, Л.л. 24, 28.
76. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 70, Д. 1058, Л.л. 1-3.

§ I. ФОНДОВАЯ РАБОТА

1. Унянянц Н. Т. Собрание живописи в Архангельском //Художник. – 1978. – № 4. – С. 43-51.
2. Безсонов С. В. Архангельское. – М., 1937. – С. 25.
3. Чайнов А. В. Московские собрания картин сто лет назад. – М., 1917.
4. Он же. – С. 17.
5. Савинская Л. Ю. Иллюстрированные каталоги частных картинных галерей второй пол. XVIII – первой трети XIX в.в. //Актуальные проблемы отечественного искусства. – М., 1990. – С. 49-61.
6. Познанский В. В. Архангельское. – М., 1966.
7. Вениаминов Б. Архангельское. //Мир искусства. – 1904. № I. – С. 31–40.
8. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л. 17.
9. Там же. – Д. 46, Л. I.
10. Там же. – Д. 108, Л. 91.
11. Там же. – Оп. 2, Д. 270, Л. 19.
12. Там же. – Оп. 28, Д. 133, Л. 61.
13. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 19, Л. 25.
14. Там же.
15. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 28, Д. 19, Л. 8.
16. ГАРФ. – Ф. 410, Оп. I, Д. 2, Л. 15.
17. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 10, Д. 222, Л.л. 43, 44.
18. Там же. – Оп. 3, Д. 241, Л. 112.
19. Там же. – Оп. 28, Д. 81, Л. 42.
20. Там же. – Оп. 10, Д. 109, Л. 38.
- Там же. – Оп. 9, Д. 121, Л.л. 53об-54об.
21. Там же. – Л. 56об.
22. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 11, 11об
23. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 10, Д. 222, Л. 39.
24. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 200.
- Там же. – Ф. 4341, Оп. I, Д. 262, Л. 2.
25. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 70, Д. 1058, Л.л. 1-3.
26. Там же. – Ф. 2307, Оп. 10, Д. 222, Л. 38.
27. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 23, 194.
28. Там же. – Л. 193.
29. Там же. – Л.л. 8, 7.
30. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л. 28.
- Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 67, Л.л. 119-121.
- Там же. – Ф. 2307, Оп. 28, Д. 81, Л. 59.
31. ЦГАОРСС. – Ф. I, Оп. I, Д. 367, Л. 23.
- ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 9, Д. 121, Л. 55 (45 статуей).
32. Там же. – Оп. 28, Д. 81, Л. 59.

33. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 95.
34. Там же. – Д. 1790, Л. 28.
35. ЦГА РСФСР. – Ф. 406, Оп. I, Д. 709, Л. 14.
36. Там же. – Оп. 12, Д. 1706, Л. 29.
37. Там же. – Л. 49.
38. Там же.
39. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 241, Л. 112.
40. Там же. – Ф. 406, Оп. 12, Д. 1706, Л. 49.
41. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 130, Л. 2.
42. Там же. – Ф. 406, Оп. 12, Д. 1706, Л. 34.
43. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп., 4, Д. 2337, Л.л. 201об, 24.
44. Там же. – Л. 24.
45. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 8, Д. 132, Л.л. 1-21.
46. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 24-45.
47. Там же. – Л.л. 16-16об.
48. Сивков К. В. Музеи-усадьбы Московской губернии. //Московский краевед. – М., 1929. – Вып. № 7-8. – С. 41.
49. пропущен
50. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л. 28.
51. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 130, Л. 2.
52. ЦГАМО. – Ф.966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 95, 96об.
53. Там же. – Ф. 4341, Оп. I, Д. 262, Л. 54.
54. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 70, Д. 1058, Л. 1.
55. ЦГАМО. – Ф. 4341, Оп. I, Д. 262, Л. 54.
56. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 130, Л. 2об.
57. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 201об.
58. Там же.
59. пропущен
60. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 210, 211.
61. Там же. – Л.л. 99-131.
62. Там же. – Л. 13.
63. Там же. – Л. 203.
- ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 10, Д. 222, Л. 96.
64. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. I.
65. Там же. – Л. 4.
66. Там же. – Ф. 4341, Оп. I, Д. 262, Л. 68.
- 66а. ГМУ «Архангельское». Инв. № 129-ФА., Л.л. 1-2.
67. ЦГА РСФСР. – . 2307, Оп. 10, Л. 222, Л. 96.
68. Там же. – Оп. 9, Д. 121, Л. 48.
69. Там же. – Оп. 10., Д. 222, Л. 101.
70. Там же. – Л. 15.
71. ЦГАМО. – Ф. 4341, Оп. 1, Д. 262, Л. 12.
- 71а ГМУ «Архангельское». Инв. № 129-ФА., Л. 164.
- 71б. Там же. – Л. 134.
72. Там же. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 30, 64.
73. Там же. – Л. 9.
74. Там же. – Л. 208.
- 74а. ГМУ «Архангельское». Инв. № 129-ФА., Л.л. 8-9об., 108об.

- 74б. Там же – Л.л. 34, 41.
74в. Там же. – Л. 76.
75. Там же. – Л.л. 65, 143, 144.
76. Там же. – Л. 136.
77. Там же. – Л. 66.
78. Там же. – Л. 136.
79. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 28, Д. 19, Л. 8.
80. Там же. – Ф. 406, Оп. 12, Д. 1706, Л. 26.
81. Там же. – Ф. 2307., Оп. 11, Д. 12, Л. 6об.
81а. ГМУ «Архангельское». Инв. № 79-ФА., Л.л. 95, 167 – Акт выдачи от 16 мая 1927 г. из Центрального Дома Работников просвещения (быв. особняк Юсупова) на основании распоряжения начальника Главнауки Петрова за № 40533 от 23.03.1927, разрешения Исполкома [Ленсовета?] от 29.03.1927 и удостоверения Ленинградского Гос. Музейного Фонда за № 652 от 30.04.1927 выдали в подмосковную усадьбу «Архангельское» картину Тьеполо «Встреча Антония и Клеопатры» № 5535 в золочёной раме.
82. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Л. 2337, Л.л. 24, 25.
83. Там же.
84. Там же. – Л. 201об.
ГМУ «Архангельское». Инв. № 79-ФА. Л.л. 17-18 – Акт временной передачи от 18.11.1927 из Гос. музея Изящных Искусств в «Архангельское» картины школы Тьеполо «Пир Клеопатры» в золочёной раме, на основании отношения музея-усадьбы за № 101 от 10.11.1927 и распоряжения начальника Главнауки Петрова
85. Там же. – Л. 165.
86. Там же. – Л.л. 166-172.
87. Там же. – Ф. 4341, Оп. I, Д. 262, Л. 85, 73.
88. Там же. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 80.
89. Там же. – Д. 1790, Л. 28об.
Там же. – Д. 2337, Л.л. 2, 155.
Там же. – Ф. 4341, Оп. 1, Д. 262, Л.л. 70, 171.
90. Там же. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 1790, Л. 25.
91. Там же. – Л.л. 74-77.
92. Безонов С. В. Архангельское. – М., 1937. – Примечания.
93. Архангельское. Краткий путеводитель. – М., 1974. – С. 117.

§ 2. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

* ГМУ «Архангельское». Инв. № 129-ФА., Л.л. 212-222. В 1930 г. из музея вывезли еще часть архивных материалов в Центральный Архив РСФСР, согласно отношению от 06.03.1930 и согласно личных переговоров с Починовским, по удостоверению № 105 от 15.04.1930 и акту № 12 (список прилагается). – ГМУ «Архангельское». Инв. № 129-ФА, Л.л. 205-207.

1. ЦГА РСФСР. – Ф. 406, Оп. 12, Д. 1706, Л. 58.
 2. Там же. – Л. 26.
 3. Там же. – Л. 27.
 4. Там же. – Л. 28.
 5. Сивков К. В. Архангельское. – М., 1926.
 6. Торопов С. А. Архангельское. – М., 1927.
- Клабуновский И. Г. Музейное строительство в Московской губернии. //Московский краевед. – Вып. № 7-8. – М., 1929. – С. 30.

7. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 39.
8. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 11, Д. 12, Л. 6об,
9. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 166-172.
10. Там же. – Д. 1790, Л. 24об.
11. Там же. – Л. 24.
12. Там же. – Л. 25-25об.
13. Там же. – Д. 2337, Л.л. 24-45.
14. Цветаева Е. М. Издания музеев Московской губернии. //Московский краевед. – Вып. № 7-8. – М., 1929. – С. 168.
15. Она же. – С. 164.
16. Машковцев Н. Панно и картины Гюбер Робера в Архангельском. – М., 1928. – Тир. 500 экз., Ц. 10 коп.
17. Анисимов Ю. Зал Тьеполо в Архангельском. – 1928. – Тир. 500 экз., Ц. 10 коп. Он же. Выставка работ Н. де Куртейля. – М., 1928. – Тир. 500 экз., Ц. 10 коп.
18. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 1790, Л. 24об.
19. Там же. – Л. 28об.
20. Нежежина В. Книжная выставка музея-усадьбы Архангельское. – М., 1928.
21. Безсонов С. В. Архангельское. – М., 1937.
22. Он же – С. 5-6.

§ 3. ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНАЯ РАБОТА

1. ЦГА РСФСР. – Ф. 406, Оп. 1, Д. 709, Л.л. 15-17.
2. Сивков К. В. Музеи-усадьбы Московское губернии. //Московский краевед. – Вып. № 7-8. – М., 1929. – С. 38.
3. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 48-49.
4. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л. 28об.
5. Там же. – Л. 34.
6. Торопов С. А. Архангельское. – М., 1927.
7. Он же. – С. 32.
8. Он же. – С. 34.
9. Он же. – С. 35.
10. Он же. – С. 30.
11. Он же. – С. 26.
12. Он же. – С. 23.
13. Вениаминов Б. Архангельское. //Мир искусства. – М., 1904. – Вып. № 2. – С. 3-41.
14. Григорьев С. П. Значение музеев Москвы и Московской губернии для музейного строительства СССР. //Московский краевед. – Вып. № 7-8. – М., 1929. – С. 8.
15. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 10, Д. 109, Л. 38.
16. Там же. – Оп. 3, Д. 241, Л. 141.
17. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 48.
18. Там же.
19. Там же. – Л.л. 48-48об.
20. Там же.
21. Там же. – Л. 62.
22. Там же. – Л. 48-48об.
Там же. – Д. 1790, Л. 25.
23. Архангельское. Краткий исторический очерк. – М., 1928. – С. 6.
24. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 48-48об.

- Там же. – Д. 1790, Л. 25.
25. Там же. – Д. 2337, Л. 49.
26. Там же. – Д. 1790, Л. 26.
27. Там же. – Л. 28.
28. Там же. – Д. 2337, Л.л. 49-49об.
29. Там же. – Л. 51.
30. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 51.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же. – Л. 39.
35. Там же. – Л. 1790, Л. 28об.
36. Там же. – Л. 28.
37. Там же.
38. Там же.
39. Там же.
40. Торопов С. А. Ук. соч. – С. 20.
41. Нежежина В. Книжная выставка музея-усадьбы Архангельское. – М., 1928.
42. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Л. 1790, Л. 28.
43. Там же.
44. Нежежина В. Ук. соч. – С. 1.
45. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 1790, Л. 28.
46. Там же. – Д. 2337, Л. 4.
47. Там же. – Ф. 4341, Оп. 1, Л. 262, Л. 64.
48. Там же. – Л.л. 62, 64, 74.
49. Там же. – Л. 86.
50. Клабуновский И. Г. Музейное строительство в Московской губернии. //Московский краевед. – Вып. № 7-8. – М., 1929. – С. 30.
51. Архангельское. – М., 1952.
Архангельское. – М., 1963.

§ 4. НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

1. ГАРФ. – Ф. 410, Оп. 1, Д. 30, Л. 148.
2. Там же. – Л. 151.
3. Там же. – Д. 171, Л. 93.
4. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л. 190.
5. Там же. – Д. 133, Л. 79.
6. Там же. – Л. 56.
7. Там же. – Л. 48.
8. Там же.
9. Там же. – Л. 50.
10. Там же. – Ф. 406, Оп. 12, Д. 1706, Л. 34.
11. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 53, Л. 14.
12. Там же.
13. Там же. – Л.л. 14-15.
14. Гейнеке Н. А. Культурно-исторические экскурсии. Основные вопросы методологии и методики культурно-исторических экскурсий. //Культурно-исторические экскурсии. – Вып. III. – М., 1923., – С. 1-41.

15. Он же. – С. 37.
16. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 241, Л.л. 112-141.
17. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 367, Л. 8.
18. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 130, Л. 20об.
Приложение №№ 1-2.
19. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 10, Д. 222, Л. 30.
Там же. – Оп. 3, Д. 130, Л. 20об.
Приложение №№ 1-2.
20. Там же. – Ф. 2307, Оп. 9, Д. 121, Л. 52об.
21. Там же. – Оп. 10, Д. 222, Л. 32.
22. Там же. – Л. 53.
23. Там же. – Л. 49.
24. Там же. – Л. 30.
25. Там же. – Л.л. 17, 20.
26. Там же. – Л.л. 11, 38.
27. Кузина Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917-1941 гг. // Сб. научных трудов НИИ культуры /Под ред. Каспарянской С.А. – М., 1991. – Ч. I.
28. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 9, Д. 121, Л. 29.
29. Там же. – Ф. 406, Оп. 12, Д. 1706, Л. 57.
30. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 24.
31. ЦГА РСФСР. – Ф. 406, Оп. 12, Д. 1706, Л. 34.
32. Там же.
33. ЦГА РСФСР. – Ф. 406, Оп. 12, Д. 1706, Л. 57.
34. Там же.
35. Там же. – Л. 60.
36. Там же. – Л. 58.
37. Там же. – Л.л. 26, 26об.
38. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 45.
39. Там же. Л. 194.
40. Там же. – Ф. 4341, Оп. 1, Д. 262, Л. 78.
41. Кузина Г. А. Ук. соч.
42. Она же.
43. Рыков П. Музеи за ХУ лет Октября. //Советский музей. – № 6 – 1932.
44. ЦГАМО. – Ф. 4341, Оп. 1, Д. 262, Л. 79.
45. Там же. – Л. 83.
46. Там же. – Л. 80.
47. Там же, – Л.л. 81-83.
48. Там же. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 1790, Л. 25об.
Приложение №№ 1-2.
49. Там же.
50. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 1790, Л. 25об.
51. Там же.
52. Кузина Г. А. Ук. соч.
53. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 1790, Л. 27об.
54. Там же.
55. Там же.
56. Там же.
57. Там же. – Д. 2337, Л. 144.

58. Там же. – Л. 63.
59. Там же. Л. 58.
60. ЦГА РСФСР. – Ф. 406, Оп. 12, Д. 1706, Л. 58.
61. Там же. – Л.л. 27, 28.
62. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 1790, Л. 25об.
63. Там же. – Л. 24об.
64. Там же.
65. Клубуновский И. Г. Ук. соч. – С. 33.
66. Он же. – С. 33-35.
- 66а. Виноградов К. Я. Музеи-усадьбы // Советский музей. – 1932. № 6. – С. 121.
67. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 70, Д. 1058, Л. 1-3.
68. Кузина Г. А. Ук. соч.

ГЛАВА III.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ, РЕМОНТ И РЕСТАВРАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ
АРХИТЕКТУРЫ И ПАРКА.

1917–1940 гг.

1. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л. 165.
2. Там же. – Ф. 2307, Оп. 28, Д. 81, Л. 42.
3. Там же. – Л. 25.
4. Там же.
5. Там же. – Л. 53.
6. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 367, Л. л. 3, 4.
7. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л. 190.
8. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 23.
9. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 67, Л. 119.
10. Там же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 133, Л. 15.
11. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 241, Л.л. 112, 116, 49.
- ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 367, Л. 5.
12. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 18, Л. 14.
13. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 367, Л. 7.
14. Там же. – Л. 8.
15. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 241, Л. 49.
16. Там же. – Л. л. 94-94об.
17. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 367, Л.л. 49, 116.
18. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 33, Л.11.
19. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 367, Л. л. 9-9об.
20. Там же.
21. Там же. – Л. 10.
22. Там же. – Л.л. 10, 11, 12.
23. Там же. – Л. 14.
24. Там же.
25. Там же. – Л.л. 13, 14.
26. Там же. – Л.л. 14, 26.
27. Безсонов С. В. Архангельское. – М., 1937. – С. 99.
28. Он же. – С. 170.
29. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. I, Д. 367, Л.л. 15-16.
30. Там же. – Л. 16.

31. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 241, Л. 5.
- 31а. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. I, Д. 367, Л.л. 20-21об.
- 31б. Там же. Л.л. 19, 20-21об., 24, 25.
- 31в. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 193.
- 31г. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. I, Д. 367, Л.л. 32, 33, 51-55об.
- Торопов С. А. Архангельское. – М., 1927. – С. 47.
- 31д. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307. Оп. 9, Д. 121. Л.л. 52, 53об.-54об.
- 31е. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 95.
32. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 133, Л. 86.
33. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 241, Л. 94об.
34. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 117, Л. 32об.
35. Там же. – Л. 32.
36. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 367, Л.л. 22-23.
37. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 33, Л. 278об.
38. Там же. – Л.л. 278-279.
39. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, д. 2337, Л. 193.
- 40.
41. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 29, Л. 87.
42. Там же. – Ф. 2307, Оп. 9, Д. 121, Л. 12.
43. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 367, Л.л. 40, 40об, 29, 30, 36.
44. Там же. – Л. 31.
45. Там же. – Л.л. 32-33.
46. Там же. – Л.л. 33, 34.
47. Там же. – Л.л. 42-42об.
48. Там же. – Л.л. 44, 46, 46об., 47, 48.
49. Там же. – Л. 49.
50. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 9, Д. 121., Л. 22.
51. Там же. – Ф. 2307, Оп. 9, Д. 121, Л.л. 52об, 53.
52. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 117, Л.л. 30-30об.
53. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 9, Д. 121, Л.л. 52, 52об.
54. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 23, Л.л. 24об, 32.
55. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 9, Д. 121, Л. 52.
56. Там же.
57. Там же. – Л. 29.
58. Там же. – Л. 38.
- 59.
60. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 9, Д. 121, Л. 39.
ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 75-77об, 192.
61. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 9, Д. 121, Л.л. 56об.
ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337. Л.л. 214об., 215.
62. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 9, Д. 121, Л.л. 53об., 54, 54об.
63. Там же. – Оп. 10, Д. 222, Л. 11.
ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 151-154, 212-227.
64. Там же. – Л.л. 10, 11.
ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 117, Л.л. 31, 33, 33об.
- ЦГА РСФСР. – Ф. 2337, Оп. 10, Д. 109, Л.л. 38, 38об.
65. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 24.
66. ЦГАОРСС. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 117, Л. 31.

67. Там же. – Л.л. 33, 33об.
68. Там же. – Л. 32об.
69. ЦГА РСФСР. – Ф. 406, Оп. 12, Д.1706, Л. 47.
70. Там же. – Ф. 2307, Оп. 10, Д. 222, Л.л. 62, 81-83.
71. Там же. – Л.л. 2, 3, 7-8об.
72. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 10, Д. 222, Л. 34.
73. Там же. – Л. 49. В музее есть пожарная машина.
74. Там же. – Оп. 11, Д.12, Л. 2.
- ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, д. 2337, Л.л. 24-45.
75. Там же. – Л.л. 67, 94, 95, 149, 207, 200-202.
- ЦГАМО. – Ф. 4341, Оп. 1, Д. 262, Л. 6.
76. Там же. – Л.л. 95, 200.
77. ЦГА РСФСР. – Ф. 259, Оп. 11а, Д. 160, Л. 5.
78. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 195.
- Распоряжение управляющего делами Моссовета от 27.02.28.
79. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л. 195.
80. Там же. – Л. 192.
81. Там же. – Л.л. 72-74об, 137.
82. Там же. – Л.л. 78, 79, 132.
83. Там же. – Л.л. 193-194об.
84. Там же.
85. Там же. – Д. 1790, Л. 24.
86. Там же. – Д. 2337, Л.л. 193об, 194об.
87. Там же. – Д. 1790, Л. 24.
- Там же. – Д. 2337, Л.л. 138-138об, 34-36.
88. Там же. – Л.л. 162, 163.
89. Там же. – Л. 39.
90. Там же. – Л.л. 205, 206,
91. Там же. – Л. 209.
92. Там же. – Л.л. 22, 23, 207.
93. Там же. – Ф. 966, Оп. 4, Д. 2337, Л.л. 9, 17.
94. Там же. – Л.л. 98-98об., 28.
95. Там же. – Л.л. 51-55об.
96. Там же. – Л. 55.
97. ГАРФ. – Ф. Р-3316. Оп. 12, Д. 543, Л. 8, 1, 7об.
98. Там же. – Ф. 2306, Оп. 70, Д. 1058, Л.л. 1-3.
99. Архангельское. – М., 1940. – С. 49.
100. Там же. – С. 45-50.
101. Там же. – С. 4.
102. ЦГАСА. – Ф. 4, Оп. 12, Д. 68, Л. 84.
- Там же. – Д. 69. Л. 323.
- Архангельское. – М., 1940 – С. 47.
103. ЦГА РСФСР. – Ф. 259, Оп. 24, Д. 48, Л. 247.
- Безсонов С. В. Архангельское. – М., 1937. – С. 5-6.
104. Архангельское. Краткий путеводитель. – М., 1974. – С. 117.

ПАРК

1. Безсонов С. В. Архангельское. – М., 1952. – С. 68.
2. Архангельское. Краткий путеводитель. – М., 1974. – С. 34.
3. Безсонов С. В. Архангельское. – М., 1937. – С. 61.
4. Он же. – С. 57-59.
5. Архангельское. Краткий путеводитель. – М., 1974. – С. 34.
6. Безсонов С. В. Архангельское. – М., 1937. – С. 161.
7. Он же. – С. 50.
8. Он же. – С. 83.
9. ЦГА РСФСР. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л. 41об.
- Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 139, Л. л. 4-5.
10. Там же.
11. Там же. – Ф. 2306, Оп. 28, Д. 9, Л. 11об.
12. Там же. – Л. 41об.
13. Там же. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 139, Л. л. 4-5, 1.
14. Там же. – Д. 29, Л. л. 1, 3, 4.
15. Там же. – Оп. 10, Д. 222, Л. 31.
16. Там же. – Л.л. 22-22об.
17. Там же. – Ф. 406, Оп. 12, Д. 1706, Л. л. 47-57.
18. ЦГАМО. – Ф. 966, Оп. 4., Д. 2337., Л. л. 24-45.
19. Там же. – Л. л. 53, 59-61.
20. Там же. – Д. 1790, Л. 26.
21. Там же. – Д. 2337, Л.л. 11-12.
22. Там же. – Д. 1790, Л. 25.
23. ЦГАОРСС – Ф. 1, Оп. 1, Д. 367, Л.л. 52-53.
24. ЦГА РСФСР. – Ф. 259, Оп. 24, Д. 48, Л. 247.
25. Архангельское. – М., 1940.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. ЦГА РСФСР. – Ф. 2307, Оп. 3, Д. 53, Л. 10.
2. Кузина Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917-1941 гг. //Сб. научных трудов НИИ культуры. /Под ред. Каспарянской С.А. – М., 1991. – Ч. 1.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье В. Д. Голуба

«Останкинский театр-дворец. Система трансформации зала и сцены.
Результаты новых исследований»

Сцена и театральный зал

Фото 2021 г.

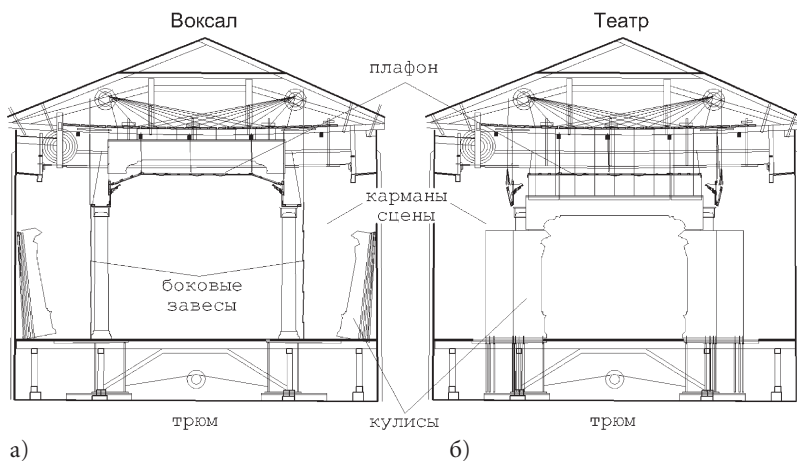
Нижний уровень верхнего машинного отделения

Фото 2021 г.

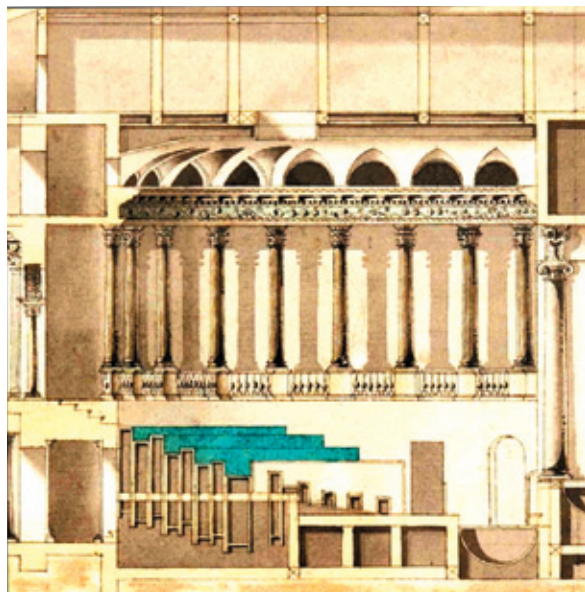
**Графическая реконструкция общего вида зрительного зала
во время театрального представления**

Голуб В. Д., Океанова Ю. Е., Цыганков К. С.
2017 г.

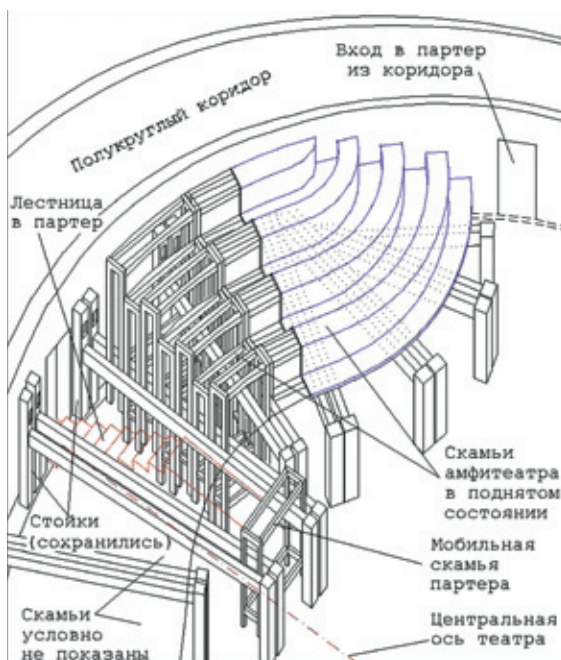

**Графическая реконструкция поперечного разреза по сцене в положении
а) «воксал» б) «театр»**

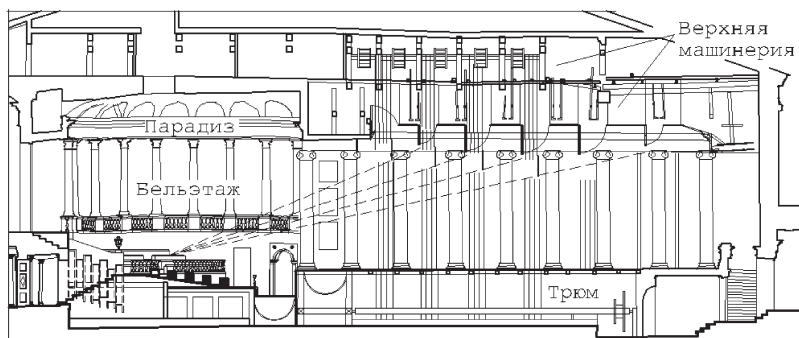
Голуб В. Д., Океанова Ю. Е.
2021 г.

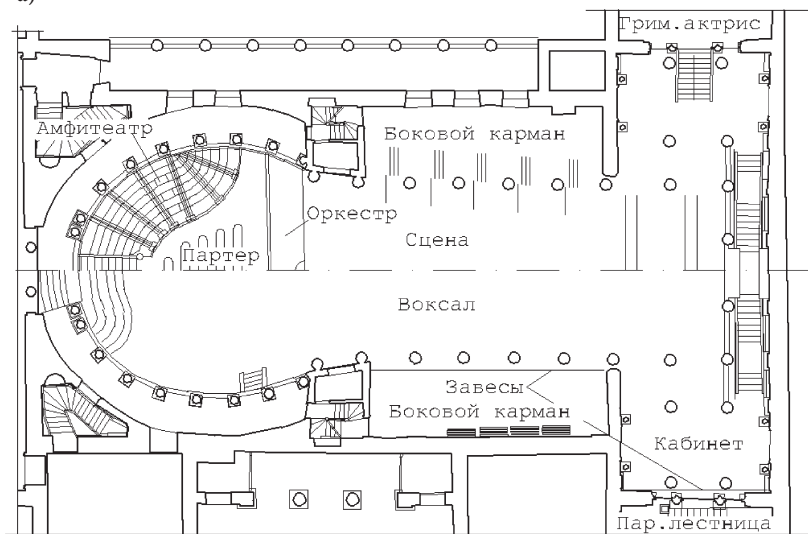
Бизяев П.
«Генеральная
профиль
продольная»
(фрагмент)
Около 1793–1794 гг.
Музей-усадьба
«Останкино»

Графическая
реконструкция
фрагмента
конструкции
амфитеатра
Голуб В. Д.,
Океанова Ю. Е.
2021 г.

а)

б)

Графическая реконструкция
а) продольного разреза здания в положении «театр»
б) плана театра в положениях «театр» и «воксал»

Голуб В. Д., Океанова Ю. Е.

2021 г.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье В. В. Кольцовой

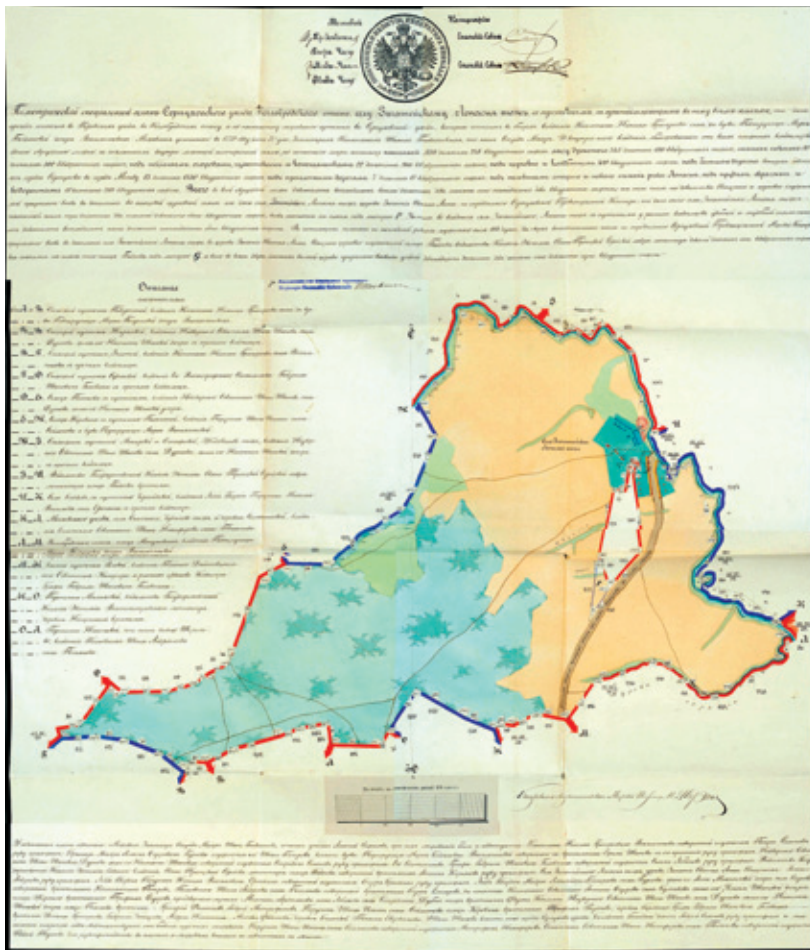
«Границы усадьбы Лопасня-Зачатьевское в современных условиях»

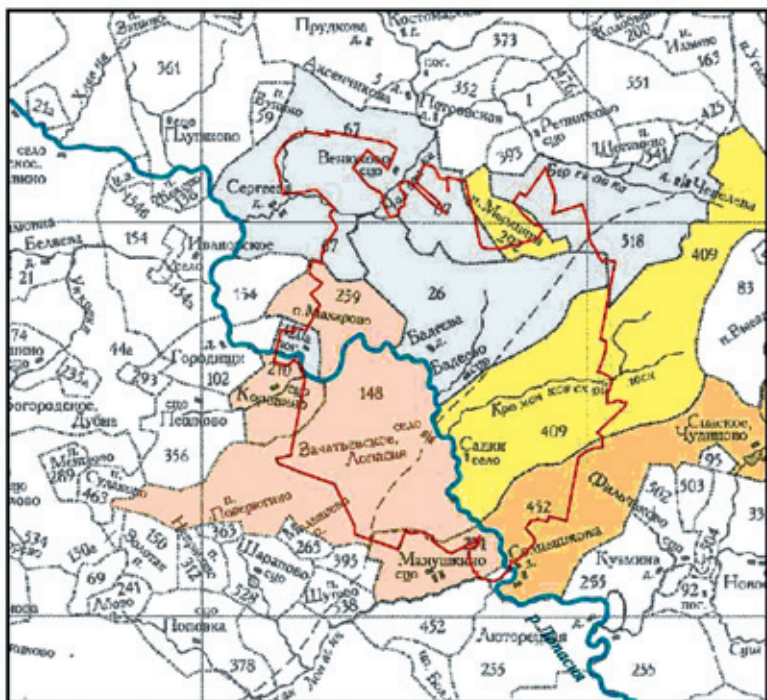
Территория музея «Усадьба “Лопасня-Зачатьевское”»

Фото В. Разумова

2018 г.

Геометрический специальный план
 Серпуховского уезда Козлобородского стана
 села Зачатьевского, Лопасня тож, с пустошами
 1770 г.
 РГАДА

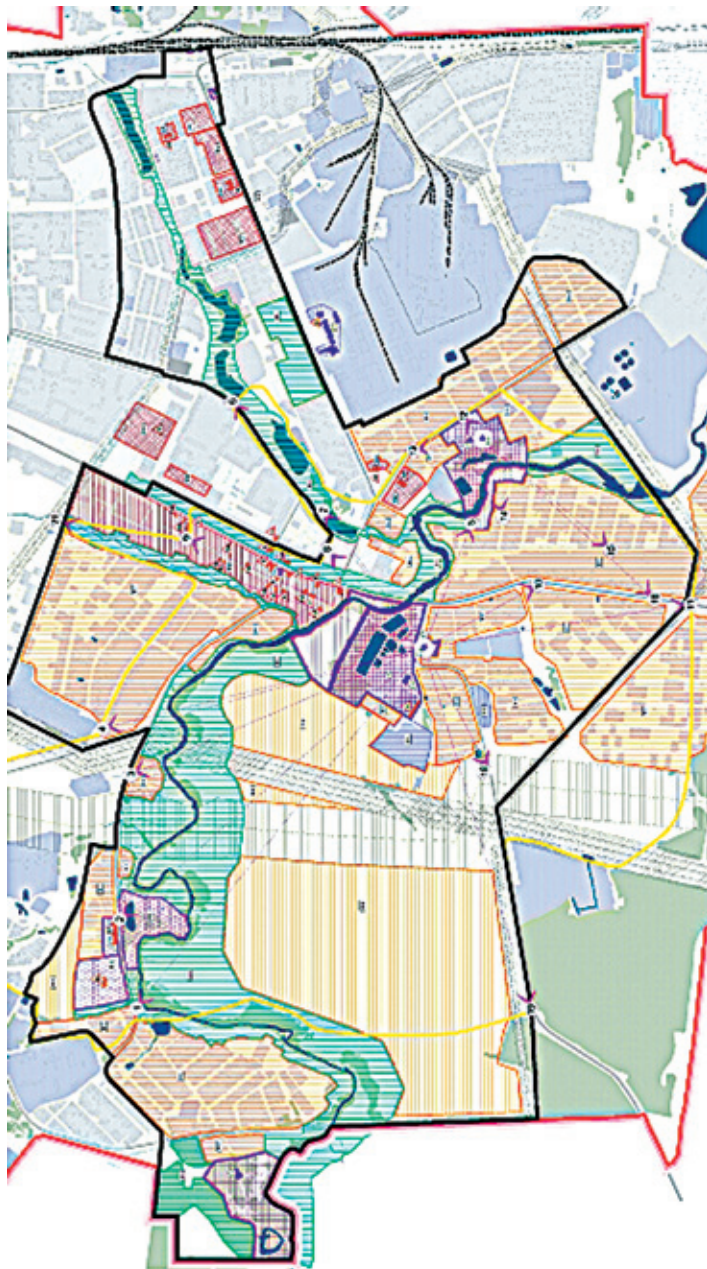

- 26. Сельцо Бадеево, владение Коллесиных эконнами, ранее - Троицко-Сергиевой лавры
- 67. Сельцо Венюково, владение Коллесиных эконнами, ранее - Высокопетровского монастыря
- 148. Село Зачатьевское, Лопасня тож, владение Васильчиковых
- 148 а. Земли церкви Зачатия св. Анны села Зачатьевского, Лопасня тож
- 210. Сельцо Коровиты, владение Соймапова, Васильчиковой
- 259. Пустынь Макарово, владение Дурново, Соймапова, Васильчиковой
- 271. Сельцо Манушкино, владение Васильчиковых
- 292. Пустынь Мерлыкки, владение Галовкина, Ерюткина
- 320 а. Погост Николая что на Ровках
- 409. Село Садки, владение Ерюткина и Гурьева
- 452. Село Стасское, Чудиново тож, владение Тютчева
- 518. Деревня Чепелева, владение Коллесиных эконнами, рошине - Высокопетровского монастыря
- современная граница городского поселения Чехов

Карта уездов Московской губернии в VIII веке

Из кн.: Кусков В. С. Земли Московской губернии в VIII веке.

Карты уездов. Описание землевладений (Т. II. М., 2004)

План границ Природно-исторического комплекса «Окрестности р. Лопасня», 2016 г.
Научно-исследовательский и проектный институт градостроительства

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье Г. Е. Лысяковой

«Знаменитый гость усадьбы Никольское-Обольяниново.
Роль Толстого в проекте возрождения усадьбы»

**Сергей Львович Толстой в гостях у Адама Васильевича
и Анны Михайловны Олсуфьевых в усадьбе Никольское-Обольяниново**
В нижнем ряду (слева направо): Сергей Львович Толстой,
Дмитрий Адамович и Михаил Адамович Олсуфьевы
В верхнем ряду: Анна Михайловна Олсуфьева (крайняя слева),
Елизавета Адамовна Олсуфьева, Адам Васильевич Олсуфьев (крайний справа)
Московская губерния. Обольяниново (Никольское-Горюшки). Фото 1886 г.
Государственный музей Л. Н. Толстого

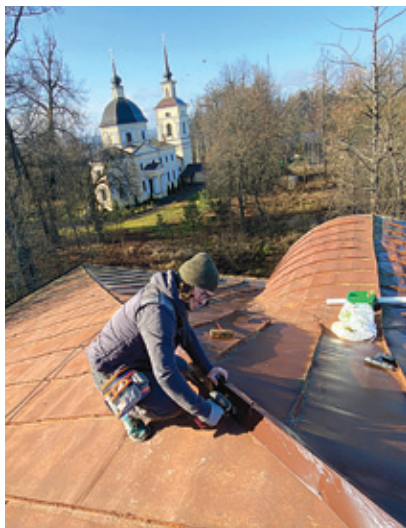
Субботник в усадьбе Никольское-Обольяниново.
Волонтеры расчищают от поросли двор
Фото 2018 г.

**Потомки рода Олсуфьевых
на фоне усадебного дома в Никольском-Обольянинове
Фото 2019 г.**

**Школьники из села Подъячева убирают мусор в усадебном парке
Фото 2019 г.**

Николай Серкутан вместе с волонтерами-альпинистами участвует в починке крыши главного дома усадьбы
Фото 2021 г.

Елизавета Адамовна Олсуфьева
Никольское-Обольяниново
Фото 1890-х гг.
*Государственный музей
Л. Н. Толстого*

Адам Васильевич Олсуфьев и Татьяна Львовна Толстая
Никольское-Обольяниново. Фото 1880–1882 гг.
Государственный музей Л. Н. Толстого

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье Т. П. Трифионовой

«Измайловский остров: от царской усадьбы до музея-заповедника»

**Мостовая башня
на Измайловском
острове**
Фото 2021 г.

**Храм Покрова
Пресвятой Богородицы
на Измайловском острове**
Фото 2021 г.

Изразцы на храме Покрова Пресвятой Богородицы
Фото 2021 г.

Церковь Св. Иоасафа
царевича Индийского
Литография Н. А. Мартынова
1851 г.

Измайлово

Гравюра И. Ф. Зубова. 1728–1729 гг.

**Памятник Петру I
на Измайловском
острове**

Скульптор Л. Е. Кербель,
архитектор Г. Г. Лебедев
Фото 2021 г.

Окрестности Москвы. Измайловский собор
Литография А. Дюрана. 1849 г.

**Солдатские корпуса Николаевской Измайловской военной богадельни,
пристроенные к Покровскому собору**
Фото второй половины XIX в.
ОПИ ГИМ

Передние ворота Государева двора
Фото второй половины XIX в.

**Общий вид служебных зданий
Николаевской Измайловской военной богадельни
на месте Государева двора**
Фото 2021 г.

Здание Семейного дома богадельни

Фото второй половины XIX в.

ОПИ ГИМ

Николаевская Измайловская военная богадельня

Литография К. Эргога

Вторая половина XIX в.

Измайловский остров
Фото 1968 г.
Из архива О. В. Романцовой

Выставка «Измайлово – царская вотчина XVII в.»
Фото 2018 г.

Художественно оформленный интерьер «Старая московская квартира»
Фото 2021 г.

Измайловский остров
Фото 2021 г.

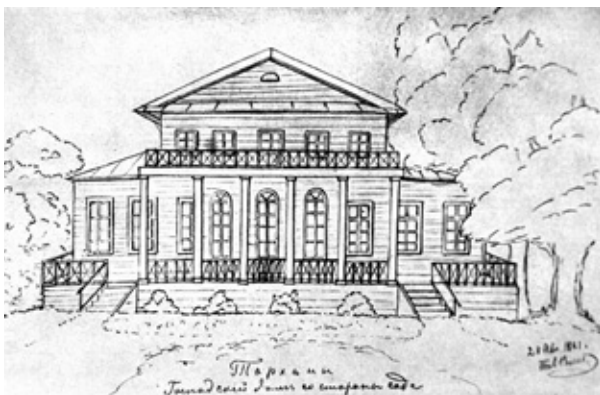
Геометрический специальный план Тамбовской губернии Кирановской округи села Никольское Яковлевское тож 1782 г. ГЛМЗ «Тарханы»

Памятная книга
из часовни над могилой
М. Ю. Лермонтова
1914 г.
ГЛМЗ «Тарнахы»

Вид на сельскую церковь
Михаила Архангела
и часовню над могилой
М. Ю. Лермонтова
Фото В. Г. Чудинова 1938 г.
ГЛМЗ «Тарнахы»

Здесь располагалась
первая барская усадьба

Тарнахы.
Господский дом
со стороны сада
Фотокопия
с рисунка
П. А. Висковатова
1881 г.
ГЛМЗ «Тарнахы»

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье Н. И. Дозоровой

«Загадки сборника комедий Х. Ф. Геллерта из библиотеки князей Голицыных»

Титульный лист сборника «Комедии» Х. Ф. Геллерта
Лейпциг. 1763 г.
Музей-усадьба «Архангельское»

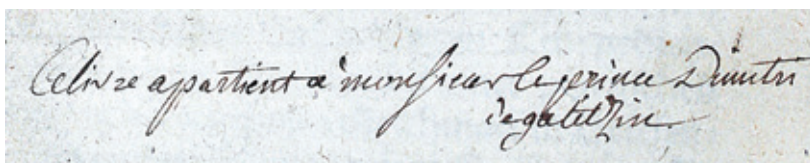
Форзац сборника с владельческими рисунками и записями

Суперэкслибрис
М. М. Голицына

Гербовый экслибрис М. М. Голицына

Владельческая запись на титульном листе сборника
«Эта книга принадлежит князю Дмитрию Голицыну»

Штамповый экслибрис
М. А. Голицына

ИЛЛЮСТРАЦИИ

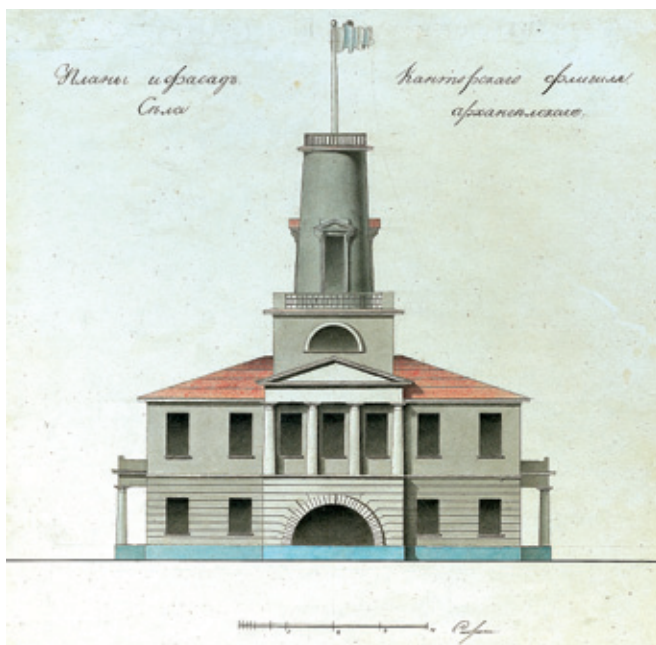
к статье Т. А. Дудиной
«Башни Архангельского (по материалам каталога
архитектурной графики усадьбы Архангельское)»

П. А. Шестаков. Святые ворота и служебные постройки в Архангельском
1857 г.
Музей-усадьба «Архангельское»

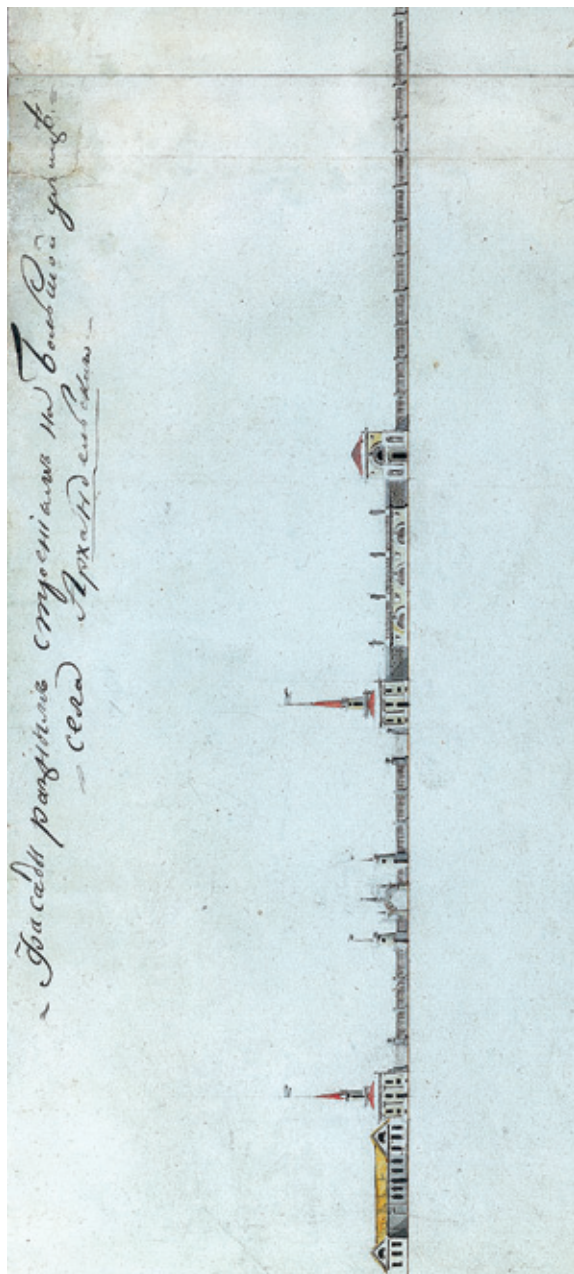
М. Г. Ильин. Фасад старого Конторского флигеля (фрагмент чертежа)
Не позднее 1818 г.
Музей-усадьба «Архангельское»

С. Г. Сумаковский. **Фасад нового Конторского флигеля** (фрагмент чертежа)
Не ранее 1822 г.
Музей-усадьба «Архангельское»

Е. Д. Тюрин. **Ворота с башнями, ведущие на полукруглый двор перед Кладовой над оврагом** (фрагмент чертежа «Фасады разным строениям на Большой улице села Архангельского»). Начало 1820-х гг.
Музей-усадьба «Архангельское»

Е.Д. Тюрин. Фасады разным строениям на Большой улице села Архангельского (фрагмент чертежа)

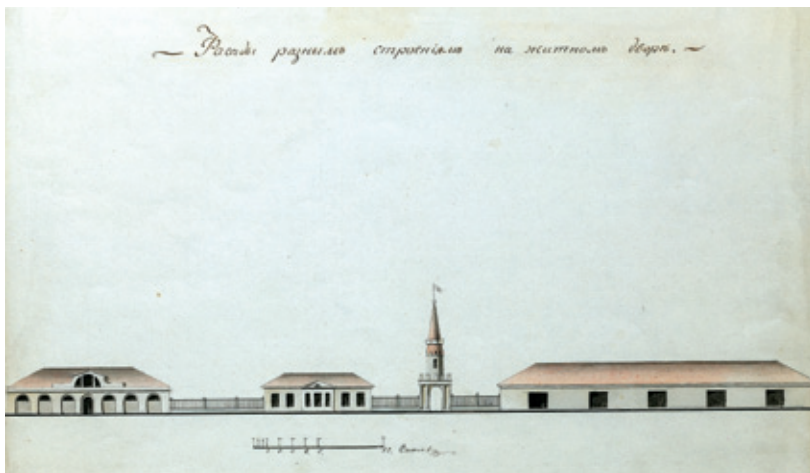
Начало 1820-х гг.

Музей-усадьба «Архангельское»

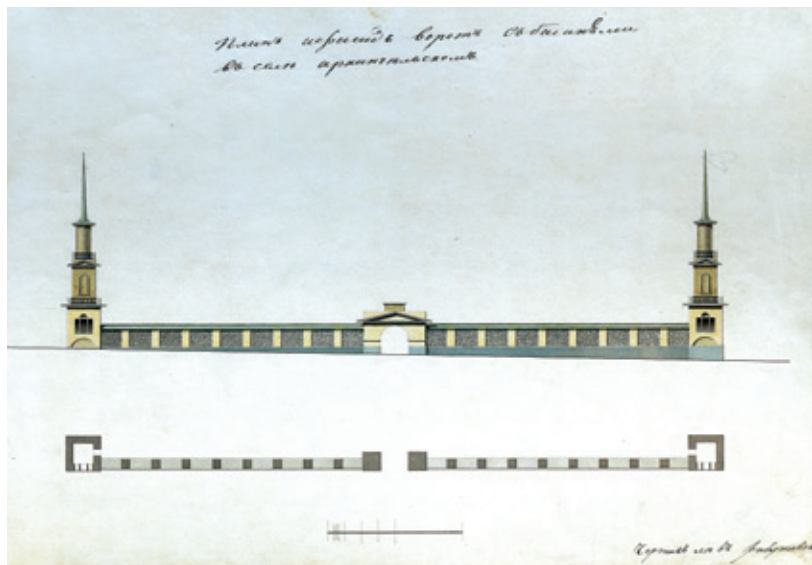

**Вновь выстроенная
Гостиница с двором**
(фрагмент чертежа)
Не ранее 1818 г.
Музей-усадьба
«Архангельское»

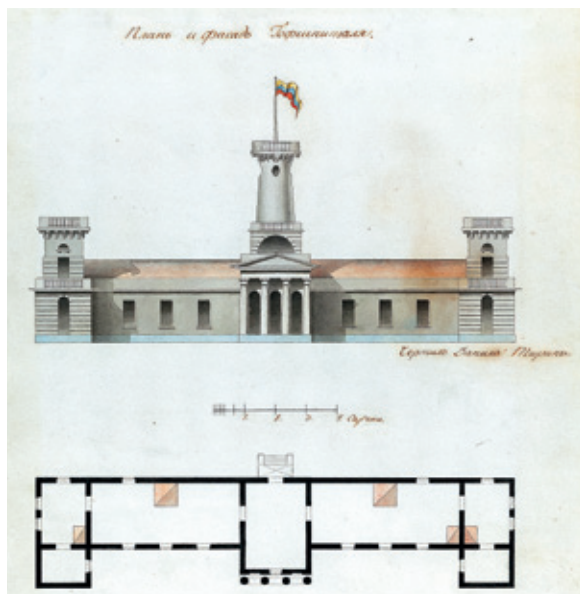
Карандашный набросок
башни выполнен
архитектором
В. Г. Дрегаловым
не ранее 1827 г.

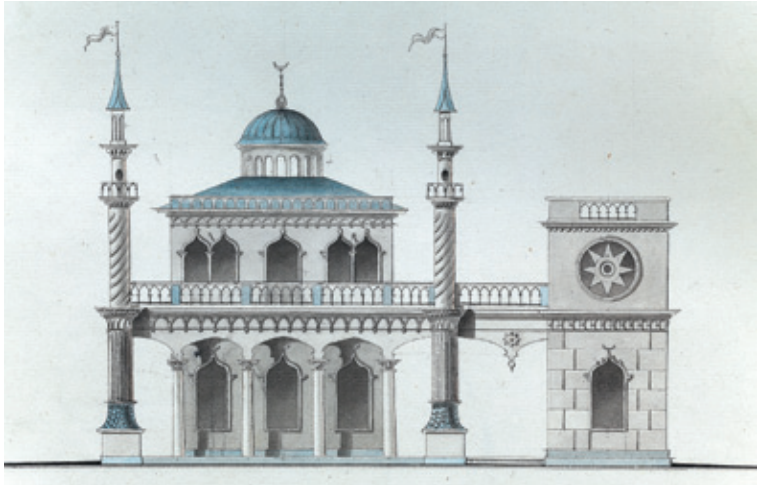
Фасады разным строениям на житном дворе
Вторая половина 1810-х гг.
Музей-усадьба «Архангельское»

Л. Г. Рабутовский. Фасад и план церковной ограды с воротами и башнями
Не ранее 1825 г.
Музей-усадьба «Архангельское»

Д. Д. Тюрин
«План и фасад
Гофшпитале»
1820-е гг.
Музей-усадьба
«Архангельское»

**Фасад и план
Турецкого домика**
Не ранее 1824 г.
Музей-усадьба
«Архангельское»

**В. А. Бакарев
Фасад башни
для водозводной машины**
Не ранее 1818 г.
Музей-усадьба
«Архангельское»

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье И. Ю. Меркуловой

«Уточнение атрибуции вальтрапа из коллекции князей Юсуповых»

Вальтрап

Азербайджан. Вторая половина XIX в.

Музей-усадьба «Архангельское»

На фото – вид предмета после реставрации 2014 г.

Смотр
персидских
войск
Фатх-Али-шахом
(фрагмент)
Иран.
1815–1816 гг.
*Государственный
Эрмитаж*

Вальтрап (фрагмент)

Азербайджан. Вторая половина XIX в.
Техника гурама, текстильная инкрустация
Музей-усадьба «Архангельское»

На фото – вид предмета после реставрации 2019 г.

Посольская скатерть (фрагмент)

Азербайджан, Нуха (Шеки). 1830–1880 гг.
Сукно, шелковые нити; инкрустация, вышивка тамбурным швом. 213 x 200 см
Государственный музей Востока

Скатерть

Иран. XIX в.

Мозаика из цветного сукна; вышивка. 237 x 134 см

Государственный музей Востока

Занавес

Иран, Решт. XIX в.

Шерсть, шелковые нити; вышивка. 190,5 x 127 см

Частная коллекция

Завесы (панели)

Иран, Решт. Конец XIX – начало XX в.

Шерсть, шелк, холст, металлические нити, блестки, стекло;
вышивка, инкрустация. 209 x 135 см

Фонд Марджани

Каджарский шатер (фрагмент) и завеса

Иран, Решт. XIX в.

Шерсть, шелк, металлические нити; вышивка, инкрустация

Фото из кн.: Scott P. The Book of silk. L., 1993. P. 142–143.

А. Завеса

Иран, Решт
Середина – вторая
половина XIX в.
Сукно, шелк, хлопок
(подкладка); вышивка
323,5 x 91 см
*Государственный
Эрмитаж*

Б. Занавеси

**восточной гостиной
дома на Мойке**
(фрагмент)
Стереодагерротип
Ателье
«Шнайдер и сыновья»
1861 г.
*Музей-усадьба
«Архангельское»*

Восточный кабинет

Конец 1860-х – 1880-е гг.
Фото из Альбома
фотографий-миниатюр
(ГМУА, инв. № МФФ-197)
*Музей-усадьба
«Архангельское»*

Гостиная
дачи князей
Юсуповых
в Царском Селе
Фото после 1891 г.
Ателье
«ф. Ган и К°»
Музей-усадьба
«Архангельское»

А

Б

А. Изображение юноши на вышитой картине
из коллекции князей Юсуповых

Б. Изображение персидского наследного
принца Аббаса Мирзы на литографии

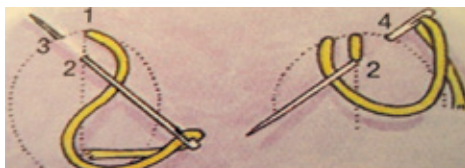
А

Б

А. Шах на вышитой картине из коллекции князей Юсуповых

Б. Мухаммад-шах в день коронации 23 октября 1834 г. на литографии

Вальтрап (фрагмент)
Схема и вышивка «момкан»

На фото – вид предмета после реставрации 2019 г.

Ага Бозорг. Портрет Фатх-Али-шаха

Иран, Решт. 1840-е гг.

Сукно, шелк; вышивка

Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник «Воронцовский дворец»

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье А. Б. Николашкиной

«Принцип аутентичности в современной музейной реставрации на примере реставрации картины Дирка ван Бергена "Стадо" из собрания Музея-усадьбы "Архангельское"»

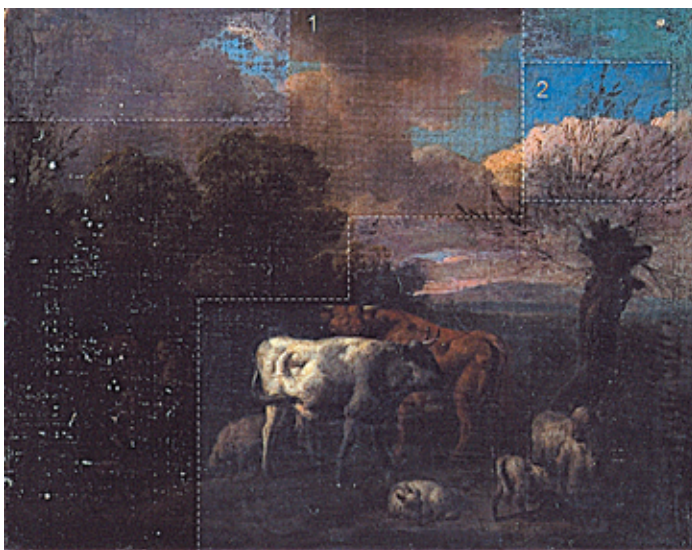
Труды
Всероссийского
съезда
художников
в Петрограде
Декабрь 1911 –
январь 1912 г.

Общий вид картины до реставрации

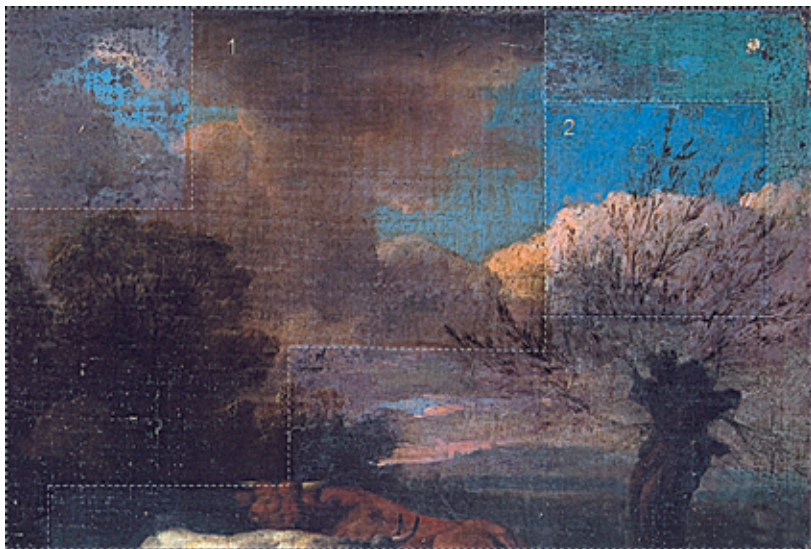

Видимая люминесценция под воздействием УФ-лучей
Общий вид в процессе реставрации

Общий вид картины в процессе утоньчения лаковой пленки
и удаления записей: 1 – контрольные участки лакового слоя
и 2 – участки поздней записи (выделены пунктиром)

Под записями открылись мелкие утраты и потертости красочного слоя.

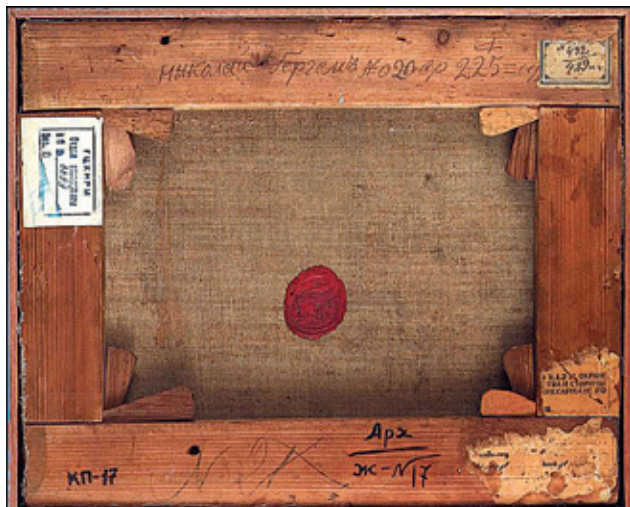
Фрагмент картины в процессе раскрытия
 1 – контрольные участки лакового слоя
 и 2 – участки поздней записи (выделены пунктиром)

Фрагмент до реставрации
 Ветки дерева были написаны
 при предыдущей реставрации.

Фрагмент после реставрации
 Поздние записи, скрывающие
 авторскую живопись удалены.

Общий вид оборота после реставрации

На обороте холста сургучная владельческая печать. На подрамнике владельческие этикетки, надписи и наклейки

Общий вид картины после реставрации

Открылось авторское изображение неба, облаков, отдельно стоящего дерева справа и крон деревьев на заднем плане.

Научное издание

Архангельское. Материалы и исследования

Выпуск 5

Русская усадьба: история, музеефикация
и изучение художественных коллекций

Под общей редакцией К. Г. Боленко

Редакционно-издательский сектор
Музея-усадьбы «Архангельское»

Заведующая сектором – Н. П. Зимарина

Редактор – Н. П. Зимарина

Дизайн – А. В. Досаев

Цветокоррекция, ретушь – А. В. Досаев

Верстка – А. В. Досаев, А. В. Лазарев

ISBN 978-5-905968-28-0

9 785905 968280

143420, г.о. Красногорск, пос. Архангельское,
Музей-усадьба «Архангельское»

